ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА

РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ III.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА

РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ III.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Иждивеніемъ книгопродавца Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи вдовы Плюшаръ съ сыномъ.

1833.

Печатано

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.
ТОМЪ III.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Г. 1169 – 1174.

Области Андрея. Набѣги Половцевъ. Возвращеніе Мстислава въ Кіевъ. Кончина сего Князя. Война Андреева съ Новымгородомъ. Миръ. Набѣгъ Половцевъ. Кончина Глѣба. Смерть вѣроломнаго Владиміра. Кіевъ отданъ Смоленскому Князю. Сайгашъ или трофеи Половецкіе. Сынъ Андреевъ въ Новѣгородѣ. Война съ Болгарами. Ссора Андрея съ Ростиславичами. Происшествія въ Галичѣ. Свойство Мстислава Храбраго. Осада Вышегорода. Коварство Черниговскаго Князя. Убіеніе Андрея. Мятежъ въ землѣ Суздальской. Ненависть къ Андрею. Свойства его. Первая ересь. Злодѣй Епископъ. Населеніе Вятки.

Андрей властвовалъ тогда въ четырехъ нынѣшнихъ Губерніяхъ: Ярославской, Костромской, Владимірской и Московской; *отчасти* въ Новогородской, Тверской, Нижегородской, Тульской и Калужской; располагалъ областію Кіевскою; повелѣвалъ Князьями Рязанскими, Муромскими, Смоленскими, Кривскими, даже Волынскими[1]; но Черниговскіе и Галицкій оставались независимы: Новгородъ такжс. Г. 1169. Области Андрея.

Мспиславъ Андреевичь, упвердивъ дядю на пресполѣ Кіевскомъ, спѣшилъ поздравить опца съ симъ важнымъ завоеваніемъ. Оспа-

Набѣгъ Половцевъ.

вленный союзниками, Глѣбъ съ безпокойспвомъ услышалъ о множеспвѣ Половцевъ, вспупившихъ въ областпь Днѣпровскую. Изъявляя миролюбіе, Послы ихъ говорили: «Мы «не хопимъ спрашипь васъ; не хопимъ и «васъ спрашиться. Присягнемъ же другъ «другу въ любви и согласіи!» Но когда Глѣбъ осыпалъ дарами Половцевъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, чпобы скорѣе удалипь опасноспь опъ двѣнадцапилѣпняго сына своєго, Владиміра, княжившаго въ Переяславлѣ: въ по самое время другія полпы сихъ варваровъ, бывшія у Корсуня, жгли и грабили церковныя села, приписанныя къ Десяпинному храму Богомапери. Глѣбъ, не имѣя гоповаго войска, хопѣлъ съ малымъ числомъ гнапься за разбойниками, копорые уже бѣжали къ спепямъ своимъ; но Берендѣи не пуспили его. «Государь Кіевскій «(сказали они) не выходипъ въ поле безъ «сильной рапи и безъ союзниковъ. У тебя «есть меньшій брапъ и мы, вѣрные слуги.» Князь Михаилъ Георгіевичь, взявъ 100 Переяславцевъ и 1500 Берендѣевъ, наспигъ Половцевъ; умерпвилъ ихъ спражу, и началъ бипву. Берендѣи и пупъ оказали усердіе: схвапили за узду коня Михаилова и говорили сему доспойному брапу Андрееву, чпо они идупъ впередъ, оспавляя его за

собою какъ твердую опору. «Враги (по словамъ Лѣтописца) превосходствовали числомъ, а наши мужествомъ: на всякое копіе Русское было десять Половецкихъ.» Знаменоносецъ Михаиловъ палъ въ рядахъ, и непріятели сорвали его хоругвь съ древка. Воевода Княжескій, напкнувъ на оное шлемъ свой, бросился впередъ и сразилъ знаменоносца непріятельскаго. Михаила ранили двумя копьями въ бедро, а тремьимъ въ руку: Князь не думалъ о своихъ ранахъ, побѣдилъ и привелъ въ Кіевъ 1500 плѣнныхъ, освободивъ великое число Русскихъ невольниковъ.

Возвращеніе Мстислава въ Кіевъ.

Еще Глѣбъ не могъ княжить спокойно. Изгнанный изъ Кіева Мстиславъ Изяславичь, гордый, воинственный подобно родителю, считалъ свое изгнаніе минутнымъ безвременьемъ и думалъ такъ же управиться съ сыновьями Долгорукаго, какъ Изяславъ II управлялся съ ихъ отцемъ. Будучи союзникомъ Ярослава Галицкаго, онъ вступилъ съ его полками въ область Дорогобужскую, чтобы наказать ея Князя, Владиміра Андреевича, ему измѣнившаго[2]. Владиміръ лежалъ на смертномъ одрѣ: города пылали, жителей тысячами отводили въ плѣнъ; въ числѣ ихъ попался въ руки непріятелю и знаменитый тысяцунъ Княжескій, Бояринъ Пукъ. Напрасно ждавъ обѣщаннаго вспоможенія отъ Глѣба, несчастный Владиміръ умеръ, и разоренная область его досталась Владиміру

Мспиславичу, споль извѣспному вѣроломспвомъ. Сей недоспойный внукъ Мономаховъ, ознаменованный спыдомъ и презрѣнiемъ, опверженный Князьями и народомъ, долго спранспвовалъ изъ земли въ землю, былъ въ Галичѣ, въ Венгрiи, въ Рязани, въ спепяхъ Половецкихъ; наконецъ прибѣгнулъ къ великодушiю своего гонителя,
г. Мспислава; вымолилъ прощенiе, и съ его
1170. согласiя вѣхалъ въ Дорогобужъ, давъ обѣпъ вдовспвующей Княгинѣ и памошнимъ Боярамъ не касапься ихъ имѣнiя. На другой же день онъ преспупилъ клящву, опнялъ у нихъ все, чпо могъ, и выгналъ гореспную невѣспку, копорая, взявъ пѣло супруга, повезла оное въ Кiевъ. Туда шелъ и Мспиславъ, усиленный дружинами Князей Городненскихъ, Туровскою и Владимiра Мспиславича; а нерадивый Глѣбъ, въ одно время свѣдавъ о кончинѣ Владимiра Андреевича и приближенiи Мспислава, опправилъ Игумена Поликарпа вспрѣпипь гробъ перваго и спѣшилъ уѣхапь въ Переяславль, ибо сомнѣвался въ вѣрноспи Кiевлянъ. Но Давидъ бодрспвовалъ въ Вышегородѣ. Къ нему привезли пѣло Дорогобужскаго Князя, оспавленное Боярами, копорые не смѣли явипься въ Кiевѣ, гдѣ они не давно злодѣйспвовали вмѣспѣ съ Суздальцами. Игуменъ Лавры, Поликарпъ, пребовалъ воиновъ у Давида, чпобы веспи за гробомъ коней Княжескихъ и держапь знамя надъ онымъ. «Мер-

«ивымъ нѣтъ нужды ни въ чести, ни въ «знаменахъ,» отвѣтствовалъ Князь: «непрія-«тель идетъ; моя дружина готовится къ «битвѣ: даю тебѣ только Игуменовъ и «Священниковъ.» Зная, что Мстиславъ уже близко и что народъ волнуется въ Кіевѣ, Давидъ не пустилъ туда гористной супруги Владиміровой, для ея безопасности; самъ выжегъ окрестности своего города, и ждалъ непріятеля.

Мстиславъ безъ сопротивленія вошелъ въ Кіевъ. Граждане столицы и Берендѣи встрѣтили его какъ друга: первые искренно, вторые лицемѣрно, доброхотствуя Глѣбу. Не теряя времени, Мстиславъ приступилъ къ Вышегороду; сталъ предъ Златыми вратами, въ садахъ; бился съ утра до вечера, не жалѣя крови; хотѣлъ непремѣнно взять крѣпость. Но союзники измѣнили ему. Воевода Галицкій объявилъ мнимое повелѣніе своего Князя щадить людей и не стоять долго подъ Вышегородомъ. Другіе также охладѣли въ усердіи; а Берендѣи и Торки начали коварствовать явно. Видя ежедневно уменьшеніе войска, силу непріятеля, и слыша, что Глѣбъ идетъ съ Половцами къ Кіеву, Мстиславъ снялъ осаду; удалился въ Волынію съ горестію, однакожъ не безъ надежды быть впредь счастливѣе. Онъ дѣйствительно не замедлилъ снова ополчить-ся, узнавъ, что его племянникъ, Василько Ярополковичь, разбитый Половцами, пѣс-

нимый въ Михайловѣ (близъ Кіева), и принужденный искать мира, выѣхалъ въ Черниговъ къ Святославу Всеволодовичу (дѣду своему по матери); что Глѣбъ и Давидъ съ братьями разрушили до основанія городокъ Михайловъ, истребляя всѣ памятники Мстиславова княженія въ странахъ Днѣпровскихъ. Но внезапная болѣзнь обезоружила сего Князя. Предчувствуя близкую смерть, онъ поручилъ сыновей брату Ярославу, взялъ съ него клятву не касаться ихъ Удѣловъ, и преставился въ Владимірѣ съ именемъ Властителя умнаго, бодраго. Лѣтописцы Польскіе, согласно съ нашими, называютъ Мстиславову жену дочерью Болеслава Кривоустаго.

Кончина Мстислава.

Россія сѣверная въ то же время была ѳеатромъ важнаго происшествія. Могущественный Андрей, покоривъ древнюю южную столицу Государства, думалъ смирить Новогородцевъ и превожилъ ихъ чиновниковъ, которые ѣздили собирать подати за Онегою. Первыя непріятельскія дѣйствія еще болѣе возгордили сихъ надменныхъ друзей вольности: они съ малымъ числомъ разбили на Бѣлѣозерѣ сильный отрядъ Суздальскій и взяли дань съ Андреевой области. Тогда Великій Князь рѣшился однимъ ударомъ сразить ихъ гордыню. Князья Смоленскій, Рязанскій, Муромскій, Полоцкій, вторично соединили свои дружины съ его многочисленными полками. Душа Андреева, охлажденная

Война Андрея съ Новымгородомъ.

лѣпами, уже не пылала воинскимъ славолюбіемъ: онъ не хотѣлъ самъ предводительствовать ратію, и въ надеждѣ на счастіе или мужество сына своего, Мстислава, снова ввѣрилъ ему начальство[3]. Вся Россія съ любопытствомъ ожидала слѣдствій предпріятія грознаго, справедливаго по мнѣнію современниковъ безпристрастныхъ. «Правда» (говорили они) «что Ярославъ Великій, же-
«лая изъявить Новогородцамъ вѣчную бла-
«годарность за ихъ усердіе, даровалъ имъ
«свободу *избирать* себѣ Князей изъ его до-
«стойнѣйшихъ потомковъ; но сей Князь без-
«смертный предвидѣлъ ли всѣ злоупотребле-
«нія свободы? предвидѣлъ ли, что народъ,
«упоенный самовластіемъ, будетъ ругаться
«надъ священнымъ саномъ Государей, вну-
«ковъ и правнуковъ своего незабвеннаго бла-
«готворителя; будетъ давать клятву съ
«намѣреніемъ преступить оную; будетъ
«заключать Князей въ темницу, изгонять
«ихъ съ безчестіемъ? Злоупотребленіе уни-
«чтожаетъ право, и Великій Князь Андрей
«былъ избранъ Небомъ для наказанія вѣро-
«ломныхъ[4]». Читая въ лѣтописяхъ такія разсужденія, можемъ заключить, что современники желали успѣха Андрею: одни по уваженію и любви къ достоинству Князей Россійскихъ, уничижаемыхъ тогда Новогородцами; другіе, можетъ быть, опъ зависти къ избытку и благосостоянію сего народа торговаго. Паденіе Кіева предвѣщало

гибель и Новогородской независимости: шло поже войско; потъ же Мстиславъ велъ оное. Но Кіевляне, пріученные мѣнять Государей и жертвовать побѣдителю побѣжденнымъ, сражались только за честь Князя; а Новогородцы за права собственныя, за уставы отцевъ, которые бываютъ не всегда мудры, но всегда священны для народа.

Вмѣсто того, чтобы грозить казнію однимъ главнымъ виновникамъ послѣдняго мятежа (ибо цѣлый народъ никогда самъ собою не дѣйствуетъ) или врагамъ изгнанаго Святослава, за коего Великій Князь вступался: Мстиславъ Андреевичь въ области Новогородской жегъ села, убивалъ земледѣльцевъ, бралъ женъ и дѣтей въ рабство. Слухъ о такихъ злодѣйствахъ, вопль, отчаяніе невинныхъ жертвъ воспламенили кровь Новогородцевъ. Юный Князь ихъ, Романъ Мстиславичь, и Посадникъ Якунъ взяли всѣ нужныя мѣры для защиты[8]: укрѣпили городъ тыномъ; вооружили множество людей. Непріятели, на прехъ стахъ верстахъ оставивъ за собою одинъ пепелъ и трупы, обступили Новгородъ, требуя,
Февр. 25. чтобы мятежники сдались. Нѣсколько разъ съ обѣихъ сторонъ съѣзжались чиновники для переговоровъ и не могли согласиться; въ четвертый день началася битва, кровопролитная, ужасная. Новогородцы напоминали другъ другу о судьбѣ Кіева, опу-

спошеннаго союзнымъ войскомъ: о церквахъ разграбленныхъ, о святыняхъ и древностяхъ похищенныхъ; клялися умереть за вольность, за храмъ Софіи, и бились съ ослѣпленіемъ. Архіепископъ Іоаннъ, провождаемый всѣмъ Клиросомъ, вынесъ икону Богоматери и поставилъ на внѣшнемъ деревянномъ укрѣпленіи или острогѣ: Игумены, Іереи пѣли святыя пѣсни; народъ молился со слезами, громогласно восклицая: *Господи помилуй!* Стрѣлы сыпались градомъ: разсказываютъ, что одна изъ нихъ, пущенная воиномъ Суздальскимъ, ударилась въ икону; что сія икона въ то же мгновеніе обратилась лицемъ къ городу; что слезы капали съ образа на ѳелонъ Архіепископа, и что гнѣвъ Небесный навелъ внезапный ужасъ на полки осаждающихъ. Новогородцы одержали блестящую, совершенную побѣду, и приписавъ оную чудесному заступленію Маріи, уставили ежегодно торжествовать ей 27 Ноября праздникъ благодарности[6]. Чувство живой Вѣры, возбужденное общимъ умиленіемъ, святыми церковными обрядами и ревностнымъ содѣйствіемъ Духовенства, могло весьма естественнымъ образомъ произвести сіе чудо, то есть, вселить въ сердца мужество, которое, изумляя врага, одолѣваетъ его силу. Новогородцы видѣли въ Андреевыхъ воинахъ не только своихъ злодѣевъ, но и святотатцевъ богопротивныхъ: мысль, что за насъ Небо, дѣлаетъ

храбраго еще храбрѣе. Побѣдители, умертвивъ множество непріятелей, взяли сполько плѣнныхъ, что *за гривну отдавали десять Суздальцевъ* (какъ сказано въ Новогородской лѣтописи), болѣе въ знакъ презрѣнія, нежели онъ нужды въ деньгахъ. — Бѣгущій Мстиславъ былъ наказанъ за свою люпость: воины его на возвратномъ пути не находили хлѣба въ мѣстахъ опустошенныхъ ими, умирали съ голода, отъ болѣзней, и древній Лѣтописецъ говоритъ съ ужасомъ, что они тогда, въ *Великій постъ*, ѣли *мясо* коней своихъ.

Казалось, что Новогородцы, споль озлобленные Боголюбскимъ, долженствовали навѣки остаться его врагами; но (къ удивленію современниковъ), чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ изгнавъ Князя своего, Романа, они во-
Миръ. шли въ дружелюбное сношеніе съ Андреемъ: ибо терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ и другихъ вещахъ необходимыхъ, получаемыхъ ими изъ сосѣдственныхъ областей Россійскихъ. Четверть ржи стоила тогда въ Новѣгородѣ около рубля сорока-пирехъ копѣекъ нынѣшними серебряными деньгами[7]. Довольные славою одержанной побѣды, не желая новыхъ бѣдствій войны и щадя народъ, чиновники, Архіепископъ, люди нарочитые предложили миръ Боголюбскому, по тогдашнему выраженію, *на всей волѣ своей*, то есть, не уступая правъ Новогородскихъ: Великій Князь принялъ оный,

съ тѣмъ условіемъ, чтобы, вмѣсто умершаго Святослава, княжилъ въ Новѣгородѣ братъ его, Рюрикъ Ростиславичь, который господствовалъ въ Овручѣ, не хотѣлъ перемѣны, и единственно въ угодность Андрею выѣхавъ оттуда, приказалъ сей Удѣлъ Волынскій брату Давиду. Августа 8.

Сѣверныя области успокоились: въ южныхъ снова свирѣпствовали Половцы, которые на сей разъ пришли изъ за-рѣки Буга, отъ береговъ Чернаго моря. Глѣбъ Кіевскій, отягченный болѣзнію, не могъ защитить бѣдныхъ земледѣльцевъ; но храбрый Михаилъ и юный братъ его, Всеволодъ Георгіевичь, съ Торками и Берендѣями разбили хищниковъ. Воевода Михаиловъ, Володиславъ, далъ Князю совѣтъ умертвивить плѣнныхъ: ибо другія толпы непріятелей были еще впереди. Сія жестокость казалась тогда спасительною мѣрою безопасности. Набѣгъ Половцевъ.

Освободивъ 400 Россіянъ, сыновья Георгіевы возвратились оплакать кончину Глѣба, благонравнаго (по сказанію Лѣтописцевъ), вѣрнаго въ словѣ и милосердаго[8]. Кончина Глѣба.

Еще Андрей не имѣлъ времени назначить преемника Глѣбова, когда Ростиславичи, Давидъ и Мстиславъ, послали въ Волынію за дядею своимъ, Владиміромъ Дорогобужскимъ, желая, чтобы онъ, какъ старшій въ родѣ Мономаховомъ, господствовалъ въ Кіевѣ, или въ самомъ дѣлѣ зависѣлъ отъ нихъ, господствуя только именемъ. Будучи союзникомъ

г. Ярослава Луцкаго и сыновей его брата, Вла-
1171, димiръ, не сказавъ имъ ни слова, уѣхалъ изъ
Февр. 15. Дорогобужа, и былъ возведенъ племянника-
ми на Кіевскій престолъ, къ неудовольствію граждан̀ъ и Боголюбскаго, котораго хотя унизилъ сію столицу, однакожъ думалъ, что Князь, славный только вѣроломствомъ, не достоинъ именоваться наслѣдникомъ ея древнихъ Самодержцевъ[9]. Досадуя внутренно и на Ростиславичей, самовольно призвавшихъ
10 дядю, Андрей велѣлъ ему немедленно выѣ-
Маія. хать изъ Кіева; но Владиміръ, княживъ ме-
Смер. нѣе трехъ мѣсяцевъ, умеръ, памятный кри-
вѣро- водушіемъ и всѣми презираемый: ибо не
ломнаго имѣлъ блестящихъ свойствъ, смѣлости и
Влади- мужества, коими другіе Князья, столь ча-
міра. сто ему подобные въ вѣроломствѣ, закра-
шивали свои преступленія. Тогда Андрей, соединяя честолюбіе съ благородным̀ъ без-
корыстіемъ, и какъ бы желая великодуш̀і-
емъ устыдить Ростиславичей, объявилъ
имъ, что они, давъ слово быть ему по-
слушными какъ второму отцу, имѣютъ
право ждать отъ него милости, и что онъ
Кіевъ отданъ Смоленскому Князю. Іюль. успупаетъ Кіевъ брату ихъ, Роману Смолен-
скому. Довольный сею особенною благосклон-
ностію Великаго Князя, Романъ поручилъ Смоленскъ сыну Ярополку и въѣхалъ въ сто-
лицу Кіевскую при изъявленіяхъ всеобщей
радости жителей, любивших̀ъ въ немъ до-
бродѣтели отца его: справедливость и не-
злобіе. Онъ торжествовалъ вмѣстѣ и свое

восшествіе на пресполъ и побѣду, одержанную Игоремъ Святославичемъ Сѣверскимъ (близъ урочища Олпавы и рѣки Ворсклы) надъ Кобякомъ и Кончакомъ, Ханами Половецкими. Юный Игорь самъ вручилъ ему *сайгатъ* или профеи, въ знакъ уваженія; былъ одаренъ Ростиславичами и весело праздновалъ съ ними въ Вышегородѣ день Святыхъ Бориса и Глѣба[10].

Сайгапъ или профеи Половецкіе.

Не уважая Кіева, Андрей старался подчинить себѣ Новгородъ, уже не силою, но дружбою и справедливостію. Рюрикъ не долго былъ тамъ Княземъ: выгнавъ Посадника Ярослава (ушедшаго къ Боголюбскому), онъ не могъ жить съ гражданами въ мирѣ, и скоро уѣхалъ къ братьямъ. На его мѣсто Андрей съ удовольствіемъ далъ Новогородцамъ юнаго сына своего, Георгія, и самъ рѣшилъ ихъ важнѣйшія дѣла гражданскія, по коимъ Архіепископъ Іоаннъ ѣздилъ на совѣтъ къ нему въ Владиміръ. Народъ, въ угодность Великому Князю, снова призналъ Ярослава главнымъ своимъ чиновникомъ; а Великій Князь, въ угодность народу, согласился чрезъ годъ на избраніе другаго Посадника.

Сынъ Андреевъ въ Новѣгородѣ.

Въ то время Андрей имѣлъ опять войну съ Болгарами, желая ли отмстить имъ за какія обиды, или обогатиться добычею въ странѣ торговой. Рязанцы и Муромцы соединились съ его сыномъ, Мстиславомъ, на

Война съ Болгарами.

устьѣ Оки и зимою пришли къ берегамъ

Камы, но въ маломъ числѣ: ибо люди опбывали опъ зимняго похода, пруднаго въ мѣспахъ большею частію ненаселенныхъ, гдѣ лежашъ глубокіе снѣга и часпо свирѣпспвуюпъ мяпели. Главный Воевода Андреевъ, Борисъ Жидиславичь, взявъ шесть Болгарскихъ деревень и седьмый городокъ, умерпвивъ жипелей, плѣнивъ женъ и дѣпей, совѣповалъ Князьямъ иппи назадъ. 6000 Болгаровъ гнались за ними и едва не наспигли Мспислава близъ границы, верспахъ въ 20 опъ успья Оки. Сей Князь, возвращась въ сполицу, кончилъ жизнь въ юноспи. Пользуясь довѣренноспію опца въ дѣлахъ рапныхъ, онъ безъ сомнѣнія опличался мужесповомъ.

Ссора Андрея съ Ростиславичами.

Гореспный Андрей, оплакивая смерпь доспойнаго сына, не перялъ бодроспи въ дѣлахъ государспвенныхъ, ни власполюбія. Вѣроятно, чпо Рюрикъ, принужденный опказаться опъ Новагорода, винилъ въ помъ не одну спроппивоспь его жипелей, но и хипроспь Великаго Князя, споль охопно взявшаго на себя быпь ихъ Главою. Вѣроятно, чпо и Великій Князь, извѣдавъ гордоспь Роспислaвичей, въ особенноспи Давида и Мспислава, искалъ случая унизипь оную безъ явнаго нарушенія справедливоспи. По крайней мѣрѣ счаспливое согласіе между ими не продолжалось. Вѣря, искренно или припворно, какому-по ложному внушенію, Андрей далъ знапь Роспислaвичамъ,

что Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ не естественною смертію, и что тайнымъ убійцею его былъ Вельможа Григорій Хоповичь, коего они, вмѣстѣ съ другими участниками сего злодѣянія, должны прислать къ нему въ Владиміръ для казни[11]. Романъ не сдѣлалъ того изъ жалости къ людямъ невиннымъ, безсовѣстно оклеветаннымъ; а гнѣвный Андрей, велѣвъ Ростиславичамъ выѣхать изъ областей южныхъ, отдалъ Кіевъ храброму Михаилу, княжившему въ Торческѣ. Тихій Романъ не спорилъ и возвратился въ Смоленскъ; но его братья, Рюрикъ, Давидъ, Мстиславъ, жаловались на сію несправедливость, и видя, что Великій Князь презираетъ ихъ жало- Г.
бы, вступили ночью въ Кіевъ, захватили 1173.
тамъ Всеволода Георгіевича вмѣстѣ съ племянникомъ Андреевымъ, Ярополкомъ[12]; осадили Михаила въ Торческѣ, и заключили съ нимъ особенный миръ, уступивъ ему Переяславль, а себѣ взявъ столицу Кіевскую, гдѣ Рюрикъ, возведенный братьями на ея престолъ, хотѣлъ господствовать независимо отъ Андрея.

Въ сіе время жилъ у Михаила юный Князь Галицкій, Владиміръ Ярославичь, сынъ его сестры, Ольги Георгіевны. Ярославъ, имѣя слабость къ одной злонравной женщинѣ, именемъ Анастасіи, не любилъ супруги, и такъ грубо обходился съ нею, что она рѣшилась бѣжать съ сыномъ въ Польшу. Многіе Бояре Галицкіе, доброхотствуя имъ, дерзнули на явный бунтъ: вооружили на- Происшествія въ Галичѣ.

родъ, умерпвили нѣкопорыхъ любимцевъ Княжескихъ, сожгли Анаспасію, започили ея сына и невольно примирили Ярослава съ супругою. Миръ, вынужденный угрозами и злодѣйспвомъ, не могъ быпь искреннимъ: усмиривъ или обуздавъ мяпежныхъ Бояръ, Ярославъ новыми знаками ненависпи къ Княгинѣ Ольгѣ и къ Владиміру заспавилъ ихъ впорично уйпи изъ Галича. Владиміръ искалъ покровипельспва Ярослава Изяславича Луцкаго и его племянниковъ, обѣщавъ имъ со временемъ возвращипь Волынскіе города, Бужскъ и другіе; но Князь Галицкій пребовалъ, чпобы они выдали ему сего несчаспнаго, и грозился опуспошипь пламенемъ всю обласпь Луцкую[13]. Тогда Владиміръ прибѣгнулъ къ своему дядѣ, Михаилу; а Михаилъ, не пуспивъ его ни къ Свяпославу Черниговскому (песпю Владимірову), ни къ Андрею, велѣлъ ему, въ угодноспь Роспиславичамъ, друзьямъ Князя Галицкаго, возвращипься къ опцу, гоповому проспипь сына. За по Рюрикъ освободилъ Всеволода Георгіевича, удержавъ одного Ярополка плѣнникомъ въ Кіевѣ: ибо Роспиславичи, предвидя неминуемую войну съ Андреемъ, хопѣли имѣпь важнаго аманапа въ рукахъ своихъ. Брапъ Ярополковъ, высланный ими изъ Триполя, долженъ былъ уѣхапь въ Черниговъ[14].

Свяпославъ Черниговскій и всѣ Олеговы внуки радовались междоусобію Мономахова попомсппва. «Не уже ли не вспупишься за

«честь свою!» говорили ихъ Послы Великому Князю: «враги твои суть наши; мы «всѣ готовы къ войнѣ.» Андрей, еще болѣе подвигнутый ими на злобу, отправилъ Княжескаго Мечника, именемъ Михна, сказать Ростиславичамъ: «Вы мятежники. Область «Кіевская есть мое достояніе. Да удалится «Рюрикъ въ Смоленскъ къ брату, а Давидъ «въ Берладъ: не хочу терпѣть его въ зем- «лѣ Русской, ни Мстислава, главнаго винов- «ника злу.» Сей послѣдній, какъ пишутъ современники, навыкъ отъ юности не бояться никого, кромѣ Бога единаго[15]. Въ пылкой досадѣ онъ велѣлъ остричь голову и бороду Послу Андрееву. «Теперь иди къ «своему Князю,» сказалъ Мстиславъ: «повтори ему слова мои: доселѣ мы уважали «тебя какъ отца; но когда ты не устыдился говорить съ нами, какъ съ твоими «*подручниками* и людьми простыми, забывъ «нашъ Княжескій санъ, то не спрашимся «угрозъ; исполни оныя: идемъ на судъ Бо- «жій.» Свѣдавъ безчестіе своего Посла и сей гордый отвѣтъ, Андрей, по выраженію Лѣтописца, омрачился гнѣвомъ, и собравъ 50,000 воиновъ Суздальскихъ, Бѣлозерскихъ, Новогородскихъ, Муромскихъ, Рязанскихъ, вручилъ предводительство юному Георгію Новогородскому, тогда уже единственному его сыну, и Вельможѣ Борису Жидиславичу. Онъ велѣлъ имъ изгнать Рюрика съ Давидомъ, а дерзкаго Мстислава привести въ

Свойство Мстислава Храбраго.

Владиміръ. Рапь, сполъ многочисленная, была еще усилена дружинами всѣхъ иныхъ Князей, подчиненныхъ Андрею: Кривскихъ или Полоцкихъ, Туровскаго, Городненскаго, Пинскаго, даже и Смоленскаго: ибо Романъ не смѣлъ ослушаться Великаго Князя, сколь ни любилъ братьевъ. Всѣ полки соединились въ Черниговской области, и старшій изъ Князей, Святославъ, внукъ Олеговъ, принялъ главное начальство. Михаилъ и Всеволодъ Георгіевичи, вмѣстѣ съ тремя племянниками, встрѣтили ихъ на берегу Днѣпра. Они вступили въ Кіевъ безъ сопротивленія: ибо Рюрикъ удалился отттуда въ Бѣлгородъ, а Мстиславъ съ Давидовымъ полкомъ заключился въ Вышегородѣ; самъ же Давидъ уѣхалъ въ Галичь требовать вспоможенія отъ Ярослава Владиміpковича. Взявъ съ собою еще множество Кіевлянъ, Берендѣевъ, Торковъ, Святославъ Черниговскій и болѣе двадцати Князей осадили Вышегородъ. Шумный необозримый станъ ихъ былъ предметомъ удивленія для жителей Днѣпровскихъ. Ничтожная крѣпость, обороняемая горстію людей, казалась цѣлію недостойною такого великаго ополченія, которое могло бы разрушить или завоевать сильную Державу; но въ сей ничтожной крѣпости бодрствовалъ Герой, а въ станѣ осаждающихъ не доставало ни усердія, ни согласія. Одни Князья не любили самовластія Андреева, другіе коварства Святославова; нѣкоторые тайно доброжела-

Осада Вышегорода.

тельствовали Роспиславичамъ. Спояли девять недѣль, опъ 8 Сентября до самой глубокой осени; бились ежедневно, съ объихъ сторонъ теряя не мало людей. Вдругъ показались вдали знамена: Мспиславъ ожидалъ Галичанъ; но пришелъ Ярославъ Изяславичь Луцкій, также союзникъ Андреевъ. Сей Князь рѣшилъ судьбу осады. Думая только о собственной пользѣ, онъ хотѣлъ столицы Кіевской; узнавъ же, что Ольговичи намѣрены присвоить оную себѣ, вступилъ въ тайные переговоры съ Рюрикомъ и Мспиславомъ, которые охотно согласились на всѣ его требованія. Когда же Ярославъ явно взялъ ихъ сторону и съ полками своими двинулся къ Бѣлугороду, чтобы соединиться съ Рюрикомъ, станъ осаждающихъ представилъ зрѣлище удивительной тревоги и наконецъ всеобщаго бѣгства. Не слушая ни Воеводъ, ни Князей, малодушные вопили: «мы гибнемъ! Ярославъ измѣнилъ, «Берендѣи измѣнятъ, Галичане идутъ; будемъ окружены, побиты на голову!» и ночью бросались толпами въ рѣку. Герой Мспиславъ стоялъ на стѣнѣ: при свѣтѣ утренней зари видя сіе непоняшное бѣгство войска многочисленнаго, какъ бы сверхъестественною силою гонимаго; низвергаемаго во глубину Днѣпра, онъ едва вѣрилъ глазамъ — поднялъ руки къ небу; восхвалилъ святыхъ заступниковъ Вышегорода, Бориса и Глѣба; сѣлъ на коня и спѣшилъ довер-

шипь ударъ; пошелъ, плѣнялъ людей; взялъ станъ непріятельскій, обозы — и съ того времени считался храбрѣйшимъ изъ Князей Россійскихъ. Лѣтописцы, осуждая надменность Андрея и союзъ его съ Ольговичами, ненавистниками Мономаховой крови, превозносятъ хвалами Мстислава, ознаменованнаго чудеснымъ покровительствомъ Неба въ ратоборствѣ съ сильными.

Ярославъ Луцкій въѣхалъ въ Кіевъ, а сынъ Андреевъ возвратился въ Суздальскій Владиміръ съ неописаннымъ стыдомъ, безъ сомнѣнія весьма чувствительнымъ для отца; но умѣя повелѣвать движеніями своей души, Андрей не изъявилъ ни горести, ни досады, и снесъ уничиженіе съ кротостію Христіанина, приписывая оное, можетъ быть — равно какъ и бѣдственную осаду Новагорода — гнѣву Божію на Суздальцевъ за опустошеніе святыхъ церквей Кіевскихъ въ 1169 году. Сія мысль смирила, кажется, его гордость. Онъ не хотѣлъ упорствовать въ злобѣ на Ростиславичей, не думалъ мстить Ярославу за измѣну и не мѣшалъ ему спокойно властвовать въ Кіевѣ, къ прискорбію Святослава Черниговскаго, коего искусство государственное состояло въ томъ, чтобы ссорить Мономаховыхъ потомковъ.

Г. 1174. Коварство Черниговскаго Князя.

Сей Князь, не имѣя надежды вооружить Андрея, началъ требовать Удѣла отъ Ярослава, говоря: «Ты обѣщалъ подъ Вышегородомъ дать мнѣ область, когда сядешь

«на пресполѣ Святаго Владиміра; нынѣ, «сидя на ономъ — право *ли*, *криво* ли, не «знаю, — исполни обѣщаніе. У насъ одни «предки: я не *Ляхъ*, не Угринъ.» Ярославъ сухо отвѣтствовалъ, что онъ господствуетъ въ Кіевѣ не по милости Ольговичей, и что родъ ихъ долженъ искать Удѣловъ только на лѣвомъ берегу Днѣпра. Князь Черниговскій замолчалъ; но въ тишинѣ собралъ войско, внезапно изгналъ Ярослава, плѣнилъ его жену, сына, Бояръ, и ограбивъ дворецъ, ушелъ назадъ. Кіевляне оставались равнодушными зрителями сего разбоя, въ ожиданіи, кто захочетъ быть ихъ Княземъ. Ярославъ возвратился; и думая, что они сами тайно призвали Святослава, обложилъ данію всѣхъ гражданъ, даже Поповъ, Монаховъ, иноземныхъ купцевъ, Католиковъ[16]. «Мнѣ надобно серебро, чтобы «выкупить жену и сына,» говорилъ озлобленный Князь, и наказавъ Кіевлянъ, виновныхъ единственно своею къ нему холодностію, заключилъ миръ съ Святославомъ, который жегъ тогда область брата, Олега Сѣверскаго.

Сей миръ казался Ростиславичамъ малодушіемъ, а тягостная дань, возложенная на Кіевъ, несправедливостію. Огорченные Андреемъ, но внутренно уважая въ немъ старѣйшаго изъ Князей, достойнаго быть ихъ Главою, они изъявили ему желаніе забыть прошедшее и взаимнымъ искреннимъ

согласіемъ успокоить южную Россію: для того хотѣли, чтобы Великій Князь, какъ ея законный покровитель, снова уступилъ Кіевъ Роману Смоленскому, и брали на себя выслать оттуда Ярослава, нелюбимаго народомъ и неспособнаго блюсти древнюю столицу Государства. Андрей, довольный ихъ уваженіемъ, обѣщалъ посовѣтоваться съ братьями, Михаиломъ, Всеволодомъ; писалъ къ нимъ въ Торческъ, и не дождался отвѣта, кончивъ жизнь отъ руки своихъ любимцевъ.

Убіеніе Андрея.

Великій Князь, женатый — по извѣстію новѣйшихъ Лѣтописцевъ[17] — на дочери убіеннаго Боярина Кучка, осыпалъ милостями ея братьевъ. Одинъ изъ нихъ приличился въ какомъ-то злодѣйствѣ, и заслужилъ казнь. Другой, именемъ Іоакимъ, возненавидѣлъ Государя и благотворителя за сіе похвальное дѣйствіе правосудія; внушалъ друзьямъ своимъ, что имъ будетъ со временемъ такая же участь; что надобно умереть или умертвить Князя, ожесточеннаго старостію; что безопасность есть законъ каждаго, а мщеніе должность[18]. Двадцать человѣкъ вступили въ заговоръ. Никто изъ нихъ не былъ лично оскорбленъ Княземъ; многіе пользовались его довѣренностію: зять Іоакимовъ, Вельможа Петръ (у коего въ домѣ собирались заговорщики), Ключникъ Анбалъ Ясинъ, чиновникъ Ефремъ Моизовичь. Въ глубокую полночь они пришли ко

29. Іюня.

дворцу въ Боголюбовѣ (нынѣ селѣ въ 11 верспахъ опъ Владиміра), ободрили себя виномъ и крѣпкимъ медомъ въ Княжескомъ погребѣ, зарѣзали спражей, вломились въ сѣни, въ горницы, и кликали Андрея. Съ нимъ находился одинъ изъ его Опроковъ. Услышавъ голосъ Великаго Князя, злодѣи опбили дверь *ложницы* или спальни. Андрей напрасно искалъ меча своего, пайно унесеннаго Ключникомъ Анбаломъ: сей мечь принадлежалъ нѣкогда Святому Борису[19]. Два человѣка бросились на Государя: сильнымъ ударомъ онъ сшибъ перваго съ ногъ, и поварищи въ темнопѣ умерпвили его вмѣспо Князя. Андрей долго боролся; уязвляемый мечами и саблями, говорилъ извергамъ: «зачпо проливаепе кровь мою? «рука Всевышняго казнитъ убійцъ и небла- «годарныхъ!» . . . . наконецъ упалъ на землю. Въ спрахѣ, въ замѣшапельспвѣ, они схвапили пѣло своего товарища и спѣшили удалипься. Андрей въ безпамяпспвѣ вскочилъ, бѣжалъ за ними, громко спеная. Убійцы возвращпились; зажгли свѣчу, и слѣдомъ крови Андреевой дошли въ сѣняхъ до сполпа лѣсницы, за коимъ сидѣлъ несчасппный Князь. Пепръ отрубилъ ему правую руку; другіе вонзили мечи въ сердце: Андрей успѣлъ сказапь: «Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой!» и скончался.

Умерпвивъ еще перваго любимца Княжескаго, Прокопія, заговорщики овладѣли каз-

ною государственною, золотомъ, драгоцѣнными каменьями; вооружили многихъ Дворянъ[20], пріятелей, слугъ, и послали объявить Владимірской дружинѣ или тамошнимъ Боярамъ о смерти Великаго Князя, называя ихъ своими единомышленниками. «Нѣтъ,» отвѣтствовали Владимірцы: «мы не были «и не будемъ участниками вашего дѣла.» Но граждане Боголюбскіе взяли сторону убійцъ; расхитили дворецъ, серебро, богатыя одежды, ткани. — Тѣло Андреево лежало въ огородѣ: Кіевлянинъ, именемъ Козма, усердный слуга несчастнаго Государя, стоялъ надъ онымъ и плакалъ. Видя Ключника Анбала, онъ требовалъ ковра, чтобы прикрыть обнаженный трупъ. Анбалъ отвѣчалъ: «мы готовимъ его на снѣденіе псамъ.» *Извергъ!* сказалъ сей добродушный слуга: *Государь взялъ тебя въ рубищѣ, а нынѣ ты ходишь въ бархатѣ, оставляя мертваго благодѣтеля безъ покрова.* Ключникъ бросилъ ему коверъ и мантію. Козма отнесъ тѣло въ церковь, гдѣ крилошане долго не хотѣли отпереть дверей: на третій день отпѣли его и вложили въ каменный гробъ. Чрезъ шесть дней Владимірскій Игуменъ Ѳеодулъ привезъ оное въ Владиміръ и погребъ въ Златоверхомъ храмѣ Богоматери.

Неустройство, смятеніе господствовали въ областяхъ Суздальскихъ. Народъ, какъ бы обрадованный убіеніемъ Государя, вездѣ

грабилъ домы Посадниковъ и Тіуновъ, Опроковъ и Мечниковъ Княжескихъ; умерп- Мя-
вилъ множество чиновниковъ, предавался всякаго рода неисповсству, такъ, что Духовенство, желая возстановить тишину, прибѣгнуло наконецъ къ священнымъ обрядамъ: Игумены, Іереи, облаченные въ ризы, ходили съ образами по улицамъ, моля Всевышняго, чтобы Онъ укротилъ мятежъ. Владимірцы оплакивали Андрея, но не думали о наказаніи злодѣйства, и гнусные убійцы торжествовали. тежъ въ землѣ Суздальской.

Однимъ словомъ, казалось, что Государство освободилось отъ тирана: Андрей же, нѣкогда вообще любимый, по сказанію Лѣтописцевъ, былъ не только набоженъ, но и благотворителенъ; щедръ не только для Духовныхъ, но и для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ: слуги его обыкновенно развозили по улицамъ и темницамъ медъ и брашна стола Княжескаго. Но въ самыхъ упрекахъ, дѣлаемыхъ Лѣтописцами народу легкомысленному, неблагодарному, мы находимъ объясненіе на сію странность: *вы не разсудили* (говорятъ они современникамъ), *что Царь, самый добрый и мудрый, не въ силахъ искоренить зла человѣческаго; что гдѣ законъ, тамъ и многія обиды.* Слѣдственно общее неудовольствіе происходило отъ худаго исполненія законовъ или отъ несправедливости судей: сколь нужно вѣдать Государю, что онъ не можетъ быть любимъ безъ спро- Ненависть къ Андрею.

гаго, бдительнаго правосудія; что народъ за хищность судей и чиновниковъ ненавидитъ Царя, самаго добродушнаго и милосердаго! Убійцы Андреевы знали сію ненависть, и дерзнули на злодѣяніе.

Свойства его.

Впрочемъ Боголюбскій, мужественный, презвый и прозванный за его умъ *вторымъ Соломономъ*, былъ конечно однимъ изъ мудрѣйшихъ Князей Россійскихъ въ разсужденіи Политики, или той науки, которая утверждаетъ могущество государственное. Онъ явно стремился къ спасительному Единовластію, и могъ бы скорѣе достигнуть своей цѣли, если бы жилъ въ Кіевѣ, унялъ Донскихъ хищниковъ, и водворилъ спокойствіе въ мѣстахъ облагодѣтельствованныхъ Природою, издавна обогащаемыхъ торговлею и способнѣйшихъ къ гражданскому образованію. Господствуя на берегахъ Днѣпра, Андрей тѣмъ удобнѣе подчинилъ бы себѣ знаменитые сосѣдственные Удѣлы: Черниговъ, Волынію, Галичь; но ослѣпленный пристрастіемъ къ сѣверо-восточному краю, онъ хотѣлъ лучше основать тамъ *новое* сильное Государство, нежели возстановить могущество *древняго* на Югѣ[21].

Лѣтописцы всего болѣе хваляпъ Андрея за обращеніе многихъ Болгаровъ и Евреевъ въ Христіанскую Вѣру, за его усердіе къ церквамъ и монастырямъ, за уваженіе и любовь къ сану Духовныхъ. Подражая Святому Князю, крестившему Россію, онъ на-

дѣлилъ въ Владимірѣ новую *Епископскую* Соборную церковь Богомапери (имъ въ 1158 году заложенную) помѣспьями и купленными слободами[22]; опдалъ ей пакже десяпую часпь изъ порговыхъ доходовъ своихъ и Княжескихъ спадъ; призвалъ художниковъ изъ разныхъ земель, чпобы украспить оную великолѣпно; и драгоцѣнные сосуды ея, златыя двери, паникадила, серебряный амвонъ, живопись, богапые оклады иконъ, осыпанныхъ жемчугомъ, были погда предмепомъ удивленія для Россіянъ и купцевъ иноспранныхъ. Въ семъ новомъ Десяпинномъ храмѣ споялъ Палладіумъ Великаго Княженія Суздальскаго: образъ Богомапери, съ коимъ Андрей прибылъ изъ Вышегорода на берега Клязьмы и побѣдилъ въ 1164 году Болгаровъ. Не менѣе славилась великолѣпіемъ церковь Боголюбская, украшенная золопомъ и финифпью. Такую же хопѣлъ Андрей соорудипь и въ Кіевѣ, на *Дворѣ Ярослава* — въ памяпь, какъ говорилъ онъ, древнему опечеспву его предковъ; уже опправилъ пуда зодчихъ, спроившихъ Владимірскія Златыя врапа, но не успѣлъ исполнипь своего набожнаго обѣпа. Въ нѣкопорыхъ лѣтописяхъ сказано, чпо сей Великій Князь думалъ учредипь Мипрополію въ Владимірѣ, но чпо Папріархъ Цареградскій опказалъ ему въ помъ, желая оспавипь Кіевскаго Мипрополипа единспвеннымъ въ Россіи.

Со временъ Владиміра Свяпаго до Георгія Долгорукаго миръ и пишина царспвовали въ нѣдрахъ Россійской благословенной Церкви. При Изяславѣ II сей миръ былъ нарушенъ несогласіемъ Епископовъ о посвященіи Мипрополипа Климепта: при Великомъ же Князѣ Боголюбскомъ опкрылась первая ересь въ пашемъ опечеспвѣ, важная по мнѣнію шогдашнихъ Христіанъ. Росповскій Епископъ Леонъ, изгнанный народомъ за его корысполюбіе и грабежъ, упверждалъ, чпо ни въ какіе Господскіе праздники, буде они случапся въ Среду или Пяпницу, не должно еспь мяса[23]. Новый Епископъ Суздальскій, Ѳеодоръ, въ присупспвіи Великаго Князя опровергалъ Леона, копорый рѣшился искапь суда въ Греціи. Послы Кіевскій, Андреевъ, Переяславскій и Черниговскій опправились въ слѣдъ за нимъ, и въ спавкѣ Имперапора Мануила, бывшаго погда на Дунаѣ, съ великимъ благоговѣніемъ слушали, какъ Свяпипель Болгарскій, Адріанъ, уличалъ Леона въ заблужденіи. Имперапоръ думалъ согласно съ Адріаномъ; но Леонъ пропиворѣчилъ, и споль дерзко, чпо Вельможи Греческіе схвапили нескромнаго еретика и хопѣли упопипь въ рѣкѣ. Мипрополипъ Россійскій и Черниговскій Епископъ Анпоній держались мнѣнія Леонова: за чпо Князь Свяпославъ Всеволодовичь изгналъ Анпонія изъ Чернигова. Сіе спранное пръ-

Первая ересь.

ніе нѣсколько лѣтъ волновало умы и совѣсть людей просподушныхъ.

Гораздо удивительнѣе и важнѣе то, что Лѣтописцы разсказываютъ намъ о другомъ Ростовскомъ Епископѣ. Великій Князь, признавъ Монаха Ѳеодора достойнымъ Священительскаго сана, посылалъ его спавиться въ Кіевъ[21]; но Ѳеодоръ, уже принявъ на себя званіе Епископа, не хотѣлъ ѣхать къ Митрополиту. Сего мало: будучи корыстолюбивъ и злобенъ, онъ мучилъ людей въ подвластныхъ Епископу селахъ, Иноковъ, Игуменовъ, Священниковъ; брилъ имъ головы и бороды; даже распиналъ нѣкоторыхъ, выжигалъ глаза, рѣзалъ языки, единственно для того, чтобы присвоить себѣ ихъ достояніе. Князь терпѣлъ изверга, довольствуясь, можетъ быть, однѣми угрозами. Еще болѣе тѣмъ озлобленный, лжепастырь вздумалъ наконецъ заперетъ всѣ церкви въ Владимірѣ, и взялъ опъ нихъ ключи. Народъ взволновался. Великій Князь, низвергнувъ Ѳеодора, предалъ его на судъ Митрополиту, который велѣлъ отрѣзать ему языкъ, отсѣчь правую руку и выколоть глаза: «ибо сей еретикъ» (прибавляютъ Лѣтописцы) «злословилъ Богоматерь!» Такія происшествія могутъ быть изъяснены однимъ тогдашнимъ невѣжествомъ и грубостію нравовъ. Злодѣй Епископъ.

Къ послѣднему году княженія Андреева относится любопытное извѣстіе *Хлынов-*

Населеніе Вяпки.

скаго Лѣтописца о первомъ населеніи Вяпки Россіянами[25]. Въ 1174 году нѣкопорые жипели области Новогородской, опчасти наскучивъ внупренними раздорами, опчасти пѣснимые возрастающимъ многолюдствомъ въ ихъ предѣлахъ, рѣшились выѣхать изъ опечества, и Волгою доплывъ до Камы, завели селеніе на берегу ея. Зная, чпо далѣе къ Сѣверу обипаютъ народы дикіе въ спранѣ лѣсной, изобильной дарами Природы, многіе изъ сихъ выходцевъ опправились вверхъ до устья Осы; обратились къ Западу; дошли до Чепцы, и плывя ею внизъ, покорили бѣдныя жилища Вопяковъ; наконецъ вошли въ рѣку Вяпку, и на правомъ берегу ея, на горѣ высокой, увидѣли красивый городокъ, окруженный глубокимъ рвомъ и валомъ. Мѣспо полюбилось Россіянамъ: они захопѣли овладѣпь имъ и навсегда памъ оспаться; нѣсколько дней говѣли, молились, и призвавъ въ помощь Свяпыхъ защипниковъ своего опечества, Бориса и Глѣба, на памяпь ихъ, Іюля 24, взяли городъ[26]. Жипели скрылись въ лѣсахъ. Сіе укрѣпленное селеніе называлось *Болванскимъ* (вѣрояпно, опъ капища, памъ бывшаго): завоеватели дали ему имя Никулицына и поспроили въ немъ церковь Бориса и Глѣба. Между пѣмъ оставленные на Камѣ товарищи — можепъ быпь, опасаясь сосѣдспвенныхъ Болгаровъ — рѣшились пакже искапь другаго жилища; пришли на судахъ

къ устью Вятки, плыли сею рѣкою вверхъ до *Черемисскаго* города *Кокшарова* (нынѣ Копельнича), и завладѣли онымъ. Упвердясь въ странѣ Вятской, Россіяне основали новый городъ близъ устья рѣчки Хлыновицы, назвали его *Хлыновымъ*, и съ удовольствіемъ принявъ къ себѣ многихъ Двинскихъ жителей, составили маленькую Республику, особенную, независимую въ теченіе двухъ сотъ семидесяти-осми лѣтъ, наблюдая обычаи Новогородскіе, повинуясь сановникамъ избираемымъ и Духовенству. Первобытные обитатели земли Вятской, Чудь, Вотяки, Черемисы, хотя набѣгами безпокоили ихъ, но были всегда отражаемы съ великимъ урономъ, и память сихъ битвъ долго хранилась тамъ въ торжественныхъ церковныхъ обрядахъ: два раза въ годъ изъ села Волкова съ образомъ Св. Георгія носили въ Вятку *желѣзныя стрѣлы*, кои были оружіемъ Чуди или Вотяковъ, и напоминали побѣду Россіянъ[27]. Новогородцы также опъ времени до времени старались дѣлать зло Хлыновскимъ поселенцамъ, именовали ихъ своими бѣглецами, рабами и не могли простить имъ того, что они хотѣли жить независимо.

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ II.

Г. 1174 – 1176.

Вѣче въ Владимірѣ. Добродушіе Михаила. Гордость Росповцевъ. Корыстолюбіе Бояръ. Торжество Михаила. Кончина и свойства сего Князя. Междоусобіе въ южной Россіи.

Г. 1174. Вѣче въ Владимірѣ.

Скоро по кончинѣ Великаго Князя съѣхались Росповцы, Суздальцы, Переяславцы и всѣ люди воинскіе въ городъ Владиміръ на Вѣче, слѣдуя примѣру Новогородцевъ, Кіевлянъ и другихъ Россійскихъ знаменитыхъ гражданъ, которые, по словамъ Лѣтописцевъ, издревле обыкли рѣшить дѣла государственныя въ собраніяхъ народныхъ, и давали законы жителямъ городовъ уѣздныхъ[28]. «Всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ «мы лишились Князя,» говорили Бояре на Вѣчѣ: «онъ не оставилъ дѣтей кромѣ сы«на, княжащаго въ Новѣгородѣ. Братья Ан«дреевы въ южной Россіи. Кого же избе«ремъ въ Государи? Кто защититъ насъ «отъ сосѣдственныхъ Князей, Рязанскаго и «Муромскаго, да не будемъ жертвою ихъ «коварства или силы? Обратимся къ зятю «Ростислава Георгіевича, Глѣбу Рязанскому; «скажемъ ему: *Богъ взялъ нашего Князя:* «*зовемъ шурьевъ твоихъ на престолъ Ан-*

«*древъ: отецъ ихъ жилъ съ нами и поль-*
«*зовался любовію народною.*» Сія мысль бы-
ла внушена Боярамъ Послами Рязанскими[29]:
граждане одобрили оную; упвердили вы-
боръ крестнымъ цѣлованіемъ, и согласясь
съ Глѣбомъ, опправили посольспво въ Чер-
ниговъ, гдѣ находились погда Ярополкъ и
Мспиславъ Роспиславичи[30], племянники Ан-
дреевы. Обрадованные честію такого из-
бранія, но желая быпь великодушными, сіи
два Князя предложили дядямъ своимъ, Ми-
хаилу и Всеволоду Георгіевичамъ, господ-
спвовапь вмѣспѣ съ ними; признали Миха-
ила спаршимъ, увѣрили другъ друга кляп-
вою въ искренноспи союза и цѣловали креспъ
изъ рукъ Епископа Черниговскаго. Обрядъ
безполезный! Ярополкъ, по совѣпу Роспов-
цевъ, недовольныхъ прибыпіемъ Михаила,
оспавивъ его въ Москвѣ, пайно уѣхалъ въ
Переяславль Залѣсскій, собралъ Бояръ, вои-
новъ, и взялъ съ нихъ кляпву вѣрноспи.
Росповцы призвали туда и 1150 Владимір-
цевъ; но сограждане сихъ послѣднихъ, ко-
порые осповались дома, опворили ворота
Михаилу и съ радостію назвали его Княземъ
своимъ, помня, что Георгій Долгорукій хо-
пѣлъ опдапь Суздальское Княженіе ему и
Всеволоду. Началось междоусобіе. Ярополкъ
осадилъ Владиміръ; союзники его, Муром-
цы, Рязанцы, жгли села въ окреспноспяхъ.
Семь недѣль граждане крѣпко спояли за
Михаила и мужественно оборонялись; нако-

нецъ, изнуренные голодомъ, объявили Князю, чтобы онъ далъ имъ миръ или самъ удалился. Храбрый, добродушный Михаилъ не думалъ укорять ихъ. «Вы правы,» сказалъ онъ: «могу ли желать вашей погибели?» и немедленно выѣхалъ. Граждане, проводивъ сего доспойнаго Князя съ искренними слезами, вступили въ переговоры съ Ярополкомъ и Мстиславомъ; увѣряли ихъ въ своей покорности, но боялись злобы Ростовцевъ, которые, завидуя новой знаменитости Владиміра, желали его унизить. Господа считались тогда между собою въ лѣпахъ, какъ роды дворянскіе въ поколѣніяхъ: Ростовцы славились древностію; именовали Владиміръ *пригородомъ*, его жителей своими *каменьщиками*, слугами, недостойными имѣть Князя, и хотѣли дать имъ Посадника. Владимірцы напротивъ того утверждали, что ихъ городъ, основанный Владиміромъ Великимъ, имѣетъ право на знаменитость. Обнадеженные Ярополкомъ и братомъ его въ справедливой защитѣ, они вступили ихъ со крестами и ввели торжественно въ храмъ Богоматери, гдѣ Ярополкъ былъ объявленъ Княземъ Владимірскимъ, а Мстиславъ Ростовскимъ и Суздальскимъ. Народъ успокоился, однакожь не надолго.

Добродушіе Михаила.

Гордость Ростовцевъ.

Мстиславъ и Ярополкъ, неопытные въ дѣлѣ государственнаго правленія, скоро упрапили любовь народную. Опроки, при-

шедшіе съ ними изъ южной Россіи, сдѣла- Корыстолюбіе
лись Посадниками; опягощали граждань судебными налогами; думали о корысти гора- Боярь.
здо болѣе, нежели о расправѣ. Князья зависѣли опъ Бояръ и во всемъ исполняли ихъ волю; а Бояре, наживаясь сами, совѣповали и Князьямъ обогащаться. Ярополкъ опнялъ у Соборной церкви волости и доходы, данные ей Андреемъ; въ самый первый день княженія своего взявъ ключи опъ сего богапаго храма, присвоилъ себѣ казну онаго, серебро, золото, и дерзнулъ наконецъ самую побѣдоносную Вышегородскую икону Маріи опдать зятю, Глѣбу Рязанскому. Общее негодованіе обнаружилось. «Мы не рабы» (говорили Владимірцы) «и приняли Князей до- «бровольно; они же грабятъ насъ какъ ино- «племенныхъ, опустошая не только домы, «но и святые храмы. И такъ *промышляй- «те*, братья!» Слово важное: оно значило, что надобно Князей унять или сбыть съ рукъ. Видя же, что всѣ Бояре держапъ сторону слабыхъ Государей — видя, что Ро- сповцы и Суздальцы нечувспвительны къ Г. 1175.
народнымъ обидамъ или терпѣливы до излишества — граждане Владимірскіе тайно призвали Михаила изъ Чернигова. «Ты внукъ «Мономаховъ и старшій изъ Князей его ро- «да,» говорили ему Послы: «иди на пре- «столъ Боголюбскаго; а ежели Росповъ и «Суздаль не захотятъ тебя, мы на все го- «повы, и съ Божіею помощію никому не

«уступимъ.» Михаилъ съ брапомъ Всеволодомъ и сыномъ Князя Черниговскаго[31] былъ уже въ Москвѣ, гдѣ ожидали ихъ усердные Владимірцы и сынъ Андрея Боголюбскаго (скоро по смерпи опца принужденный выѣхапь изъ Новагорода): погда Ярополкъ свѣдалъ о грозящей ему опасноспи; хопѣлъ вспрѣпипь Георгіевичей, но разошелся съ ними въ дремучихъ лѣсахъ, и написалъ къ брапу, Мспиславу Суздальскому: «Михалко «боленъ; его несупъ на носилкахъ: спѣши «опразипь малочисленныхъ непріяпелей опъ «Владиміра; я плѣню ихъ задній опрядъ.» Михаилъ, будучи дѣйспвипельно весьма нездоровъ, приближался къ Владиміру, когда полкъ Суздальскій, выспупивъ изъ-за горы въ блеспящихъ лапахъ и распуспивъ знамя, съ воплемъ устремился на его дружину. Устроенная Михаиломъ, она изгопповилась къ сраженію; спрѣлки съ обѣихъ споронъ начали бипву; но Суздальцы — изумленные спройнымъ ополченіемъ непріяпелей—вдругъ обрапили пылъ, бросивъ хоругвь Княжескую. Лѣпописцы говоряпъ, чпо ни пѣ, ни другіе воины не опличались никакимъ особеннымъ знакомъ, и чпо сіе обспояпельспво спасло многихъ Суздальцевъ: ибо побѣдипели не могли распознавапь своихъ и непріяпелей. Михаилъ съ порженспвомъ въѣхалъ въ городъ Владиміръ: предъ нимъ вели плѣнниковъ. Духовенспво и всѣ жипели вспрѣпили его съ живѣйшею радоспію.

Іюня 15. Торжество Михаила.

Ярополкъ ушелъ къ зятю своему въ Рязань, а Мстиславъ въ Новгородъ (гдѣ княжилъ юный сынъ его, Святославъ, послѣ Георгія Андреевича); но мать и жены ихъ остались плѣнницами въ Владимірѣ[32].

Скоро Послы отъ Суздаля и Ростова явились во дворцѣ Михаиловомъ и сказали именемъ всѣхъ гражданъ: «Государь! мы твои «душею и сердцемъ. Одни Бояре, преданные Мстиславу, были тебѣ врагами. Повелѣвай нами какъ отецъ добродушный!» Такимъ образомъ Михаилъ наслѣдовалъ Великое Княженіе Андреево; объѣхалъ разныя области; вездѣ учредилъ порядокъ; вездѣ пекся о народномъ спокойствіи. Осыпанный дарами Суздальцевъ и Ростовцевъ, награжденный за свой трудъ благословеніями довольныхъ гражданъ, онъ возвратился въ Владиміръ, оставивъ Всеволода княжить въ Переславлѣ Залѣсскомъ.

Народъ требовалъ мести: Глѣбъ Рязанскій пользовался слабостію шурьевъ, обиралъ ихъ, обогатился драгоцѣнностями и святынею храмовъ Владимірскихъ. Михаилъ шелъ наказать его: но Глѣбъ, не дерзая оправдываться, требовалъ милосердія; прислалъ Вышегородскую икону Богоматери, всѣ драгоцѣнности, даже книги, имъ похищенныя, и тѣмъ обезоружилъ Великаго Князя. Народъ, съ восхищеніемъ встрѣтивъ образъ Маріи, снова поставилъ его въ соборной церкви Владимірской: Михаилъ воз-

врапилъ ей помѣспья, оброки и десяпи-ну.

Торжеспво Владимірцевъ было совершен-но: городъ ихъ сдѣлался опяпь споличнымъ, и Князь, ими призванный, заслуживая лю-бовь общую, казался любимцемъ Неба, ибо счаспіе ему благопріяпспвовало. Они хва-лились своимъ выборомъ, и говорили, чпо Богъ, унизивъ гордоспь *древняго* Роспова, прославилъ *новый* Владиміръ, ознаменовавъ его жипелей мудроспію въ совѣпѣ и му-жеспвомъ въ дѣлѣ; чпо они, вопреки Боя-рамъ, даже вопреки народу Суздальскому и Росповскому, единспвенно въ надеждѣ на свою правду, дерзнули изгнапь злыхъ Кня-зей и выбрапь Михаила, благопворипеля земли Русской[33]. Къ несчаспію, сей Го-сударь власпвовалъ полько одинъ годъ, и скончался, оспавивъ въ лѣпописяхъ памяпь своей храброспи и добродѣпели. Живъ въ вѣкъ суровомъ, мяпежномъ, онъ не запяп-налъ себя ни жеспокоспію, ни вѣроломс-спвомъ, и любилъ спокойспвіе народа бо-лѣе власпи. Новѣйшіе Лѣпописцы увѣря-юпъ, чпо Михаилъ казнилъ многихъ убійцъ Андреевыхъ[34]; но современные не говорятъ о помъ. Нѣкогда изгнанный Боголюбскимъ, онъ могъ еще питапь въ сердцѣ своемъ не-пріяпное воспоминаніе сей обиды; и пѣмъ болѣе доспоинъ хвалы, ежели дѣйспвипель-но наказалъ злодѣевъ.

Г. 1176, Іюня 20. Кончина и свойства Михаила.

Михаилъ, занимаясь единственно благомъ Суздальскаго или Владимірскаго Княженія, не хотѣлъ или не имѣлъ времени думать о Россіи южной, гдѣ господствовало междоусобіе. Олегъ Сѣверскій, зять и союзникъ Ростиславичей, вмѣстѣ съ ними воевалъ область Черниговскую, осаждалъ Стародубъ, и самъ осажденный Святославомъ въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ, долженъ былъ молить о миръ. Кіевъ болѣе и болѣе унижался. Видя нечаянное прибытіе Романа Смоленскаго, и догадываясь, что братья намѣрены возвести его на Кіевскій престолъ, слабый Ярославъ Изяславичь не захотѣлъ подвергнуть себя стыду изгнанія и добровольно уѣхалъ въ Луцкъ. Романъ также не могъ утвердиться на семъ престолѣ, отъ зависти и козней Святослава. Имѣя тайныя сношенія съ Кіевлянами и съ Черными Клобуками, волнуя умы лестію, злословіемъ, и скоро обрадованный несчастною битвою сыновей Романовыхъ съ Половцами, въ коей легло на мѣстѣ множество лучшихъ воиновъ, Святославъ началъ торжественно жаловаться на Давида. «Я ничего «не требую, кромѣ справедливости,» говорилъ онъ Роману: «Братъ твой, помогая «Олегу, жегъ города мои. Согласно съ древ«нимъ уставомъ Бояринъ въ винѣ отвѣт«ствуетъ головою, а Князь Удѣломъ. Изго«ни же безпокойнаго Давида изъ областей «Днѣпровскихъ.» Не получивъ удовлетворе-

Междоусобіе въ Южной Россіи.

нія, Святославъ прибѣгнулъ къ оружію и къ измѣнникамъ. Зять его, сынъ Владиміра Мстиславича, внука Мономахова, именемъ Мстиславъ, жилъ въ Трипольѣ съ Ярополкомъ Романовичемъ, и предалъ сей городъ мести. Узнавъ еще измѣну Берендѣевъ, Романъ удалился въ крѣпкій Бѣлгородъ и ждалъ братьевъ. Хотя Князь Черниговскій, болѣе властолюбивый, нежели храбрый, занявъ Кіевъ, малодушно бѣжалъ опъ нихъ и перепопилъ часпь своего войска въ Днѣпрѣ; однакожь Ростиславичи, свѣдавъ о впаденіи Половцевъ, призванныхъ Святославомъ, добровольно уступили ему древнюю сполицу, уже незавидную. «Господспвуй въ ней» — сказали они — «но съ согласія нашего: не на-«силіемъ и не обманомъ; мы не хотимъ «пѣшишь иноплеменныхъ варваровъ междо-«усобіемъ.» Романъ возвратился въ Смоленскъ[38].

ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ III ГЕОРГІЕВИЧЬ.

Г. 1176 – 1212.

Вѣроломство Ростовцевъ. Война съ Княземъ Рязанскимъ. Ослѣпленіе двухъ Князей. Славолюбіе Мстислава и кончина его. Раздоръ Вел. Князя съ Черниговскимъ. Вѣроломство Святослава. Упреки Всеволоду. Великодушіе Мономахова поношенна. Осада Торжка. Политика Новогородцевъ. Браки. Война съ Болгарами. Народъ Литовскій. Война съ Половцами. Огнеспрѣльное оружіе. Бѣдствіе Игоря. Мужество Владиміра. Герой Всеволодъ. Торки и Берендѣи. Междоусобіе въ Рязани. Добродѣтели Ярослава Галицкаго. Слабости и бѣдствіе Кн. Владиміра. Властолюбіе Романа. Вѣроломство Короля Венгерскаго. Благородство сына Берладникова. Князь Владиміръ въ Германіи. Изгнаніе Венгровъ изъ Галича. Браки. Временная независимость Кіева. Добродѣтели Владиміра Глѣбовича. Безпокойства въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ. Ссора съ Варягами. Воинскіе подвиги. Бѣдствія Чуди. Нѣмцы въ Ливоніи. Серебро Сибирское. Кончина и характеръ Святослава. Княжна Евфимія за Греческимъ Царевичемъ. Пиры въ Кіевѣ. Миролюбіе Духовенства. Гнѣвъ Романа. Битва въ Польшѣ. Мятежный духъ Ольговичей. Неблагодарность Романова. Политика Всеволодова. Строгость и веледушіе Давида. Война съ Половцами. Всеволодъ подчиняетъ себѣ Новгородъ. Слава и тиранство Романа. Опустошеніе Кіева. Посриженіе Рюрика. Посольство Папы къ Роману. Отвѣтъ Романовъ. Характеръ сего Князя. Рюрикъ снова на престолѣ. Происшествія въ Галичѣ. Константинъ въ Новѣгородѣ. Князья Сѣверскіе господствуютъ въ Галичѣ. Бѣгство Романова семейства. Коварство Всеволода Чермнаго. Бѣдствіе Рязанскихъ Князей. Хитрость Всеволода. Жестокость Вел. Князя. Смѣлость Мсти-

слава. Миръ съ Ольговичами. Мятежи въ Галичѣ. Неповиновеніе Константинина. Кончина и характеръ Всеволода Великаго. Мудрость Великой Княгини. Посприги. Князь Россійскій въ Грузіи. Разныя бѣдствія. Взятіе Царяграда. Нѣмцы въ Ливоніи. Основаніе Риги. Орденъ Меченосцевъ. Духовная власть въ Новѣгородѣ.

Г. 1176. Владимірцы, еще не осушивъ слезъ о кончинѣ Государя любимаго, собралися предъ Златыми вратами и присягнули его брату, Всеволоду Георгіевичу, исполняя пѣмъ волю Долгорукаго, который назначалъ область Суздальскую въ Удѣлъ меньшимъ сыновьямъ[36]. Но Бояре и Росповцы не хотѣли Всеволода. Еще при жизни Михаила они тайно звали къ себѣ Мстислава, его племянника, изъ Новагорода, и сей Князь, оставивъ тамъ сына своего, уже находился въ Росповѣ; собралъ многочисленную дружину, Бояръ, Гридней, такъ называемыхъ *Пасынковъ* или Опроковъ Боярскихъ, и шелъ съ ними ко Владиміру[37]. Жители сего города пылали ревностію сразиться; но Всеволодъ, умѣренный, благоразумный, предлагалъ миръ. «За тебя Росповцы и Бояре,» говорилъ онъ Мстиславу: «за меня Богъ и Владимірцы. «Будь Княземъ первыхъ; а Суздальцы да по- «винуются изъ насъ, кому хотятъ.» Но Вельможи Росповскіе, надменные гордостію, сказали Мстиславу: «мирися одинъ, если «тебѣ угодно; мы оружіемъ управимся съ «чернію Владимірскою.» Присоединивъ къ себѣ въ Юрьевѣ дружину Переяславскую, Всеволодъ объявилъ воинамъ о непримири-

Вѣроломство Росповцевъ.

мой злобѣ ихъ врага общаго. Всѣ единодушно опивѣпствовали: «Государь! пы же- «лалъ добра Мспиславу, а Мспиславъ ищепъ «головы пвоей, и не давъ еще исполнипь- «ся девяпи днямъ по кончинѣ Михаиловой, «жаждепъ кровопролипія. Иди же на него «съ Богомъ! Если будемъ побѣждены, по «пуспь возьмупъ Росповцы женъ и дѣпей «нашихъ!» Всеволодъ, оспавивъ за собою рѣку Кзу, среди Юрьевскаго поля ударилъ на непріяпеля, разсѣялъ его и съ порже- ствомъ возвратился въ сполицу. Дружина Іюня Княжеская и Владимірцы вели связанныхъ 27. Вельможъ Росповскихъ, виновниковъ междоусобія; за ними гнали множество коней и скопа, взяпаго въ селахъ Боярскихъ. Суздаль, Росповъ, покорились Всеволоду.

Мспиславъ напрасно желалъ быпь впоричпо Княземъ Новогородскимъ. «Нѣпъ!» сказали ему жипели: «пы *ударилъ пятою* «Новгородъ: иди же опъ насъ вмѣспѣ съ «сыномъ!» Они искали дружбы побѣдипеля, и пребовали себѣ Князя опъ Всеволода, копорый опправилъ къ нимъ племянника своего, Ярослава[38]. Мспиславъ, уѣхавъ къ зяпю, Глѣбу Рязанскому, склонилъ его къ несчаспной войнѣ, бѣдспвенной для нихъ обоихъ. Сія война началась въ концѣ лѣпа пожарами: Глѣбъ обрапилъ въ пепелъ Москву и всѣ окресппыя слободы. Зимою пришли союзники ко Всеволоду: племянникъ его, Владиміръ Глѣбовичь, Князь южнаго Переясла- Война съ Князем Рязанским.

вля, и сыновья Святослава Черниговскаго[39]. Новогородцы обѣщали ему также дружину вспомогательную, называя его своимъ оп-
цемъ и Властшипелемъ; однакожь не сдержали слова. Будучи въ Коломнѣ, Великій Князь свѣдалъ, что Глѣбъ Рязанскій, нанявъ Половцевъ, съ другой стороны вступилъ въ область Суздальскую, взялъ Боголюбовъ, ограбилъ тамъ церковь, богато украшенную Андреемъ, жжетъ селенія Боярскія, плаваетъ въ крови беззащитныхъ, отдаетъ женъ и дѣтей въ плѣнъ варварамъ. Такимъ образомъ междоусобіе Князей открыло путь симъ иноплеменнымъ хищникамъ и въ сѣверныя земли Россіи . . . Всеволодъ сошелся съ непріятелями; но тѣ и другіе стояли праз-
Г. дно цѣлый мѣсяцъ въ ожиданіи мороза: рѣ-
1177. ка Колокша находилась между ими и не перепускала ихъ; ледъ ея былъ слишкомъ тонокъ. Раздраженный злодѣйствами Глѣба, Великій Князь отказался отъ мирныхъ его предложеній, и наконецъ — видя, что рѣка замерзла — отправилъ на другую сторону обозъ свой съ частію войска. Мстиславъ первый напалъ на сей отрядъ, и первый обратился въ бѣгство: Глѣбъ также, смятый полкомъ Всеволода. Дружина Великаго Князя гналась за малодушными, и плѣнивъ самого Глѣба, сына его Романа, Мстислава, множество Бояръ, истребила Половцевъ. Въ числѣ плѣнниковъ находился старый Воевода Андрея Боголюб-

скаго, Борисъ Жидиславичь, который держалъ сторону Мстислава. Всѣ они были предметомъ народной ненависти, и граждане Владимірскіе, посвятивъ два дни на общую радость, хотѣли ознаменовать претій злобною местію: обступили дворецъ Княжескій и говорили Всеволоду: «Государь! «мы рады положить за тебя свои головы; «но казни злодѣевъ, или ослѣпи, или выдай «намъ въ руки.» Изъявляя человѣколюбіе, Всеволодъ желалъ спасти несчастныхъ и велѣлъ заключить ихъ въ темницу, чтобы успокоить народъ. Глѣбъ имѣлъ заступниковъ. Будучи ему зятемъ, храбрый Мстиславъ, братъ Романа Смоленскаго, вмѣстѣ съ горестною своею тещею убѣждалъ Святослава Черниговскаго, какъ Всеволодова союзника, освободить плѣнниковъ усерднымъ ходатайствомъ. Порфирій, Черниговскій Епископъ, ѣздилъ для того въ Владиміръ. Глѣбу предложили свободу, съ условіемъ отказаться навсегда отъ княженія и ѣхать въ южную Россію. Онъ гордо отвѣтствовалъ: «лучше умру въ неволѣ» — и дѣйствительно умеръ чрезъ нѣсколько дней[40]. Когда же Рязанцы, устрашенные бѣдствіемъ ихъ Князя, въ угодность Всеволоду взяли подъ стражу Ярополка Ростиславича въ Воронежѣ и привезли въ городъ Владиміръ, тогда мятежъ возобновился. Бояре, купцы приняли съ оружіемъ на дворъ Княжескій, разметали темницу, и, къ горести Великаго

Ослѣпленіе двухъ Князей.

Князя, ослѣпили его племянниковъ, Роспиславичей. Онъ только уступилъ народному остервенению, по словамъ Лѣтописца Владимірскаго, не имѣвъ никакого участія въ семъ злодѣйствѣ (которое древніе Россіяне заимствовали отъ просвѣщенныхъ Грековъ); другіе же Лѣтописцы обвиняютъ въ томъ Всеволода, можетъ быть несправедливо[41]; но Великій Князь, не наказавъ злодѣевъ, заслужилъ подозрѣніе, безславное для его памяти. Чтобы оправдать себя великодушіемъ въ глазахъ всей Россіи, онъ выпустилъ изъ темницы Глѣбова сына, Романа. Несчастные слѣпцы были также освобождены, и на пути въ южную Россію, къ общему удивленію, прозрѣли въ Смоленскѣ, съ усердіемъ моляся въ Смядынской церкви Св. Глѣба, по извѣстію Лѣтописцевъ.

Сентября 15.

Чудо разгласилось и благопріятствовало власполюбію сихъ Князей: Новогородцы призвали ихъ какъ мужей богоугодныхъ; оставили Мстислава начальствовать въ Смоленскѣ, Ярополку дали Торжекъ, а бывшаго Князя своего, Ярослава, также Всеволодова племянника, послали управлять Волокомъ Ламскимъ. Мстиславъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ: Ярополкъ заступилъ его мѣсто, но скоро былъ изгнанъ народомъ, въ угодность Великому Князю, который захватилъ многихъ купцевъ Новогородскихъ, съ неудовольствіемъ видя злодѣя своего Гловою сей области. Всеволодъ еще не былъ

Г. 1178. Апрѣля 20.

обезоруженъ: приступилъ къ Торжку и пребовалъ дани. Граждане обѣщались заплапипь оную; но воины сказали Великому Князю: «мы пришли сюда не за пѣмъ, чпо- «бы цѣловапь ихъ и слушапь пуспыя кля- «пвы;» сѣли на коней и взяли городъ: за- жгли его, плѣнили жипелей. Всеволодъ съ опборною дружиною спѣшилъ къ Волоку Ламскому, уже осшавленному гражданами; нашелъ шамъ одного племянника своего, Ярослава[42]; испребилъ огнемъ пуспые домы, самый хлѣбъ въ окресшносшяхъ, и сею безразсудною жесшокосшію шакъ озлобилъ Новогородцевъ, чшо они рѣшились не имѣшь съ нимъ никакого дружелюбнаго сношенія, призвавъ къ себѣ Романа Смоленскаго. Пошомки Св. Владимiра все еще вѣрили ихъ ненадежнымъ обѣщамъ, и прельщались знамениносшію древнѣйшаго въ Государсшвѣ Княженія. Декабря 8. Г. 1179.

Романъ властвовалъ шамъ не долѣе многихъ своихъ предмѣсшниковъ; по крайней мѣрѣ выѣхалъ добровольно и съ чесшію. Тогда Новогородцы, желая имѣшь Князя извѣсшнаго воинскою доблесшію, единодушно избрали брапа Романова, Мсшислава, споль знаменишаго мужесшвомъ, чшо ему въ цѣлой Россiи не было имени кромѣ *Храбраго*. Онъ колебался, опвѣшесшвуя ихъ Посламъ, чшо не можешъ разсшашься ни съ вѣрными брашьями, ни съ южною своею опчизною; но брашья и дружина сказали Мсшиславу: «Новгородъ есшь шакже швое опечесшво»

— и сей бодрый Князь поѣхалъ искать славы на иномъ ѳеатрѣ: ибо душа его, какъ пишутъ современники, занималась одними великими дѣлами[43]. Весь Новгородъ, чиновники, Бояре, Духовенство съ крестами вышли къ нему на встрѣчу. Возведенный на

Славолюбіе Мстислава. Ноября 1.

пресполъ въ Софійской церкви, Мстиславъ далъ слово ревностно блюсти честь, пользу Новагорода, и сдержалъ оное. Узнавъ, что Эстонцы (въ 1176 году) дерзнули осаждать Псковъ и не престаютъ безпокоить границъ, онъ въ нѣсколько дней собралъ 20,000 воиновъ, и веселяся предводительствомъ рати столь многочисленной, нетерпѣливо хотѣлъ битвы; но Эстонцы, думая только о спасеніи жизни, скрывались. Опустошивъ ихъ землю до самаго моря, взявъ

Г. 1180.

въ добычу множество скота, плѣнниковъ, Мстиславъ на возвратномъ пути усмирилъ во Псковѣ мятежныхъ чиновниковъ, не хотѣвшихъ повиноваться его племяннику, Борису Романовичу, и готовился къ инымъ предпріятіямъ. Еще въ 1066 году прадѣдъ Всеслава Полоцкаго ограбилъ Софійскую церковь въ Новѣгородѣ и захватилъ одинъ изъ его уѣздовъ: Мстиславъ, какъ ревностный витязь Новогородской чести, вздумавъ отмстить за то Всеславу, своему зятю, уже шелъ къ Полоцку. Едва Романъ Смоленскій могъ обезоружить брата, представляя ему, что сей Князь, супругъ ихъ сестры, не долженъ оптъятствовать за прадѣда, давно

исплѣвшаго во гробѣ; что воспоминаніе обидъ древнихъ не достойно ни Христіанина, ни Князя благоразумнаго. Мстиславъ уважилъ братній совѣтъ и возвратился изъ Великихъ Лукъ, обѣщая себѣ, гражданамъ и дружинѣ новымъ походомъ навсегда смирить Ливонію. Но среди блестящихъ надеждъ пылкаго славолюбія и въ силѣ мужества сраженный внезапною болѣзнію, онъ увидѣлъ суету гордости человѣческой, и живъ Героемъ, хотѣлъ умереть Христіаниномъ: велѣлъ нести себя въ церковь, причастился Святыхъ Таинъ послѣ Литургіи, и закрылъ глаза навѣки въ объятіяхъ неутѣшной супруги и дружины, поручивъ дѣтей, въ особенности юнаго Владиміра, своимъ братьямъ. Такимъ образомъ Новогородцы въ два года погребли у себя двухъ Князей: чего уже давно не бывало: ибо непрестанно мѣняя Властителей, они не давали имъ умирать на тронѣ. Бояре и граждане изъявили трогательную чувствительность, оплакивая Мстислава Храбраго, всѣми любимаго, величая его красоту мужественную, побѣды, великодушныя намѣренія для славы ихъ отечества, младенческое добродушіе, соединенное съ пылкою гордостію сердца благороднаго. Сей Князь, по свидѣтельству современниковъ, былъ украшеніемъ вѣка и Россіи. Другіе воевали для корысти: онъ только для славы, и презирая опасности, еще болѣе презиралъ зо- Кончина его. Іюня 14.

лопо, оиндавая всю добычу Церкви или воинамъ, коихъ всегда ободрялъ въ бипвахъ словами: *за насъ Богъ и правда; умремъ ныпъ или завтра: умремъ же съ честію.*— «Не было такой земли въ Россіи (говоритъ Лѣтописецъ), которая не хотѣла бы ему повиноваться, и гдѣ бы объ немъ не пла«кали.» Народная любовь къ сему Князю была сполъ велика, чпо граждане Смоленскіе въ 1175 году единогласно объявили его, въ опсупспвіе Романа, своимъ Государемъ, изгнавъ Ярополка Романовича[44]; но Мспиславъ согласился властвоватъ надъ ними единспвенно для пого, чпобы усмирипъ ихъ и возвратипъ пресполъ спаршему брапу. Новогородцы погребли Мспислава въ гробницѣ Владиміра Ярославича, спроипеля Софійской церкви. Надлежало избрапъ преемника: въ досаду Всеволоду Георгіевичу они призвали къ себѣ княжипъ Владиміра, сына Свяпославова, изъ Чернигова.

Августа 17.

Сей юноша не за-долго до пого времени госпилъ у Всеволода и женился на его племянницѣ, дочери Михаиловой[45]. Свяпославъ имѣлъ случай оказыватъ услуги Великому Князю, когда онъ жилъ въ южной Россіи, не имѣя Удѣла, и не дерзая пребоватъ онаго опъ брапа, Андрея Боголюбскаго, своего бывшаго гонипеля. Между пѣмъ, какъ Михаилъ и Всеволодъ съ помощію Свяпослава искали преспола Владимірскаго, супруги ихъ оспавались въ Черниговѣ. Сія

Раздоръ Великаго Кня-

дружба, основанная на одолженіяхъ, благодарности и свойствѣ, не успояла пропивъ обоюднаго власполюбія. Святославъ, охотно пославшій сына господствовать въ Новѣгородѣ, могъ предвидѣть, что Всеволодъ тѣмъ оскорбится, считая сію область законнымъ достояніемъ Мономахова рода. Новыя неудовольствія ускорили явное начало вражды. Меньшіе сыновья умершаго Глѣба Рязанскаго жаловались Всеволоду на старшаго брата, Романа, Святославова зятя: говорили, что онъ, слѣдуя внушенію тестя, отнимаетъ ихъ Удѣлы и презираетъ Великаго Князя. Всеволодъ, уже не доброхотствуя Князю Черниговскому, вступился за нихъ; встрѣченный ими въ Коломнѣ, плѣнилъ тамъ Святославова сына, Глѣба[46]; разбилъ передовый отрядъ Романовъ на берегахъ Оки, взялъ городъ Борисовъ, осадилъ Рязань и заключилъ миръ. Романъ и братья его признали Всеволода общимъ ихъ покровителемъ, довольные Удѣлами, которые онъ назначилъ для каждаго изъ нихъ по верховной волѣ своей. зя съ Черниговскимъ.

Князь Черниговскій, раздраженный плѣненіемъ сына, хотѣлъ не только отмстить за то, но и присвоить себѣ, счастливымъ успѣхомъ оружія, лестное первенство между Князьями Россійскими. Еще Всеволодъ не имѣлъ правъ Андреевыхъ, утвержденныхъ долговременною славою; не имѣлъ и силы Боголюбскаго: ибо Смоленскъ, область Крив-

ская и Новгородъ не помогали ему. Святославъ надѣялся смирить его, но желалъ прежде выпѣснить Рюрика и Давида изъ области Кіевской, чтобы господствовать въ ней единовластно. Смерть Мстислава Храбраго и Олега Сѣверскаго, ихъ зятя, казалась ему случаемъ благопріятнымъ[47]: увѣренный въ дружелюбіи Олеговыхъ братьевъ, Игоря и Всеволода; выдавъ племянницу за Князя Переяславскаго, Владиміра Глѣбовича, и называясь покровителемъ сего юноши, онъ дерзнулъ на гнусное коварство, разсуждая, что всѣ способы вредить Мономаховымъ потомкамъ согласны съ уставомъ праведной мести, и что ближайшіе изъ нихъ должны быть ея первымъ предметомъ. Не имѣя въ самомъ дѣлѣ никакихъ причинъ жаловаться на Ростиславичей — которые жили съ нимъ мирно и вмѣстѣ отразили набѣгъ Хана Половецкаго, Кончака — Святославъ вздумалъ схватить Давида на звѣриной ловлѣ въ окрестностяхъ Днѣпра; сказалъ о томъ единственно женѣ и главному изъ любимцевъ, именемъ Кочкарю; тайно собралъ воиновъ и нечаянно ударилъ на станъ Давидовъ. Сей Князь, изумленный злодѣйствомъ, бросился въ лодку съ супругою, и едва могъ спастися, осыпаемый съ берега стрѣлами. Онъ успѣлъ въ Бѣлгородъ къ Рюрику; а Святославъ, неудачно обнаруживъ свой умыселъ, призвалъ всѣхъ родственниковъ на совѣтъ въ Черниговъ.

Вѣроломство Святослава.

«Вижу *теперь* гореспную необходимоспь «войны,» сказалъ ему Игорь Сѣверскій: «но «пы могъ бы *прежде* сохранипь миръ. «Впрочемъ мы готовы повиноваться тебѣ, «какъ нашему отцу, желая усердно твоего «блага.» Между тѣмъ Рюрикъ, слыша, что Святослава нѣтъ въ Кіевѣ, занялъ сію столицу, требовалъ помощи отъ Князей Волынскихъ, и велѣлъ Давиду ѣхать въ Смоленскъ къ Роману, чтобы вмѣстѣ съ нимъ взять нужныя мѣры для безопасности сего Княженія. Но Давидъ уже не застalъ брата живаго: Романъ скончался, извѣстный болѣе мирными, кротkими свойствами, нежели воинскимъ духомъ. Лѣтописцы сказываютъ, что онъ имѣлъ наружность величественную и рѣдкое милосердіе; терпѣлъ отъ гражданъ Смоленскихъ многія досады и мстилъ имъ только благодѣяніями; не обманывалъ Князей, нѣжно любилъ братьевъ, славился набожностію: соорудилъ великолѣпную церковь Св. Іоанна, украсилъ оную золотомъ и финифтью. Давидъ наслѣдовалъ престолъ Смоленскій.

Въ надеждѣ управиться и съ Ростиславичами и съ Великимъ Княземъ, Святославъ, нанявъ множество Половцевъ, оставилъ часть войска съ братомъ своимъ Ярославомъ въ Черниговѣ, чтобы дѣйствовать противъ Рюрика и Давида; а самъ съ главною силою вступилъ въ область Суздальскую, соединился съ Новогородцами на устьѣ

Г. 1181

Тверцы, опустошилъ берега Волги и шелъ къ Переславлю[48]. За 40 верстъ отъ сего города стоялъ Всеволодъ съ полками Суздальскими, Рязанскими, Муромскими, въ спанѣ укрѣпленномъ Природою: между крутоберегою Вленою, ущельями и горами. Непріятели видѣли другъ друга и пускали черезъ рѣку стрѣлы. Воины Святославовы желали битвы, Суздальскіе также: послѣдніе были удерживаемы Великимъ Княземъ, а первые неприступностію мѣста. Прошло болѣе двухъ недѣль. Чтобы сдѣлать тревогу въ станѣ Черниговцевъ, Всеволодъ послалъ Князей Рязанскихъ ударить на нихъ съ боку. Внезапность нападенія имѣла успѣхъ только мгновенный: братъ Игоря Сѣверскаго принудилъ Рязанцевъ бѣжать, и взялъ у нихъ не малое число плѣнниковъ. Напрасно ожидавъ новаго нападенія, Святославъ отправилъ къ Великому Князю своего Духовника съ такими словами: «Братъ и сынъ мой!

Упреки Всеволоду.

«имѣвъ искреннее удовольствіе служить
«тебѣ совѣтомъ и дѣломъ, могъ ли я ожи-
«дать столь жестокой неблагодарности?
«Въ возмездіе за сіи услуги ты не успы-
«дился злодѣйствовать мнѣ и схватилъ мо-
«его сына. Для чего же медлишь? я близъ
«тебя: рѣшимъ дѣло судомъ Божіимъ. Вы-
«ступи въ поле, и сразимся, на той или
«другой сторонѣ рѣки.» Всеволодъ не отвѣтствовалъ, задержалъОсловъ и велѣлъ отвезти ихъ въ Владиміръ, желая, чтобы

Князь Черниговскій въ досадѣ своей опва-жился на битву, для себя невыгодную, и перешелъ за рѣку. Святославъ не прогался съ мѣспа. Весна наспупила: боясь распупья, онъ рѣшился оспавипь часпь обоза и спанъ въ добычу непріятелю, впрочемъ не хопѣвшему за нимъ гнапься; сжегъ Дмипровъ, мѣспо Всеволодова рожденія, и прибылъ весновапь въ Новгородъ, гдѣ жипели вспрѣпили его какъ побѣдипеля, называя именемъ *Великаго*. Ярополкъ прежде изгнанный ими въ удовольспвіе Всеволоду, находился съ Черниговскимъ Княземъ: они впорично приняли его къ себѣ и дали ему въ Удѣлъ Торжекъ, чпобы охраняпь ихъ воспочныя области.

Святославъ, извѣдавъ воинскую осторожность Всеволода, уже не хопѣлъ возобновипь непріятельскихъ дѣйспвій въ Великомъ Княженіи Суздальскомъ: онъ велѣлъ брапу, Ярославу, выступипь изъ Чернигова, и соединился съ нимъ въ областяхъ Кривскихъ, гдѣ Васильковичи, Всеславъ Полоцкій и Брячиславъ Витебскій, вмѣспѣ съ другими Князьями волею или неволею объявили себя друзьями Святослава[49]; каждый привелъ къ нему свою дружину, а Всеславъ Липву и Ливонцевъ. Роспиславичи и Кіевъ были предмепомъ сего ополченія. Одинъ Князь Друцкій, Глѣбъ, сынъ умершаго Рогволода, не измѣнилъ Давиду Смоленскому, копорый думалъ защипишь его, но видя

превосходную силу враговъ, удалился опъ битвы. Святославъ обратилъ въ пепелъ внѣшнія укрѣпленія Друцка и, не теряя времени, шелъ къ Кіеву, сопровождаемый толпами Половцевъ. Сіе-то гибельное обыкновеніе, въ войнахъ междоусобныхъ дружиться съ иноплеменными хищниками и призывать ихъ для ужасныхъ злодѣйствъ въ нѣдра Государства, всего болѣе обезславило Князей Черниговскихъ въ нашей древней Исторіи, и было одною изъ причинъ народной любви къ Мономаховымъ потомкамъ, которые *дотоль* гнушались онымъ (если исключимъ Георгія Долгорукаго), и, слѣдуя наслѣдственнымъ правиламъ, отличались великодушіемъ. Такъ поступилъ и Рюрикъ. Не имѣя способовъ защитить Кіевъ, онъ выѣхалъ въ Бѣлгородъ, умѣлъ внезапно разбить Половцевъ, предводимыхъ Игоремъ Сѣверскимъ, и воспользовался робостію Святослава для заключенія мира: призналъ его старѣйшимъ; отказался отъ Кіева, удержавъ за собою всѣ другіе города Днѣпровскіе, и клялся искренно быть вѣрнымъ другомъ Черниговскихъ Князей, съ условіемъ, чтобы они, подобно ему, служили щитомъ для южной Россіи и не давали варварамъ плѣнять Христіанъ.

Великодушіе Мономахова потомства.

Вѣроятно, что Рюрикъ старался примирить Святослава съ Великимъ Княземъ: Новгородъ, бывъ основаніемъ ихъ вражды, подалъ имъ и способъ прекратить оную.

Ярополкъ, ненавидя Всеволода, не могъ жить спокойно въ Торжкѣ и безпрестанно превожилъ границы Суздальскія. Всеволодъ осадилъ его. Предвидя свою участь, граждане оборонялись мужественно долѣе мѣсяца; не имѣя хлѣба, питались кониною: наконецъ голодъ заставилъ ихъ сдаться. Ярополкъ, раненный стрѣлою во время осады, былъ заключенъ въ цѣпи, а городъ сожженъ вторично; жителей отвели плѣнниками въ Владиміръ. Войско Новогородское находилось тогда съ Святославомъ въ землѣ Кривской: оно спѣшило назадъ, защитить собственную. Но чиновники и граждане, перемѣнивъ мысли, уже хотѣли искать милости Всеволодовой. Разсуждая, что дружба Государя сосѣдственнаго, юнаго, могущественнаго, твердаго душею, выгоднѣе дружбы Черниговскаго Князя, слабодушнаго, легкомысленнаго и притомъ удаленнаго отъ предѣловъ Новогородскихъ, они выслали Святославова сына и требовали, чтобы Всеволодъ, оставивъ вражду, далъ имъ Правителя. Онъ немедленно возвратилъ свободу плѣннымъ жителямъ Торжка, и своякъ его, Ярославъ Владиміровичь, внукъ Мстислава Великаго, пріѣхалъ изъ Суздаля княжить въ Новгородъ[50]. Достигнувъ такимъ образомъ цѣли своей — по есть, присоединивъ область Новогородскую ко владѣніямъ Мономахова Дому — Всеволодъ съ честію отпустилъ Глѣба Святославича къ отцу, не мѣшалъ послѣд-

Осада Торжка.

Политика Новогородцевъ.

нему господствовать въ Кіевѣ, и возобновивъ старую съ нимъ дружбу, выдалъ своячину, Княжну Ясскую, за его меньшаго сына; а Глѣбъ Святославичь женился на дочери Рюриковой.

Г. 1182. Браки.

Внутреннее междоусобіе прекратилось: начались войны внѣшнія. Подобно Андрею смотря съ завистію на цвѣтущую художествами и торговлею Болгарію, Всеволодъ желалъ овладѣть ею, и звалъ другихъ Князей къ содѣйствію. Война съ невѣрными казалась тогда во всякомъ случаѣ справедливою[51]: Святославъ прислалъ сына своего, Владиміра, къ Великому Князю, радуясь, что онъ замыслилъ дѣло столь благопріятное для чести Россійскаго оружія. Князья Рязанскіе, Муромскій и сынъ Давида Смоленскаго также участвовали въ семъ походѣ. Рать союзниковъ плыла Волгою до Казанской Губерніи, оставила ладіи близъ устья Цывили, подъ стражею Бѣлозерскихъ воиновъ, и шла далѣе сухимъ путемъ. Передовый отрядъ, увидѣвъ вдали конницу, готовился къ битвѣ; но мнимые непріятели оказались Половцами, которые также воевали Болгарію, и хотѣли служить Всеволоду. Вмѣстѣ съ ними Россіяне осадили такъ называемый Великій городъ въ землѣ *Серебряныхъ* Болгаровъ, какъ сказано въ лѣтописи[52]. Юный племянникъ Всеволодовъ, Изяславъ Глѣбовичь, братъ Князя Переславскаго[53], не хотѣлъ ждать общаго приступа,

Г. 1183. Война съ Болгарами.

и между тѣмъ, какъ Бояре совѣповались въ шапрѣ у Великаго Князя, одинъ съ своею дружиною ударилъ на Болгарскую пѣхоту, споявшую въ укрѣпленіи предъ городомъ; пробился до воротъ, но уязвленный стрѣлою въ сердце, палъ на землю. Воины принесли его въ станъ едва живаго. Сей случай спасъ городъ: ибо Великій Князь, видя спраданіе любимаго, мужественнаго племянника, не могъ ревностно заниматься осадою, и въ десятый день, заключивъ миръ съ жипелями, отступилъ къ ладіямъ, гдѣ Бѣлозерцы до его прибытія одержали побѣду надъ соединенными жипелями прехъ городовъ Болгарскихъ, хопѣвшихъ испребить суда Россіянъ. Тамъ Изяславъ скончался, и Всеволодъ съ гореспію возвратился въ сполицу, опправивъ конницу въ Владиміръ чрезъ землю Мордвы (нынѣшнюю Симбирскую и Нижегородскую Губерніи).

Народъ Липовскій.

Въ сіе время Россія западная узнала новыхъ враговъ, опасныхъ и жеспокихъ. Народъ Липовскій, въ печеніе спа-пятидесяти лѣтъ подвласпный ея Князьямъ, дикій, бѣдный, плапилъ имъ дань шкурами, даже лыками и вѣниками[54]. Непреспанныя наши междоусобія, раздѣленіе земли Кривской и слабоспь каждаго Удѣла въ особенносши, дали способъ Липовцамъ не только освободипься опъ зависимосши, но и превожипь набѣгами обласши Россійскія. Трубя въ длин-

ныя свои прубы, они садились на борзыхъ лѣсныхъ коней и какъ люпые звѣри спре-
мились на добычу: жгли селенія, плѣняли жипелей, и наспигаемые опрядами воин-
скими, не хопѣли бипься спѣною: разсы-
паясь во всѣ спороны, пускали спрѣлы из-
дали, мепали дропики, исчезали и снова
являлись. Такъ сіи грабипели, не смопря на
зимній холодъ, ужасно опуспошили Псков-
скую обласпь. Новогородцы, не успѣвъ за-
щипипь ее, винили въ помъ своего Князя,
Ярослава Владиміровича, и на его мѣспо —
Г. 1184. кажепся, съ согласія Всеволодова — призвали
къ себѣ изъ Смоленска Давидова сына, Мспи-
слава.

Въ Россіи южной Князья соединили силы,
чпобы смирипь Половцевъ: Свяпославъ Кі-
Война съ Половцами. евскій, Рюрикъ съ двумя племянниками[55],
Владиміръ Переяславскій (внукъ Долгорука-
го), Глѣбъ Юрьевичь Туровскій (правнукъ
Свяпополка-Михаила) съ брапомъ Яросла-
вомъ Пинскимъ, Всеволодъ и Мспиславъ,
сыновья Ярослава Луцкаго, Мспиславъ Всево-
лодковичь Городненскій и дружина Галицка-
го. Они пять дней искали варваровъ за
Днѣпромъ. Князь Владиміръ, начальникъ пе-
редоваго опряда, вспупилъ въ бипву съ
Половцами. «Мнѣ должно наказапь ихъ за
«разореніе моей Переяславской обласпи,»
сказалъ онъ спарѣйшему изъ Князей, Свя-
пославу Кіевскому, и смѣло успремился на
многочисленныя полпы непріяпелей, копо-

рые заранѣе объявили его и всѣхъ нашихъ Воеводъ своими плѣнниками, но успрашен-
ные однимъ грознымъ видомъ полку Влади- 30 Іюля.
мірова, бѣжали въ спепи. Россіяне на бере-
гахъ Угла или Орели взяли 7000 плѣнныхъ
(и въ помъ числѣ 417 Князьковъ), множе-
спво коней Азіапскихъ и всякаго оружія.
Славный свирѣпоспію Ханъ Половецкій,
Кончакъ, былъ пакже разбипъ ими близъ
Хороля, не смопря на его самоспрѣльные,
необыкновенной величины луки, (едва напя-
гиваемые пяпидесяпью воинами) и на искус-
пво бывшаго съ нимъ *Бесерменина* или Ха- Огне-
разскаго Турка, *стрѣлявшаго живымъ ог-* стрѣ-
немъ, какъ сказано въ лѣпописи[56]: вѣро- льное
япно *Греческимъ*, а можепъ быпь и поро- ору-
хомъ. Кіевляне догнали сего хипреца въ жіе.
бѣгспвѣ и предспавили Свяпославу со всѣ-
ми его снарядами, но, кажепся, не восполь-
зовались оными.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ поржеспво Рос- Бѣд-
сіянъ обрапилось въ гореспь. Князья Сѣ- спвіе
верскіе, Игорь Новогородскій, брапъ его Иго-
Всеволодъ Трубчевскій, и племянникъ ихъ[57], ря.
не имѣвъ учаспія въ побѣдахъ Свяпослава,
завидовали имъ, и хопѣли еще важнѣйшихъ;
взяли у Ярослава Всеволодовича Чернигов- Апрѣ-
скаго пакъ называемыхъ *Ковуевъ* — едино- ля 13,
племенныхъ, какъ вѣроятно, съ Черными 1185г.
Клобуками — и пошли къ Дону. Случившее- Маія
ся погда запмѣніе солнца казалось ихъ 1.
Боярамъ предзнаменованіемъ несчаспнымъ.

«Друзья и брапья!» сказалъ Игорь: «пай-
«ны Божеспвенныя никому не свѣдомы, а
«намъ не миновапь своего рока.» Онъ пере-
правился за Донецъ. Всеволодъ, брапъ Иго-
ревъ, шелъ изъ Курска инымъ пупемъ: со-
единясь на берегахъ Оскола, войско обра-
пилось къ Югу, къ рѣкамъ Дону и Салу,
ѳеапру блеспящихъ побѣдъ Мономаховыхъ[58].
Кочующіе памъ варвары извѣспили своихъ
единоплеменниковъ о сей новой грозѣ, пред-
спавляя имъ, чпо Россіяне, дерзнувъ зай-
пи споль далеко, безъ сомнѣнія хопяпъ
совершенно испребипь весь родъ ихъ. По-
ловцы ужаснулись, и безчисленными полпа-
ми двинулись опъ самыхъ дальнихъ бере-
говъ Дона на вспрѣчу смѣлымъ Князьямъ.
Люди благоразумные говорили Игорю: «Князь!
«непріяпели многочисленны; удалимся: пе-
«перь не наше время.» Игорь опвѣщспво-
валъ: «Мы будемъ осмѣяны, когда, не обна-
«живъ меча, возвращимся; а спыдъ ужаснѣе
«смерпи.» Въ первой бипвѣ Россіяне оспа-
лись побѣдипелями, взяли спанъ непріяпе-
лей, ихъ семейспва; ликовали въ завоеван-
ныхъ вежахъ и говорили другъ другу: «Чпо
«скажупъ пеперь наши брапья и Свяпо-
«славъ Кіевскій? Они сражались съ Полов-
«цами, еще *смотря на Переяславль*, и не
«смѣли иппи въ ихъ землю; а мы уже въ
«ней, скоро будемъ за Домомъ и далѣе въ
«спранахъ приморскихъ, гдѣ никогда не
«бывали опцы наши; испребимъ варваровъ

«и пріобрѣтемъ славу вѣчную.» Сія гордость витязей мужествевныхъ, но малоопытныхъ и неосторожныхъ, имѣла для нихъ самыя гибельныя слѣдствія. Разбитые Половцы соединились съ новыми толпами, опрѣзали Россіянъ отъ воды, и въ ожиданіи еще большей помощи, не хотѣли сразиться *копьями*, три дни дѣйствуя однѣми *стрѣлами*. Число варваровъ безпрестанно умножалось. Наконецъ войско нашихъ Князей открыло себѣ путь къ водѣ: тамъ Половцы со всѣхъ сторонъ окружили его. Оно билось храбро, отчаянно. Изнуренные кони худо служили всадникамъ: предводители спѣшились вмѣстѣ съ воинами. Одинъ раненный Игорь ѣздилъ на конѣ, ободряя ихъ, и снявъ съ себя шлемъ, чтобы они видѣли его лице и тѣмъ великодушнѣе умирали. Всеволодъ, братъ Игоревъ, оказалъ рѣдкое мужество, и наконецъ остался безъ оружія, изломивъ свое копіе и мечь. Почти никто не могъ спастися: всѣ легли на мѣстѣ или съ Князьями были отведены въ неволю. Въ Россіи узнали о семъ бѣдствіи, случившемся на берегахъ Каялы (нынѣ Кагальника), отъ нѣкоторыхъ купцевъ, тамъ бывшихъ. «Скажите въ Кіевѣ (говорили имъ Полов-«цы), что мы теперь можемъ обмѣняться «плѣнниками.» Князья, Вельможи, народъ оплакивали несчастныхъ; многіе лишились братьевъ, отцевъ, ближнихъ сродниковъ. Святославъ Кіевскій ѣздилъ иногда въ Кара-

чевъ[59]: на возвратномъ пути услышавъ печальную вѣсть, залился слезами и сказалъ: «я жаловался на легкомысліе Игоря: теперь «еще болѣе жалуюсь на его злосчастіе.» Онъ собралъ Князей подъ Каневымъ, но распустилъ ихъ, когда Половцы, боясь сего ополченія, удалились отъ границъ Россіи. Не хотѣвъ идти по слѣдамъ Владѣтелей Сѣверскихъ, чтобы не имѣть той же участи, Святославъ былъ причиною новыхъ бѣдствій: ибо варвары, успокоенные его

Мужество Владиміра.

робостію, снова явились, взяли нѣсколько городовъ на берегахъ Сулы, осадили Переяславль. Мужественный Владиміръ Глѣбовичь вспрѣтилъ ихъ подъ стѣнами и бился какъ Герой; кровь текла изъ ранъ его; дружина ослабѣвала. Видя опасность Князя любимаго, всѣ граждане вооружились и едва спасли Владиміра, уязвленнаго тремя копьями[60]. Половцы, взявъ городъ *Римъ* или нынѣшній Роменъ, опустошивъ множество селъ близъ Путивля и напомнивъ Россіянамъ бѣдственныя времена Всеволода I или Святополка-Михаила, ушли, обремененные плѣнниками, въ свои вежи. Но, къ утѣшенію Сѣверянъ, Игорь Святославичь возвратился. Онъ жилъ въ неволѣ подъ надзираніемъ благосклоннаго къ нему Хана Кончака; имѣлъ при себѣ слугъ, Священника, и могъ забавляться ястребиною охотою. Одинъ изъ Половцевъ, именемъ Лаверъ, вызвался бѣжать съ нимъ въ Россію. Князь Игорь от-

вѣщспвовалъ: «я могъ уйпи во время бипвы, но не хопѣлъ обезславипь себя бѣгспвомъ; не хочу и пеперь.» Однакожь, убѣжденный совѣпомъ вѣрнаго своего Конюшаго, Игорь воспользовался пемнопою ночи и сномъ варваровъ, упоенныхъ крѣпкимъ кумысомъ; сѣлъ на коня, и въ 11 дней пріѣхалъ благополучно въ городъ Донецъ[61]. Сынъ его Владиміръ, оспавленный имъ въ плѣну, женился памъ на дочери Хана Кончака и возвращился къ опцу черезъ два года, вмѣспѣ съ дядею Всеволодомъ (коего называ-
ютъ Лѣтописцы Героемъ, или, по ихъ сло- Герой Всево-
вамъ, *удалѣйшимъ* изъ всѣхъ Ольговичей, лодъ.
величеспвеннымъ наружноспію, любезнымъ душею). Сія гибель дружины Сѣверской, плѣнъ Князей и спасеніе Игоря описаны со многими обспояпельспвами въ особенной древней, испорической повѣспи, украшенной цвѣпами воображенія и языкомъ Спихопворспва.

Въ печеніе слѣдующихъ осьми лѣпъ Половцы по мирились, по воевали съ Россіянами, имѣя успѣхъ и неудачи[62]. Сіи маловажныя сшибки не предспавляютъ ничего доспопамяпнаго для Исторіи. Одинъ сынъ Рюриковъ, юный Роспиславъ, опличался въ оныхъ мужесспвомъ и былъ грозою варваровъ, предводипельспвуя Торками и Берендѣями, иногда вѣрными спражами обласпей Торки
Кіевскихъ, иногда измѣнниками: пакъ ихъ и Бе-
знаменипый чиновникъ или Князекъ, име- рендѣи.

немъ Куипувдѣй, оскорбленный Свяпославомъ, ушелъ къ Половцамъ, и долго грабилъ съ ними села Днѣпровскія. Чпобы обезоружипь сего храбраго наѣздника, Рюрикъ далъ ему городокъ Дверепъ на берегахъ Роси. Народъ благословлялъ согласіе Рюрика съ Свяпославомъ, копорые единодушно дѣйспвовали для его внѣшней безопасноспи. Первый, женапый на сеспрѣ Князей Пинскихъ или Туровскихъ, правнукѣ Свяпополка-Михаила, спарался быпь защипникомъ и сего края: онъ ходилъ съ войскомъ на Липву, какъ бы предвидя, чпо она будепъ для нашего опечеспва еще опаснѣе Половцевъ.

Междоусобіе Князей Рязанскихъ нарушило внупренній миръ и спокойспвіе въ Россіи воспочной. Глѣбовичи Романъ, Игорь, Владиміръ, умышляли на жизнь меньшихъ бращьевъ, Всеволода и Свяпослава, сперва пайно, а наконецъ осадили ихъ въ Пронскѣ[63]. Великій Князь былъ заняпъ шогда новымъ походомъ рапи своей на Болгаровъ; когда же Воеводы его возвращились оппуда съ добычею и съ плѣнниками, онъ рѣшился прекрапипь вражду злобныхъ бращьевъ. Напрасно Послы его благоразумно предспавляли имъ, чпо добрые Россіяне и единокровные должны извлекапь мечь полько на враговъ иноплеменныхъ. Романъ, Игорь, Владиміръ, опвѣпспвовали гордо, чпо они не имѣюпъ нужды въ совѣпахъ и хопяпъ

Г. 1186—87. Междоусобіе въ Рязани.

быпь независимы. Обольщенный ими, Свя-
послав̀ъ измѣнилъ меньшему брапу, Всево-
володу, бывшему у Великаго Князя, и сдалъ
имъ Пронскъ, гдѣ находилось 300 человѣкъ
дружины Владимірской. Романъ взялъ ихъ въ
плѣнъ вмѣспѣ съ женою, дѣпьми, Боярами
Всеволода Глѣбовича. Сіи безразсудные мя-
пежники скоро увидѣли опасноспь, и спа-
рались умилоспивипь Великаго Князя. Они
склонили Черниговскаго Епископа Порфирія
(коего Епархія заключала въ себѣ и Рязан-
скую область), быпь ихъ ходапаемъ; По-
слы Свяпослава Кіевскаго и брапа его пак-
же находились въ Владимірѣ для сего дѣла.
Но Порфирій худо исполнилъ священную
обязанноспь миропворца; дѣйспвовалъ какъ
перевѣпникъ, раздражилъ Всеволода Геор-
гіевича коварспвомъ своимъ и пѣмъ умно-
жилъ зло: ибо Великій Князь огнемъ и ме-
чемъ опуспошилъ землю Рязанскую, дер- Г. 1187.
жась правила, какъ говоряпъ Лѣпописцы,
чпо «война *славная* лучше мира поспыдна-
«го[64].»

Добродѣтели Ярослава Галицкаго.

Сей годъ доспопамяпенъ кончиною Яросла-
ва Владимірковича Галицкаго и важными ея
слѣдспвіями. Подобно опцу господспвуя
опъ горъ Карпапскихъ до успья Серепа и
Прупа, онъ имѣлъ испинныя государспвен-
ныя добродѣпели, рѣдкія въ погдашнія вре-
мена: не искалъ завоеваній, но, довольспву-
ясь своею немалою областію, пекся о бла-
годенспвіи народа, о цвѣпущемъ соспояніи

городовъ, земледѣлія; для того любилъ тишину, вооружался единственно на обидящихъ и посылалъ рать съ Боярами, думая, что дѣла гражданскія еще важнѣе воинскихъ для Государя; нанималъ полки иноплеменниковъ, и спасая тѣмъ подданныхъ отъ кровопролитія, не жалѣлъ казны. Въ 1173 году онъ нанялъ у Поляковъ войско за 3000 гривенъ серебра: успѣхи торговли и мирной промышлености доставляли ему способъ быть щедрымъ въ такихъ случаяхъ. Союзникъ Греческаго Императора Мануила, покровитель изгнаннаго Андроника, Ярославъ считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ Государей своего времени, хвалимый въ лѣтописяхъ вообще за мудрость и сильное, убѣдительное краснорѣчіе въ совѣтахъ, по коему Россіяне прозвали его *Осьмомысломъ*. Сей миролюбивый Князь не находилъ мира только въ нѣдрахъ семейства и не могъ жить въ согласіи ни съ супругою, ни съ сыномъ: первая рѣшилась навсегда съ нимъ разстаться и (въ 1181 году) скончалась Монахинею въ Владимірѣ Суздальскомъ у Всеволода, ея брата[66]; а сынъ Ярославовъ, въ третій разъ изгнанный отцемъ, напрасно искавъ пристанища у Князей Волынскихъ, Смоленскаго, даже у Великаго Князя, жилъ два года въ Путивлѣ у своего зятя, Игоря Сѣверскаго, и хотя наконецъ, посредствомъ Игорева старанія, примирился съ отцемъ, но имѣя склонности развратныя,

непресπанно огорчалъ его. Тѣмъ болѣе Ярославъ любилъ меньшаго, побочнаго сына, именемъ Олега, прижитаго имъ съ несчасπною Анасπасіею. Гоповясь къ смерπи, онъ три дни прощался со всѣми: Бояре, Духовные, граждане, самые нищіе πѣснилось во дворцѣ къ одру умирающаго. Изъявивъ чувсπва набожныя и Христіанскія, смиреніе предъ Богомъ и людьми; назначивъ богатые вклады въ церкви, въ монасπыри, и велѣвъ раздаπь часπь казны бѣдным, Ярославъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ Олега: Владиміра же наградилъ только Перемышлемъ, взявъ съ него и съ Бояръ клятву исполнить сіе завѣщаніе. Но Бояре, едва предавъ землѣ πѣло Государя, изгнали Олега (ушедшаго къ Рюрику въ Овручь), и возвели Владиміра на πресπолъ.

Они раскаялись: ибо новый Государь, πмѣя опвращеніе опъ дѣлъ, пилъ день и ночь, презиралъ успавы Церкви и нравсπвенносπи, женился впорымъ бракомъ на Попадьѣ; сверхъ того, удовлепворяя гнусному любосπрасπію, безчесπилъ дѣвицъ и супругъ Боярскихъ. Негодованіе сдѣлалось общимъ; въ домахъ, на улицахъ и площадяхъ народъ жаловался громогласно. Въ сосѣдсшвенной области Владимірской господсπвовалъ тогда Князь извѣсπный мужесπвомъ, умомъ, дѣяπельносπію, Романъ Мсπиславичь, коπорый еще въ лѣπахъ нѣжной юносπи, подъ спѣнами Новагорода, смиривъ

Г. 1188. Слабосπи и бѣдсшвіе Князя Владиміра.

гордость Андрея Боголюбскаго, заслужилъ пѣмъ вниманіе Россіянъ. Многими блестящими свойствами достойный своего предка, Мономаха, онъ, къ несчастію, жертвовалъ властолюбію правилами добродѣтели, и будучи сватомъ Владиміру, веселился его распутствомъ и народнымъ озлобленіемъ, ибо думалъ воспользоваться слѣдствіями онаго. Имѣя тайную связь съ Галицкими Вельможами, Романъ хотѣлъ открыть себѣ путь къ тамошнему престолу и совѣтовалъ имъ свергнуть Князя столь порочнаго. Сіи внушенія не остались безъ дѣйствія. Волненіе и шумъ въ столицѣ пробудили усыпленнаго нѣгою Владиміра. Дворъ Княжескій наполнился людьми; но заговорщики, не увѣренные въ согласіи добрыхъ, терпѣливыхъ гражданъ, опасались возложить руку на Государя, и зная его малодушіе, послали сказать ему, чтобы онъ избралъ супругу достойнѣйшую, выдалъ имъ Попадью для казни, правительствовалъ какъ должно или готовился къ слѣдствіямъ весьма несчастнымъ. Ихъ желаніе исполнилось: по есть, устрашенный Владиміръ бѣжалъ въ Венгрію съ женою, двумя сыновьями и наслѣдственными сокровищами. Бояре призвали Романа княжить въ Галичѣ.

Властолюбіе Романа.

Плоды льстивыхъ внушеній и коварства оказались непрочными для сего властолюбиваго Князя. Бела, Король Венгерскій, не уступая ему въ коварствѣ, осыпалъ Влади-

міра ласками, дружескими увѣреніями, и немедленно выступилъ къ Галичу со всѣми силами, чтобы смирить мятежныхъ подданныхъ, какъ говорилъ онъ, и возвратить престолъ изгнаннику. Давно Короли Венгерскіе, бывъ и друзьями и непріятелями мужественныхъ, умныхъ Князей Галицкихъ, опъ Василька до Ярослава, завидовали ихъ странѣ плодоносной, богатой также минералами и въ особенности солью, которая издревле шла въ южную Россію и въ сосѣдственныя земли. Бела обрадовался случаю присоединить такую важную область къ Венгріи. Еще Романъ не утвердился на новомъ престолѣ; многіе граждане и Вельможи ему не доброхотствовали, ибо опасались его крутаго нрава и гордаго самовластія. Свѣдавъ, что Венгры сходятъ съ горъ Карпатскихъ, онъ успѣлъ только захватить казну и выѣхалъ изъ Галича съ Боярами, ему преданными. Король безъ сопротивленія вошелъ въ столицу. Уже Владиміръ, изъявляя благодарность добрымъ союзникамъ, думалъ, что они могутъ immi обрапно; но вѣроломный Бела вдругъ объявилъ своего сына, Андрея, *Королемъ Галицкимъ*, съ согласія легкомысленныхъ Бояръ, обольщенныхъ его увѣреніями, что Андрей будетъ царствовать по ихъ уставамъ и волѣ. Сего не довольно: Бела, отнявъ у Владиміра и сокровища и свободу, возвра-

Вѣроломство Короля Венгерскаго.

пился съ нимъ въ Венгрію какъ съ плѣнникомъ.

Коварство Белы торжествовало: Романово было наказано. Сей Князь, отправляясь господствовать въ Галичѣ, уступилъ всю область Волынскую брату, Всеволоду Мстиславичу Бельзскому, который уже не хотѣлъ впустить его въ городъ Владиміръ: запворилъ ворота и сказалъ: »я здѣсь Князь, а не ты!» Изумленный Романъ — лишась такимъ образомъ и пріобрѣтенной и наслѣдственной области — искалъ защиты у Рюрика и Ляховъ. Первый былъ ему тестемъ, а Государь Польскій, Казимиръ Справедливый, дядею по матери. Братъ Казимировъ, Мечиславъ Старый, безъ успѣха приступалъ къ Владиміру, желая возвратить сей городъ любимому ими племяннику. Безъ успѣха также ходилъ Романъ съ дружиною тестя въ землю Галицкую: жители и Венгры отразили его. Наконецъ Рюрикъ угрозами принудилъ Всеволода Мстиславича отдать Владимірское Княженіе старшему брату.

Князья наши не думали вступишься за несчастнаго Владиміра Галицкаго — посаженнаго Королемъ Белою въ каменную башню, но съ прискорбіемъ видѣли иноплеменниковъ господами прекраснѣйшей изъ областей Россійскихъ. Между тѣмъ хитрый Бела, имѣя дружелюбныя сношенія съ Святославомъ Кіевскимъ, старался увѣрить его въ

Г. 1189.

своемъ безкорыстіи, и даже обѣщалъ со временемъ отдать ему Галичь; а Святославъ, вопреки условіямъ тѣснаго союза, заключеннаго имъ съ Рюрикомъ, тайно послалъ одного изъ сыновей къ Королю для переговоровъ. Рюрикъ свѣдалъ и досадовалъ. Принявъ совѣтъ Митрополита, они согласились-было изгнать Венгровъ изъ Галича; но Святославъ, уступая Рюрику сіе Княженіе, требовалъ Овруча, Бѣлагорода и всѣхъ другихъ областей Днѣпровскихъ. Рюрикъ не хотѣлъ того, и Галичь остался за Венграми, впрочемъ не надолго.

Сынъ Князя Іоанна Берладника, умершаго въ Ѳессалоникѣ, двоюродный племянникъ Ярослава Галицкаго, именемъ Ростиславъ, подобно отцу скитался изъ земли въ землю и нашелъ пристанище въ Смоленскѣ. Онъ имѣлъ друзей въ отечествѣ, гдѣ народъ, неохотно повинуясь иноземнымъ властителямъ, и нѣкоторые Бояре желали видѣть его на престолѣ. По согласію съ ними Ростиславъ, уѣхавъ отъ Давида Смоленскаго, съ малымъ числомъ воиновъ явился предъ стѣнами Галича, въ надеждѣ, что всѣ граждане къ нему присоединятся. Но Андрей оградилъ себя полками Венгерскими, взялъ съ жителей, волею и неволею, присягу въ вѣрности и вообще такія мѣры, что сынъ Берладниковъ, вмѣсто друзей, встрѣтилъ тамъ однихъ враговъ многочисленныхъ. Видя неудачу, измѣну или робость Галичанъ, Ро-

Благородство сына Берладникова.

спиславъ не думалъ спасаться бѣгствомъ; сказалъ дружинѣ: «лучше умереть въ своемъ отечествѣ, нежели скитаться по чужимъ землямъ; предаю суду Божію тѣхъ, которые меня обманули» — и бросился въ средину непріятелей. Тяжело раненный, онъ упалъ съ коня и былъ привезенъ въ столицу, гдѣ народъ, тронутый его жалостною судьбою, хотѣлъ возвратить ему свободу. Чтобы утишить мятежъ, Венгры, какъ сказано въ лѣтописи, приложили *смертное зелiе* къ язвѣ Роспислава, и сей несчастный Князь, доспойный лучшей доли, скончался, имѣвъ только время удостовѣриться въ народной къ нему любви; а граждане, изъявивъ оную, раздражили своего Короля. Правленiе Андреево, дотолѣ благоразумное, снисходительное, обратилось въ насилiе. Венгры мстили Галичанамъ какъ измѣнникамъ, нагло и неистово: отнимали женъ у супруговъ, ставили коней въ домы Боярскiе, въ самыя церкви; позволяли себѣ всякаго рода злодѣйства. Народъ вопилъ, съ нетерпѣнiемъ ожидая случая избавиться отъ ига: онъ представился.

Князь Владимiръ въ Имперiи.

Владимiръ Галицкiй, заключенный съ женою и съ дѣтьми у Короля Венгерскаго, нашелъ способъ уйти: изрѣзалъ шаперъ, поставленный для него въ башнѣ, свилъ изъ холста веревки, спустился по онымъ внизъ и бѣжалъ къ Нѣмецкому Императору, Фридерику Барбароссѣ. Такъ сынъ Ярослава

Великаго искалъ нѣкогда покровительства Императора Генрика IV; но привезъ сокровища въ Германію, а Владиміръ могъ только обѣщать, и дѣйствительно вызвался ежегодно платить Фридерику 2000 гривенъ серебра, буде его содѣйствіемъ отниметъ Галичь у Венгровъ. Императоръ — неизвѣстно, какимъ образомъ — зналъ Великаго Князя Суздальскаго и весьма ласково принялъ Владиміра, слыша, что онъ сынъ Всеволодовой сестры. Хотя, занятый тогда важнымъ намѣреніемъ ратоборствовать въ Палестинѣ съ Героемъ Востока, Саладиномъ, Фридерикъ не могъ послать войска къ берегамъ Днѣстра, однакожь далъ Владиміру письмо къ Казимиру Справедливому, которое имѣло счастливое для изгнанника дѣйствіе: ибо сей Монархъ Польскій, завидуя Венграмъ въ пріобрѣтеніи земли Галицкой, и вѣдая, сколь ихъ господство противно ея жителямъ, не отказался отъ предлагаемой ему чести быть покровителемъ несчастнаго Князя, вѣроломно обманутаго Белою; надѣялся на Галичанъ, и не обманулся[66]. Бывъ недовольны правленіемъ Владиміровымъ, они еще гораздо болѣе ненавидѣли Венгровъ; и когда услышали, что сей Князь съ Воеводою Краковскимъ, знаменитымъ Николаемъ, идетъ къ ихъ границамъ: то всѣ единодушно возстали, изгнали Андрея и вспрѣтили Владиміра съ радостію; а Белѣ остался стыдъ и титулъ *Короля Галицкаго*, съ

Г. 1190. Изгнаніе Венгровъ изъ Галича.

1190 года употребляемый въ его грамотахъ[67]. Еще не миновались опасности для Владиміра: худо вѣря безкорыстію Поляковъ, боясь Венгровъ, Романа Волынскаго и собственнаго народа, онъ прибѣгнулъ къ дядѣ, Великому Князю, не хотѣвъ дополѣ искать въ немъ милости; смиренно винился, обѣщалъ исправиться, и писалъ къ нему: «Будь моимъ отцемъ и Государемъ: я Божій «и твой со всѣмъ Галичемъ; желаю тебѣ «повиноваться, но только тебѣ одному.» Сіе покровительство, согласное съ долгомъ родства, было лестно и для гордости Всеволода, который, взявъ оное на себя, извѣстилъ о томъ всѣхъ Князей Россійскихъ и Казимира: послѣ чего Владиміръ могъ безопасно господствовать до самой смерти.

Г. 1178 — 95. Браки.

Чтимый внутри и внѣ Россіи, Всеволодъ хотѣлъ искренняго взаимнаго дружелюбія Князей, и старался утвердить оное новымъ свойствомъ, выдавъ дочь свою за племянника Святославова, — другую, именемъ Верхуславу, за Рюриковича, мужественнаго Ростислава, а сына своего Константина, еще десятилѣтняго, женивъ на внукѣ умершаго Романа Смоленскаго[68]. Юность лѣтъ не препятствовала брачнымъ союзамъ, коихъ требовала польза государственная. Верхуслава также едва вступила въ возрастъ отрковицы, когда родители послали ее къ жениху въ Бѣлгородъ. Сія свадьба была одною изъ великолѣпнѣйшихъ, о коихъ упоминается въ на-

шихъ древнихъ лѣтописяхъ. За невѣстою пріѣзжали въ Владиміръ шуринъ Рюриковъ, Глѣбъ Туровскій, и знатнѣйшіе Бояре съ супругами, щедро одаренные Всеволодомъ. Оптмѣнно любя Верхуславу, отецъ и мать дали ей множество золота и серебра; сами проводили милую, осьмилѣтнюю дочь до препьяго спана и со слезами поручили сыну Всеволодовой сестры, который долженъ былъ, вмѣстѣ съ первыми Боярами Суздальскими, везти невѣсту. Въ Бѣлѣгородѣ Епископъ Максимъ совершалъ обрядъ вѣнчанія, и болѣе двадцати Князей пировали на свадьбѣ. Рюрикъ, слѣдуя древнему обычаю, въ знакъ любви отдалъ снохѣ городъ Брагинъ. Сей Князь, тесть Игорева сына, жилъ въ мирѣ со всѣми Ольговичами, и въ случаѣ споровъ о границахъ или Удѣлахъ прибѣгалъ къ посредству Всеволодову. Такъ Святославъ (въ 1190 году) желалъ присвоить себѣ часть Смоленскихъ владѣній; но Рюрикъ и Давидъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ обезоружили его, представляя, что онъ взялъ Кіевъ съ условіемъ не требовать ничего болѣе и забыть споры, бывшіе при Великомъ Князѣ Ростиславѣ; что ему остается или исполнить договоръ или начать войну. Святославъ далъ имъ слово впредь не нарушать мира, и сдержалъ оное, довольный честію первенства между Князьями южной Россіи. Уступивъ Черниговъ брату, Ярославу Всеволодовичу, а Рюрику знатную часть

Кіевской области, не имѣя ни Переяславля, ни Волыніи, онъ не могъ равняться силою съ древними Великими Князьями, но подобно имъ именовался Великимъ и возспановилъ независимоспь Кіева. Всеволодъ Георгіевичь уважалъ въ Свяпославѣ опытнаго спарца (власы сѣдые были погда правомъ на почтеніе людей); предвидя его близкую кончину, удерживалъ до времени свое власполюбіе и терпѣлъ нѣкопорую зависимоспь могущеспвенной области Суздальской опъ Кіева по дѣламъ церковнымъ. Вмѣспѣ съ народомъ или знаменишыми гражданами избирая Епископовъ для Роспова, Суздаля, Владиміра, но посылая ихъ спавиться къ Мипрополипу Никифору, преемнику Конспантинову, онъ всегда опправлялъ Пословъ и къ Свяпославу, пребуя на по его Княжескаго соизволенія[69]: ибо власпь духовная была пѣсно связана съ гражданскою, и Мипрополипъ дѣйспвовалъ согласно съ желаніемъ Государя. Никифоръ хопѣлъ нарушипь сей успавъ въ Россіи, самовласпно посвяпивъ въ Епископы Суздалю одного Грека; но Всеволодъ не принялъ его, и Мипрополипъ поспавилъ инаго, назначеннаго Великимъ Княземъ и одобреннаго Свяпославомъ. — Между пѣмъ, желая приближипься къ древней сполицѣ, Всеволодъ возобновилъ городъ Осперъ, разрушенвый Изяславомъ Мспиславичемъ[70]: Тіунъ Суздальскій пріѣхалъ шуда власпвовапь именемъ Князя. Южный Перея-

Временная независимость Кіева.

славль также зависѣлъ отъ Всеволода, который отдалъ его, по смерти Владиміра Глѣбовича, другому племяннику, Ярославу Мстиславичу. Вся *Украйна*, по словамъ Лѣтописца, оплакала сего мужественнаго Владиміра, ужаснаго для Половцевъ, добраго, безкорыстнаго, любившаго дружину и любимаго ею. Добродѣтели Владиміра Глѣбовича.

Когда почти вся Россія наслаждалась тишиною, Смоленская и Новогородская область представляютъ намъ ужасы мятежа и картину воинской дѣятельности. Давидъ Ростиславичь, господствуя въ Смоленскѣ, не былъ любимъ народомъ. Не имѣя твердыхъ государственныхъ законовъ, основанныхъ на опытѣ вѣковъ, Князья и подданные въ нашемъ древнемъ отечествѣ часто дѣйствовали по внушенію страстей; сила казалась справедливостію: иногда Государь, могущественный усердіемъ и мечами дружины, угнеталъ народъ; иногда народъ презиралъ волю Государя слабаго. Неясность взаимныхъ правъ служила поводомъ къ мятежамъ, и Смоляне, однажды изгнавъ Князя[71], хотѣли и впорично утвердить народную власть такимъ же дѣломъ. Но Давидъ былъ смѣлъ, рѣшителенъ; не уступилъ гражданамъ и не жалѣлъ ихъ крови; казнилъ многихъ и возстановилъ порядокъ. Безпокойства въ Смоленскѣ и Новгородѣ.

Сынъ Давидовъ, Мстиславъ, года два жилъ спокойно въ Новѣгородѣ: вмѣстѣ съ отцемъ ходилъ воевать Полоцкую область

и заключилъ миръ съ ея жипелями, копорые вспрѣшили ихъ на границѣ съ дарами[72]. При семъ же Князь Новогородцы, опуспошивъ часпь Финляндіи, привели оппуда многихъ плѣнниковъ. Но духъ раздора не замедлилъ обнаружипься въ Республикѣ: народъ возненавидѣлъ нѣкопорыхъ знапныхъ гражданъ, осудилъ на смерпь, бросилъ съ моспа въ Волховъ. Юный Мспиславъ не предупредилъ зла, и казался слабымъ. Въ вину ему поспавили, можепъ быпь, и гибель чиновниковъ, ѣздившихъ погда для собранія дани въ Заволочье, въ спрану Печорскую и Югорскую, гдѣ Новгородъ господспвовалъ и давалъ законы народамъ полудикимъ, богапымъ драгоцѣнными звѣриными кожами: сіи чиновники и товарищи ихъ были убипы жипелями, хопѣвшими освободипься опъ ига Россіянъ. Въ слѣдспвіе пого и другаго происшеспвія Новогородцы изгнали Мспислава, прибѣгнули опять ко Всеволоду, и желая впорично имѣпь Княземъ свояка его, Ярослава Владиміровича. Тѣснѣйшая связь съ могущеспвеннымъ Государемъ Суздальскимъ обѣщала имъ споль важныя выгоды для внупренней порговли, чпо они согласились забыпь прежнюю досаду на Ярослава, и цѣлыя девяпь лѣпъ перпѣли его какъ въ счасппливыхъ, пакъ и въ неблагопріяпныхъ обспояпельспвахъ. Первый годъ Ярославова княженія, или 1188, ознаменовался чрезвычайною хлѣбною доро-

говизною (четверть ржи стоила болѣе двухъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) и важною ссорою съ Варягами, Гопландцами и другими народами Скандинавскими. Новогородцы задержали ихъ купцевъ, разослали по темницамъ; не пустили своихъ за море; отправили назадъ Пословъ Варяжскихъ и не хотѣли съ ними договариваться о миръ. Шведскіе Лѣтописцы сказываютъ, что въ сей годъ Россіяне, соединясь съ жителями Эстоніи и Корелами, приходили на судахъ въ окрестности Стокгольма, убили Архіепископа Упсальскаго, взяли 14 Іюля древній торговый городъ Шведскій Сигтуну, опустошили его такъ, что онъ уже навѣки утратилъ свое прежнее цвѣтущее состояніе, и вмѣстѣ со многими драгоцѣнностями похитили серебряныя церковныя врата, которыми украсилась Соборная церковь Новогородская[73]. Недовольные тогда Варягами, Новогородцы могли возбудить Эстонцевъ къ опустошенію приморской Швеціи; могли дать имъ и нѣкоторыхъ воиновъ: но участіе Россіянъ въ семъ предпріятіи безъ сомнѣнія было не важно, когда современные Лѣтописцы наши о томъ не упоминаютъ, описывая обстоятельно малѣйшія военныя дѣйствія ихъ времени; на примѣръ, какъ Псковитяне (въ 1190 году) разбили сихъ самыхъ Эстонцевъ, которые на семи *шнекахъ* или судахъ приходили грабить въ окрестностяхъ тамошняго озера; какъ Но-

Ссора съ Варягами.

Воинскіе подвиги.

вогородцы съ Корелами (въ 1191 году) воевали бѣдную землю Финновъ, жгли памъ селенія, испребляли скопъ. Тогда же Ярославъ Владиміровичь, имѣвъ на границѣ свиданіе съ Князьями Кривскими или Полоцкими, согласился вмѣспѣ съ ними иппи зимою на Липву или Чудь; богапо одаренный союзниками, возвращился въ Новгородъ, и по условію вспупивъ въ Ливонскую землю, взялъ Дерппъ, множесшво плѣнниковъ и всякаго роду добычи. Въ слѣдующій годъ, лѣпомъ, сей Князь самъ оспался во Псковѣ, а Дворъ его, или дружина, съ опрядомъ Псковипянъ завосвали *Медвѣжью Голову* или Оденпе, распросправнивъ огнемъ и мечемъ ужасъ въ окреспносшяхъ[74]. Тогдашнее сосшояніе Чудскаго народа было самое несчасшное: Россіяне, ссылаясь на древнія права свои, шребовали опъ него дани, а Шведы перемѣны Закона. Папа Александръ III шоржесшвенно обѣщалъ сѣвернымъ Каполикамъ вѣчное блаженспво, ежели язычники Эспонскіе приБѣдсшвія Чуди.

знаюпъ въ немъ Апосполькаго Намѣспника: съ Лапинскою Библіею и съ мечемъ Шведы выходили на воспочные берега моря Бальпійскаго и наказывали идолопоклонниковъ за ихъ упорспво въ заблужденіяхъ язычесшва. Россіяне — Новогородцы, Кривичи — изъявляли менѣе ревносши къ обращенію невѣрныхъ и не хошѣли *насиліемъ* просвѣщапь людей; но счипали жипелей Эспоніи и Ливоніи своими подданными, на-

казывая ихъ какъ мятежниковъ, когда они желали независимости. Въ сіе время, по сказанію древнѣйшаго Лѣтописца Ливонскаго, славился могуществомъ *Князь Полоцкій Владиміръ:* онъ господствовалъ до самаго устья Двины, и власть его надъ южною Чудскою землею была вообще столь извѣстна, что благочестивый старецъ Меингардъ, усердный Нѣмецкій Католикъ, пріѣхавъ около 1186 года съ купцами Нѣмецкими въ Ливонію, просилъ у него дозволенія мирно обращать тамошнихъ язычниковъ въ Христіанство[75]: на что Владиміръ охотно согласился, и даже отпустилъ Меингарда съ дарами изъ Полоцка, не предвидя вредныхъ слѣдствій, которымъ скоро надлежало открыться для Россіянъ отъ властолюбія Папъ и Духовенства Римскаго. Меингардъ имѣлъ успѣхъ въ важномъ дѣлѣ своемъ: основалъ первую Христіанскую церковь въ Икскулѣ вмѣстѣ съ маленькою крѣпостію (не далеко отъ нынѣшней Риги); училъ язычниковъ Закону и военному искусству для ихъ безопасности; крестилъ волею и неволею; однимъ словомъ, утвердилъ тамъ Вѣру Латинскую. Нѣмцы въ Ливоніи.

Новогородцы, желая отмстить народу Югорскому за убіеніе ихъ собирателей дани, въ 1193 году послали туда Воеводу съ дружиною довольно многочисленною. Жители, хотя свирѣпые обычаемъ и дикіе нравами, имѣли уже города. Воевода, взявъ одинъ изъ оныхъ, пять недѣль стоялъ подъ

другимъ, терпя нужду въ съѣстныхъ припасахъ. Осажденные увѣряли его въ своей покорности, называли себя Новогородскими слугами, и нѣсколько разъ обѣщали вынести обыкновенную дань[76]: *соболей, серебро* (что, какъ надобно думать, получали они мѣною опъ дальнѣйшихъ народовъ Сибирскихъ). Серебро Сибирское. Неосторожный Воевода, приглашенный ими, въѣхалъ въ городъ съ двѣнадцатью чиновниками и былъ изрубленъ въ куски; такую же участь имѣли и другіе 80 Россіянъ, вошедшіе за ними. На третій день, Декабря 6, жители сдѣлали вылазку и почти совсѣмъ испребили осаждающихъ, изнуренныхъ голодомъ. Спаслося менѣе ста человѣкъ, которые, долгое время скитаясь по снѣжнымъ пустынямъ, не могли дать о себѣ никакой вѣсти Новогородцамъ, безпокойнымъ о судьбѣ ихъ, и возвратились уже чрезъ 8 мѣсяцевъ. Вмѣсто того, чтобы итти въ храмъ и благодарить Небо, спасшее ихъ опъ погибели, сіи несчастные вздумали судиться предъ народомъ, обвиняли другъ друга въ измѣнѣ, въ тайномъ сношеніи со врагами во время осады города Югорскаго. Дѣло, весьма неясное, кончилось убіеніемъ прехъ гражданъ и взысканіемъ пени съ иныхъ, мнимыхъ преступниковъ.

Всеволодъ Суздальскій и Святославъ Кіевскій держали равновѣсіе Государства: Новгородъ, Рязань, Муромъ, Смоленскъ, нѣкоторыя области Волынскія и Днѣпровскія;

подвластныя Рюрику, признавали Всеволода своимъ Главою: Ольговичи и владѣтели Кривскіе повиновались Святославу, который, не смотря на то, чувствовалъ превосход- ство силъ на сторонѣ Великаго Князя, и слѣдуя внушеніямъ благоразумія, свойствен- наго опытной старости, не дерзалъ явно ему противоборствовать. Такъ, имѣя ссору о границахъ съ Князьями Рязанскими, и го- товый вмѣстѣ съ другими Ольговичами объявить имъ войну, онъ не могъ начать ее безъ дозволенія Всеволодова[77]: требовалъ онаго, не получилъ, и долженъ былъ мирно возвратиться изъ Карачева. На семъ пути Святославъ занемогъ: чувствуя сильную боль въ ногѣ, лѣтомъ ѣхалъ въ саняхъ до рѣки Десны, гдѣ сѣлъ въ лодку; изъ Кіева немедленно отправился въ Вышегородъ: об- лилъ слезами раку Святыхъ Мучениковъ, Бориса и Глѣба; хотѣлъ поклониться тамъ гробу отца своего, но видя дверь сего при- дѣла запертую, спѣшилъ возвратиться къ супругѣ. Онъ жилъ только недѣлю; могъ еще однажды выѣхать изъ дворца къ обѣд- нѣ; слабѣлъ, едва говорилъ и лежалъ нако- нецъ въ усыпленіи; за нѣсколько же часовъ до смерти вдругъ поднялся на одрѣ и спросилъ у супруги: когда будутъ Маккавеи? день, въ который умеръ отецъ его. Въ Понедѣль- никъ, отвѣтствовала Княгиня. «И такъ «мнѣ не дожить!» сказалъ онъ. Княгиня ду- мала, что ему привидѣлся сонъ, и хотѣла

г. 1194 — 95.

Кончина и характеръ Святослава.

знапь оный. Свяпославъ не оппвѣпспвовалъ ей, громко чипая: *вѣрую во единаго*; опправилъ гонца за Рюрикомъ, велѣлъ поспричь себя въ Монахи и преспавился.... Непосшоянный опъ юноспи, нѣкогда другъ и предашель Мспиславичей, Мономаховыхъ внуковъ; по врагъ, по союзникъ Долгорукаго и дядей своихъ, Черниговскихъ Владѣпелей; жерпвуя испинными государспвенными добродѣпелями, справедливоспію, чеспію, выгодамъ Полипики личной; безсовѣспный въ оппношенiи не только къ Мономахову попомспву, но и къ своимъ единокровнымъ, сей Князь имѣлъ однакожь доспоинспва: умъ необыкновенный, цѣломудріе, презвоспь, всю наружносшь усерднаго Хриспіанина и щедроспь къ бѣднымъ. Имя Государя Кіевскаго, напоминая знаменипосшь древнихъ Князей Великихъ, доспавляло ему уваженіе опъ Монарховъ сосѣдспвенныхъ. Бела Венгерскій искалъ его дружбы: сильный Казимиръ пакже. Женивъ сына, именемъ Всеволода Чермнаго, на дочери Казимировой[78], Маріи (скоро умершей Иноки-нею въ Кіевскомъ, ею основанномъ монаспыръ Св. Кирилла), Свяпославъ помолвилъ внуку, Евфимію, дочь Глѣбову, за Греческаго Царевича (можепъ быпь, Исаакіева сына, Алексія IV), и не дожилъ до ея брака, успѣвъ единспвенно выслапь Бояръ на вспрѣчу къ Имперапорскимъ сановникамъ, ѣхавшимъ за невѣспою.

Княжна Евфимія за Греч. Царевичемъ.

Вѣроятно, что Рюрикъ уступилъ Святославу Кіевъ единственно по его смерти, и что Всеволодъ утвердилъ сей договоръ, извѣстный Князьямъ, Вельможамъ и гражданамъ. Любимый вообще за свою привѣтливость, Рюрикъ былъ встрѣченъ народомъ и Митрополитомъ со крестами; а Великій Князь прислалъ Бояръ возвести его на тронъ Кіевскій, желая тѣмъ ознаменовать зависимость онаго отъ Государей Суздальскихъ, хотя Рюрикъ, подобно Святославу, также назывался *Великимъ Княземъ* и самовластно располагалъ городами Днѣпровскими. Онъ г. звалъ къ себѣ брата, Давида Смоленскаго, 1195. чтобы вмѣстѣ съ нимъ назначить Удѣлы своимъ сыновьямъ и Владиміровичамъ, внукамъ Мстислава Великаго. Давидъ провелъ Пиры въ Кіевѣ. для того нѣсколько дней въ Кіевѣ, посвященныхъ дѣламъ государственнымъ и веселью. Рюрикъ, сынъ его Ростиславъ Бѣлогородскій и Кіевляне давали ему пиры. Давидъ также угостилъ ихъ. Берендѣи, Торки, самые Монахи пировали у сего Князя; и между тѣмъ, какъ роскошь изливала свой тукъ на Княжескихъ трапезахъ, благотворительность не забывала и нищихъ. Обычай достохвальный: тогда не было праздника для богатыхъ, безъ милостыни для бѣдныхъ. Вообще сіи народныя угощенія, обыкновенныя въ древней Россіи, установленныя въ началѣ гражданскихъ обществъ и долго поддерживаемыя благоразуміемъ государ-

спвенным, предспавляли карпину, можно сказапь, восхипипельную. Государь, какъ испинный хозяинъ, подчивалъ гражданъ; пилъ и ѣлъ вмѣспѣ съ ними; Вельможи, Тіуны, Воеводы, знаменипыя духовныя особы смѣшивались съ безчисленными полпами госпей всякаго сосповнія; духъ брапспва оживлялъ сердца, пипая въ нихъ любовь къ опечеспву и къ Вѣнценосцамъ.

Признавъ Всеволода *старшимъ* и Главою Князей, Рюрикъ имѣлъ въ немъ надежнаго покровипеля; однакожъ искалъ еще другой опоры, и будучи шеспемъ Романа Мспиславича Волынскаго, опдалъ ему пять городовъ Кіевскихъ: Торческъ, Каневъ, Триполь, Корсунь и Богуславъ. Всеволодъ оскорбился. «Я спаршій въ Мономаховомъ родѣ,» велѣлъ онъ сказапь Рюрику: «кому обязанъ «пы Кіевомъ? но забывая меня, опдаешь «города инымъ младшимъ Князьямъ. Не оспа«риваю власпи пвоей: господспвуй и дѣ«лись оною съ друзьями! Увидимъ, могупъ «ли они защипить пебя!» Желая умилоспивить Всеволода, свапъ его предлагалъ ему особенный Удѣлъ въ Кіевской области; но Великій Князь пребовалъ для себя городовъ опданныхъ Мспиславичу. Въ сомнѣніи и нерѣшимоспи Рюрикъ призвалъ на совѣпъ Никифора Мипрополипа; съ одной спороны не хопѣлъ нарушипь слова своего въ разсужденіи зяпя, а съ другой боялся Всеволода. «Мы поспавлены опъ Бога мирипь

Миролюбіе

«Государей въ землѣ Русской,» оппвѣпспво- Духо-
валъ Мипрополипъ: «всего ужаспѣе крово- вен-
«пролипіе. Исполни волю спарѣйшаго Князя. спва.
«Если Мспиславичь назовепъ шебя кляшво-
«преспупникомъ, по я беру грѣхъ на себя;
«а пы можешь удовольспвоваппь зяпя ины-
«ми городами.» Самъ Романъ изъявилъ согла-
сіе взяпь другую область или деньги въ
замѣну Удѣла, и распря прекрапилась; но
когда Всеволодъ, опправивъ Намѣспниковъ
въ города Днѣировскіе, подарилъ Торческъ
зяпю своему, Рюрикову сыну, Волынскій
Князь вознегодовалъ на шеспя, счипая себя Гнѣвъ
обманупымъ; не хопѣлъ жипь съ его до- Рома-
черью[79]; принуждалъ бѣдную супругу уда- на.
липься въ монаспырь, и вспупилъ въ друж-
бу съ Ярославомъ Черниговскимъ, совѣпуя
ему завоевапь Кіевъ. Тогда Рюрикъ, обли-
чивъ зяпя въ умыслахъ непріяпельскихъ и
велѣвъ *повергнуть предъ нимъ грамоты*
крестныя, обрапился къ Всеволоду Георгіе-
вичу. «Государь и брапъ!» сказали Послы
его: «*Романко* измѣнилъ намъ и дружится
«со врагами Мономахова племени. Вооружим-
«ся и сядемъ на коней!» Предвидя, чпо Ве-
ликій Князь вспупится за Рюрика, Мспи-
славичь искалъ союзниковъ въ Польшѣ, гдѣ
юные сыновья Казимировы гоповились оп-
разипь дядю, власполюбиваго Мечислава.
Они сами имѣли нужду въ помощи, и му-
жесптвенный Романъ за нихъ ополчился, го-
воря дружинѣ своей, чпо услуга даепъ пра-

во на взаимную услугу, и что побѣдивъ дядю, онъ будетъ располагать силами благодарныхъ племянниковъ. Уже войска спояли другъ пропивъ друга. Мечиславъ требовалъ мира, предлагая нашему Князю быть посредникомъ. Бояре Россійскіе также не хотѣли кровопролитія; но пылкій Князь, вопреки ихъ совѣту, далъ знакъ битвы. Польскіе Историки пишутъ, что онъ повелѣвалъ только однимъ крыломъ, а Воевода Краковскій, Николай, другимъ и срединою. Сражались съ утра до вечера. Мечиславъ побѣдилъ, и Романъ, жестоко уязвленный, велѣлъ *нести* себя къ предѣламъ Волыніи. Знаменитый Епископъ Краковскій, Фулько, ночью догналъ его и заклиналъ возвратиться, боясь, чтобы непріятель не взялъ столицы. «Не имѣя ни силы въ рукахъ, ни «воиновъ, отчасти убитыхъ, отчасти разсѣянныхъ, могу ли быть вамъ полезенъ?» сказалъ ему Мстиславичь; а на вопросъ Епископа: *что жь дѣлать?* отвѣтствовалъ: «защищать столицу, пока соберемся съ си«лами[80].» Романъ отправилъ изъ Владиміра Пословъ въ Кіевъ; обезоружилъ тестя смиреннымъ признаніемъ вины своей, и чрезъ ходатайство Митрополита получилъ отъ Рюрика два города въ награжденіе.

Битва въ Польшѣ.

Великій Князь, Рюрикъ и братъ его, Давидъ Смоленскій, требовали отъ Черниговскаго и всѣхъ Князей Олегова рода, чтобы они присягнули за себя и за дѣтей своихъ

никогда не искать ни Кіева, ни Смоленска, и довольствовались лѣвымъ берегомъ Днѣпра, отданнымъ ихъ прадѣду, Святославу[81]. Ольговичи не хотѣли того. «Мы готовы» — говорили они чрезъ Пословъ Всеволоду Георгіевичу — «*блюсти* Кіевъ за тобою или «за Рюрикомъ; но если желаешь навсегда «удалить насъ отъ престола Кіевскаго, по «знай, что мы не Венгры, не Ляхи, а потомки Государя единаго. Властвуйте, пока «вы живы когда жь васъ не будетъ, древ«няя столица да принадлежитъ достойнѣйшему, по волѣ Божіей!» Всеволодъ грозилъ имъ: они на все согласились; а Рюрикъ отпустилъ наемныхъ Половцевъ, и въ доказательство своего миролюбія обѣщалъ Ярославу Черниговскому исходатайствовать ему у брата Витебскъ, гдѣ княжилъ Василько Брячиславичь, зять Давидовъ, племянникъ Всеслава Полоцкаго. пежный духъ Ольговичей.

Но Ольговичи нарушили клятвенный обѣтъ мира: не дождавшись Пословъ ни Всеволодовыхъ, ни Давидовыхъ, съ коими надлежало имъ во всемъ условиться, въ концѣ зимы выступили съ войскомъ къ Витебску и начали грабить Смоленскую область. Племянникъ Давида, Мстиславъ Романовичь, сватъ Великаго Князя, хотѣлъ опразить ихъ. Ольговичи имѣли время изготовиться къ битвѣ, соединились съ Князьями Полоцкими, Васильком Володаревичемъ и Борисомъ Друцкимъ; заняли выгодное мѣсто, и *при-* Г. 1196.

топтали снѣгъ вокругъ себя, чтобы тѣмъ удобнѣе дѣйствовать оружіемъ. Мстиславъ вышелъ съ полками изъ лѣса, напалъ стремительно и смялъ рать Черниговскую, надъ коею начальствовалъ Олегъ Святославичь; но Воевода Смоленскій, Михалко, въ то же время бѣжалъ, не дерзнувъ сразиться съ Полочанами, которые, видя Олега разбитаго, ударили съ тылу на полки Мстислава. Сей храбрый Князь, гнавъ Черниговцевъ, увидѣлъ себя окруженнаго новыми рядами непріятелей, и долженъ былъ сдаться[82]. Зять Давидовъ, юный Князь Рязанскій, и Ростиславъ Владиміровичь, внукъ Мстислава Великаго, едва могли спастися. Они принесли Смоленскому Князю вѣсть о семъ несчастіи; а Ярославъ Черниговскій, обрадованный блестящимъ успѣхомъ своего племянника, и слыша, что жители Смоленска не любятъ Давида, хотѣлъ съ новыми полками итти прямо къ сему городу. Рюрикъ остановилъ его. «Ты не имѣешь совѣсти,» писалъ онъ къ нему изъ Овруча: «и такъ «возвращаю тебѣ грамоты крестныя, по- «бою нарушенныя. Иди къ Смоленску: я «пойду къ Чернигову. Увидимъ, кто будетъ «счастливѣе.» Ярославъ оправдывался, жалуясь на Давида и Князя Витебскаго; обѣщалъ безъ выкупа освободить плѣннаго Мстислава Романовича, требуя единственно того, чтобы Рюрикъ отступилъ отъ союза съ Великимъ Княземъ. «У насъ дѣла

«общія,» отвѣщствовалъ Рюрикъ: «буде «искренно желаешь мира, то дай свободный «путь моимъ Посламъ чрезъ твою область «ко Всеволоду и Давиду; мы всѣ готовы «примиришься.» Но Ярославъ, будучи коварнымъ, считалъ и другихъ таковыми; не вѣрилъ ему; занялъ всѣ дороги; препятствовалъ сообщенію между областями Кіевскою, Смоленскою и Суздальскою. Началась война, или, лучше сказать, грабительство въ предѣлахъ Днѣпровскихъ. Отвергнувъ великодушныя правила Мономахова Дому, Рюрикъ не устыдился нанять дикихъ Половцевъ для опустошенія Черниговскихъ владѣній и *полнилъ руки* варварамъ, какъ сказано въ лѣтописи.

Ольговичи имѣли союзниковъ въ Князьяхъ Полоцкихъ: тѣ и другіе считали себя угнетенными и старѣйшими Мономаховыхъ наслѣдниковъ. Они нашли друга и между послѣдними: мужественнаго Романа Волынскаго, который искалъ всѣхъ способовъ возвыситься; слѣдуя одному правилу *быть сильнымъ*, не уважалъ никакихъ иныхъ, ни родства, ни признательности. Обязанный благодѣяніями шестія, онъ забылъ ихъ: помнилъ только, что Рюрикъ взялъ у него назадъ города Днѣпровскіе. Отдохнувъ послѣ несчастной битвы съ Мечиславомъ Старымъ, Романъ снова предложилъ союзъ Ольговичамъ и послалъ рать свою воевать область Смоленскую и Кіевскую. Сіе нечаян-

Неблагодарность Романова.

ное нападеніе уменьшило на время запруд-неніе Ярослава, но собспвенную область Романову подвергнуло бѣдспвіямъ опуспошенія: съ одной спороны Роспиславъ, сынъ Рюриковъ, а съ другой племянникъ его, Мспиславъ, сынъ Мспислава *Храбраго*, вмѣспѣ съ Владиміромъ Галицкимъ плѣнили множеспво людей въ окреспноспяхъ Каменца и Перемиля. Самъ Рюрикъ оспался въ Кіевѣ: ибо узналъ, чпо Всеволодъ наконецъ рѣшипельно дѣйспвуепъ прошивъ Ольговичей, соединился съ Давидомъ, съ Князьями Рязанскими, Муромскими, съ Половцами, — завоевалъ область Вяпичей и думаепъ вспупипь въ Черниговскую. Ярославъ видѣлъ себя въ крайней опасносши; но, скрывая боязнь, изгоповился къ сильному оппору: укрѣпилъ города, нанялъ спепныхъ Половцевъ, оспавилъ въ Черниговѣ двухъ Свяпославичей, и расположился спаномъ близъ пемныхъ лѣсовъ, сдѣлавъ вокругъ засѣки, подрубивъ всѣ мосты. Впрочемъ ему легче было поссорипь враговъ своихъ хипросшію, нежели силою одолѣпь ихъ: пакъ онъ и дѣйспвовалъ.

Изъявляя вмѣспѣ и миролюбіе и неуспрашимосшь, Ярославъ послалъ сказапь Всеволоду: «Любезный брапъ! пы взялъ нашу «опчину и доспояніе. Желаешь ли загла-«дишь насиліе дружбою? Мы любви не убѣ-«гаемъ и гопповы заключипь миръ согласно «съ пвоею верховною волею. Желаешь ли

«бипвы? не убѣгаемъ и того. Богъ и Свя-
«пый Спасъ разсудяпъ насъ въ полѣ.» Все-
володъ хопѣлъ знапь мнѣніе Князей Смо-
ленскаго, Рязанскихъ и Бояръ. Давидъ про-
пивился миру, говоря: «Ты далъ слово мо-
«ему брапу соединиться съ нимъ подъ Чер-
«ниговымъ, и памъ или разрушипь власпь
«коварныхъ Ольговичей или заключипь миръ
«общій; а пеперь думаешь одинъ вспупипь
«въ переговоры? Рюрикъ не будепъ дово-
«ленъ побою. Ты велѣлъ ему начапь вой-
«ну; для тебя онъ предалъ огню и мечу
«свою область. Можешь ли безъ него ми-
«ришься?» То же говорили и Князья Рязан-
скіе; но Всеволодъ, недовольный смѣлыми
предспавленіями, велѣлъ сказапь Ольгови-
чамъ, чпо соглапаепся забыпь ихъ вину,
если они возвранятъ свободу Мспиславу
Романовичу, опкажупся опъ союза съ Ро-
маномъ Волынскимъ, и выгоняпъ мяпежнаго
Ярополка, сего славнаго чудеснымъ прозрѣ-
ніемъ слѣпца, копорый, будучи взяпъ въ
плѣнъ Великимъ Княземъ[85], ушелъ изъ не-
воли и жилъ въ Черниговѣ. Ярославъ не
принялъ полько одного условія, касапельно
Романа Волынскаго, желая быпь и впредь
его другомъ. Согласились во всемъ прочемъ,
и съ обыкновенными священными обрядами
упвердили миръ, къ великому огорченію
Рюрика. Хопя Всеволодъ далъ ему знапь,
чпо Ольговичи клялись никогда не прево-
жипь ни Кіевскихъ, ни Смоленскихъ обла-

спей; но Рюрикъ осыпалъ его укоризнами. «Такъ поступаютъ одни вѣроломные,» отвѣтствовалъ сей Князь Всеволоду: «для «тебя я озлобилъ зятя, отдавъ тебѣ го- «рода его; ты же заставилъ меня воевать «съ Ярославомъ, который лично не сдѣлалъ «мнѣ зла и не искалъ Кіева. Въ ожиданіи «твоего содѣйствія прошли лѣто и зима; «наконецъ выступаешь въ поле и миришь- «ся самъ собою, оставивъ главнаго врага, «Романа, въ связи съ Ольговичами и госпо- «диномъ области, имъ отъ меня получен- «ной.» Слѣдуя внушенію досады, Рюрикъ отнялъ у Всеволода города Кіевскіе, и тѣмъ оскорбивъ его, приготовилъ для себя важ- ныя несчастія, лишенный Великокняжескаго покровительства. Всеволодъ безъ сомнѣнія поступилъ въ семъ случаѣ несправедливо. Имѣя тайныя намѣренія, онъ не хотѣлъ совершеннаго паденія Черниговскихъ Князей, чтобы не усилить тѣмъ Кіевскаго и Смоленскаго, равно пропивныхъ замышляемому имъ Единовластію. Равновѣсіе ихъ силъ казалось ему до времени согласнѣе съ его пользою.

Политика Всеволода.

Смиривъ Ольговичей и по видимому защитивъ союзниковъ, Великій Князь съ торжествомъ возвратился въ столицу, какъ Государь любимый народомъ и побѣдитель. Въ Смоленскѣ, въ Черниговѣ сдѣлались важныя перемѣны, благопріятныя для его властолюбія[81]. Давидъ, благородный, муже-

Октября 6.

сшвенный, предчувсшвуя свой конецъ, усшупилъ прошъ племяннику, Мсшиславу Романовичу, посшригся вмѣсшѣ съ супругою, опправилъ юнаго сына, именемъ Консшаншина, на воспишаніе къ брашу Рюрику, и велѣлъ неспи себя, уже больнаго, изъ дворца въ Обишель Смядынскую, гдѣ и прешавился въ молишвахъ (пяшидесяши-семи лѣшъ опъ рожденія), оплакиваемый дружиною, иноками, мирными гражданами (ибо сшропшивые не любили его). Лѣшописцы, уважая дѣла набожносши болѣе государсшвенныхъ, сказываюшъ, чшо никшо изъ Князей Смоленскихъ не превзошелъ Давида въ украшеніи храмовъ; чшо церковь Св. Михаила, имъ созданная, была великолѣпнѣйшею *въ странахъ полуношныхъ*, и чшо онъ ежедневно посѣщалъ ее. Но сей Князь, Хриспіанинъ усердный, слылъ грозою мяшежниковъ и злыхъ: набожносшь не ослабляла въ немъ сшрогосши правосудія, и веледушной гордосши Княжеской, прошивной Андрею Боголюбскому, непріяшной и Всевлоду, который пѣмъ болѣе любилъ Давидова наслѣдника, своего добродушнаго свашa, ему преданнаго. — Въ Чернигозѣ умеръ Ярославъ, вѣрный послѣдовашель брашней, коварной сисшемы, и Великій Князь съ удовольсшвіемъ свѣдалъ, чшо Игорь Сѣверскій, спарѣйшій въ родѣ, сѣлъ на шамошнемъ знамениюмъ пресшолѣ: ибо сей внукъ Олеговъ менѣе другихъ славился козподѣйсшвомъ.

Г. 1197. Апрѣля 23.

Сшрогосшь и веледушіе Давида.

Г. 1198.

Не имѣя опасныхъ совмѣстниковъ внупри Россіи, Всеволодъ спарался уптвердить безопасность границъ своихъ. Половцы за деньги служили ему, но въ по же время, кочуя опъ нынѣшней Слободской Украинской до Сараповской Губерніи, безпокоили его южныя владѣнія, особенно же предѣлы Рязанскіе: онъ сильнымъ ополченіемъ успрашилъ варваровъ, ходилъ съ юнымъ сыномъ, Конспантиномъ, во глубину спепей, вездѣ жегъ зимовья Половецкія, и Ханы, снявъ свои многочисленныя вежи, опъ береговъ Дона съ ужасомъ бѣжали къ морю.

Война съ Половцами.

Г. 1196. —201. Всеволодъ подчиняетъ себѣ Новгородъ.

Чего Андрей желалъ напрасно, то сдѣлалъ хипрый Всеволодъ: онъ на нѣсколько лѣпъ совершенно подчинилъ себѣ мятежную первобытную сполицу нашихъ Князей. Во время раздора его съ Ольговичами, повинуясь ему, лучшіе Новогородцы, не только военные люди, но и самые купцы, ходили съ Ярославомъ въ Великія Луки, чтобы удерживать Кривскихъ Владѣтелей и препятствовать ихъ соединенію съ Черниговцами. Ярославъ Владиміровичь уже имѣлъ тогда многихъ непріятелей въ Новѣгородѣ: Посадникъ, чиновники ѣздили ко Всеволоду, прося его, чтобы онъ вывелъ опъ нихъ свояка и далъ имъ сына. Великій Князь задержалъ сихъ Пословъ, а Новогородцы, тѣмъ оскорбленные, изгнали Ярослава, къ сожалѣнію добрыхъ, миролюбивыхъ людей, которыхъ сторона рѣдко бываетъ сильнѣйшею. На-

родъ, обольщенный безразсудными, хотѣлъ доказать свою независимость, и сынъ Князя Черниговскаго[85], избранный большинствомъ голосовъ, пріѣхалъ въ Новгородъ, не господствовать, но быть игралищемъ своевольныхъ. Между тѣмъ Ярославъ, съ согласія жителей, остался въ Торжкѣ; бралъ дань въ окрестностяхъ Мсты и за Волокомъ. Новогородцевъ вездѣ ловили какъ непріятелей, толпами приводили въ Владиміръ. Дѣйствуя осторожнѣе Андрея, Всеволодъ не думалъ осаждать ихъ столицы: мѣшалъ имъ только купечествовать въ Россіи и собирать налоги въ Двинской землѣ, зная, что любостяжаніе скоро одержитъ верхъ надъ упрямствомъ людей торговыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ шесть мѣсяцевъ сынъ Князя Черниговскаго долженъ былъ ѣхать назадъ къ отцу: Сотники Новогородскіе явились во дворцѣ у Всеволода, извинялись, молили, обѣщали, и Ярославъ къ нимъ возвратился, провождаемый множествомъ ихъ освобожденныхъ сограждан. Народъ торжествовалъ прибытіе сего Князя какъ отца и благотворителя, удивляясь своему прежнему заблужденію. Тишина возстановилась: Князь властвовалъ благоразумно, судилъ справедливо, взялъ нужныя мѣры для защиты границъ и смирилъ Полочанъ, дерзнувшихъ вмѣстѣ съ Литвою злодѣйствовать вокругъ Великихъ Лукъ[86]. Но Всеволодъ, недовольный своякомъ, при-

звалъ его къ себѣ, и чего прежде не хотѣлъ сдѣлать въ угодность народу, по народъ сдѣлалъ въ угодность Великому Князю: Архіепископъ Мартирій и чиновники должны были, исполняя уже не свою волю, а повелѣніе Государя, ѣхать въ Владиміръ и требовать Всеволодова сына на престолъ Новогородскій. Послы сказали: «*Господинъ* Князь Великій! область наша есть «твоя *отчина*[87]: молимъ, да повелѣваешь «нами родный внукъ Долгорукаго, правнукъ «Мономаховъ!» Всеволодъ изъявилъ приворную нерѣшимость; хотѣлъ еще совѣтоваться съ дружиною, и какъ бы изъ снисхожденія далъ Новогородцамъ сына, именемъ Святослава-Гавріила, еще младенца, предписавъ имъ условія, согласныя съ честію Княжескою. Сей Государь, обласкавъ, угостивъ чиновниковъ, безъ сомнѣнія не могъ увѣрить ихъ, что славная *воля Новогородская* остается въ древней силѣ своей; однакожъ хотя наружнымъ образомъ почтивъ уставъ ея, скрылъ дѣйствіе самовластія отъ простыхъ гражданъ. Они думали, что Святославъ ими *избранъ*, и встрѣтили его съ радостію. Другіе видѣли повелителя, но молчали, ибо надѣялись жить спокойнѣе или боялись сильнаго Всеволода. Согласясь съ Посадникомъ, онъ далъ Новугороду и Архіепископа на мѣсто Мартирія, который, не доѣхавъ до Владиміра, умеръ близъ Осташкова. — Вѣроятно, что Великій

Князь окружилъ юнаго Святослава опытными Боярами, и чрезъ нихъ управлялъ областію Новогородскою, такъ же, какъ и южнымъ Переяславлемъ, гдѣ другій, десятилѣтній сынъ Всеволодовъ, Ярославъ-Ѳеодоръ, властвовалъ по кончинѣ своего двоюроднаго брата, Ярослава Мстиславича[88].

Въ сіе время Романъ Волынскій обратилъ на себя общее вниманіе пріобрѣтеніемъ сильной области и тиранствомъ удивительнымъ, если сказаніе Польскихъ Историковъ справедливо. Знаменитый родъ Володаря Галицкаго пресѣкся: сынъ Ярославовъ, Владиміръ, освободивъ наслѣдственную область свою отъ ига Венгровъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ и не оставилъ дѣтей. Вся южная Россія пришла въ движеніе: каждый Князь хотѣлъ овладѣть землею богатою, торговою, многолюдною[89]. Но Романъ Мстиславичь предупредилъ совмѣстниковъ: воспитанный при Дворѣ Казимира *Справедливаго*, связанный ближнимъ родствомъ съ его юными сыновьями и вдовствующею супругою, Еленою, дочерью Всеволода Мстиславича Бельзскаго, которая участвовала въ важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ, онъ прибѣгнулъ къ Ляхамъ, и съ ихъ помощію вступилъ въ страну Галицкую. Народъ уже зналъ и не любилъ сего Князя, жестокаго нравомъ. Вельможи, Бояре, явились въ станѣ Польскомъ, моля Казимирова сына, Герцога Лешка, «чтобы онъ самъ управлялъ

Слава и тиранство Романа.

«ими или чрезъ своего Намѣстника, и та-
«кимъ образомъ избавилъ бы ихъ опъ бѣд-
«ственнаго участія въ междоусобіи Князей
«Россійскихъ[90].» Бояре предлагали дары, се-
ребро, золото, шкани драгоцѣнныя; а гра-
ждане вооружались. Однакожь Поляки силою
возвели Романа на престолъ Галицкій. То-
гда сей Князь, озлобленный общею къ нему
ненавистію Вельможъ, началъ свирѣпствова-
ть какъ впорый Бузирисъ въ своихъ но-
выхъ владѣніяхъ. Такъ пишетъ современ-
ный Историкъ, Епископъ Кадлубекъ, повѣ-
ствуя, что Романъ умерщвилъ лучшихъ
Бояръ Галицкихъ, зарывалъ ихъ живыхъ въ
землю, четверилъ, разстрѣливалъ, изо-
брѣталъ неслыханныя муки. Многіе спаслися
бѣгствомъ въ другія земли: онъ старался воз-
вратить ихъ, обѣщая имъ всякія милости, и
не обманывалъ; но чрезъ нѣсколько времени
вымышлялъ клевету, обвинялъ сихъ легко-
вѣрныхъ во мнимомъ злоумышленіи, казнилъ
и присвоивалъ себѣ ихъ достояніе, говоря въ
пословицу: «чтобы спокойно ѣсть медо-
«вый сотъ, надобно задавить пчелъ[91].»

Можетъ быть, злословіе, легковѣріе или
пристрастіе излишно очернили свойство
Государя ужаснаго для строптивыхъ, мя-
тежныхъ Галичанъ; когда же онъ дѣй-
ствительно, играя жизнію людей, слѣдовалъ
въ своемъ правленіи сей гнусной пословицѣ,
сохраненной и въ нашихъ лѣтописяхъ: по
Князья Россійскіе могли сверженіемъ тирана

услужишь человѣчеству. Рюрикъ, Ольговичи, бывъ доволѣ въ дружбѣ съ Романомъ, хотѣли отнять у него Державу Галицкую, снисканную имъ помощію иноплеменниковъ, и соединились въ Кіевѣ, чтобы идти къ Днѣпру. Но дѣятельный Мстиславичь не потерялъ времени: они еще не вышли въ поле, когда знамена Романовы уже развѣвались на берегахъ Днѣпра. Сей хитрый Князь, имѣвъ время снестися съ могущественнымъ Всеволодомъ, съ Черными Клобуками, съ Намѣстниками многихъ южныхъ городовъ, удостовѣрился въ ихъ доброжелательствѣ. Берендѣи, Торки пріѣхали къ нему въ станъ; города не оборонялись; жители прежде битвы встрѣчали его какъ побѣдителя, и самые Кіевляне безъ малѣйшаго сопротивленія отворили Копыревскія ворота Подола. Рюрикъ, Ольговичи препетали за каменною стѣною въ верхней части города; съ радостію приняли миръ, и выѣхали изъ Кіева: Рюрикъ въ Овручь, Черниговскіе въ ихъ наслѣдственную область. — По условію, сдѣланному съ Великимъ Княземъ, отдавъ Кіевъ двоюродному брату своему, Ингварю Ярославичу Луцкому[92], Романъ спѣшилъ, ко славѣ нашего древняго оружія, защитить Греческую Имперію. Половцы опустошали Ѳракію: Алексій Комнинъ III и Митрополитъ Россійскій молили его быть спасителемъ Христіанъ единовѣрныхъ. Мужественный Романъ вступилъ въ землю Половец- Г. 1202.

кую, завоевалъ многія вежи, освободилъ плѣнныхъ Россіянъ, оплекъ варваровъ отъ Конспантинополя, и принудивъ ихъ оспавипть Оракію, съ поржествомъ возвратился въ Галичь.

Спрашный Князь Галицкій ошибся, думая, чпо Ольговичи и Рюрикъ не дерзнупъ нарушипть мира. Не жалѣя казны своей, не жалѣя опечества, они наняли множество Половцевъ и взяли приспупомъ Кіевъ. Варвары опуспошили домы, храмъ Десяпинный, Софійскій, монаспыри; умерпвили спарцевъ и недужныхъ; оковали цѣпями молодыхъ и здоровыхъ; не щадили ни знаменипыхъ людей, ни юныхъ женъ, ни Священниковъ, ни Монахинь. Одни купцы иноземные оборонялись въ каменныхъ церквахъ, споль мужеспвенно, чпо Половцы вспупили съ ними въ переговоры: удовольспвовались часпію ихъ поваровъ, и не сдѣлали имъ болѣе никакого зла. Городъ пылалъ; вездѣ спенали умирающіе; невольниковъ гнали полпами. Кіевъ никогда еще не видалъ подобныхъ ужасовъ въ спѣнахъ своихъ: былъ взяпъ, ограбленъ сыномъ Андрея Боголюбскаго; но жипели, лишенные имѣнія, оспались погда по крайней мѣрѣ свободными. Всѣ добрые Россіяне, самые опдаленные, оплакивали несчасптіе древней сполицы и жаловались на его виновниковъ. Мало по малу она снова наполнилась жипелями, копорые укрылись опъ меча Половцевъ и

Г. 1204, Генваря 1. Опустошеніе Кіева.

спаслись опть неволи; но сей городъ, дважды разоренный, лишился своего блеска. Въ церквахъ не оспалось ни одного сосуда, ни одной иконы съ окладомъ. Варвары похитили и драгоцѣнныя одежды древнихъ Князей Россійскихъ, Св. Владиміра, Ярослава Великаго и другихъ, которые на память себѣ вѣшали оныя въ храмахъ.

Рюрикъ и Черниговскіе Владѣтели, довольные злодѣяніемъ, вышли изъ Кіева: судьба наказала перваго. Романъ пришелъ съ войскомъ къ Овручу, и сверхъ чаянія предложилъ тестю миръ, убѣждая его отказаться опть союза Ольговичей; склонилъ даже и Всеволода Георгіевича забыть досаду на Рюрика и снова отдать ему Кіевъ, какъ бы въ награду за разореніе онаго. Такое удивительное великодушіе было одною хитростію: Князь Галицкій желалъ только отвлечь легковѣрнаго тестя опть Черниговскихъ Владѣтелей (которые тогда счастливо воевали съ Литвою): примирилъ ихъ со Всеволодомъ, и въ доказательство своей мнимой дружбы къ Рюрику ходилъ съ нимъ, въ жестокую зиму, на Половцевъ; взялъ не мало плѣнниковъ, скопа – и вдругъ, будучи въ Триполѣ, безъ всякой извѣстной причины велѣлъ дружинѣ схватить сего несчастнаго Князя, отвезти въ Кіевъ, заключить въ монастырь. Рюрикъ, жена его и дочь супруга Романова, въ одно время были пострижены; а сынъ его, зять Все-

Февраля 16.

По-стри-женіе Рюри-ка.

володовъ, опведенъ плѣнникомъ въ Галичь, вмѣспѣ съ меньшимъ брапомъ. Наказавъ шеспя, Романъ возвращился въ свою область, и хопя, въ угодноспь Великому Князю, ошпуспилъ Рюриковыхъ сыновей, но бѣдный опецъ остался Монахомъ. Довольный освобожденіемъ зяпя, Всеволодъ посадилъ его на прespолъ Кіевскій.

Тогда пылкій, неупомимый Романъ, успупивъ Великому Князю честь располагапь судьбою Кіева, обрапилъ свое вниманіе на Польшу, гдѣ коварный Герцогъ Мечиславъ, обманувъ юнаго Лешка, присвоилъ себѣ единовласпіе. Князь Галицкій весною вспупилъ въ областпь Сендомирскую, взялъ два города, и прекрапилъ военныя дѣйспвія, услышавъ о смерпи спараго Герцога, врага своего и побѣдипеля; но возобновилъ ихъ, свѣдавъ, чпо сынъ Мечиславовъ объявилъ себя Государемъ въ Краковѣ. Беззащипныя села были жерпвою пламени вокругъ Сендомира, и Послы Лешковы молили Романа оспавипь ихъ землю въ покоѣ. Соглашаясь на миръ, онъ пребовалъ денегъ за убыпки, имъ понесенные, и за кровь Россіянъ, убипыхъ въ сраженіи съ Мечиславомъ; опсрочилъ плапежъ, но хопѣлъ, чпобы ему опдали въ залогъ область Люблинскую. — Въ по же самое время прибылъ къ Галицкому Князю Посолъ Иннокенпія III, власполюбиваго Папы Римскаго[93]. Уже давно ревноспные проповѣдники Лапинской Вѣры желали опвpапить на-

По-сольство Папы къ Роману.

шихъ предковъ отъ Восточной Церкви: знаменитый Епископъ Краковскій, Матѳей, около половины XII вѣка торжественно возлагалъ на Аббата Клервовскаго, Миссіонарія, именемъ Бернарда, обязанность вывести ихъ изъ мнимаго заблужденія, говоря въ письмѣ къ нему, что «Россіяне живутъ «какъ бы въ особенномъ мірѣ, безчислен- «ны подобно звѣздамъ небеснымъ, и въ хлад- «ныхъ, мрачныхъ странахъ своихъ вѣдая «Спасителя единственно по имени, ожида- «ютъ теплотворнаго свѣта истинной Вѣ- «ры отъ Намѣстника Апостольскаго; что «Бернардъ, смягчивъ ихъ грубыя сердца, «будетъ новымъ Орфеемъ, Амфіономъ[94]; и проч. Сіи усердныя домогательства Римскихъ Фанатиковъ не имѣли успѣха, и Папа, слыша о силѣ Мстиславича, грознаго для Венгровъ и Ляховъ, надѣялся обольстить его честолюбіе. Велерѣчивый Посолъ Иннокентія доказывалъ нашему Князю превосходство Закона Латинскаго; но опровергаемый Романомъ, искуснымъ въ прѣніяхъ Богословскихъ, сказалъ ему наконецъ, что Папа можетъ его надѣлить городами и сдѣлать великимъ Королемъ посредствомъ меча Петрова. Романъ, обнаживъ собственный мечь свой, съ гордостію отвѣтствовалъ: «Такой ли у Папы? Доколѣ ношу его «при бедрѣ, не имѣю нужды въ иномъ, и «кровію покупаю города, слѣдуя примѣру «нашихъ дѣдовъ, возвеличившихъ землю Рус-

Отвѣтъ Романовъ.

«скую.» — Сей Князь умный скоро погибъ опъ неосторожности[95]: снова объявивъ войну Ляхамъ, споялъ на Вислѣ; съ малою дружиною опъѣхалъ опъ войска, встрѣтилъ непріятелей и палъ въ неравной битвѣ. Галичане нашли его уже мертваго. — Романъ, называемый въ Волынской Лѣтописи *Великимъ* и *Самодержцемъ всея Руси*, надолго оставилъ память блестящихъ воинскихъ дѣлъ своихъ, извѣстныхъ опъ Константинополя до Рима. Жестокій для Галичанъ, онъ былъ любимъ, по крайней мѣрѣ отлично уважаемъ, въ наслѣдственномъ Удѣлѣ Владимірскомъ, гдѣ народъ славилъ въ немъ *умъ мудрости*, *дерзость льва*, *быстроту орлиную* и *ревность Мономахову* въ усмиреніи варваровъ, подъ щитомъ Героя не боясь ни хищныхъ Ятвяговъ, дикихъ обитателей Подляшья, ни свирѣпыхъ Липовцевъ, коихъ Историкъ пишетъ, что сей Князь, одерживая надъ ними побѣды, впрягалъ несчастныхъ плѣнниковъ въ соху для обрабопыванія земли, и что въ отечествѣ ихъ до самаго XVI вѣка говорили въ пословицу: *Романе! худымъ живеши, Литвою ореши*[96]. Лѣтописцы Византійскіе упоминаюпъ объ немъ съ похвалою, именуя его *мужемъ крѣпкимъ*, *дѣятельнымъ*. Однимъ словомъ, ему принадлежитъ честь знаменитости между нашими древними Князьями. — Даніилъ и Василько, сыновья Романовы, *втораго брака*, остались еще мла-

Г. 1205.

Характеръ сего Князя.

денцами подъ надзираніемъ матери: Галичане волновались, однакожь присягнули въ вѣрности Даніилу, имѣвшему не болѣе четырехъ лѣтъ отъ рожденія.

Рюрикъ снова на престолѣ.

Постриженный Рюрикъ, услышавъ о смерти зятя и врага, ободрился; скинулъ одежду инока и сѣлъ на престолѣ въ Кіевѣ; хотѣлъ разстричь и жену свою, которая, вмѣсто того, немедленно приняла Схиму, осуждая его легкомысліе. Онъ возобновилъ союзъ съ Князьями Черниговскими и спѣшилъ къ Галичу, въ надеждѣ, что младенецъ Даніилъ не въ состояніи ему противиться, и что тамошніе Бояре не захотятъ лишить крови своей за сына, терпѣвъ много отъ жестокости отца. Но мать Даніилова взяла мѣры. Андрей, Государь Венгерскій, все еще именовался *Королемъ Галиціи;* не спорилъ объ ней съ мужественнымъ Романомъ и даже былъ его названнымъ братомъ: однакожъ не переставалъ жалѣть о семъ упраченномъ Королевствѣ и бралъ живѣйшее участіе въ происшествіяхъ онаго. Вдовствующая Княгиня видѣлась съ Андреемъ въ Санокѣ; напомнила ему дружбу Романову, представила Даніила, говорила, съ чувствительностію матери, и сдѣлала въ немъ по видимому столь глубокое впечатлѣніе, что онъ искренно далъ слово быть ея сыну вторымъ нѣжнымъ отцемъ. Дѣйствія соотвѣтствовали обѣщаніямъ. Сильная дружина Венгерская окру-

Происшествія въ Галичѣ.

жила дворецъ Княжескій, заняла крѣпостп; повелѣвая именемъ малолѣтнаго Даніила, грозила казнію внутреннимъ измѣнникамъ, и распорядила защиту отъ непріятелей внѣшнихъ, такъ что Рюрикъ, вступивъ съ Ольговичами съ Галицкую землю, встрѣтпилъ войско благоустроенное, сражался безъ успѣха, не могъ взять ни одного укрѣпленнаго мѣста и возвратился съ великимъ стыдомъ. Сынъ Рюриковъ, зять Великаго Князя, выгналъ только Ярослава Владимірович, свояка Всеволодова, изъ Вышегорода, и сюзники распустили войско. Рюрикъ уступилъ Бѣлгородъ своимъ друзьямъ Черниговскимъ, которые отдали его Глѣбу Святославичу[97].

Между тѣмъ Всеволодъ Георгіевичь спокойно господствовалъ на Сѣверѣ: отряды его войска тревожили Болгаровъ, Князья Рязанскіе отражали Донскихъ хищниковъ, а Новогородцы Литву. Жители Великихъ Лукъ съ Воеводою, именемъ Нездилою, ходили въ Летгалію, или въ южную часть нынѣшней Лифляндской Губерніи, и привели оттуда плѣнниковъ. Новая ссора Россіянъ съ Варягами — вѣроятно по торговлѣ — не имѣла никакого слѣдствія: послѣдніе должны были на все согласиться, чтобы мирно купечествовать въ нашихъ сѣверо-западныхъ областяхъ. Но Всеволодъ, будто бы желая защитить Новгородъ отъ внѣшнихъ опасныхъ непріятелей, велѣлъ объявить па-

мошнимъ чиновникамъ, что онъ даетъ имъ старшаго сына своего, Константина, ибо опрокъ Святославъ еще не въ силахъ быть ихъ покровителемъ. Надобно думать, что Бояре Владимірскіе, пѣстуны юнаго Святослава, не могли обуздывать народнаго своевольства, и что Великій Князь хотѣлъ сею перемѣною еще болѣе утвердить власть свою надъ Новымгородомъ. Двадцати-лѣтній Константинъ уже славился мудростію, великодушіемъ, Христіанскими добродѣтелями: граждане Владимірскіе съ печалію услышали, что сей любимый юноша, благотворитель бѣдныхъ, долженъ ихъ оставить. Отецъ вручилъ ему *крестъ и мечь*. «Иди управлять народомъ,» сказалъ Всеволодъ: «будь его судіею и защитникомъ. «Новгородъ *Великій* есть древнѣйшее Княженіе въ нашемъ отечествѣ: Богъ, Государь и родитель твой даютъ тебѣ старѣйшинство между всѣми Князьями Русскими. Гряди съ миромъ; помни славное «имя свое, и заслужи оное дѣлами.» Братья, Вельможи, купцы, провожали Константина: толпы народныя громогласно осыпали его благословеніями. Новогородцы также встрѣтили сего Князя съ изъявленіемъ усердія: Архіепископъ, чиновники ввели въ церковь Софійскую, и народъ присягнулъ ему въ вѣрности. Угостивъ Бояръ въ домѣ своемъ, Константинъ ревностно началъ заниматься правосудіемъ; охраняя народъ, охра-

Константинъ въ Новѣгородѣ.

Г. 1206. Марта 20.

нялъ и власпь Княжескую: хопѣлъ дѣйспвипельно господспвовапь въ своей обласпи. Мирные граждане засыпали покойно: власполюбивые и мяпежные могли быпь недовольны.

Всеволодъ не имѣлъ войны съ Черниговскими Князьями, однакожь не дозволялъ друзьямъ своимъ искапь ихъ союза. Не смотря на по, свапъ его, Мспиславъ Смоленскій, въ угожденіе Рюрику вступилъ съ ними въ пѣсную связь, и хотя, боясь упрапипь пріязнь Великаго Князя, посылалъ къ нему Епископа Смоленскаго, Игнапія, съ дружескими увѣреніями[98], но не хотѣлъ опспапь опъ Князей Черниговскихъ. Главою ихъ, по смерпи Игоря и спаршаго брапа, Олега, былъ погда Всеволодъ Чермный, сынъ Святослава, подобный опцу въ козняхъ, гордый, власполюбивый: нанявъ полпы Половцевъ, соединясь съ Рюрикомъ, Мспиславомъ Смоленскимъ и съ Берендѣями, онъ впорично предпринялъ завоевапь Галицкую область, и для вѣрнѣйшаго успѣха призвалъ Ляховъ. Увѣдомленный о томъ Король Венгерскій, Андрей, спѣшилъ защипипь юныхъ сыновей Романовыхъ. Уже полки его спуспились съ горъ Карпапскихъ; но Данiилъ и Василько не дождались прибышія Андреева. Слыша, чпо съ одной спороны идупъ Россіяне, съ другой Ляхи; видя пакже спрашное волненіе въ землѣ Галицкой, вдовспвующая Княгиня бѣжала съ дѣпьми въ

наслѣдственный Удѣлъ ея супруга, Владиміръ Волынскій. Андрей не далъ соединиться Полякамъ съ Ольговичами: спалъ между ими, близъ Владиміра, и вступилъ съ первыми въ мирные переговоры, коихъ слѣдствіемъ было то, что Венгры, Ляхи, Россіяне вышли изъ Галича; а жители, съ согласія Андреева, послали въ Переяславль за сыномъ Великаго Князя, юнымъ Ярославомъ, желая, чтобы онъ въ ихъ землѣ господствовалъ. Можетъ быть, сама вдовствующая супруга Романова убѣдила Короля Венгерскаго согласиться на сіе избраніе, въ надеждѣ, что отецъ Ярославовъ, сильный Всеволодъ Георгіевичь, вообще уважаемый, обуздаетъ тамъ народъ мятежный и со временемъ возвратитъ Даніилу достояніе его родителя. Но Черниговскіе Князья имѣли въ Галичѣ доброхотовъ, въ особенности Владислава, знатнаго Вельможу, бывшаго изгнанникомъ въ Романово время. Онъ вмѣстѣ съ другими единомышленниками представлялъ согражданамъ, что Ярославъ слишкомъ молодъ, а Великій Князь слишкомъ удаленъ отъ ихъ земли; что имъ нуженъ защитникъ ближайшій; что Ольговичи безъ сомнѣнія не оставятъ Галицкой области въ покоѣ, и что лучше добровольно поддаться одному изъ нихъ. Галичане, тайно отправивъ Пословъ въ станъ Россійскій, предложили Владиміру Игоревичу Сѣверскому быть ихъ Государемъ. Обрадованный Владиміръ ночью

укрылся опъ своихъ родныхъ, друзей, союзниковъ, не сказавъ имъ ни слова, и прискакалъ въ Галичь тремя днями ранѣе Ярослава, который долженъ былъ съ досадою ѣхать назадъ въ Переяславль.

Князья Сѣверскіе господствуютъ въ Галичѣ.

Еще гоненіе на семейство Романово тѣмъ не кончилось. Владиміръ Игоревичь, исполняя совѣтъ злопамятныхъ Галицкихъ Бояръ, велѣлъ объявить гражданамъ Владимірскимъ, чтобы они выдали ему младенцевъ, Даніила и Василька, приняли къ себѣ княжить брата его, Святослава Игоревича, или готовились видѣть разрушеніе ихъ столицы. Усердный народъ хотѣлъ убить сего Посла, спасеннаго только заступленіемъ нѣкоторыхъ Бояръ; но вдовствующая Княгиня, опасаясь злобы Галичанъ, измѣны собственныхъ Вельможъ и легкомыслія народнаго, по совѣту Мирослава, пѣстуна Даніилова, рѣшилась удалиться, и представила трогательное зрѣлище непостоянной судьбы въ мірѣ. Любимая супруга Князя сильнаго, союзника Императоровъ Греческихъ, уважаемаго Папою, Монархами сосѣдственными, въ темную ночь бѣжала изъ дворца какъ преступница, вмѣсто сокровищъ взявъ съ собою однихъ милыхъ сыновей. Мирославъ велъ Даніила, Священникъ Юрій и кормилица несли Василька на рукахъ; видя городскія ворота уже запертыя, они пролѣзли сквозь отверстіе стѣны, шли во мракѣ, не зная куда; наконецъ достигли

Бѣгство Романова семейства.

границъ Польскихъ и Кракова. Тамъ Лешко Бѣлый, умиленный несчастіемъ сего знаменитаго семейства, не могъ удержаться отъ слезъ; осыпалъ ласками Княгиню, иославъ Даніила въ Венгрію съ Вельможею Вячеславомъ Лысымъ, писалъ къ Андрею: «Ты «былъ другомъ его отца: я забылъ вражду Романову. Вступимся за изгнанниковъ; «введемъ ихъ съ честію въ области наслѣдственныя.» Андрей также принялъ сего младенца со всѣми знаками искренней любви, но болѣе ничего не сдѣлалъ, охлажденный, можетъ быть, въ своемъ великодушномъ покровительствѣ дарами Владиміра Игоревича, коего Послы, не жалѣя ни золота, ни льстивыхъ обѣщаній, усердно работали въ Венгріи и въ Польшѣ[99]. Сей бывшій Князь Удѣла Сѣверскаго, вдругъ облагодѣтельствованный счастіемъ, едва вѣрилъ своему величію, опасному и ненадежному. Безъ сопротивленія занявъ всю область Владимірскую, онъ уступилъ ее Святославу Игоревичу, а Звенигородъ другому брату, именемъ Роману.

Хитрый Всеволодъ Чермный, имѣвъ надежду самъ господствовать на плодоносныхъ берегахъ Днѣстра и Сана, безъ сомнѣнія завидовалъ Игоревичамъ; однакожь скрылъ неудовольствіе, остался имъ другомъ, и хотѣлъ иначе удовлетворить своему властолюбію. Всѣ способы казались ему позволенными: бывъ союзникомъ Рюрика и Мстис- Коварство Всеволода Чермнаго.

слава, онъ спалъ ихъ врагомъ; вооруженною рукою занялъ Кіевъ и разослалъ своихъ Намѣстниковъ по всей области Днѣпровской. Рюрикъ ушелъ въ Овручь; сынъ его, зять Великаго Князя, въ Вышегородъ, а Мстиславъ Смоленскій заключился съ дружиною въ Бѣлѣгородѣ. Они уже не имѣли права требовать защиты отъ Великаго Князя; но Чермный самъ дерзнулъ оскорбить его. «Иди къ отцу,» велѣлъ онъ сказать юному Ярославу Всеволодовичу: «Переяславль да будетъ Княженіемъ моего сы-«на! Если не исполнишь сего повелѣнія или «будешь домогаться Галича, гдѣ властвует-«ъ теперь родъ нашего славнаго предка, «Олега: то я накажу дерзкаго, слабаго юно-«шу.» Ярославъ выѣхалъ изъ Переяславля; а Всеволодъ Чермный скоро бѣжалъ изъ Кіева, нечаянно увидѣвъ, предъ стѣнами онаго, знамена Рюрика и Мстислава Смоленскаго. Онъ нанялъ Половцевъ: Рюрикъ сперва отразилъ его; но Чермный призвалъ союзниковъ, Владиміра Игоревича Галицкаго и Князей Туровскихъ, потомковъ Святополка-Михаила, неблагодарно измѣнившихъ своему зятю. Ничто не могло имъ противиться. Рюрикъ вторично удалился въ Овручь; Мстиславъ, осажденный въ Бѣлѣгородѣ, просилъ только свободы возвратиться въ Смоленскъ. Триполь, Торческъ сдалися, и Святославичь сѣлъ опять на престолѣ Кіевскомъ. Половцы торжествовали счастливый

Г. 1207.

успѣхъ союзника своего грабежемъ и злодѣйствами въ окрестностяхъ Днѣпра: бѣдный народъ, стеная, простиралъ руки къ Великому Князю.

Всеволодъ Георгіевичь наконецъ вооружился. «Южная Россія есть также мое опе-«чество,» сказалъ онъ, и выступилъ къ Москвѣ, гдѣ ожидалъ его Конспантинъ съ войскомъ Новогородскимъ[100]. На берегу Оки соединились съ нимъ Князья Муромскій и Рязанскіе. Всѣ думали, что цѣлію сего ополченія будетъ Кіевъ: случилось, чего никто не ожидалъ. Великому Князю донесли, что Рязанскіе Владѣтели суть измѣнники и пайно держатъ сторону Черниговскихъ: онъ повѣрилъ, и сказавъ словами Давида: *ядый хлѣбъ мой возвеличилъ есть на мя препиманіе*, рѣшился наказать ихъ строго. Не предвидя своего бѣдствія, они собрались въ ставкѣ у Всеволода, чтобы веселиться за Княжескимъ столомъ его[101]. Всеволодъ въ знакъ дружбы обнявъ несчастныхъ, удалился: тогда Бояринъ его и Давидъ Муромскій явились уличать дѣйствительныхъ или мнимыхъ измѣнниковъ, которые щетно именемъ Бога клялися въ своей невинности: двое изъ Князей же Рязанскихъ, Олегъ и Глѣбъ Владиміровичи, приспали къ обвинителямъ или *клеветникамъ*, по выраженію Новогородскаго Лѣтописца, и Всеволодъ осудилъ Романа Глѣбовича, Святослава (брата его) съ двумя сыновьями и племянниками

Бѣдствіе Рязанскихъ Князей.

Сентября 22.

(дѣтьми Игоря), также нѣкоторыхъ Бояръ; велѣлъ отвезти ихъ въ Владиміръ, окованныхъ тяжкими цѣпями, и вступилъ съ войскомъ въ область Рязанскую. Жители Пронска, усердные къ своимъ Государямъ, отвергнули мирныя его предложенія. Юный Князь ихъ, Михаилъ, бѣжалъ къ тестю, Всеволоду Чермному[102]; но граждане, призвавъ къ себѣ другаго Князя Рязанскаго, Изяслава Владиміровича, брата Олегова и Глѣбова, оборонялись мужественно. Непріятель стоялъ на берегу рѣки: не имѣя колодезей, изнемогая отъ жажды, они ночью выходили изъ города и въ тишинѣ наполняли сосуды водою: узнавъ о томъ, Великій Князь поставилъ стражу предъ городскими воротами. Кровь лилася ежедневно въ теченіе трехъ недѣль. Остервененіе гражданъ уступило наконецъ крайности, ибо многіе люди умирали отъ жажды. Пронскъ сдался: Всеволодъ наградилъ имъ Олега Владиміровича, можетъ быть за гнусную клевету его; взялъ множество добычи, и плѣнилъ жену Михаилову. Во время сей осады Рязанцы нападали на суда Всеволодовы, подвозившія Окою съѣстные припасы войску; но бывъ отражены, изъявили покорность. Епископъ ихъ, Арсеній[103], вступился за Великаго Князя съ моленіемъ. «Государь!» сказалъ онъ: «удержи руку мести; пощади храмы Всевышняго, гдѣ народъ приноситъ жертву Небу, и гдѣ мы за тебя молимся. Верховная во-

«ля твоя будетъ намъ закономъ.» Не имѣя надежды съ успѣхомъ пропивиться Всеволоду, народъ Рязанскій прислалъ къ нему оспальныхъ Князей своихъ, съ ихъ дѣтьми и женами, въ Владиміръ, куда сей Государь возвратился, свѣдавъ, что Рюрикъ опять выгналъ Чермнаго изъ Кіева.

Всеволодъ Георгіевичь уже не хотѣлъ разспаться съ Константиномъ: довольный Новогородцами, милостиво одарилъ ихъ въ Коломнѣ, и велѣлъ имъ итти съ миромъ въ свою отчизну, сказавъ торжественно: «Исполняю желаніе народа добраго; возвращаю «вамъ всѣ права людей свободныхъ, всѣ «уставы Князей древнихъ. Отнынѣ управляйте сами собою: любите своихъ благодѣтелей и казните злодѣевъ!» Сія удивительная рѣчь Князя властолюбиваго была хитростію: онъ зналъ неудовольствіе гражданъ, которые жаловались на отяготительныя подати и разныя дѣйствія Княжескаго самовластія. Современный Лѣтописецъ сказываетъ одно изъ оныхъ: Всеволодъ, обманутый ложнымъ доносомъ, за нѣсколько времени до Рязанскаго похода прислалъ въ Новгородъ Боярина своего и велѣлъ, безъ всякаго изслѣдованія, умертвить знатнаго гражданина, Алексѣя Сбыславича, торжественно, на Вѣчѣ Двора Ярославова. Сіе насиліе про вело всеобщее негодованіе: сожалѣли о невинной жертвѣ; видѣли, что Константинъ есть полько орудіе самовластна-

Хитрость Всеволода.

го отца, и что истинный Государь Новагорода живетъ въ Владимірѣ. Опасаясь слѣдствій такого впечатлѣнія, Великій Князь хотѣлъ польстить народу мнимымъ возстановленіемъ прежней свободы; хотѣлъ казаться единственно великодушнымъ его покровителемъ, а въ самомъ дѣлѣ остаться Государемъ Новогородцевъ; отпустилъ ихъ войско, но удержалъ въ Владимірѣ Посадника Димитрія (раненнаго въ битвѣ) и семь знаменитѣйшихъ гражданъ въ залогъ вѣрности. Между тѣмъ народъ спѣшилъ воспользоваться древнею вольностію, ему объявленною, и на шумномъ Вѣчѣ осудилъ Димитрія, доказывая, что онъ и братья его были виновниками многихъ беззаконныхъ налоговъ. Судьи обратились въ мятежниковъ: разграбили, сожгли домы обвиняемыхъ; продалъ ихъ рабовъ, села; раздѣлили деньги: каждому гражданину пришлось по нѣскольку гривенъ[104]; а Князю оставили право взыскивать платежъ съ должниковъ Димитрія по счетамъ и письменнымъ обязательствамъ. Многіе чиновники разбогатѣли, тайно присвоивъ себѣ большую часть взятаго имѣнія. Еще волненіе не утихло, когда привезли изъ Владиміра въ Новгородъ тѣло умершаго Димитрія Посадника: озлобленный народъ хотѣлъ бросить его съ моста; но Архіепископъ Митрофанъ удержалъ неистовыхъ, и велѣлъ предать оное землѣ въ Георгіевскомъ монастырѣ, подлѣ моги-

лы отца Димитріева. Сынъ Великаго Князя, Святославъ, вторично пріѣхалъ управлять Новогородскою областію; взялъ оставленную ему часть изъ имѣнія осужденныхъ и согласился довершить народную месть ссылкою ихъ дѣтей и родственниковъ въ Суздаль[105]. Не достигнувъ еще и юношескаго возраста, онъ повелѣвалъ только именемъ, и не могъ предводительствовать войскомъ, которое сражалось тогда съ Литвою подъ начальствомъ Владиміра Мстиславича: сей юный Князь, сынъ Мстислава *Храбраго*, господствовалъ во Псковѣ съ согласія Новгородцевъ или Князя ихъ. Г. 1208.

Поручивъ область Рязанскую Намѣстникамъ и Тіунамъ, Всеволодъ скоро отправилъ туда княжить сына своего, Ярослава-Ѳеодора. Народъ повиновался ему неохотно, жалѣя о собственныхъ Князьяхъ, заключенныхъ въ Владимірѣ. Лѣтописецъ Суздальскій обвиняетъ Рязанцевъ даже въ явномъ бунтѣ, сказывая, что они уморили въ темницѣ многихъ Бояръ Владимірскихъ: сею ли дерзостію или чѣмъ другимъ оскорбленный, Всеволодъ пришелъ съ войскомъ къ Рязани. Ярославъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу вмѣстѣ съ Послами, которые именемъ народа предложили свои оправданія или требованія, но столь нескромно, что Великій Князь, еще болѣе разгнѣванный, явилъ примѣръ излишней строгости: велѣлъ жителямъ выйти съ дѣтьми изъ города и зажечь его.

Напрасно хотѣли они моленіемъ смягчить грознаго судію: сія столица Удѣла знамени-
Же-сто-кость Вели-каго Кня-зя. го обратилась въ кучу пепла, и бѣдные гра-ждане, лишенные отечества, были разсе-лены по отдаленнымъ мѣстамъ Суздальска-го Княженія. Ту же участь имѣлъ и Бѣлго-родъ Рязанскій[106]. Самый Епископъ Арсеній какъ плѣнникъ былъ привезенъ въ Влади-міръ. — Князь Изяславъ Владимировичь, ко-торый спасся отъ неволи, и Михаилъ, зять Чермнаго, мстили Всеволоду опустошеніемъ Московскихъ окрестностей; но сынъ Вели-
Г. 1209. каго Князя, Георгій, разбилъ ихъ на голо-ву.

Въ сіе время дерзнулъ Владѣтель ничто-жнаго Удѣла объявить себя врагомъ Госу-даря страшнаго для иныхъ, сильнѣйшихъ
Смѣ-лость Мсти-слава. Князей. Мстиславъ, старшій сынъ Мсти-слава *Храбраго*, племянникъ Рюрика, слу-жилъ ему усердно, прославилъ себя муже-ственною, упорною защитою Торческа[107], и принужденный выѣхать оттуда, получилъ отъ Смоленскаго Князя Удѣлъ Торопецкій. Зная, сколь память отца его любезна Но-вугороду; зная, что многіе чиновники и са-мый народъ не любятъ тамъ опеки Всево-лодовой, онъ смѣло предпринялъ воспользо-ваться ихъ тайнымъ расположеніемъ; вступилъ съ дружиною въ Торжекъ, плѣнилъ Дворянъ Святославовыхъ, оковалъ цѣпями Намѣстника его, взялъ ихъ имѣніе. Посолъ Мстиславовъ явился въ Новѣгородѣ и ска-

залъ народу слѣдующія слова отъ имени Князя: «Кланяюся Святой Софіи, гробу отца моего и всѣмъ добрымъ гражданамъ. Я «свѣдалъ, что Князья угнетаютъ васъ и «что насиліе ихъ заступило мѣсто прежней вольности. Новгородъ есть моя отчина. Я пришелъ возстановить древнія права любезнаго мнѣ народа.» Сія рѣчь плѣнила Новогородцевъ: они прославили великодушіе Мстислава, единогласно объявили его своимъ Княземъ и заключили Святослава съ Боярами Владимірскими въ домѣ Архіерейскомъ. Мстиславъ, встрѣченный съ громкими восклицаніями радости, немедленно собралъ войско, желая предупредить Великаго Князя; но сей Государь, или опасаясь, чтобы Новогородцы въ озлобленіи не умертвили Святослава, или зная ихъ легкомысліе и надѣясь управиться съ ними безъ кровопролитія, не хотѣлъ битвы; предложилъ миръ, назвался отцемъ Мстислава, и довольный освобожденіемъ сына, отпустилъ всѣхъ купцевъ Новогородскихъ, задержанныхъ въ Суздальской области. Обѣ рати возвратились, не обнаживъ меча, и Константинъ, начальникъ полковъ Владимірскихъ, привезъ Святослава къ родителю.

Великій Князь, завоевавъ берега Пры, гдѣ еще держались Изяславъ и Михаилъ Рязанскіе, доказалъ любовь свою къ общему спокойствію миромъ съ Ольговичами. Глава Духовенства, Митрополитъ Матѳей, былъ

Г. 1210. Миръ съ Ольговичами.

посредникомъ, и самъ пріѣхалъ въ Владиміръ, къ удовольсшвію народа; угощенный, обласканный всѣмъ Княжескимъ Домомъ, склонилъ Всеволода предашь забвенію наглое, обидное изгнаніе сына его изъ Переяславля. Новыя кляшвы уптвердили союзъ. Всеволодъ Чермный сполъ любилъ Кіевъ, чпю согласился опдашь за него древнюю сполицу своей наслѣдсптвенной области: Рюрикъ взялъ Черниговъ, а южный Переяславль, гдѣ злодѣйсптвовали погда Половцы, осталсл Удѣломъ Великаго Княженія. Митрополитъ исходапайсптвовалъ свободу Княгинямъ Рязанскимъ, но не могъ избавипь Князей опъ неволи. Всѣ были довольны, и Чермный въ залогъ вѣрноспи прислалъ въ
Г. 1211. Апрѣля 10. Владиміръ дочь свою, копорая совокупилась бракомъ съ Георгіемъ, впорымъ сыномъ Великаго Князя.

Мятежи въ Галичѣ. Въ сіи дни общаго мира земля Галицкая была позорищемъ неуспройсптва, жерпвою коварныхъ иноплеменниковъ и собсптвенныхъ враговъ спокойсптвія. Не смопря на внѣшнія и внупреннія опасноспи, на угрозы Венгровъ и Ляховъ, на спроптивоспь народа и мяпежный духъ Бояръ, безразсудные Игоревичи искали непріяпелей другъ въ другѣ. Романъ Звенигородскій, озлобленный спаршимъ брапомъ, ушелъ въ Венгрію, и съ помощію Короля Андрея изгнавъ Владиміра Игоревича, сѣлъ на преспол Галицкомъ, къ изумленію Даніиловой мапери, копорая

надѣялась, что Андрей отдастъ сіе Княженіе сыну ея. Другой покровитель Даніиловъ также измѣнилъ своему обѣту. Видя междоусобіе Игоревичей, Лешко Бѣлый соединился съ Александромъ Бельзскимъ, сыномъ умершаго Всеволода Мстиславича, и приступилъ къ городу Владиміру. Жители не хотѣли обороняться, отворили ворота и сказали Полякамъ: «вы друзья наши; съ ва«ми племянникъ Великаго Романа.» Сіи мнимые друзья ограбили домы, церкви; плѣнили Святослава Игоревича; отдали Владиміръ Александру. Лешко женился на его дочери, Гремиславѣ; и чтобы не оставить сыновей Романовыхъ совершенно безъ Удѣла, отпустилъ малолѣтнаго Василька княжить въ Брестъ, исполняя требованіе тамошнихъ гражданъ: Александръ уступилъ ему послѣ и Бельзъ.

Такимъ образомъ ясно обнаружилось намѣреніе Венгровъ и Ляховъ: они имѣли случай и не захотѣли возстановить сильнаго Дому Романова, опасаясь его могущества; раздѣленіе областей Галицкой и Владимірской (въ самое сіе время опустошаемой Ятвягами и Литвою) казалось благопріятнымъ для Политики Андрея и Лешка. Вѣроятно также, что слабый Романъ Игоревичь и не менѣе слабый Александръ, обязанные милостію сихъ Монарховъ, долженствовали содѣйствовать только въ качествѣ ихъ данниковъ или *подручниковъ*. Первый не сдер-

жалъ, кажется, слова: для того Андрей прислалъ войско въ Галичь съ Вельможею Бенедиктомъ, который, схвативъ Романа (безпечно мывшагося въ банѣ), отправилъ въ Венгрію, а самъ началъ свирѣпствовать какъ *Антихристъ*, по выраженію Лѣтописца, удовлетворяя гнуснѣйшимъ вожделѣніямъ своего развратнаго сердца, пѣсня чиновниковъ и гражданъ. Кто имѣлъ богатство или прекрасную жену, не могъ быть спокоенъ; кто обличалъ тиранство, подвергался казни или заточенію. Въ числѣ смѣлыхъ Бояръ находился Тимоѳей Книжникъ, родомъ Кіевлянинъ: онъ дерзнулъ укорить злаго Властелина и едва могъ спастися бѣгствомъ. Такъ и во время Андреева правленія въ Галичѣ насильствовали Венгры: но крайней мѣрѣ Андрей имѣлъ право Государя, сей же Бенедиктъ не имѣлъ никакого законнаго. Народъ и Вельможи искали способа избавиться отъ иноплеменнаго злодѣя. Первый опытъ былъ неудаченъ. Мстиславъ, прозваніемъ *Изъмый*, сынъ Ярослава Луцкаго, господствуя въ Пересопницѣ, взялъ на себя изгнать Бенедикта: онъ пріѣхалъ съ дружиною къ Галичу; но Венгры осторожглися: стражи ихъ стояли у воротъ; тишина царствовала въ городѣ, и Мстиславъ, боясь участи Берладникова сына, удалился. Здѣсь Лѣтописецъ прибавляетъ, что близъ Днѣстра находилась древняя могила, именуемая *Галичиною*, отъ

коей произошло имя *Галиціи*; что одинъ Бояринъ, смѣясь Мстиславу, возвелъ его на сію могилу, и сказалъ: «Князь! теперь безъ «спыда можешь ѣхать назадъ: ты былъ «на *Галичинѣ!*»

Въ сіе время Романъ Игоревичь бѣжалъ изъ Венгріи и примирился съ братомъ Владиміромъ: къ нимъ обратился несчастный народъ Галицкій, обвиняя себя въ томъ, что не умѣлъ прежде цѣнить благословеннаго ихъ княженія. Они собрали войско и заставили Бенедикта уйти въ Карпатскія горы. Спокойствіе возстановилось. Романъ удовольствовался Звенигородомъ; Святославъ Игоревичь, освобожденный Поляками, взялъ себѣ Перемышль; Владиміръ, какъ старшій, остался княжить въ столицѣ, отдавъ сыну Теребовль, а другаго сына послалъ съ дарами къ Королю Венгерскому, чтобы обезоружить его и властвовать безопасно.

Говорятъ, что бѣдствіе есть учитель: оно имѣетъ сію выгоду только для умовъ основательныхъ; другіе, испытавъ несчастіе, хотятъ руководствоваться въ дѣлахъ новыми правилами, и впадаютъ въ новыя заблужденія. Желая утвердиться на шаткомъ тронѣ Галицкомъ; обвиняя прежнюю слабость свою въ излишнемъ самовольствѣ тамошнихъ Вельможъ, и приписывая блестящее государствованіе Романа Мстиславича одной его строгости, Игоре-

вичи вздумали казнію первостепенныхъ Бояръ обуздать народъ, и погубили себя невозвратно: безъ явной, особенной вины, безъ улики, безъ суда, исполнители Княжеской воли хватали знатнѣйшихъ людей, убивали, и произвели всеобщій ужасъ. Но многіе изъ обреченныхъ на смерть имѣли время спастися, и въ томъ числѣ Бояринъ Владиславъ, которому Игоревичи обязаны были престоломъ Галицкимъ. Сей Вельможа, вмѣстѣ съ другими бѣжавъ въ Венгрію, молилъ Андрея, чтобы онъ далъ имъ опрока Даніила и войско для изгнанія жестокихъ Игоревичей, неблагодарныхъ, забывшихъ милость Королевскую. Непрестанно лаская Даніила — обѣщая по усыновить, по женить его на своей дочери — Андрей до сего времени благодѣтельствовалъ ему одними словами. Тогда еще не имѣя сыновей, по крайней мѣрѣ взрослыхъ; разсудивъ, что гораздо надежнѣе управлять Галиціею именемъ ея законнаго Князя, нежели собственнымъ, чрезъ Венгерскихъ Бароновъ, ненавистныхъ Россіянамъ; думая, что юный Данілъ, отчасти имъ воспитанный, охотнѣе Игоревичей можетъ быть его подручникомъ: Андрей исполнилъ требованіе Галицкихъ Бояръ, и Владиславъ, окруженный полками Венгровъ, вступилъ съ Княземъ отрокомъ въ предѣлы отечества. Города сдавались. «За кого вамъ сражаться?» говорилъ одушевленный местію Владиславъ:

«за убійцъ ли, копорые злодѣйски умер-
«пвили вашихъ опцевъ и брапьевъ, похи-
«пили ихъ имѣніе, женили рабовъ на доче-
«ряхъ Боярскихъ?» Граждане Перемышля вы-
дали ему Свяпослава Игоревича[108]. Романъ
въ Звенигородѣ оборонялся, призвавъ Полов-
цевъ. Но всѣ сосѣдственные Князья возспа-
ли на Игоревичей: Александръ Владимірскій,
Ярославичи, Ингварь Луцкій и Мспиславъ
Нѣмый; малолѣпспвомъ. Ему опдали
Бельза къ брапу Даніилу свою дружину; са-
мые Ляхи соединились съ Венграми, чпобы
участпвовапь въ выгодахъ сего ополченія.
Романа Звенигородскаго плѣнили въ бѣгспвѣ:
Владиміръ ушелъ. Юному Даніилу вручили
державу Княжескую. Родипельница спѣшила
обняпь его: онъ не узналъ маперп, бывъ
долго въ разлукѣ съ нею; но пѣмъ болѣе
изъявилъ чувспвипельноспи, услышавъ опъ
нее имя сына, и видя ея радоспныя слезы.
Среди Вельможъ и народа сей величествен-
ный опрокъ уже казался повелипелемъ, бла-
городною наружноспію предвѣщая свою бу-
дущую знаменипоспь.

Но еще не могъ онъ власпвовапь дѣй-
спвипельно: Венгры, Ляхи, Князья сосѣд-
спвенные и гордые Бояре надѣялись пользо-
вапься его малолѣпспвомъ. Ему опдали
Галичь, но Владиміръ оспался за Алексан-
дромъ, Червенъ за Всеволодомъ, Алексан-
дровымъ брапомъ. Въ самомъ Галичѣ Да-
ніилъ находился подъ опекою своевольныхъ,

недостойныхъ Вельможъ, и не могъ спасти Русскаго имени отъ поношенія, будучи свидѣтелемъ гнуснѣйшаго злодѣянія. Воеводы Андреевы, Великій Дворецкій, именемъ Попъ, и другіе, плѣнивъ Игоревичей, хотѣли отвезти ихъ къ Королю; но Бояре Галицкіе, движимые злобою, требовали сихъ несчастныхъ для торжественной казни. Венгры колебались: наконецъ, убѣжденные дарами, выдали имъ жертвы, и Галичане рѣдкимъ неистовствомъ заслужили въ древней Россіи имя *безбожныхъ*, данное имъ въ современной лѣтописи: били, терзали и повѣсили своихъ бывшихъ Князей[109]. Сіе государственное преступленіе долженствовало бы вооружить всѣхъ потомковъ Св. Владиміра: къ сожалѣнію, кончина Великаго Князя и новыя междоусобія отвлекли ихъ вниманіе отъ мятежной земли Галицкой.

Всеволодъ, призвавъ къ себѣ Константина изъ Новагорода, назначилъ ему въ Удѣлъ Ростовъ съ пятью городами; за нѣсколько же времени до смерти назвалъ его преемникомъ Великокняжескаго достоинства, съ тѣмъ, чтобы онъ уступилъ Ростовскую область брату Георгію. Константинъ не хотѣлъ выѣхать изъ своего Удѣла, желая наслѣдовать цѣлое Великое Княженіе Суздальское[110]. Раздраженный столь явнымъ неповиновеніемъ, отецъ созвалъ Бояръ изъ всѣхъ городовъ, Епископа Іоанна, Игуменовъ, Священниковъ, купцевъ, Дворянъ, и въ ихъ

Г. 1212.

Неповиновеніе Константина.

многочисленномъ собранiи объявилъ, что наслѣдникомъ его долженъ быть вторый сынъ Георгiй; что онъ ему поручаетъ и Великую Княгиню и меньшихъ братьевъ. Конспантина любили, уважали; но безмолвствовали предъ священною властiю отца: сынъ ослушный казался преступникомъ, и всѣ, исполняя волю Великаго Князя, присягнули избранному наслѣднику. Конспантинъ оскорбился, негодовалъ и, какъ говорятъ Лѣтописцы, со *гнѣвомъ воздвигъ брови свои на Георгiя.* Добрые сыны отечества съ горестiю угадывали слѣдствiя.

Всеволодъ Георгiевичь, княживъ 37 лѣтъ, спокойно и тихо преставился на пятьдесятъ-осьмомъ году жизни, оплакиваемый не только супругою, дѣтьми, Боярами, но и всѣмъ народомъ[111]: ибо сей Государь, называемый въ лѣтописяхъ *Великимъ*, княжилъ счастливо, благоразумно отъ самой юности, и строго наблюдалъ правосудiе. Не бѣдные, не слабые трепетали его, а Вельможи корыстолюбивые. Не *обинуяся лица сильныхъ*, по словамъ Лѣтописца, *и не туне нося мечь, ему Богомъ данный*, онъ казнилъ злыхъ, миловалъ добрыхъ. Воспитанный въ Грецiи, Всеволодъ могъ научиться тамъ хитрости, а не человѣколюбiю: иногда мстилъ жестоко, но хотѣлъ всегда казаться справедливымъ, уважая древнiя обыкновенiя; требовалъ покорности отъ Князей, но безъ вины не отнималъ у нихъ престоловъ, и же-

Апрѣля 15. Кончина и характеръ Всеволода Великаго.

лалъ властвовать безъ насилія; повелѣвая Новогородцами, льспилъ ихъ любви къ свободѣ; мужественный въ битвахъ, и въ каждой побѣдителъ, не любилъ кровопролитія безполезнаго. Однимъ словомъ, онъ былъ рожденъ царствовать (хвала не всегда заслуживаемая Царями!), и хотя не могъ назваться Самодержавнымъ Государемъ Россіи, однакожь, подобно Андрею Боголюбскому, напомнилъ ей счастливые дни Единовластія. Новѣйшіе Лѣтописцы, славя добродѣтели сего Князя, говорятъ, что онъ довершилъ месть начатую Михаиломъ: казнилъ всѣхъ убійцъ Андреевыхъ, которые еще были живы; а главныхъ злодѣевъ, Кучковичей, велѣлъ зашить въ коробъ и бросить въ воду. Сіе извѣстіе согласно отчасти съ древнимъ преданіемъ: близъ города Владиміра есть озеро, называемое Пловучимъ; разсказываютъ, что въ немъ утоплены Кучковичи, и суевѣріе прибавляетъ, что тѣла ихъ донынѣ плаваютъ тамъ въ коробѣ[112]!

Доказавъ свою набожность, по тогдашнему обычаю, сооруженіемъ храмовъ, Всеволодъ оставилъ и другіе памятники своего княженія: кромѣ города Оспера, имъ возобновленнаго, онъ построилъ крѣпости въ Владимірѣ, Переяславлѣ Залѣсскомъ и Суздалѣ[113].

Всеволодъ въ 1209 году сочетался вторымъ бракомъ съ дочерью Витебскаго Князя, Василька Брячиславича[114]. Первою его

супругою была Марія, родомъ Ясыня, славная благочестіемъ и мудростію. Въ послѣднія семь лѣтъ жизни спрадая пяжкимъ недугомъ, она изъявляла удивительное терпѣніе, часто сравнивала себя съ Іовомъ[118], и за 18 дней до кончины постриглась; готовясь умереть, призвала сыновей и заклинала ихъ жить въ любви, напомнивъ имъ мудрыя слова Великаго Ярослава, что междоусобіе губитъ Князей и отечество, возвеличенное трудами предковъ; совѣтовала дѣтямъ быть набожными, трезвыми, вообще привѣтливыми и въ особенности уважать старцевъ, по изрѣченію Библіи: *во многъмъ времени премудрость, во многъ житіи вѣдѣніе.* Лѣтописцы хвалятъ ее также за украшеніе церквей серебряными и *золотыми* сосудами; называютъ Россійскою Еленою, Ѳеодорою, второю Ольгою. Она была матерію осьми сыновей, изъ коихъ двое умерли во младенчествѣ. Лѣтописецъ Суздальскій, упоминая о рожденіи каждаго, сказываетъ, что ихъ на четвертомъ или пятомъ году жизни торжественно *постригали и сажали на коней* въ присутствіи Епископа, Бояръ, гражданъ; что Всеволодъ давалъ тогда пиры роскошные, угощалъ Князей союзныхъ, дарилъ ихъ золотомъ, серебромъ, конями, одеждами, а Бояръ шкапями и мѣхами. Сей достопамятный обрядъ такъ называемыхъ *Постригъ*, или перваго обрѣзанія волосовъ у дѣтей мужескаго по-

Мудрость Великой Княгини.

Постриги.

лу, кажется остаткомъ язычества: знаменовалъ вступленіе ихъ въ бытіе гражданское, въ чинъ благородныхъ всадниковъ[116], и соблюдался не только въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ Славянскихъ: на примѣръ, у Ляховъ, коихъ древнѣйшій Историкъ пишетъ, что два странника, богато угощенные Піастомъ, *остригли волосы* его сыну-младенцу и *дали имя* Семовита[117].

Князь Российскій въ Грузіи.

Въ Исторію сего времени входитъ слѣдующее любопытное извѣстіе, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ досповѣрное. Послѣ 1175 года не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ о сынѣ Андрея Боголюбскаго, Георгіи; но онъ является важнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ Исторіи Грузинской. «Въ «1171 году юная Тамарь, дочь Царя, Геор- «гія III, наслѣдовала престолъ родителя. «Духовенство и Бояре искали ей жениха: «тогда одинъ Вельможа Тифлисскій, име- «немъ Абуласанъ, предложилъ собранію, что «сынъ Великаго Князя Россійскаго, Андрея, «дядею Всеволодомъ изгнанный и започен- «ный въ *Савалту*, ушелъ оттуда въ *Свинь* «къ Хану Кипчакскому (или Половецкому), «и что сей юноша, знаменитый родомъ, «умомъ, храбростію, достоинъ быть су- «пругомъ ихъ Царицы. Одобрили мысль «Абуласанову; послали за Княземъ, и Та- «марь сочеталась съ нимъ бракомъ. Нѣсколь- «ко времени бывъ счастіемъ супруги и сла- «вою Государства, онъ перемѣнился въ дѣ-

«лахъ и правѣ: Тамарь, исполняя волю Со-
«вѣта, долженствовала изгнать его, но
«щедро наградила богатствомъ. Князь уда-
«лился въ Черноморскія области, въ Гре-
«цію; велъ жизнь странника, скучалъ, воз-
«врапился опять въ Грузію, преклонилъ къ
«себѣ многихъ жителей и хотѣлъ взять
«Тифлисъ; но, побѣжденный Тамарію, съ
«ея дозволенія, безопасно и съ честію вы-
«ѣхалъ, неизвѣстно куда.» Сія Тамарь сла-
вилась побѣдами, одержанными ею надъ
Персіянами и Турками; завоевала разные го-
рода и земли; любила Науки, Исторію, Стих-
хотворство, и время ея считалось златымъ
вѣкомъ Грузинской Словесности. Сынъ Та-
маринъ, Георгій Лашъ, по кончинѣ матери
царствовалъ отъ 1198 до 1211 года[118].

Замѣтимъ нѣкоторые бѣдственные слу-
чаи долговременнаго княженія Всеволодова.
Два раза горѣлъ при немъ Владиміръ: въ
1185 году огонь разрушилъ шамъ 32 цер-
кви каменныя и Соборную, богато украшен-
ную Андреемъ; ея серебряныя паникадила,
златые сосуды, одежды служебныя, выши-
тыя жемчугомъ, драгоцѣнныя иконы, пар-
чи, куны или деньги, хранимыя въ пере-
мѣ, и всѣ книги были жертвою пламени.
Чрезъ пять лѣтъ случилось такое же не-
счастіе для цѣлой половины Владиміра: едва
могли отстоять дворецъ Княжескій; а въ
Новѣгородѣ многіе люди, устрашенные без-
престанными пожарами, оставили домы и

Разныя бѣдствія.

жили въ полѣ: въ одинъ день сгорѣло пламъ 4300 домовъ. Многіе другіе города: Руса, Ладога, Ростовъ, обратились въ пепелъ. Въ 1187 году свирѣпствовала какая-то общая болѣзнь въ городахъ и селахъ: Лѣтописцы говорятъ, что ни одинъ домъ не избѣжалъ заразы, и во многихъ не кому было принести воды. Въ 1196 году вся область Кіевская чувствовала землетрясеніе: домы, церкви колебались, и жители, не пріученные къ сему обыкновенному въ жаркихъ климатахъ явленію, *трепетали и падали ницъ отъ страха.*

Взятіе Царяграда.

Въ княженіе Всеволода былъ завоеванъ Крестоносцами Царьградъ: происшествіе важное и горестное для тогдашнихъ Россіянъ, тѣсно связанныхъ съ Греками по Вѣрѣ и торговлѣ! Взятіе Царяграда и Кіева случилось въ одинъ годъ (1204): суевѣрные Лѣтописцы наши говорятъ, что многія страшныя явленія въ ту зиму предвѣщали бѣдствіе; что небо казалось въ огнѣ, метеоры сверкали въ воздухѣ и снѣгъ имѣлъ цвѣтъ крови. Французы, Венеціане, ограбивъ богатые храмы, похитивъ драгоцѣнности искусства и мощи Святыхъ, избрали не только собственнаго Императора, но и Патріарха Латинскаго: Греческій, оставивъ имъ въ добычу казну Софійскую, въ одномъ бѣдномъ хитонѣ уѣхалъ на ослѣ во Ѳракію. Папа Иннокентій III, желая воспользоваться симъ случаемъ, писалъ къ Ду-

ховенспву нашему, что Вѣра истинная торжествуетъ; что вся Греческая Имперія уже ему повинуется; что одни ли Россіяне захотятъ быть отверженными отъ паствы Христовой; что Церковь Римская есть ковчегъ спасенія, и что внѣ онаго все должно погибнуть; что Кардиналъ Г., мужъ ученый, благородный, Посолъ Намѣстника Апостольскаго, уполномоченъ отъ него быть просвѣтителемъ Россіи, истребителемъ ея заблужденій[119], и проч. Сіе Пастырское увѣщаніе не имѣло никакого слѣдствія, и Митрополиты наши были оттолѣ поставляемы въ Никеѣ, новой столицѣ Греческихъ Константинопольскихъ Патріарховъ, до самаго изгнанія Крестоносцевъ изъ Царяграда.

Немцы въ Ливоніи.

Тогда же другіе *Крестоносцы* сдѣлались опасны для сѣверо-западной Россіи. Мы упоминали о Меингардѣ, проповѣдникѣ Латинской Вѣры въ Ливоніи: преемники его, утвержденные Главою Бременской Церкви въ санѣ Епископовъ, для вѣрнѣйшаго успѣха въ дѣлѣ своемъ прибѣгнули къ оружію, и Папа отпускалъ грѣхи всякому, кто подъ знаменіемъ Креста лилъ кровь упрямыхъ язычниковъ на берегахъ Двины. Ежегодно изъ Нѣмецкой земли толпами отправлялись туда странствующіе богомольцы, но не съ посохомъ, а съ мечемъ, искать спасенія души въ убійствѣ людей. Основаніе Риги

Третій Епископъ Ливонскій, Альбертъ, избравъ мѣсто удоб-

Орденъ Меченосцевъ.

ное для приспани, въ 1200 году основалъ городъ Ригу, а въ 1201 *Орденъ Христовыхъ воиновъ* или *Меченосцевъ*, которымъ Папа, Иннокентій III, далъ уставъ славныхъ *Рыцарей Храма*, подчинивъ ихъ Епископу Рижскому: *крестъ* и *мечь* были символомъ сего новаго братства. Россіяне назывались господами Ливоніи, имѣли даже крѣпость на Двинѣ, Кокенойсъ (нынѣ Кокенхузенъ); однакожь, собирая дань съ жителей, не препятствовали Альберту волею и неволею крестить идолопоклонниковъ. Сей хитрый Епископъ отъ времени до времени дарилъ Князя Полоцкаго, Владиміра, увѣряя его, что Нѣмцы думаютъ единственно о распространеніи истинной Вѣры. Но Альбертъ говорилъ какъ Христіанинъ, а дѣйствовалъ какъ Политикъ: умножалъ число воиновъ, строилъ крѣпости, хотѣлъ и духовнаго и мірскаго господства. Бѣдные жители не знали, кому повиноваться, Россіянамъ или Нѣмцамъ: единоплеменники Финновъ, Ливь, желали, чтобы первые освободили ихъ отъ тиранства Рыцарей, а Латыши изъявляли усердіе къ послѣднимъ. Наконецъ Князь Владиміръ объявилъ войну опаснымъ пришельцамъ: осаждалъ Икскуль, и не могъ въ 1200 году взять Кирхгольма, ибо Россіяне, искусные стрѣлки, по сказанію Ливонскаго древняго Лѣтописца, не умѣли дѣйствовать пращею; хотя и переняли сіе орудіе у Нѣмцевъ, но худо бросая

камни, били ими своихъ. Владиміръ снялъ осаду—услышавъ, что многіе чужеземные корабли приближаются къ берегамъ Ливоніи — и Двиною возвратился въ Полоцкъ. Флотъ, испугавшій Россіянъ, былъ Датскій: Король Вольдемаръ въ угодность Папѣ шелъ оборонить новую Церковь Ливонскую; присталъ къ Эзелю, хотѣлъ основать тамъ крѣпость, но вдругъ, перемѣнивъ мысли, удалился, отправивъ въ Ригу Лунденскаго Архіепископа, знаменитаго ученостію Андрея, который въ санѣ Римскаго Посла долженъ былъ способствовать успѣхамъ Католической Вѣры въ сихъ предѣлахъ. Скоро большая часть жителей крестилась: ибо они видѣли, что ихъ ничтожные идолы, разрушаемые сѣкирами Христіанъ, не могли защитить себя. Современный Лѣтописецъ разсказываетъ случай любопытный: Латыши бросили жребей, какую Вѣру принять имъ, Нѣмецкую или Русскую, и согласно съ волею Судьбы избрали первую. Впрочемъ они долго еще съ нѣкоторою благодарностію хранили въ памяти имена ложныхъ боговъ: Перкуна или громовержца, Земинника или дарователя земныхъ плодовъ, Тора или сѣвернаго Марса, и проч. Ливь и Чудь назвали самаго Творца вселенныя именемъ главнаго ихъ идола, Юммала: были уже Христіанами, но ходили еще молиться въ лѣса священные, приносили жертвы дерѣвамъ, ежегодно торжествовали праздникъ

усопшихъ съ обрядами язычесшва, и клали въ могилу оружіе, пищу, деньги, говоря мершвому: «иди, несчасшный, въ міръ луч-«шій, гдѣ Нѣмцы уже не могушъ господсшво-«вашь надъ тобою, а будушъ швоими ра-«бами[120]!» Сей бѣдный народъ въ шеченіе вѣковъ не забывалъ насилія своихъ жесшо-кихъ просвѣшишелей! — Довольный услугами Рыцарей, Епископъ Альбершъ усшупилъ имъ шретію часшь покоренной Ливоніи; сшарался болѣе и болѣе уштверждашь шамъ свое владычесшво; выгналъ Россіянъ изъ укрѣпленнаго замка Кокенойса, принудивъ Удѣльнаго Князя Двинскаго, именемъ Всево-лода, быть данникомъ Рижской Церкви. Сей Князь, женашый на дочери одного знашнаго Липовца, господсшвовалъ въ Герсикѣ (ны-нѣшнемъ Крейцбургѣ): онъ дѣлалъ мно-го зла не только Нѣмцамъ, но и Россіянамъ, свободно пропуская Липовскихъ грабишелей чрезъ Двину и досшавляя имъ съѣсшные припасы. Епископъ Альбершъ сжегъ сполі-цу Всеволода, плѣнилъ его Княгиню, мно-гихъ жишелей, и съ шѣмъ условіемъ воз-врашилъ имъ свободу, чшобы сей Князь ошказался ошъ союза съ Липовцами и на-всегда подарилъ свою область Богородицѣ, то есшь Епископу. Всеволодъ подъ шремя знаменами клялся вѣрно служишь Машери Божіей; шоржесшвенно назвалъ Альберша оцемъ; призналъ себя его Намѣсшникомъ въ Герсикѣ[121]! Но сѣверная часшь Ливоніи

оспавалась еще независимою отъ Нѣмцевъ: памъ хотѣлъ господствовать храбрый Мстиславъ Новогородскій. Взявъ мѣры для безопасности границъ своихъ, укрѣпивъ южныя новыми городами и поручивъ охранять Великія Луки брату, Князю Владиміру Псковскому, онъ ходилъ съ войскомъ (въ 1212 году) на западные берега Чудскаго озера, собиратъ дань и смиряти непокорныхъ; осаждалъ крѣпость *Медвѣжью голову* или Оденпе, и взялъ съ жителей 400 гривенъ *ногатами* или *кунами*. Нѣмецкій Лѣтописецъ прибавляетъ, что Князь Новогородскій, крестивъ погда нѣкоторыхъ язычниковъ, обѣщалъ прислать къ нимъ своихъ Поповъ, но что Альбертовы Миссіонаріи предупредили Россіянъ, и скоро ввели памъ Вѣру Латинскую.

Заключая описаніе достопамятныхъ временъ Всеволода III, упомянемъ о случаѣ принадлежащемъ вмѣстѣ и къ церковной и къ свѣтской Исторіи нашего отечества. Въ 1212 году Новогородцы, недовольные Святителемъ Митрофаномъ, безъ всякаго сношенія съ Главою Духовенства, Митрополитомъ Кіевскимъ, изгнали своего Архіепископа и выбрали на его мѣсто бывшаго знаменитаго гражданина, Добрыню Ядренковича, который не задолго до того времени ѣздилъ въ Царьградъ и постригся въ монастырѣ Хутынскомъ, основанномъ въ концѣ XII вѣка Св. Варлаамомъ, близъ Волхова. Такъ Но-

Духовная власть въ Новгородѣ.

вогородцы судили и Князей и Святителей, думая, что власть мірская и духовная происходитъ отъ народа[122].

ГЛАВА IV.

ГЕОРГІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ, КОНСТАНТИНЪ РОСТОВСКІЙ.

Г. 1212 – 1216.

Междоусобіе. Изгнаніе Мономахова Дому изъ южной Россіи. Благоразуміе Россіянъ въ дѣлахъ Вѣры. Подвиги Мстислава. Строгость Ярославова. Голодъ въ Новѣгородѣ. Славная битва Липецкая. Великодушіе Мстислава. Епископъ Симонъ.

Совершивъ погребеніе отца, Георгій, съ одобренія Вельможъ, возвратилъ свободу Князьямъ Рязанскимъ, всѣмъ ихъ подданнымъ и Епископу Арсенію. Великое Княженіе Суздальское раздѣлилось тогда на двѣ области: Георгій господствовалъ въ Владимірѣ и Суздалѣ, Константинъ въ Ростовѣ и Ярославлѣ; оба желали единовластія и считали другъ друга хищниками. Братья ихъ также раздѣлились: Ярославъ-Ѳеодоръ, начальствуя въ Переславлѣ Залѣсскомъ, взялъ сторону Георгія, равно какъ и Святославъ, получивъ въ Удѣлъ Юрьевъ Польскій; Димитрій-Вла-

Г. 1212. — 15. Междоусобіе.

диміръ оспался вѣрнымъ Конспантину. Росповскій Князь обрашилъ въ пепелъ Коспрому, плѣнилъ жипелей[123]; Георгій два раза приспупалъ къ Роспову, и заключивъ весьма неискренній миръ съ Конспантиномъ, выслалъ Димипрія изъ Москвы. «Даю пе- «бѣ» (сказалъ онъ) «южный Переяславль, «нашу опчину; господспвуй въ немъ и блю- «ди землю Русскую.» Димипрій, какъ бы предчувспвуя бѣдспвіе, неохотно поѣхалъ въ сей Удѣлъ, нѣкогда знаменипый и споль любезный для его дѣда; женился шамъ на племянницѣ Всеволюда Чермнаго, и едва опправдновавъ свадьбу, долженспвовалъ сразипься съ Половцами; не могъ одолѣпь варваровъ, и плѣненный ими, былъ опведенъ въ вежи. Онъ года чрезъ три освободился и княжилъ послѣ въ Спародубѣ на Клязмѣ[124].

Рюрикъ скончался[125]. Князь презвый, набожный, усердный спроипель церквей, впрочемъ не имѣвшій доброй славы брапьевъ своихъ: ни кропоспи Романовой, ни пвердоспи Давида, ни воинской доблести Мспислава Храбраго. Всеволодъ Чермный, желая одинъ начальспвовапь въ южной Россіи и не боясь уже никого по смерпи Великаго Князя, изгналъ сыновей и племянниковъ Рюриковыхъ изъ Удѣловъ Кіевской области. Къ сему наспію онъ прибавилъ клепету: «Вы» (говорилъ Всеволодъ) «хопѣли «овладѣпь Галичемъ, возмупили шамъ на- Изгнаніе Мономахова Дому изъ южной Россіи.

«родъ, повѣсили моихъ братьевъ какъ раз-
«бойниковъ; вы гнуснымъ злодѣяніемъ по-
«срамили имя отечества?» Изгнанники, уда-
лясь въ область Смоленскую, пребовали
защиты отъ Мстислава Новогородскаго.
Сей мужественный Князь былъ тогда спра-
жемъ сѣверо-западной Россіи: съ одной сто-
роны превожили оную Литовцы, съ дру-
гой властолюбіе Нѣмцевъ угрожало ей ве-
ликими опасностями. Первые дерзнули во-
рваться въ самый Псковъ, котораго жите-
ли — изгнавъ Князя своего, Владиміра Мсти-
славича, за его дружескую связь съ Риж-
скимъ Епископомъ — ходили тогда въ Чуд-
скую землю для собранія дани[126]. Литовцы
не могли завладѣть городомъ, но выжгли
его и разорили окрестности. Мстиславъ
Новогородскій далъ Псковитянамъ инаго Кня-
зя, своего племянника двоюроднаго, Всево-
лода Борисовича, а Владиміръ удалился въ
Ригу, будучи вѣрнымъ союзникомъ Ордена
и тестемъ Епископова брата, Дитриха.
Принятый имъ какъ другъ и свойственни-
къ, онъ имѣлъ случай оказать Нѣмцамъ
важную услугу. Современный Лѣтописецъ
Ливонскій разсказываетъ, что Князь Полоц-
кій, Владиміръ, желая объясниться съ Епи-
скопомъ Альбертомъ, назначилъ ему сви-
даніе на берегу Двины, близъ нынѣшняго
Крейцбурга. Альбертъ пріѣхалъ туда съ
Рыцарями, старѣйшинами Ливонскими, куп-
цами Нѣмецкими и съ Владиміромъ Мсти-

славичемъ. Князь Полоцкій говорилъ Альберпу, чпобы онъ не превожилъ язычниковъ и не принуждалъ ихъ креститься; чпо Нѣмцы должны слѣдовапь примѣру Россіянъ, копорые довольспвуюпся поддансивомъ народовъ, оспавляя имъ на волю вѣрипь Спасипелю или не вѣрипь. «Нѣпъ!» опвѣпспвовалъ съ жаромъ Епископъ: «со«вѣспь обязываепъ меня крестипь идоло«поклонниковъ: пакъ угодно Богу и Папѣ!» Князь грозился обрапипь въ пепелъ Ригу, и въ гнѣвѣ обнажилъ мечь: Рыцари пакже изгоповились къ бипвѣ; но Владиміръ Мспиславичь спалъ между ими, молилъ, убѣждалъ, и сдѣлалъ наконецъ по, чпо Князь Полоцкій, опдавая справедливоспь неуспрашимоспи Рыцарей, совершенно усшупилъ имъ всю южную Ливонію. Сей Князь чрезъ нѣсколько лѣпъ думалъ поправипь свою ошибку и выгнапь Нѣмцевъ; но упалъ мерпвый въ самую пу минупу, какъ хопѣлъ сѣспь на ладію и плыпь къ усшью Двины, чпобы осадипь Ригу[127]. Господспвуя въ южной Ливоніи, Рыцари желали покорипь и сѣверную, вмѣспѣ съ Эспоніею: узнавъ, чпо опряды ихъ грабяпъ памошнихъ жипелей, Мспиславъ Новогородскій собралъ 15,000 воиновъ; вмѣспѣ съ Княземъ Псковскимъ и Давидомъ Торопецкимъ, брапомъ своимъ, выспупилъ въ поле; доходилъ до самаго моря. Не вспрѣпивъ нигдѣ Нѣмцевъ, копорые заблаговременно ушли назадъ въ

Благоразумie Россіянъ въ дѣлахъ Вѣры.

Подвиги Мстислава.

Ригу, онъ пребовалъ дани съ Чуди, осаждалъ Воробьинъ или Верпель, взялъ съ гражданъ 700 гривенъ *ногатами* и разорилъ многія окрестныя селенія[128]. Сія западная часть нынѣшней Эстляндской Губерніи находилась тогда въ цвѣтущемъ состояніи; земледѣльцы жили въ изобиліи, и деревни были хорошо выстроены: къ несчастію, Альбертовы Рыцари скоро огнемъ и мечемъ опустошили всю Эстонію.

Мстиславъ, отдавъ двѣ части взятой дани Новогородцамъ, а третью своимъ Дворянамъ или дружинѣ, спѣшилъ отъ береговъ Балтійскаго моря къ Днѣпру; прибывъ въ Новгородъ, собралъ Вѣче на *Дворѣ Ярослава* и предложилъ народу отмстить Всеволоду Чермному за обиду Князей Мономахова племени. Граждане любили Мстислава (ибо онъ старался имъ угождать) и единодушно отвѣтствовали: «Князь! куда обра«тишь свои очи, тамъ будутъ наши голо«вы!» Сіе усердіе вдругъ охладѣло на пути. Новогородскіе воины поссорились съ Смоленскими, убили одного человѣка въ дракѣ и торжественно объявили, что не хотятъ итти далѣе. Напрасно Князь звалъ ихъ на Вѣче; напрасно думалъ усовѣстить неблагодарныхъ: никто не слушалъ его повелѣнія. «И такъ мы должны разстаться,» сказалъ Мстиславъ безъ всякой укоризны; дружески простился съ ними, и вышелъ съ братьями изъ Смоленска. Новогородцы изу-

мились: тогда Посадникъ Твердиславъ напомнилъ имъ, что предки ихъ гордились усердіемъ къ добрымъ Князьямъ, охотно умирали за Ярослава Великаго, и служили примѣромъ для другихъ Россіянъ. Сія рѣчь тронула Новогородцевъ, легкомысленныхъ, однакожь чувствительныхъ къ народной чести, ко славѣ великодушныхъ подвиговъ. Они догнали Князя, и пылая ревностію, нетерпѣливо желали битвы. Скоро война кончилась. Города отворяли ворота; два Князя отдалися въ плѣнъ. Всеволодъ Святославичь бѣжалъ изъ Кіева, заключился въ Черниговѣ и съ горести умеръ; а братъ его, Глѣбъ, видя опустошеніе земли своей, покорностію и дарами купилъ миръ. Побѣдители отдали Кіевъ Ингварю Ярославичу Луцкому, который добровольно уступилъ его Князю Смоленскому[129].

Храбрый Мстиславъ, учредивъ порядокъ въ завоеванной Днѣпровской области, возвратился въ Новгородъ, но скоро объявилъ жителямъ на Вѣчѣ, что дѣла отзываютъ его въ южную Россію; что онъ будетъ всегда защитникомъ Новогородцевъ, однакожь даетъ имъ волю избрать себѣ инаго Князя. Народъ сожалѣлъ объ немъ; долго разсуждалъ, кѣмъ замѣнить Князя столь великодушнаго; наконецъ отправилъ Посадника, Тысячскаго и десять старѣйшихъ купцевъ звать Ѳеодора Всеволодовича, Мстиславова зятя[130]. Ярославъ-Ѳеодоръ началъ Г. 1215.

Спро-
госпь
Яро-
слава.

свое правленіе спрогостію и наказаніями: сославъ въ Тверь нѣкопорыхъ окованныхъ цѣпями чиновниковъ, велѣлъ разграбить дворъ Тысячскаго, оклевепаннаго врагами, взявъ подъ спражу сына и жену его. Возбужденный самимъ Княземъ къ дѣйспвіямъ своевольнымъ, народъ искалъ жерпвъ, новыхъ преспупниковъ: умерпвилъ самъ собою двухъ знаменипыхъ граждапъ; а Князь съ досады на сихъ мяпежниковъ уѣхалъ въ Торжекъ. Между пѣмъ въ окреспносптяхъ Новагорода сдѣлался неурожай: Ярославъ, ослѣпленный злобою, захвапилъ веєь хлѣбъ въ изобильныхъ мѣспахъ и не пуспилъ ни воза въ сполицу. Тщепно Послы убѣждали Князя возвpапиться: онъ задерживалъ ихъ въ Торжкѣ, призвавъ къ себѣ жену изъ Новагорода, гдѣ уже свирѣпспвовалъ голодъ. Чепверпь ржи споила около прехъ рублей шеспидесяпи копѣекъ нынѣшними серебряными деньгами, овса рубль 7 копѣекъ, возъ рѣпы два рубли 86 копѣекъ. Бѣдные ѣли сосновую кору, липовый лиспъ и мохъ; опдавали дѣпей всякому, кпо хопѣлъ ихъ взяпь, — помились, умирали. Трупы лежали на улицахъ, оспавленные на снѣдепіе псамъ, и люди полпами бѣжали въ сосѣдспвенныя земли, чпобы избавипься опъ ужасной смерпи. Въ послѣдній разъ Новогородцы молили Ярослава упѣшипь ихъ своимъ присупспвіемъ. «Иди къ Св. Софіи,» говорили они: «или скажи, чпо не хочешь быпь нашимъ

Голодъ
въ Но-
вѣго-
родѣ.

Княземъ.» Онъ задержалъ и сихъ Пословъ, вмѣстѣ съ купцами Новогородскими. Чиновники скорбѣли; граждане воплемъ изъявляли отчаяніе; а Намѣстникъ Ярославовъ и Дворяне его были равнодушными зрителями народнаго бѣдствія. Въ то время явился Г. 1216, Февр. 11. упѣшитель: Мстиславъ великодушный. Новогородцы съ восторгомъ увидѣли его на *Дворѣ Ярослава.* Сей Князь говорилъ, что онъ помнитъ свое обѣщаніе быть всегда ихъ другомъ; что освободитъ невинныхъ гражданъ, заключенныхъ въ Торжкѣ, возстановитъ благоденствіе Новагорода, или положитъ свою голову. Народъ клялся жить и умереть съ добрымъ Мстиславомъ, который, взявъ подъ стражу Бояръ Ярославовыхъ, чрезъ одного умнаго Священника объявилъ зятю, чтобы онъ, если желаетъ остаться ему сыномъ, выѣхалъ изъ Торжка и немедленно возвратилъ свободу всѣмъ Боярамъ и купцамъ Новогородскимъ. Съ гордостію отвергнувъ мирное предложеніе, Ярославъ изготовился къ войнѣ; сдѣлалъ на пути засѣки, укрѣпленія, и прислалъ сто знаменитыхъ Новогородцевъ въ отчизну ихъ, съ приказаніемъ выпроводить отсюда его тестя. Но сіи люди, видя единодушіе сограждан, приспали къ нимъ съ радостію. Тогда озлобленный Ярославъ собралъ на полѣ всѣхъ бывшихъ у него Новогородцевъ, числомъ болѣе двухъ тысячъ; оковалъ цѣпями и послалъ въ свой городъ, Переславль

Залѣсскій, опнявъ у нихъ коней, деньги, все имѣніе. Въ надеждѣ на могущеспво брапа, Георгія Владимірскаго, онъ грозился наказапь песпя, и смѣло поднялъ руку на кровопролипіе междоусобное. Соспояніе Новагорода было доспойно жалоспи: голодъ, болѣзни испребили не малую часпь его жипелей; другіе скипались по землямъ чуждымъ; знапнѣйшіе люди спенали въ пемницахъ Суздальской области; домы и цѣлыя улицы опуспѣли. Мспиславъ, собравъ Вѣче, ободрялъ гражданъ своимъ мужесптвомъ. «Оспавимъ ли брапьевъ въ заключеніи и «поспыдной неволѣ?» говорилъ онъ народу: «Да воскреснепъ величіе сполицы! да не «будепъ она презрипельнымъ Торжкомъ, «ни Торжекъ ею! Новгородъ памъ, гдѣ Свя«пая Софія. Рапь наша малочисленна; но «Богъ заспупникъ правыхъ, и сильнаго и «слабаго!» Всѣ казались единодушными; однакожъ нѣкопорые, пайно доброжелапельспвуя Ярославу, бѣжали къ нему въ Торжекъ. Мспиславъ выспупилъ съ оспальными и съ брапомъ, Княземъ Владиміромъ Псковскимъ (копорый, бывъ нѣсколько времени начальникомъ маленькой области въ Нѣмецкой Ливоніи, снова господспвовалъ погда во Псковѣ[131]).

Мартa 1.

Сія война имѣла важное слѣдспвіе: Князь Новогородскій, хопѣвъ прежде дружелюбно раздѣлапься съ Ярославомъ, но принужденный искапь управы мечемъ, взялъ свои мѣ-

ры какъ искусный Военачальникъ и Политикъ. Предвидя, что Георгій Всеволодовичь будетъ всѣми силами помогать меньшему брату, Мстиславъ заключилъ тайный союзъ съ Константиномъ и далъ ему слово возвести его на престолъ Владимірскій. Непріятельскія дѣйствія начались въ Торопецкой области. Святославъ Всеволодовичь, присланный Георгіемъ къ Ярославу, съ десятью тысячами осадилъ Ржевку, гдѣ находилось только 100 воиновъ; но Князь Новогородскій подоспѣлъ съ 500 всадниками, заставилъ осаждающихъ удалиться, и взялъ укрѣпленный Зубцовъ. Дружина Мстиславова хотѣла прямо итти къ Торжку; но Князь, призвавъ Владиміра Рюриковича изъ Смоленска, вдругъ обратился къ Переславлю Залѣскому, чтобы удалить театръ войны отъ Новогородской области. Наконецъ объ рати сошлися близъ Юрьева. Константинъ съ полками своими находился въ станѣ Новогородскомъ: Георгій, Ярославъ и Князья Муромскіе, дѣйствуя за-одно, вооружили самыхъ поселянъ, и въ необозримыхъ рядахъ спали на берегу Кзы. Лѣтописцы сказываютъ, что Князь Владимірскій и меньшій братъ его имѣли 30 знаменъ или полковъ, 140 трубъ и бубновъ[132]. Благоразумный Мстиславъ еще надѣялся отвратить кровопролитіе. Послы Новогородскіе говорили Георгію, что они не признаютъ его врагомъ своимъ, будучи готовы заключить миръ и

съ Ярославомъ, если онъ добровольно отпуститъ къ нимъ всѣхъ ихъ сограждан и возвратитъ Торжекъ съ Волокомъ Ламскимъ. Но Георгій отвѣтствовалъ, что враги его брата суть его собственные; а Ярославъ, надменный и мстительный, не хотѣлъ слушать никакихъ предложеній. «Не время ду-«мать о мирѣ,» говорилъ онъ Посламъ: «вы «теперь какъ рыба на пескѣ; зашли далеко «и видите бѣду неминуемую.» Мстиславъ впорично представлялъ Георгію и Ярославу, что война междоусобная есть величайшее зло для Государства; что онъ желаетъ примирить ихъ съ большимъ братомъ, который уступитъ имъ всю область Суздальскую, буде Георгій отдастъ ему, какъ старшему, городъ Владиміръ. «Ежели самъ отецъ «нашъ (сказалъ Георгій) не могъ разсудить «меня съ Константиномъ, то Мстиславу ли «быть нашимъ судіею? Пусть Константинъ «одолѣетъ въ битвѣ: тогда все его.» Послы съ горестію удалились, и Князь Владимірскій, пируя въ шатрѣ съ Вельможами, желалъ знать ихъ мнѣніе. Одинъ Боярин совѣтовалъ не отвергать мира и признать Константина старѣйшимъ Государемъ земли Суздальской, представляя, что Князья Ростиславова племени мудры и храбры, а воины Новогородскіе и Смоленскіе *дерзки* въ битвахъ; что Мстиславъ въ дѣлѣ ратномъ не имѣетъ совмѣстника, и что превосходныя силы уступаютъ иногда превосходному

искусспву. Князья слушали Боярина съ неудовольспвіемъ. Другіе Вельможи, льспя ихъ самолюбію, говорили, чпо никогда еще враги не выходили цѣлы изъ сильной земли Суздальской; чпо жипели ея могли бы съ успѣхомъ пропивоборспвовапь соединенному войску всѣхъ Россіянъ, и *съдлами закидаютъ* Новогородцевъ. Одобривъ сію безразсудную надменноспь и собравъ Военачальниковъ, Князья дали имъ приказъ не щадипь никого въ бипвѣ: убивапь даже и пѣхъ, на коихъ увидяпъ шипое золопомъ оплечье[133]. «Вамъ «брони, одежда и кони мерпвыхъ,» сказали они: «въ плѣнъ возмемъ однихъ Князей, и «рѣшимъ послѣ судьбу ихъ.» Оппуспивъ Воеводъ, Георгій съ меньшими брапьями заперся въ шапрѣ и вздумалъ уже дѣлипь всю Россію; назначилъ Ростовъ для себя, Новгородъ для Ярослава, Смоленскъ для препьяго брапа[134], а Кіевъ для Ольговичей, оспавляя Галичь на свое дальнѣйшее распоряженіе. Написавъ договорную грамопу и взаимною кляпвою упвердивъ оную, сіи Князья послали сказапь непріяпелямъ, чпо желаюпъ бипься съ ними на обширномъ Липецкомъ полѣ. Мспиславъ принялъ вызовъ: долго совѣповался съ Конспанпиномъ, обязалъ его поржеспвенными обѣпами вѣрноспи, и ночью выспупилъ изъ спана къ назначенному для бипвы мѣспу, съ прубнымъ звукомъ, съ грознымъ кликомъ воинскимъ. Вспревоженные полки Георгіевы *сто-*

ли всю ночь *за щитами*, по есть, вооруженные и въ боевомъ порядкѣ, ожидая наденія, и едва было не обратились въ бѣгство. На разсвѣтѣ Мстиславъ и Константинъ приближились къ непріятелю, который зашелъ за дебрь и расположился на горѣ, окруженной плетнемъ. Напрасно Мстиславъ предлагалъ Георгію или миръ или битву на равнинѣ. Сей Князь отвѣтствовалъ: «не хочу ни того, ни другаго; и когда вы уже «не боялись дальняго пути, то можете перейти и за дебрь, гдѣ мы васъ ожидаемъ.» Мстиславъ спалъ на другой горѣ, велѣвъ отборнымъ молодымъ людямъ ударить на полки Ярославовы. Бились съ утра до вечера, слабо, неохотно: ибо время было весьма холодно и ненастливо. На другой день Мстиславъ думалъ итти прямо къ Владиміру, но Константинъ не совѣтовалъ оставлять непріятеля назади, и боялся, чтобы миролюбивые Росговцы, пользуясь случаемъ, не разбѣжались по городамъ. Между тѣмъ Георгіевы полки, видя движеніе въ станѣ Новогородцевъ и Смолянъ, вообразили, что Мстиславъ хочетъ отступить, и бросились съ горы, въ намѣреніи гнаться за нимъ; но Георгій и Ярославъ удержали ихъ. Тогда Князь Новогородскій, сказавъ: «гора «не защититъ и не побѣдитъ насъ; пойдемъ съ Богомъ и съ чистою совѣстію,» велѣлъ своимъ готовиться къ битвѣ. На одномъ крылѣ споялъ Владиміръ Рюрико-

Славная битва Липецкая.

вичь Смоленскій, на другомъ Конспантинъ, въ срединѣ Мспиславъ съ Новогородцами и Князь Псковскій. Учредивъ спрой, обозрѣвъ всѣ ряды, Мспиславъ ободрилъ воиновъ краткою рѣчью. «Друзья и братья!» говорилъ онъ: «мы вошли въ землю сильную: «спанемъ крѣпко, призвавъ Бога помощника. «Да никто не озирается вспять: бѣгство «не спасеніе. Кому не умереть, тотъ бу- «детъ живъ. Забудемъ на время женъ и дѣ- «тей своихъ. Сражайтесь, какъ хотите: «пѣшіе или на коняхъ.» Новогородцы отвѣтствовали: «сразимся пѣшіе, какъ отцы «наши подъ Суздалемъ.» Оставивъ коней, они сбросили съ себя одежду, даже сняли сапоги, и съ громкимъ кликомъ устремились впередъ; за ними Мспиславъ и дружина конная. Ни крутизна, ни ограда не могли удержать ихъ стремленія. Смоляне также пѣшіе вступили въ бой, не хотѣвъ ждать Воеводы своего, который упалъ съ коня въ дебри. Князь Новогородскій, видя кровопролитіе, сказалъ Владиміру Псковскому: «не «выдадимъ добрыхъ людей!» и мгновенно опередилъ всѣхъ; имѣя въ рукѣ топоръ, три раза съ дружиною проѣхалъ сквозь полки непріятельскіе, сѣкъ головы, оставлялъ за собою кучи труповъ. Лѣтописцы живо представляютъ ужасъ сей битвы, говоря, что сынъ шелъ на отца, братъ на брата, слуга на господина: ибо многіе Новогородцы сражались за Ярослава; многіе единокровные

Апрѣля 21.

стояли другъ противъ друга подъ знаменами Георгія и Конспантина. Побѣда не была сомнительною. Новогородцы, Смоляне дружнымъ усиліемъ разстроили, смяли враговъ, и торжествуя показывали въ рукахъ своихъ хоругви Ярославовы. Еще Георгій спорялъ противъ Конспантина; но скоро обратился въ бѣгство за Ярославомъ. «Друзья!» сказалъ Князь-Новогородскій своимъ храбрымъ воинамъ: «не время думать о корысти; надобно довершить побѣду« — и Новогородцы, ему послушные, не хотѣли прикоснуться къ добычѣ, съ жаромъ гнали Суздальцевъ, топили ихъ въ рѣкахъ, осуждая Смолянъ, которые обдирали мертвыхъ и грабили обозы непріятеля.

Уронъ былъ великъ только со стороны побѣжденныхъ: ихъ легло на мѣстѣ 9233 человѣка. Въ остервененіи своемъ не давая никому пощады, воины Мстиславовы взяли не болѣе 60 плѣнниковъ; а Смоляне нашли въ Георгіевомъ станѣ и договорную грамоту сего Князя, по коей онъ хотѣлъ дѣлить всю Россію съ братьями. Ярославъ, главный виновникъ кровопролитія, ушелъ въ Переславль, и пылая гнѣвомъ, задушилъ тамъ многихъ Новогородскихъ купцевъ въ темницѣ[138]; а Георгій, утомивъ трехъ коней подъ собою, на четвертомъ прискакалъ въ Владиміръ, гдѣ оставались большею частію одни старцы и дѣти, жены и люди духовнаго сана. Видя вдали скачущаго всад-

ника, они думали, что Князь ихъ одержалъ побѣду и шлетъ къ нимъ гонца; но сей мнимый радостный вѣстникъ былъ самъ Георгій: въ бѣгствѣ своемъ онъ сбросилъ съ себя одежду Княжескую и явился въ рубашкѣ предъ вратами столицы; ѣздилъ вокругъ стѣны и кричалъ, что надобно укрѣпляпть городъ. Жители ужаснулись. Ночью пришли въ Владиміръ многіе раненые; а на другой день Георгій, созвавъ гражданъ, молилъ ихъ доказапь ему свое усердіе мужественною защитою столицы. «Государь! «усердіемъ не спасемся,» отвѣтствовали граждане: «братья, наши легли на мѣстѣ «битвы; другіе пришли, но безъ оружія: «съ кѣмъ опразпить врага?» Князь упросилъ ихъ не сдаваться хотя нѣсколько дней, чтобы онъ могъ вступить въ переговоры.

Великодушный Мстиславъ не велѣлъ гнапь- Великодушіе Мстислава.
ся за Георгіемъ и Ярославомъ, долго споялъ на мѣстѣ битвы, и шелъ медленно ко Владиміру[136]. Чрезъ два дни окруживъ городъ, сей Князь въ первую ночь увидѣлъ тамъ сильный пожаръ: воины хотѣли ипипи на приспупъ, чтобы воспользоваться симъ случаемъ; но человѣколюбивый Мстиславъ удержалъ ихъ. Георгій уже не думалъ обороняпься, и на третій день пріѣхавъ въ станъ къ Новогородскому Князю, съ двумя юными сыновьями, сказалъ ему и Владиміру Смоленскому: «Вы побѣдители: располагайпе «моею жизнію и достояніемъ. Братъ мой

«Конспантинъ въ вашей волѣ.» Мспиславъ и Владиміръ, взявъ ошъ него дары, были посредниками между имъ и Конспаптиномъ. Принужденный выѣхать изъ сполицы, Георгій омочилъ слезами гробъ родителя, въ душевной гореспи жаловался на Ярослава, виновника споль несчастной войны; сѣлъ въ ладію съ женою, и поѣхалъ въ Городецъ Волжскій или Радиловъ. Въ числѣ не многихъ друзей отправился съ нимъ Епископъ Симонъ, знаменитый не только описаніемъ жизни свяпыхъ Иноковъ Кіевскихъ, но и собспвенными добродѣтелями; обязанный Георгію саномъ Свяпителя, онъ не измѣнилъ благотворителю своему въ злополучіи. Сей Князь въ 1215 году учредилъ особенную Епархію для Владимірской и Суздальской области, не хотѣвъ, чтобы онѣ зависѣли отъ Ростова[137].

Епископъ Симонъ.

ГЛАВА V.

КОНСТАНТИНЪ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ И СУЗДАЛЬСКІЙ.

Г. 1216 — 1219.

Добросердечіе Конспаншина. Дѣла Ливонскія. Важное предпріятіе Мспислава. Пылкость юнаго Даніила. Тиранство Венгровъ въ Галичѣ. Убійства въ Рязани. Смерть Конспаншина.

Мспиславъ возвелъ Конспаншина на пресполъ Великаго Княженія Владимірскаго, и шелъ смирить своего зятя, копорый, оспавивъ гордоспь, прибѣгнулъ къ великодушію спаршаго брапа. «Будь моимъ опцемъ,» говорилъ онъ Конспаншину: «я въ пвоихъ «рукахъ, и прошу у тебя хлѣба: не уже ли «выдашь меня Князьямъ Новогородскому и «Смоленскому?» Мспиславъ въ угодноспь Конспаншину согласился на миръ и принялъ дары опъ Ярослава; но не хопѣлъ, чпобы дочь его жила съ Княземъ спольжеспокосердымъ: взялъ ее къ себѣ и возвращился съ чеспію въ Новгородъ, освободивъ всѣхъ жипелей онаго, бывшихъ въ Переславлѣ[138].

Доспигнувъ цѣли своей, Конспаншинъ захопѣлъ упѣшипь изгнаннаго Георгія, призвалъ его къ себѣ, объявилъ наслѣдникомъ Великаго Княженія и далъ ему Суздаль. Съ искреннею дружбою обнявъ брапа, Георгій клялся забыпь прошедшее. Конспаншинъ Г. 1217. Добросердечіе Конспаншина.

чувспвовалъ слабоспь здоровья своего и желалъ въ случаѣ смерпи оспавипь юнымъ сыновьямъ впораго опца въ ихъ спаршемъ дядѣ.

Г. 1217—18. Мспиславъ, Герой сего времени, совершивъ одно дѣло, и ревнуя ознаменовапь свое мужеспво новымъ, еще важнѣйшимъ подвигомъ, удалился въ южную Россію. Пользуясь его опсупспвіемъ, Липовцы разорили пѣсколько селеній въ области Шелонской; а Рыцари Нѣмецкіе, занявъ Оденпе, спарались укрѣпипь сіе мѣспо. Владиміръ Псковскій находился погда въ Новѣгородѣ, и принявъ начальспво надъ войскомъ, осадилъ прежнихъ друзей своихъ, Нѣмцевъ, въ Оденпскомъ замкѣ. Въ по время, какъ жипели города коварно предлагали миръ Россіянамъ, опшедшимъ далеко опъ спана, Нѣмцы напали на обозы Новогородцевъ: однакожь, поперявъ многихъ людей и въ помъ числѣ двухъ Воеводъ, должны были спасапься бѣгспвомъ въ замокъ[139]. Самъ Великій Магиспръ Ордена, Вольквинъ, едва ушелъ съ Диприхомъ, брапомъ Епископа Рижскаго, Альберпа, и зяпемъ Владиміра Псковскаго. Тѣсними осаждающими, перпя голодъ, не смѣя впорично вспупипь въ бой, они пребовали мира. Диприхъ, въ залогъ вѣрноспи, оспался въ рукахъ у Новогородцевъ, копорые дали Рыцарямъ свободный пропускъ взявъ въ добычу 700 коней Нѣмецкихъ. — Мспиславъ, возвращясь изъ Кіева, объѣхалъ

Дѣла Ливонскія.

Новогородскую область, наказалъ нѣкото-
рыхъ ослушныхъ или нерадивыхъ чиновни-
ковъ, созвалъ гражданъ сполицы на *Дворъ*
Ярослава и сказалъ имъ: «Кланяюся Святой
«Софіи, гробу отца моего и вамъ, добрые
«Новогородцы. Иноплеменники господспву-
«ютъ въ знаменитомъ Княженіи Галицкомъ:
«я намѣренъ изгнать ихъ. Но васъ не за-
«буду, и желаю, чтобы кости мои лежали
«у Святой Софіи, тамъ же, гдѣ покоится
«мой родитель.» Тщетно граждане, искрен-
но огорченные, молили Князя великодушна-
го, любимаго, не оставлять ихъ. Онъ дру-
жески простился съ народомъ и спѣшилъ
въ Кіевъ къ своимъ братьямъ, пылая не-
терпѣніемъ собрать войско въ южной Рос-
сіи и вести оное къ берегамъ Днѣстра.

Важное предпріятіе Мстислава.

Честь и Вѣра предписывали Мстиславу
сей подвигъ. Мы оставили юнаго Даніила
на престолѣ Галицкомъ съ однимъ именемъ
Князя: Бояре всѣмъ управляли, и находя
вдовствующую супругу Романову опасною
для ихъ своевольства, принудили ее вы-
ѣхать въ Бельзъ. Даніилъ проливалъ слезы,
не хотѣлъ разлучиться съ нею, и въ гнѣвѣ
ударилъ мечемъ одного изъ Вельможъ, взяв-
шаго за узду коня его; однакожъ Княгиня
умоляла сына остаться. Оскорбленный сею
дерзостію Бояръ, Андрей, Король Венгер-
скій, пришелъ самъ съ войскомъ, смирилъ
мятежниковъ, и виновнѣйшаго изъ нихъ,
Владислава, оковалъ цѣпями. Но скоро бѣд-

Пылкость юнаго Даніила.

спвія Романова семейспва возобновились. Тайно призванный Галичанами, Мспиславъ Нѣмый заспавилъ Данiила бѣжапь въ Венгрiю; а Лешко Бѣлый опнялъ у Василька Бельзъ для своего песпя, Александра Владимірскаго (Василько, провождаемый многими Боярами, удалился въ Каменецъ). Уже Андрей впорично шелъ защипипь Данiила; уже Мспиславъ Нѣмый, слабый, хопя и власполюбивый, бѣжалъ опъ спраха, когда ужасный бунпъ опкрылся въ самой Венгрiи. Свирѣпые Бароны, враги Королевы Герпруды, умерпвили ее, гоповивъ пакую же участь и Королю. Въ сихъ обспоятельспвахъ онъ могъ думапь единспвенно о собспвенной безопасноспи: чѣмъ Бояринъ Галицкiй Владиславъ (погда освобожденный) умѣлъ воспользоваться, предспавляя ему, какъ вѣроятно, чпо опрокъ Данiилъ, сынъ опца ненависпнаго народу, не въ соспоянiи мирно управляпь Княженiемъ, или, возмужавъ, не захочепъ быпь данникомъ Венгрiи; чпо Андрей поспупипъ весьма благоразумно, ежели даспъ Намѣспника Галицiи, не природнаго Князя и не иноплеменника, но доспойнѣйшаго изъ памошнихъ Бояръ, обязавъ его въ вѣрноспи кляпвою и еще важнѣйшими узами спольз великаго благодѣянiя. Желанiе Владислава исполнилось: предпочпенный другимъ Боярамъ, онъ съ дружиною Венгерскою прiѣхалъ господспвовапь въ свое опечеспво, назвался Княземъ и ду-

малъ равняться саномъ съ потомками Св. Владиміра; а Даніилъ и мапь его, обманутые надеждою на покровительство Андреево, обратились къ Лешку Бѣлому. Видя съ зависпію, что богатая Галиція сдѣлалась почти областію Венгріи, сей Государь усердно взялъ Даніилову сторону, одержалъ верхъ въ битвѣ съ Владиславомъ, и хотя не могъ завоевать Галича, однакожь услужилъ сыновьямъ Романовымъ, принудивъ своего пестуна, Александра, уступить имъ Тихомль и Перемиль. Тамъ могли они нѣсколько времени жить спокойно, вмѣстѣ съ родительницею, печально смотря на башни Владимірскія, наслѣдственную столицу Романову. Туда съѣхались всѣ вѣрные Бояре, сподвижники ихъ храбраго отца, готовые усердно служить и сыновьямъ, которые въ нѣжномъ цвѣтѣ юности обѣщали зрѣлые плоды мужества, умъ необыкновенный, душевное благородство. Россіяне и чужеземцы съ удивленіемъ видѣли въ ничтожномъ городкѣ Дворъ блестящій, составленный изъ випязей и Бояръ опытныхъ, особенно уважаемыхъ Государемъ Польскимъ. Воевода Сендомирскій, именемъ Пакославъ, доброжелательствуя Романову семейству, хотѣлъ согласить выгоды онаго съ выгодами Венгровъ и Ляховъ, бывшихъ погда явными врагами за Галичь; ѣздилъ къ Андрею, и безъ пруда склонилъ его къ миру. Положили, чтобы малолѣтный сынъ Андреевъ, Коломанъ, же-

нился на малолѣтной дочери Герцога Лешка, Саломеѣ, и княжилъ въ Галичѣ; чтобы Король уступилъ Перемышль Ляхамъ, и чтобы Владиміръ отдалъ Даніилу съ братомъ, а Любачевъ миротворцу Пакославу. Условія были исполнены: Александра выслали изъ Владимірской области, а Владислава, какъ хищника, заточили. Такимъ образомъ (говоритъ Лѣтописецъ) сей гордый Боярин безразсуднымъ честолюбіемъ погубилъ себя и дѣтей, коихъ никто изъ Князей Россійскихъ, оскорбленныхъ его дерзкимъ самозванствомъ, не хотѣлъ призрѣть[140]. Можетъ быть упомленные смятеніями и перемѣнами Галичане удовольствовались бы тогдашнимъ своимъ жребіемъ, если бы новое Правительство Венгерское наблюдало умѣренность и справедливость; но Андрей весьма неблагоразумно вздумалъ утѣснять нашу Церковь. Уже въ первый годъ Коломанова властвованія, въ 1214, онъ писалъ къ Папѣ, Иннокентію III, что народъ и Князья Галицкіе, *подданные Венгріи*, испросивъ себѣ сына его въ Государи, желаютъ присоединиться къ Римской Церкви, единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобы Папа не отмѣнялъ ихъ древнихъ обрядовъ священныхъ и дозволилъ имъ отправлять Богослуженіе на языкѣ Славянскомъ. Когда же Архіепископъ Гранскій именемъ преемника Иннокентіева, Гонорія III, возложилъ въ Галичѣ вѣнецъ Королевскій на сына Андреева и Саломею, сей новый Го-

Тиранство Венгровъ въ Галичѣ.

сударь, исполняя волю отца и Папы, изгналъ Епископа Россійскаго, Священниковъ нашихъ, и хотѣлъ обратить всѣхъ жителей въ Вѣру Латинскую[141]. Народъ, уничиженный мятежами, преступленіями, и кознями Бояръ запутанный въ противорѣчіяхъ своей сиспемы политической, не смѣлъ возстать на тирановъ совѣспи, довольспвуясь безполезными жалобами. Къ несчастію Венгровъ, Андрей поссорился съ Герцогомъ Лешкомъ, отнялъ у него Перемышль съ Любачевымъ, и возбудилъ въ немъ сполъ великую злобу, что онъ, вопреки узамъ крови, искалъ въ Россіи сильныхъ непріятелей зятю. Таковымъ предспавился ему Мспиславъ Новогородскій. «Ты мнѣ братъ,» писалъ Лешко къ сему храброму Князю: «иди прославить«ся знаменитымъ подвигомъ мужеспва: Га«личь, достояніе твоихъ предковъ, спе«наетъ подъ игомъ утѣснителей.» Мспиславъ, подобно отцу *готовый всегда на дѣла великія*, не отказался отъ предложенія, сполъ лестнаго для его славолюбія.

Въ то время, какъ онъ занимался въ древней южной сполицѣ воинскими приготовленіями, тишина царспвовала въ предѣлахъ Великаго Княженія Владимірскаго. Конспантинъ наслаждался спокойспвіемъ подданныхъ и любовію братьевъ; не слѣдовалъ примѣру дяди и родителя: не требовалъ повиновенія отъ слабѣйшихъ Князей сосѣдспвенныхъ, и думалъ, что каждый изъ нихъ обязанъ да-

вать опчешъ въ дѣлахъ своихъ единому Богу. Ободренные сею излишнею кротостію, двое изъ Владѣтелей Рязанскихъ дерзнули на гнусное злодѣяніе.

Убійства въ Рязани.

Коварный Глѣбъ, при Великомъ Князѣ Всеволодѣ хотѣвшій погубить своихъ родственниковъ доносомъ, условился съ братомъ, Константиномъ Владимировичемъ, явно лишить ихъ жизни, чтобы господствовать надъ всею областію Рязанскою. Они съѣхались въ полѣ для общаго совѣта, и Глѣбъ далъ имъ роскошный пиръ въ шатрѣ своемъ. Князья, Бояре пили и веселились, не имѣвъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Хозяинъ ласкалъ, привѣтствовалъ безпечныхъ гостей; лице и голосъ злодѣя не измѣнили адской тайнѣ его сердца. Въ одно мгновеніе Глѣбъ и Константинъ Владимировичь извлекаютъ мечи: вооруженные слуги и Половцы стремятся въ шатеръ. Начинается кровопролитіе. Ни одинъ изъ шести несчастныхъ Князей, ни одинъ изъ вѣрныхъ Бояръ ихъ не могъ спастися. Утомленные смертоубійствомъ, изверги выходятъ изъ шатра и спокойно влагаютъ въ ножны мечи свои, дымящіеся кровію[142]. Въ числѣ убіенныхъ находился и родной братъ Глѣбовъ, добродушный Изяславъ.

Г. 1218.

Злодѣйство было ужасно: еще ужаснѣе то, что виновники остались безъ наказанія. Великій Князь Константинъ — изнуренный, можетъ быть, недугами — довольствовался

сожалѣніемъ о несчастныхъ; строилъ церкви, раздавалъ милостыню и съ восторгомъ лобызалъ святыя мощи, привозимыя къ нему изъ Греціи. Не за-долго до кончины своей онъ послалъ старшаго сына, именемъ Василька, княжить въ Росповъ, а другаго, Всеволода, въ Ярославль, приказавъ имъ жить согласно, быть во нравахъ подобными ему, благотворить сиротамъ, вдовицамъ, Духовенству, и чтить Георгія какъ втораго отца. Константинъ преставился на 33 году отъ рожденія, оплакиваемый Боярами, слугами, нищими, Монахами[143]. Хваля его мудрость и добродѣтель, Лѣтописецъ Суздальскій говоритъ, что сей Князь не только читалъ многія душеспасительныя книги, но и жилъ по ихъ правиламъ; былъ исполненъ Апостольской Вѣры и столь кротокъ, что старался не опечалить ни одного человѣка, любя дѣломъ и словомъ утѣшать всякаго. — Супруга Константинова немедленно постриглась надъ его гробомъ, и названная Агаѳіею, чрезъ два года кончила дни свои въ уединеніи монастырскомъ.

Смер. Константина Г. 1219, Февр. 2.

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ II ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

Г. 1219 – 1224.

Безпокойства въ Новѣгородѣ. Великодушіе Посадника. Дѣла церковныя. Войны. Устюгъ. Новгородъ Нижній. Освобожденіе Галича. Неблагоразуміе Мстислава. Происшествія въ Ливоніи. Мужественный Вячко. Набѣгъ Литвы. Слухъ о Татарахъ.

По отбытіи Мстислава Новогородцы призвали къ себѣ его двоюроднаго племянника, Святослава Мстиславича, изъ Смоленска. Сей Князь[144] не могъ обуздать своевольства чиновниковъ и народа. Посадникъ Твердислав, мужъ отличный достоинствами, взявъ подъ стражу какого-то мятежнаго Боярина, вооружилъ противъ себя многихъ его друзей и единомышленниковъ. Началось междоусобіе: одни стояли за Твердислава, другіе за Боярина; прочіе оставались спокойными зрителями ссоры, которая обратилась въ явную войну. Цѣлую недѣлю были шумныя Вѣча при звукѣ колоколовъ; граждане, надѣвъ брони и шлемы, въ изступленіи своемъ обнажали мечи. Напрасно увѣщавали старцы, напрасно плакали жены и дѣти: казалось, что Новогородцы не имѣли ни законовъ, ни Князя, ни человѣчества.

Г. 1219. Безпокойства въ Новѣгородѣ.

Чтобы еще болѣе воспалишь усердіе своихъ друзей, Твердиславъ, устремивъ глаза на храмъ Софійскій, громогласно обрекъ себя въ жертву смерти, если совѣсть его нечиста предъ Богомъ и согражданами. «Да «паду въ битвѣ первый» (говорилъ онъ) «или Небо да оправдаетъ меня побѣдою мо- «ихъ братьевъ!» Наконецъ злоба утолилась кровію десяти убитыхъ гражданъ; народъ образумился, пребовалъ мира, и цѣлуя крестъ, клялся быть единодушнымъ. Тишина возстановилась; но Князь, недовольный Твердиславомъ, прислалъ своего Тысячского объявить на Вѣчѣ, что сей Посадникъ властію Княжескою смѣняется. Граждане хотѣли знать вину его. Святославъ гордо отвѣтствовалъ: *безъ вины!* «Я доволенъ,» сказалъ Твердиславъ: «честь моя остается «безъ пятна: а вы, братья сограждане, «вольны избирать и Посадниковъ и Князей.» Народъ вступился за него. «Вспомни усло- «віе,» говорили Святославу Послы Вѣча: «ты далъ намъ клятву не смѣнять чиновников- «ковъ безвинно. Когда же забываешь оную, «то мы готовы съ поклономъ указать те- «бѣ путь; а Твердиславъ будетъ нашимъ «Посадникомъ.» Святославъ, видя упрямство народа, не хотѣлъ спорить; но скоро уѣхалъ въ Кіевъ по волѣ отца своего, Мстислава Романовича, уступивъ престолъ Новогородскій меньшему брату, Всеволоду. Правленіе сего Князя ознаменовалось также внутрен- г. 1219 — 21.

ними безпокойсствами. Люди, посланные Новогородцами въ Двинскую землю для собранія дани, къ удивленію народа возвратились съ дороги, сказывая, что Великій Князь Георгій и Ярославъ Всеволодовичь не хотѣли пропустить ихъ чрезъ область Бѣлозерскую, имѣя будто бы тайное сношеніе съ Новогородскимъ Посадникомъ и Тысячскимъ. Народъ взволновался и смѣнилъ главныхъ чиновниковъ; однакожь чрезъ нѣкоторое время снова возвелъ Твердислава на степень Посадника. Всеволодъ безъ всякой основательной причины возненавидѣлъ и хотѣлъ убить сего знаменитаго человѣка, вооруживъ своихъ Дворянъ и многихъ гражданъ на *Дворъ Ярослава*. Твердиславъ былъ тогда боленъ: усердные друзья вывезли его на саняхъ изъ дому и поручили великодушной защитѣ народа, который спекался къ нему толпами, готовый умереть за своего любимаго чиновника. Жители трехъ Концевъ спали въ ряды, и ждали Князя какъ непріятеля. Но Всеволодъ не дерзнулъ на кровопролитіе. Архіепископъ примирилъ враговъ; а Твердиславъ, желая спокойствія отечеству, добровольно сложилъ съ себя чинъ Посадника, тайно ушелъ въ монастырь Аркадьевскій, и навсегда отказался отъ свѣта.

Великодушіе Посадника.

Самыя церковныя дѣла Всеволодова времени изъявляютъ легкомысліе Новогородцевъ: выгнавъ прежде Архіепископа Митрофана, народъ раскаялся и хотѣлъ загладить

Дѣла церковныя.

сію несправедливость; дозволилъ ему возвратиться и послалъ сказать его преемнику, Антонію, осмаприващему погда свою Епархію, чтобы онъ ѣхалъ, куда хочетъ, и что Новгородъ имѣетъ уже инаго Святителя. Однакожь Антоній не послушался и признавалъ себя единственнымъ законнымъ Пастыремъ. Граждане были въ крайнемъ запрудненіи, и не зная, что дѣлать съ двумя Архіепископами, отправили ихъ въ Кіевъ на судъ къ Митрополиту, который, рѣшивъ тяжбу въ пользу Мипрофана, послалъ Антонія Епископомъ въ Перемышль Галицкій.

Воинскіе подвиги Новогородцевъ были удачны: хотя Всеволодъ не могъ взять Пертуева или нынѣшняго Пернау, однакожь разбилъ Нѣмцевъ за рѣкою Эмбахомъ. Древній Лѣтописецъ Ливонскій повѣствуетъ, что Рыцари въ битвѣ съ нашимъ передовымъ отрядомъ имѣли успѣхъ, и даже отняли знамя Князя Новогородскаго; но союзники ихъ, Лапыши, видя многочисленность Россіянъ, обратились въ бѣгство. Сей Лѣтописецъ къ чести единоземцевъ своихъ прибавляетъ, что ихъ было только 200, а нашихъ 16,000; что Нѣмцы, отдѣленные отъ Новогородцевъ глубокимъ ручьемъ, сражались отъ 9 часовъ утра до захожденія солнечнаго, убили около пятидесяти непріятелей, въ цѣлости от- Войны.

спупили и шли назадъ съ веселыми пѣснями[145].

Въ Россіи восточной были также воинскія дѣйспвія. Глѣбъ Владиміровичь, убійца Князей Рязанскихъ, хотѣлъ еще довершить свое гнусное злодѣяніе. Провидѣніе спасло одного изъ сихъ Князей, Ингваря, сына Игорева, копорый господспвовалъ въ Спарой Рязани, и могъ рано или поздно оппмспить смерпь брапьевъ: нанявъ Половцевъ, Глѣбъ шелъ осадить его сполицу; но Ингварь побѣдилъ варваровъ. Ненавидимый всѣми добрыми Россіянами и самому себѣ ненависпный (обыкновенная мука злодѣевъ!), Глѣбъ бѣжалъ въ спепи, подобно древнему братоубійцѣ Свяпополку гонимый Небеснымъ гнѣвомъ, и памъ въ безуміи скончалъ гнусную жизнь свою[146]. — Ингварь наслѣдовалъ всю область Рязанскую, и съ дружиною Великаго Князя впорично разбилъ Половцевъ.

Вѣроятно, что Камскіе Болгары издревле порговали съ Чудскимъ народомъ, обипавшимъ въ Вологодской и Архангельской Губерніи: съ неудовольспвіемъ видя новое господспво Россіянъ въ сихъ мирныхъ спранахъ, они хопѣли также быпь завоевапелями, и — болѣе обманомъ, нежели силою — взяли Успюгъ[147], неизвѣспно когда и кѣмъ основанный. Онъ имѣлъ прежде собспвенныхъ Князей; споялъ, какъ сказываюпъ, на высокой горѣ, верспахъ въ четырехъ опъ нынѣшняго, и назывался, по имени ея,

Устюгъ.

Гледеномъ; а названіе Успюжанъ произошло опъ успья рѣки Юга, сливающаго памъ воды свои съ рѣкою Сухоною. Жипели – вѣроятно, смѣсь Россіянъ съ Чудью – зависѣли опъ Великаго Князя Георгія и въ особенноспи опъ Росповскаго. Чпобы упвердиться въ семъ городѣ, Болгары въ по же время спаралисъ овладѣпь берегами Унжи[148]; но были опражены, и скоро увидѣли войско Россіянъ въ собспвенной землѣ своей. Брапъ Георгіевъ, Свяпославъ, съ сыновьями Муромскихъ Князей и съ сильнымъ ополченіемъ приплылъ пуда Волгою, вышелъ на берегъ ниже успья Камы, и для безопасноспи судовъ оспавивъ спражу, приближился къ городу Ошелу, укрѣпленному высокимъ дубовымъ пыномъ съ двумя оплопами, между коими находился валъ. Впереди шли люди съ огнемъ и топорами; за ними спрѣлки и копейщики. Одни подсѣкли пынъ, другіе зажгли оплопы; но сильный вѣперъ дулъ имъ прямо въ лице: задыхаясь опъ гуспаго дыма, воины Свяпославовы, ободренные рѣчью Князя, приступили съ другой спороны и зажгли городъ по вѣпру. Зрѣлище было ужасно: цѣлыя улицы пылали; огонь, раздуваемый бурею, лился быспрою рѣкою; опчаянные жипели съ воплемъ бѣжали изъ города и не могли уйпи опъ меча Россіянъ; полько Князь Болгарскій и нѣкоторые его всадники спаслися бѣгспвомъ. Другіе, не пребуя поіцады, убивали женъ, дѣпей своихъ

и самихъ себя, или сдѣлались жертвою пламени, вмѣстѣ со многими Россіянами, искавшими добычи въ городѣ. Святославъ, видя тамъ наконецъ однѣ кучи дымящагося пепла, удалился, провождаемый толпами плѣнниковъ, большею частію женъ и младенцевъ. Напрасно Болгары хотѣли отмстить ему, спекаясь отовсюду къ берегамъ Волги: Россіяне, готовые къ битвѣ, сѣли на ладіи, распустили знамена, и при звукѣ бубновъ, трубъ, свирѣлей, плыли медленно вверхъ по Волгѣ въ стройномъ ополченіи. Болгары только смотрѣли на нихъ съ берега. Святославъ близъ устья Камы сошелся съ Росповцами, Устюжанами и съ Воеводою Георгіевымъ, который ходилъ опустошать ея берега, и взялъ нѣсколько городковъ Болгарскихъ. Сей успѣхъ казался столь важнымъ Великому Князю, что онъ встрѣтилъ брата за нѣсколько верстъ отъ столицы, благодарилъ его, осыпалъ дарами; три дни угощалъ всѣхъ воиновъ. Зимою явились въ Владимірѣ Послы Болгарскіе, требуя мира; но Георгій отвергнулъ ихъ предложеніе и готовился къ новому походу. Испытавъ многократно превосходную силу Россіянъ, Болгары всячески старались отвратить бѣдствіе войны; наконецъ, посредствомъ богатыхъ даровъ, обезоружили Великаго Князя. Послы наши ѣздили къ нимъ въ землю, гдѣ народъ утвердилъ сей миръ клятвою по закону Магометанскому. Геор-

гій, будучи тогда самъ на берегахъ Волги, имѣлъ случай снова осмотрѣть ихъ, выбралъ мѣсто и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заложилъ Нижній Новгородъ, тамъ, гдѣ сливаются двѣ знаменитыя рѣки нашего отечества, и гдѣ скоро поселилось множество людей, привлеченныхъ выгодами торговли и судоходства[149]. Новгородъ Нижній.

Въ сіе время Князь Черниговскій, братъ Всеволода Чермнаго, разбилъ Литовцевъ, которые искали добычи въ его области. — Но важнѣйшимъ успѣхомъ Россійскаго оружія было тогда освобожденіе Галича отъ ига чужеземцевъ. Кажется, что бывшій Князь Новогородскій, Мстиславъ, занимаясь въ Кіевѣ разными приготовленіями, умѣлъ скрыть цѣль оныхъ: по крайней мѣрѣ Вельможи Андреевы, именемъ Коломана господствовавшіе на берегахъ Днѣстра, не взяли никакихъ мѣръ для обороны, и бѣжали въ Венгрію, какъ скоро Мстиславъ приближился[150]. Сколь легкій успѣхъ не могъ ослѣпить сего Князя: онъ зналъ, что опасности и битвы впереди; что Андрей не уступитъ ему сыновняго Королевства мирно, и что побѣда должна рѣшить судьбу онаго. Тамошніе граждане желали снова повиноваться Даніилу: вопреки имъ, Мстиславъ сѣлъ на тронѣ Галицкомъ, но въ угожденіе народу выдалъ дочь свою, Анну, за сего Романова сына и хотѣлъ быть ему отцемъ; старался также сохранить любовь Герцога Освобожденіе Галича.

Польскаго, и не мѣшалъ ему владѣть частію западной Россіи: ибо Лешко, передавъ Владиміръ сыновьямъ Романовымъ, занялъ Брестъ со многими другими наслѣдственными ихъ городами въ окрестностяхъ Буга. Напрасно Даніилъ жаловался тестю на хищность Герцога[181]. Мстиславъ оправдывалъ: «Лешко мой другъ.» Но когда неуступчивый Даніилъ осмѣлился искать управы силою; когда, выѣхавъ въ поле съ собственною дружиною, отнялъ у Ляховъ всѣ области Россійскія: тогда оскорбленный Герцогъ, считая Мстислава тайнымъ виновникомъ юнаго зятя, обвиняя того и другаго въ неблагодарности, въ вѣроломствѣ, возобновилъ союзъ съ Андреемъ Венгерскимъ. «Отказываюсь отъ всякаго участія въ Га-«лиціи,» велѣлъ онъ сказать Королю: «пусть «властвуетъ въ оной сынъ твой. Изгонимъ «только Россіянъ.» Андрей не могъ желать инаго. Венгры и Ляхи, вступивъ въ Галицкую землю, одержали побѣду надъ Дмитріемъ, Воеводою Мстислава. Самъ Коломанъ предводительствовалъ ими, и съ удовольствіемъ видѣлъ головы нашихъ Бояръ, повергаемыя къ его ногамъ вмѣстѣ съ ихъ золотыми цѣпями. Оставивъ зятя въ Галичѣ, Мстиславъ удалился къ предѣламъ Кіевскимъ. Непріятели осадили Даніила: хотя сей юноша смѣлыми, счастливыми вылазками дѣлалъ имъ много вреда; однакожь, исполняя повелѣніе тестя, долженъ былъ

наконецъ выйпи изъ города, очистилъ себѣ пупь мечемъ, и за Днѣстромъ соединился съ Мстиславомъ, который, обнявъ его какъ випязя доспойнаго, въ знакъ особенной дружбы подарилъ ему любимаго своего коня, и сказалъ: «Храбрый Князь! теперь «иди въ Владиміръ: я пойду за Половцами. «Мы отмстимъ врагамъ, и стыдъ нашъ «падепъ на нихъ.» Онъ сдержалъ слово.

Союзники, Венгры, Ляхи, завоевавъ Галичъ, не дремали; первые усилились новыми полками своими и Богемскими, присланными Андреемъ къ Коломану съ знаменитымъ Воеводою Фильніемъ. Сей надменный Баронъ изъявлялъ величайшее презрѣніе къ Россіянамъ, и часпо говорилъ въ пословицу: «Одинъ камень избиваепъ множеспво гли«няныхъ сосудовъ. Оспрый мечь, борзый «конь, и Русь у ногъ моихъ.» Ляхи непреспанными впаденіями превожили областпь Владимірскую. Къ счастію, Данилъ успѣлъ заключипь миръ съ Князьями Липовскими, Жмупскими, Лапышскими, и могъ наемнымъ ихъ войскомъ успрашипь собспвенныя владѣнія Лешковы[152]. — Между пѣмъ дѣятельный Мстиславъ изгоповился и двинулъ рапь свою, усиленную Половцами, къ берегамъ Днѣспра. Воевода Андреевъ, гордый Фильній, не хопѣвъ подвергнупь юнаго Коломана опасноспямъ бипвы, оспавилъ его въ укрѣпленномъ Галичѣ и ждалъ Россіянъ въ полѣ. Ляхи спояли на правомъ кры-

лѣ: Венгры и Галичане на лѣвомъ; легкое войско ихъ находилось впереди. Россіяне показались: шли медленно и спройно; за ними Половцы. Владиміръ Рюриковичь предводительствовалъ одною частію войска, другою Мстиславъ, который, вдругъ отдѣлясь отъ полковъ, сталъ на высокомъ холмѣ и долго смотрѣлъ на движенія непріятелей, такъ, что Владиміръ, встревоженный его отсутствіемъ, велѣлъ съ неудовольствіемъ напомнить ему, сколь время дорого, и сколь нужно дѣйствовать, не теряя онаго. «Не забывай» (говорилъ онъ), «что ты Военачальникъ, а не зритель. Твое бездѣйствіе «можетъ погубить насъ.» Мстиславъ съѣхалъ съ холма и спѣшилъ оживить храбрость воиновъ, именемъ Св. Креста обѣщая имъ побѣду. Уже битва началася. Владиміръ не успоялъ противъ Ляховъ: они гнали Россіянъ, брали плѣнниковъ, добычу, и древними пѣснями отцевъ своихъ торжествовали побѣду[183]. Венгры, Галичане также имѣли успѣхъ, и бѣдствіе нашихъ казалось совершеннымъ. Но Мстиславъ въ самое то время съ отборною дружиною и съ Половцами ударилъ въ тылъ непріятелю: изумленные, разстроенные Венгры падали мертвые цѣлыми рядами; самъ предводитель ихъ отдался въ плѣнъ, и скоро Ляхи къ отчаянію своему увидѣли, что побѣда имъ измѣнила; окруженные Россіянами, не могли спастися ни мужественною обороною, ни бѣгствомъ, и всѣ легли на

мѣстѣ. Одни Половцы брали плѣнниковъ, ловили коней, обнажали мертвыхъ: Россіяне, исполняя волю Князя, старались только о совершенномъ истребленіи непріятеля. Еще многіе Ляхи оставались назади, не вѣдали о гибели своихъ, и видя издали государственное знамя Польское, толпами спремились къ оному; но сіе знамя, съ изображеніемъ Бѣлаго орла, развѣвалось уже въ рукахъ побѣдителя: они находили тамъ смерть[154]. Кровопролитіе было ужасно; вопль, стонъ несчастныхъ жертвъ достигалъ до Галича; трупы лежали кучами на пространствѣ необозримомъ. Россіяне, торжествуя побѣду, всѣ единодушно превозносили хвалами Мстислава храбраго, называя его, по тогдашнему обыкновенію, *краснымъ солнцемъ* отечества.

Сей Князь осадилъ Галичь. Боясь измѣны гражданъ (ибо жители всѣхъ окрестныхъ мѣстъ съ радостію принимали Мстислава), Венгры и Ляхи выгнали ихъ изъ крѣпости, чтобы обороняться до послѣдней возможности; но Россіяне, ночью сдѣлавъ подкопъ, вошли въ городъ. Тогда Коломанъ заключился въ укрѣпленномъ храмѣ Богоматери, и еще съ гордостію опвергнулъ свиданіе, предложенное ему Мстиславомъ. Чрезъ нѣсколько дней, изнуренные голодомъ и жаждою, Венгры сдалися. Князь Россійскій уже не хотѣлъ слышать о милосердіи. Ему представили несчастнаго Коломана и юную су-

пругу его, въ слезахъ, въ глубокой горе-
спи: онъ велѣлъ за крѣпкою спражею оп-
везши ихъ въ Торческъ[155], а Бароновъ Вен-
герскихъ съ женами и дѣпьми опдалъ, какъ
плѣнниковъ, своей дружинѣ и Половцамъ,
въ награду за оказанное ими мужеспво. Толь-
ко славный Архіепископъ Краковскій, Лѣ-
шописецъ Кадлубко, и Канцлеръ Польскій
Ивонъ, бывшіе въ Галичѣ, успѣли заблаго-
временно спаспися опъ неволи бѣгспвомъ[156].
Герцогъ Лешко воспрепяпспвовалъ Даніилу
соединишься съ тестемъ до битвы: сей
юноша славолюбивый успѣлъ полько ви-
дѣпь свѣжіе трофеи Россіянъ на ея мѣспѣ.
Новѣйшіе Испорики пишупъ, чпо гордый,
счасшливый Мспиславъ, поржествуя оную,
принялъ на себя имя *Царя Галицкаго*, и чпо
Россійскіе Епископы вѣнчали его злапымъ
вѣнцемъ Коломановымъ, доспавшимся ему
въ руки[157].

Андрей, Король Венгерскій, былъ въ оп-
чаяніи, и немедленно опправилъ Вельможу
своего, именемъ Яроша, сказапь Мсписла-
ву, чпобы онъ прислалъ къ нему сына и
всѣхъ плѣнниковъ, или скоро увидипъ въ
Россіи многочисленное побѣдоносное войско
Венгровъ. Мспиславъ не испугался угрозы,
но хладнокровно опвѣпспвовалъ, чпо по-
бѣда зависипъ опъ Неба; чпо онъ ждепъ
Короля, надѣясь съ Божіею помощію сми-
ришь гордосшь его. Андрей, изнуренный
погда въ силахъ походомъ Іерусалимскимъ,

не имѣлъ желанія воевать, и прибѣгнулъ къ доброхотствующимъ ему Боярамъ Галицкимъ. Одинъ изъ нихъ, Судиславъ, плѣненный вмѣстѣ съ Коломаномъ, умѣвъ снискать особенную довѣренность Мстислава, склонилъ его къ миру, неожидаемо выгодному для Короля. Согласились, чтобы меньшій сынъ Андреевъ, именемъ также Андрей, женился на дочери Мстислава, коей въ приданое отецъ назначилъ спорную Галицію[158]. Слѣдственно Мстиславъ освободилъ сію землю отъ иноплеменниковъ для того, чтобы добровольно уступить имъ оную, взявъ, можетъ быть, только мѣры для безопасности Церкви Греческой! Не любя тамошнихъ Бояръ мятежныхъ и нелюбимый ими, онъ хотѣлъ сначала, какъ мы сказали, возвратить Галицію Даніилу, желаемому народомъ; но хитрые Вельможи, тайные друзья Венгріи, представили ему, что Даніилъ возметъ ее, какъ наслѣдственное достояніе Романовыхъ дѣтей, безъ всякой особенной признательности, и съ лѣтами возрастая въ силахъ, въ честолюбіи, не уважитъ благотворителя; а юный сынъ Андреевъ, всѣмъ обязанный милости тестя, не дерзнетъ ни въ чемъ его ослушаться, или въ противномъ случаѣ легко можетъ быть лишенъ Княженія. Мстиславъ — болѣе воинъ, нежели Политикъ — принялъ мнѣніе Бояръ, и съ радостію назвавъ Андрея сватомъ, освободилъ Коломана. Бракъ отложи-

Неблагоразумie Мстислава.

ли за малолѣтствомъ жениха и невѣсты, съ обѣихъ сторонъ утвердивъ договоръ клятвами. Между тѣмъ совѣсть Андреева находилась въ затрудненіи: женихъ былъ прежде помолвленъ на Царевнѣ Арменской, единственной наслѣдницѣ родительскаго престола. Боясь грѣха, Король требовалъ разрѣшенія отъ Папы, Гонорія III. Вѣроятно, что Герцогъ Лешко также писалъ въ Римъ, и жаловался Папѣ на условія мира, заключеннаго Венграми съ Россіянами: ибо Гонорій (въ 1222 году) отвѣтствовалъ Андрею, что Галиція принадлежитъ Коломану, зятю Герцога Польскаго, возведенному на ея тронъ Апостольскою властію[189]; что обязательство несправедливое, вынужденное бѣдствіемъ Коломановымъ, само собою уничтожается; что малолѣтство жениха и невѣсты даетъ время отцамъ размыслить основательнѣе о выгодахъ или невыгодахъ такого союза; что надобно подождать, и проч. Однакожъ Андрей не хотѣлъ нарушить договора, и Мстиславъ чрезъ нѣкоторое время отдалъ будущему зятю Перемышль, къ неудовольствію жителей и Герцога Лешка, который долженствовалъ, обманутый Венграми, самъ примириться съ Князьями Россійскими. Сей миръ имѣлъ несчастныя слѣдствія для Александра, Князя Бельзскаго, взявшаго сторону Венгровъ и Ляховъ во время ихъ перваго успѣха. Даніилъ и Василько, озлобленные коварствомъ Александра, омра-

чили добрую славу юности своей разоренiемъ окрестностей Бельза, гдѣ народъ долго помнилъ оное и называлъ *злою ночью*: ибо воины сыновей Романовыхъ, свирѣпствуя тамъ опъ заката до восхожденія солнечнаго, не оставили камня на камнѣ[160]. Одно великодушіе Мстислава спасло Александра: уваживъ ходатайство тестя, Данiилъ прекратилъ жестокое дѣйствіе мщенія и возвратился къ матери, которая, видя его уже способнаго править землею, обуздывать Вельможъ, смирять непріятелей, удалилась опъ свѣта въ тишину монастырскую.

Въ сихъ происшествіяхъ юго-западной Россіи участвовали слабые тогда Ольговичи какъ союзники Мстислава. Великій же Князь Георгій занимался единственно внутреннимъ правленіемъ собственной земли и внѣшнею безопасностію Новогородцевъ,ославъ къ нимъ осьмилѣтняго сына, Всеволода, на мѣсто Мстиславича, внука Романова, изгнаннаго народомъ. Опаснѣйшими ихъ врагами были погда Альбертовы Рыцари: Новогородцы требовали сильной помощи опъ Георгія, и съ братомъ его, Святославомъ, вступивъ въ Ливонію, опустошили берега рѣки Аа. Лѣтописецъ Нѣмецкій говоритъ, что Россіяне своими жестокостями возбудили погда гнѣвъ Рижской Богоматери[161], изъявляя ненависть къ ея новымъ храмамъ, разрушали Латинскія церкви, монастыри,

Г. 1221—22.

Происшествія въ Ливоніи.

плѣняли женъ, дѣтей и жгли хлѣбъ на поляхъ. Сынъ Владиміра Псковскаго, Ярославъ, съ войскомъ Липовскихъ союзниковъ вспрѣпилъ Святослава близъ Кеси или нынѣшняго Вендена; Россіяне осадили сей городъ. Съ упра до вечера продолжалась кровопролитная битва. Нѣмцы всего удачнѣе дѣйствовали пращами, и тяжело ранили многихъ изъ нашихъ Бояръ подъ стѣною. На другой день узнавъ, что самъ Великій Магистръ Ордена, Вольквинъ, ночью вошелъ въ крѣпость, и что къ осажденнымъ скоро прибудетъ новая помощь, — Святославъ отступилъ. Но военныя дѣйствія не прекратились: Латыши, послушные Нѣмцамъ, безпрестанно злодѣйствовали въ окрестностяхъ Пскова, и не могли насытиться кровію людей безоружныхъ; оставивъ домы и работы сельскія, жили въ нашихъ лѣсахъ, грабили, убивали путешественниковъ, земледѣльцевъ, уводили женщинъ, лошадей и скотъ. Дабы наказать сихъ разбойниковъ, граждане Псковскіе ходили осенью въ землю Латышей, гдѣ истребили все, что могли. — Не смотря на мирныя, весьма неискреннія предложенія съ обѣихъ сторонъ, Нѣмцы и Россіяне не давали покоя другъ другу. Первые, собравъ Ливь и Латышей, дерзнули вступить въ собственные наши предѣлы: обошли Псковъ и въ окрестностяхъ Новагорода, по сказанію Ливонскаго Лѣтописца, обратили въ пепелъ нѣсколько дере-

вень. Лапыши ограбили церковь близъ самаго предмѣстія сполицы, взявъ иконы, колокола и другія вещи. Довольные сею местію, Нѣмцы спѣшили уйти безъ сраженія, и боясь Россіянъ, старались укрѣпиться въ восточной Ливоніи: строили замки, рыли въ нихъ колодези на случай осады, запасались хлѣбомъ, а всего болѣе оружіемъ и пращами. Возбуждаемыя Рыцарями, толпы Чуди два раза зимою приходили незапно изъза рѣки Наровы въ Ижорскую землю, издавна область Новогородскую; плѣнили множество людей, и побили весь скотъ, котораго не могли взять съ собою.

Въ то время малолѣтный сынъ Георгіевъ, по желанію своихъ Бояръ, не находивших для себя ни выгодъ, ни удовольствія въ Новѣгородѣ, тайно собрался ночью и со всѣмъ Дворомъ уѣхалъ къ отцу. Народъ опечалился; сиротствуя безъ Главы, желалъ имѣть Княземъ хотя брата Георгіева; забылъ свою прежнюю, отчасти справедливую ненависть къ Ярославу-Ѳеодору, и принялъ его съ живѣйшими знаками удовольствія: ибо надѣялся, что онъ будетъ грозою внѣшнихъ непріятелей. Ярославъ, выгнавъ хищныхъ Литовцевъ изъ южныхъ предѣловъ Новогородскихъ и Торопецкой области, хотѣлъ отличить себя важнѣйшимъ подвигомъ и быть защитникомъ сѣверныхъ Ливонцевъ, утѣсненныхъ тогда новыми пришельцами. Г. 1222.

Вальдемаръ II, мужественный Король Датскій, желая (какъ говоритъ современный Лѣтописецъ) «очиститься отъ грѣховъ «своихъ и доказать усердіе къ Рижской Бо«гоматери,» высадилъ многочисленное войско на берега Эстоніи, заложилъ Ревель и въ кровопролитной битвѣ одержалъ надъ жителями побѣду, которая служила поводомъ къ основанію Данеброгскаго Ордена[162]: ибо разсказываютъ басню, что во время сраженія красное знамя съ бѣлымъ крестомъ упало изъ облаковъ въ руки къ Датчанамъ, и что Небо симъ чудомъ оживило ихъ мужество. Король возвратился въ Данію, но оставилъ въ Ревелѣ воиновъ и Епископовъ, чтобы утвердить тамъ Христіанскую Вѣру и власть свою, къ неудовольствію Рижскихъ Нѣмцевъ, которые считали себя господами Эстоніи. Шведы также прибыли въ сію несчастную землю, также хотѣли крестить язычниковъ. Бѣдные жители не знали, кого слушаться: ибо ихъ мнимые просвѣтители ненавидѣли другъ друга, и Датчане повѣсили одного Чудскаго старѣйшину за то, что онъ дерзнулъ принять крещеніе отъ Нѣмцевъ! Въ сей крайности народъ Эзельскій вооружился, побилъ Шведовъ, взялъ приступомъ новую крѣпость, основанную Датчанами на Эзелѣ. Скоро мятежъ сдѣлался общимъ въ разныхъ областяхъ Ливонскихъ: граждане Феллина, Юрьева, Одеппе, согласно изъявляли ненависть

къ Нѣмцамъ; умертвили многихъ Рыцарей, Священниковъ, купцевъ, и мечи, обагренные ихъ кровію, были посылаемы изъ мѣста въ мѣсто въ знакъ счастливаго успѣха. Уже всѣ жители сѣверной Ливоніи торжественно отреклись отъ Христіанства, вымыли свои домы, какъ будто бы осквернённые его обрядами, разрушили церкви и велѣли сказать Рижскому Епископу, что они возвратились къ древней Вѣрѣ отцевъ, и не оставятъ ее, пока живы. Въ сихъ обстоятельствахъ Старѣйшины ихъ призвали Россіянъ въ города свои, уступили имъ часть богатства отнятаго у Нѣмцевъ, и послали дары къ Новогородскому Князю, моля его о защитѣ[163].

Ярославъ, собравъ около 20,000 воиновъ, вступилъ въ Ливонію. Жители встрѣтили его съ радостію, выдавали ему всѣхъ Нѣмцевъ, заключенныхъ ими въ оковы, и приняли Россіянъ какъ друзей въ Юрьевѣ, Оденпе и другихъ мѣстахъ. Князь Новогородскій хотѣлъ идти къ Ригѣ; но убѣжденный Послами Эзельскими, обратился къ Эстоніи, чтобы освободить сію землю отъ ига Датчанъ. Близъ Феллина онъ къ изумленію своему увидѣлъ трупы многихъ Россіянъ повѣшенныхъ: Рыцари, предупредивъ его, снова завладѣли сею крѣпостію, и безчеловѣчно умертвили бывшихъ тамъ Новогородскихъ воиновъ. Огорченный Ярославъ клялся жестокимъ образомъ отмстить за

такое злодѣйство, но, вмѣсто Рыцарей, наказалъ однихъ невинныхъ жителей Фелинской области: лилъ ихъ кровь, жегъ домы; довершилъ бѣдствіе сихъ несчастныхъ, которые искали убѣжища въ дикихъ лѣсахъ, спеная отъ Нѣмцевъ, Россіянъ и болѣзней.—Удовлетворивъ своему гнѣву, Ярославъ соединился съ приморскими жителями Эстоніи, осадилъ Ревель или Колывань, и стоялъ подъ его стѣнами четыре недѣли безъ всякаго важнаго успѣха. Датчане оборонялись мужественно, столь искусно дѣйствуя пращами, что утомленный безполезными приступами Князь снялъ осаду и возвратился въ Новгородъ, хотя безъ славы, однакожь съ плѣнниками и добычею. Въ Лѣтописи именно сказано, что наши воины принесли тогда съ собою не мало *золота*.

Народъ охотно повиновался Ярославу; но сей Князь — не извѣстно, для чего — самъ не захотѣлъ остаться въ Новѣгородѣ, и

Г. 1224. Георгій вторично прислалъ на его мѣсто юнаго сына своего, Всеволода. Надлежало обуздывать Литву, бороться съ властолюбивыми Нѣмцами въ Ливоніи, наблюдать Датчанъ: а Князь Новогородскій былъ десятилѣтній отрокъ! Его именемъ правили чиновники: чтобы удержать за Россіею Дерптъ, они уступили сей городъ одному изъ владѣтелей Кривскихъ, мужественному Вячку, который начальствовалъ прежде въ Двинскомъ замкѣ Кукенойсѣ. Имѣя у себя не

Мужественный Вячко.

болѣе двухъ сотъ воиновъ, онъ утвердилъ свое господство въ сѣверной Ливоніи: бралъ дань съ жителей, строго наказывалъ ослушниковъ, безпрестанно превожилъ Нѣмцевъ и счастливо отразилъ приступъ ихъ къ Юрьеву[164]. Тогда Епископъ Альбертъ созвалъ всѣхъ Рыцарей, странствующихъ богомольцевъ, купцевъ, Латышей, и самъ выступилъ изъ Риги, окруженный Монахами, Священниками. Сіе войско расположилось въ шатрахъ около Юрьева, и Вячко равнодушно смотрѣлъ на всѣ приготовленія Нѣмцевъ. Они сдѣлали огромную деревянную башню, равную въ вышинѣ съ городскими стѣнами, и придвинули оную къ самому замку, подкопавъ часть вала; но Князь Россійскій еще не терялъ бодрости. Напрасно Альбертъ предлагалъ ему миръ и свободу выйти изъ крѣпости со всѣми людьми, съ ихъ имуществомъ и съ конями: Вячко не хотѣлъ о томъ слышать, надѣясь, что Новогородцы не оставятъ его безъ помощи. Стрѣлы и камни летали съ утра до вечера изъ города и въ городъ: Нѣмцы бросали туда и раскаленное желѣзо, чтобы зажечь деревянныя зданія. Осажденные не имѣли покоя ни въ самую глубокую ночь, стараясь препятствовать работѣ осаждающихъ, которые, разводя большіе огни, копали землю съ пѣснями и музыкою: Латыши гремѣли щитами; Нѣмцы били въ литавры; а Россіяне также играли на тру-

бахъ, споя безпрестанно на спѣнѣ. Упомленные прудами, ежедневными битвами, Нѣмцы собрались на общій совѣтъ. «Не бу-
«демъ теряпь времени» (сказалъ одинъ изъ нихъ) «и возмемъ городъ приступомъ. До-
«селѣ мы излишно щадили враговъ своихъ:
«нынѣ да погибнутъ всѣ безъ остатка!
«Кто первый изъ насъ войдетъ въ крѣ-
«пость, тому честь и слава; тому лучшій
«конь и знаменитѣйшій плѣнникъ. Но опас-
«ный Князь Россійскій долженъ быть по-
«вѣшенъ на деревѣ.» Одобривъ сіе предложеніе, Рыцари устремились на приступъ. Хотя жители и Россіяне бились мужественно; хотя пылающими колесами зажгли башню осаждающихъ, и нѣсколько часовъ отражали Нѣмцевъ: однакожь принуждены были уступить превосходному числу враговъ. Въ слѣдъ за Рыцарями ворвались въ крѣпость и Латыши, убивая своихъ единоземцевъ, женъ, дѣтей безъ разбора. Долѣе всѣхъ оборонялись Россіяне. Никто изъ нихъ не могъ спастися отъ меча побѣдителей, кромѣ одного Суздальскаго Боярина: плѣнивъ его, Нѣмцы дали ему коня и велѣли ѣхать въ Новгородъ, чтобы объявить тамъ о бѣдствіи Россіянъ. Храбрый Вячко находился въ числѣ убитыхъ[168].

Новогородцы шли къ Юрьеву и стояли близъ Пскова: Рыцари не хотѣли ждать ихъ; надъ кучами мертвыхъ пѣли съ веселою музыкою отпѣли благодарный моле-

бенъ, сожгли крѣпость и спѣшили удалить-ся. Ливонскій Лѣтописецъ прибавляетъ, что Россіяне, не имѣя тогда надежды воевать счастливо, предложили миръ Епископу Рижскому; что Альберпъ заключилъ оный съ ихъ Послами, и выдалъ имъ изъ казны своей часпь дани, которую они прежде собирали въ землѣ Латышей[166]: ибо сей хитрый Епископъ иногда еще признавалъ Россіянъ господами Ливоніи, чтобы, обманывая ихъ, цѣмъ спокойнѣе властвовать надъ оною.

Новогородцы, примирясь съ Рижскимъ Орденомъ, должны были вооружиться для защиты южныхъ границъ своихъ. Посадникъ города Русы вышелъ съ войскомъ противъ Липовцевъ и не могъ устоять въ битвѣ съ ними: сіи мужественные разбойники одержали побѣду, взяли въ добычу множество коней и бѣжали назадъ въ свою землю: ибо никогда не думали о завоеваніяхъ, желая только вредить Россіянамъ и грабить селенія[167]. Набѣгъ Литвы.

Доселѣ, въ теченіе двухъ столѣтій и болѣе, мы видѣли древнее отечество наше безпрестанно терзаемое войнами междоусобными и нерѣдко хищными иноплеменниками; но сіи времена — сполъ, кажется, несчастныя — были златымъ вѣкомъ въ сравненіи съ послѣдующими. Настало время бѣдствія общаго, гораздо ужаснѣйшаго, которое, изнуривъ Государство, поглотивъ граждан-

ское благосостояніе онаго, унизило самое человѣчество въ нашихъ предкахъ, и на нѣсколько вѣковъ оставило глубокіе, незагладимые слѣды, орошенные кровію и слезами многихъ поколѣній. *Россія* въ 1224 году *услышала о Татарахъ* . . . .

Слухъ о Татарахъ.

Гоповясь описывать рѣдкое народное несчастіе, гибель воиновъ и Княженій Россійскихъ, порабощеніе Государства, упрану лучшихъ областей его, считаемъ за нужное обозрѣть тогдашнее состояніе Россіи, отъ временъ Ярослава Великаго до нашествія сихъ грозныхъ иноплеменниковъ.

ГЛАВА VII.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ СЪ XI ДО XIII ВѢКА.

Права Великихъ Князей. Удѣлы. Княжескіе съѣзды. Право наслѣдственное. Враги внѣшніе. Правленіе. Обряды и чины Двора. Войско. Торговля. Ганза. Договоръ съ Нѣмцами. Деньги. Художества. Науки. Поэзія. Нравы. Древнѣйшее путешествіе въ Россію.

Ярославъ, могущественный и самодержавный подобно Св. Владиміру, раздѣливъ Россію на Княженія, хотѣлъ, чтобы старшій сынъ его, называясь Великимъ Княземъ, былъ Главою отечества и меньшихъ братьевъ, и чтобы Удѣльные Князья, оставляя

Права Великихъ Князей.

право наслѣдства дѣтямъ, всегда зависѣли отъ Кіевскаго, какъ присяжники и знаменитые слуги его[168]. Отдавъ ему многолюдную столицу, всю юго-западную Россію и Новгородъ, онъ думалъ, что Изяславъ и наслѣдники его, сильнѣйшіе другихъ Князей, могутъ удержать ихъ въ границахъ нужнаго повиновенія и наказывать ослушниковъ. Ярославъ не предвидѣлъ, что самое Великое Княженіе раздробится, ослабѣетъ, и что Удѣльные Владѣтели, чрезъ союзы между собою или съ иными народами, будутъ иногда предписывать законы мнимому своему Государю. Уже Всеволодъ I долженствовалъ воевать съ частнымъ Княземъ его собственной области, а Святополкъ II опровѣргствовать какъ подсудимый на запросы Князей Удѣльныхъ[169]. Одаренные мужествомъ и благоразуміемъ, Мономахъ и Мстиславъ I еще умѣли повелѣвать Россіею; но преемники ихъ лишились сей власти, основанной на личномъ уваженіи, и Кіевъ зависѣлъ наконецъ отъ Суздаля. Если бы Всеволодъ III, слѣдуя правилу Андрея Боголюбскаго, отмѣнилъ Систему Удѣловъ въ своихъ областяхъ; если бы Константинъ и Георгій II имѣли государственныя добродѣтели отца и дяди: то они могли бы возстановить Единовластіе. Но Россія, по кончинѣ Всеволода Георгіевича, осиротѣла безъ Главы, и сыновья его совсѣмъ не думали быть Монархами.

Удѣлы.

Ярославъ раздѣлилъ Государство на четыре области, кромѣ Полоцкой, оставленной имъ въ наслѣдіе роду старшаго брата его: въ теченіе времени каждая изъ оныхъ раздѣлилась еще на особенные Удѣлы — и Князья первыхъ стали послѣ называться *Великими* въ отношеніи къ частнымъ или *Удѣльнымъ*, отъ нихъ зависѣвшимъ[170]. Волынія, Галиція, земля Дреговичей, отошли отъ Кіева. Княженіе Переяславское, весьма знаменитое при Всеволодѣ I и Мономахѣ, упрашило Суздаль, Ростовъ, Курскъ; а Черниговское Рязань и Муромъ (кромѣ Тмутороканя, завоеваннаго Половцами); Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, иногда земля Вятичей въ XII вѣкѣ принадлежали разнымъ Владѣтелямъ, не рѣдко обнажавшимъ мечь другъ на друга. Смоленское также имѣло частные Удѣлы: Торопецкій и Красненскій[171]. Самый Новгородъ, древнее достояніе Государей Кіевскихъ, славный храбростію и богатствомъ жителей, присвоивъ себѣ власть избирать Князей, не могъ сохранить цѣлости владѣній своихъ. Псковитяне дѣйствовали иногда какъ независимые отъ него и свободные граждане.

Княжескіе съѣзды.

Мономахъ, еще не будучи Великимъ Княземъ, видя съ горестію безначаліе и неустройство въ Россіи, хотѣлъ уменьшить сіе великое зло учрежденіемъ общихъ Княжескихъ Совѣтовъ или Съѣздовъ, которые

иногда воспаляли въ сердцахъ любовь къ отечеспву, но полько на малое время, и не могли прекрапипь вреднаго междоусобія. Въ слѣдспвіе пакого Съѣзда несчаспный Василько былъ ослѣпленъ, а Глѣбъ Рязанскій обагрилъ руки свои кровію брапьевъ[172].

Обыкновенною причиною вражды было спорное право наслѣдспва. Мы уже замѣпили выше, чпо по древнему обычаю не сынъ, но брапъ умершаго Государя или спаршій въ родѣ долженспвовалъ бынь его преемникомъ[173]. Мономахъ, убѣжденный народомъ власпвовапь въ сполицѣ по кончинѣ Свяпополка-Михаила, нарушилъ сей обычай; а какъ родоначальникъ Владѣпелей Черниговскихъ былъ спарѣе Всеволода I, по они въ сыновьяхъ и внукахъ Мономаховыхъ ненавидѣли похипипелей Великокняжескаго доспоинспва и воевали съ ними. Но испинными наслѣдниками Кіевскаго преспола, согласно съ погдашнимъ обыкновеніемъ, были попомки Изяслава I, копорые не искали сей чеспи, мирно господспвуя въ Удѣлахъ Туровскомъ и Пинскомъ[174]. Право наслѣдственное.

Государспво, раздираемое внупренними врагами, могло ли не бынь жерпвою внѣшнихъ? Одному особенному счаспію надлежипъ приписапь по, чпо Россія въ печеніе двухъ вѣковъ не упрапила своей народной независимоспи, опъ времени до времени имѣя Князей мужесптвенныхъ, бла- Враги внѣшніе.

горазумныхъ. Какъ Ярославъ Великій рѣшительнымъ ударомъ навсегда избавилъ отечество отъ свирѣпости Печенѣговъ, какъ Мономахъ блестящими побѣдами, въ Княженіе Святополка II, ослабилъ силу жестокихъ Половцевъ: они все еще превожили Днѣпровскую область набѣгами, но уже не столь гибельными, какъ прежде; въ отношеніи къ своимъ дикимъ нравамъ чувствовали превосходство Россіянъ, любили называться Славянскими именами, и даже охотно крестились[175]. Два раза Поляки были господами нашей древней столицы; но испытавъ ужасную месть Россіянъ и стеная отъ собственныхъ бѣдствій внутри Государства, волнуемаго мятежами, оставляли насъ въ покоѣ. Мужественные Князья Галицкіе — Владимірко, Ярославъ, Романъ—служили для Россіи щитомъ на Юго-Западѣ и держали Венгровъ въ страхѣ. Дунайскіе Болгары, съ 1185 года свободные отъ ига Грековъ, были тогда сильнымъ народомъ; въ 1205 году разбили Латинскаго Императора Балдвина, взяли его въ плѣнъ и доходили до вратъ Константинополя; но жили мирно съ нами. Сынъ ихъ Героя Асана, именемъ Іоаннъ, принужденный выѣхать изъ отечества, искалъ защиты Россіянъ, и съ помощію сихъ вѣрныхъ друзей—вѣроятно, знаменитаго Мстислава Галицкаго — въ 1222 году восшелъ на престолъ своего дяди[176]. — Болгары Камскіе не имѣли

духа воинскаго. Рыцари Нѣмецкіе выпѣсни-
ли Новогородцевъ и Кривичей изъ Ливоніи,
но далѣе не могли распространить своихъ
завоеваній; а Литовцы были не что иное,
какъ смѣлые грабители. Другихъ опаснѣй-
шихъ враговъ отечество наше погда не
знало, и не смотря на развлеченіе внутрен-
нихъ силъ его, еще славилось могуществомъ
въ отношеніи къ сосѣдамъ, наблюдая зако-
ны предковъ въ своемъ правленіи, успѣвая
въ дѣлахъ воинскихъ, въ торговлѣ, въ гра-
жданскомъ образованіи.

Что касается собственно до правленія, Пра-
то оно въ сіи времена соединяло въ себѣ вленіе.
выгоды и злоупотребленія двухъ, одинъ
другому противныхъ, государственныхъ
уставовъ: самовластія и вольности. Когда
Олегъ, Святославъ, Владиміръ, окружен-
ные славою побѣдъ, величіемъ завоевателей,
силою единодержавія въ цѣлой Россіи, по-
велѣвали народу: народъ смиренно и безмол-
вно исполнялъ ихъ волю. Но когда Государ-
ство раздѣлилось; когда лучи славы угасли
надъ престоломъ Св. Владиміра, и вмѣсто
одного явились многіе Государи въ Россіи:
тогда народъ, видя ихъ слабость, захотѣлъ
быть сильнымъ, стѣснялъ предѣлы Кня-
жеской власти или противился ея дѣй-
ствію. Самовластіе Государя утверждается
только могуществомъ Государства, и въ
малыхъ областяхъ рѣдко находимъ Монар-
ховъ неограниченныхъ. Между тѣмъ древній

успавъ Рюриковыхъ временъ не былъ отмѣненъ: вездѣ, и въ самомъ Новѣгородѣ, Князь судилъ, наказывалъ и сообщалъ власть свою Тіунамъ; объявлялъ войну, заключалъ миръ, налагалъ дани [177]. Но граждане столицы, пользуясь свободою Вѣча, не рѣдко останавливали Государя въ дѣлахъ важнѣйшихъ: предлагали ему совѣты, требованія; иногда рѣшили собственную судьбу его, какъ вышніе законодатели. Жители другихъ городовъ, подвѣдомыхъ областному и называемыхъ обыкновенно *пригородами*, не имѣли сего права [178]. Вѣроятно, что и въ столицахъ не всѣ граждане могли судить на Вѣчахъ, а только старѣйшіе или нарочитые, Бояре, воины, купцы. Знаменитое Духовенство также участвовало въ дѣлахъ правленія. Святополкъ-Михаилъ и Мономахъ звали Олега на совѣтъ съ Боярами, градскими людьми, Епископами, Игуменами. Митрополитъ Кіевскій присутствовалъ на Вѣчѣ Софійскомъ. Архіепископъ Новогородскій ѣздилъ съ судными дѣлами къ Андрею Боголюбскому [179]. Подобно Князьямъ, Вельможамъ, богатымъ купцамъ, владѣя селами, Епископы пользовались въ оныхъ исключительнымъ правомъ судебнымъ безъ сношенія съ гражданскою властію; подъ главнымъ вѣдомствомъ Митрополита судили Іереевъ, Монаховъ и всѣ церковныя преступленія, наказывая виновныхъ эпитиміями [180]. Россіяне въ XIII вѣкѣ уже имѣли

переводъ Греческаго Номоканона или Кормчей Книги: она хранилась въ Новогородскомъ Соборѣ и служила правиломъ для разбирательства случаевъ, относящихся къ совѣсти Христіанъ[181]. — Духовнымъ же особамъ были обыкновенно поручаемы государственные мирные переговоры: убѣжденія разсудка, подкрѣпляемыя гласомъ Вѣры, тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на сердца людей. — Но Епископы, избираемые Княземъ и народомъ, въ случаѣ неудовольствія могли ими быть изгнаны[182]. Въ отношеніяхъ гражданскихъ Святитель совершенно зависѣлъ отъ суда Княжескаго: такъ Ярославъ-Ѳеодоръ (въ 1229) судилъ какую-то важную тяжбу Епископа Ростовскаго, Кирилла, обвинилъ его и лишилъ почти всего имѣнія (Къ чести сего Кирилла, славнаго необыкновеннымъ богатствомъ, скажемъ, что онъ, вмѣсто жалобъ, принесъ благодарность Небу; роздалъ остатокъ своего достоянія друзьямъ, нищимъ, и подобно Іову страдая тогда отъ недуга тѣлеснаго, постригся въ Схиму).

Обряды и чины Двора.

Восшествіе Государя на тронъ соединено было съ обрядами священными: Митрополитъ торжественно благословилъ Долгорукаго властвовать надъ южною Россіею; Кіевляне, Новогородцы сажали Князей на престолъ въ Софійскомъ храмѣ[183]. Князь въ самой церкви, во время Литургіи, стоялъ съ покровенною главою, въ шапкѣ[184] или клобукѣ (можетъ быть, въ вѣнцѣ); укра-

шалъ Вельможъ своихъ златыми цѣпями, крестами, гривнами; жаловалъ придворныхъ въ Казначеи, Ключники, Постельники, Конюшіе и проч. Что прежде называлось *Дружиною* Государей, то со временъ Андрея Боголюбскаго уже именуется въ лѣтописяхъ *Дворомъ*: Бояре, Опроки и Мечники Княжескіе составляли оный.

Войско.

Сіи *Дворяне*, первые въ Россіи, были лучшею частію войска[185]. Каждый городъ имѣлъ особенныхъ ратныхъ людей, *Пасынковъ* или Опроковъ Боярскихъ (названныхъ такъ для отличія отъ Княжескихъ) и Гридней или простыхъ Мечниковъ, означаемыхъ иногда общимъ именемъ воинской дружины[186]. Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ вооружались простые граждане или сельскіе жители[187]; но послѣдніе обязаны были давать лошадей для конницы. Совершивъ походъ — большею частію въ концѣ зимы — Князь обиралъ у воиновъ оружіе, чтобы хранить его до новаго предпріятія[188]. Войско раздѣлялось на полки, конные и пѣхотные, на копейщиковъ и стрѣлковъ; послѣдніе обыкновенно начинали дѣло. Главный Воевода именовался Тысячскимъ: Князья имѣли своихъ Тысячскихъ, города также[189]. Если сказанія Нестора о числѣ Олеговыхъ и Игоревыхъ воиновъ справедливы, то древнѣйшія ополченія Россійскія были многолюднѣе, нежели въ XI, XII и XIII столѣтіи; ибо сильнѣйшее *извѣстное* намъ вой-

ско въ теченіе сихъ вѣковъ состояло только изъ 50,000 рапниковъ[190]. Воины надѣвали лапы единственно въ то время, когда уже готовились къ битвѣ; самое оружіе, для облегченія людей, возили на телегахъ: отъ чего непріятель, пользуясь нечаянностію, иногда нападалъ на безоружныхъ. Войско робкое или малочисленное ограждало себя въ полѣ кольями и плетнемъ; такія же ограды деревянныя или *остроги* служили внѣшнею защитою для крѣпостей, замковъ или *дѣтинцевъ*. Нѣмецкій Лѣтописецъ, хваля мѣткость нашихъ стрѣлковъ, говоритъ, что Россіяне могли учиться у Ливонскихъ Рыцарей искусству оборонять города; но стѣнобитныя орудія или *пороки* уже давно были у насъ извѣстны[191].

Торговля.

Ни внутренніе раздоры, ни внѣшнія частыя войны не препятствовали въ Россіи мирнымъ успѣхамъ торговли, благодѣтельнымъ для гражданскаго образованія народовъ. Въ сіе время она была весьма обширна и знаменита. Ежегодно приходили въ Кіевъ купеческіе флоты изъ Константинополя, столь богатые и столь важные для общей государственной пользы, что Князья, ожидая ихъ, изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ присылали войско къ Каневу для обороны судовъ отъ хищныхъ Половцевъ[192]. Днѣпръ въ теченіи своемъ отъ Кіева къ морю назывался обыкновенно *путемъ Греческимъ*. Мы уже говорили о предметахъ сей тор-

говли. Россіяне, покупая соль въ Тавридѣ, привозили въ Сурожъ или Судакъ, богатый и цвѣтущій, горностаевые и другіе мѣха драгоцѣнные, чтобы обмѣнивать ихъ у купцевъ восточныхъ на бумажныя, шелковыя ткани и пряные коренья[193]. Половцы, овладѣвъ Тмутороканемъ и едва не всѣмъ Крымомъ, для собственныхъ выгодъ не мѣшали торговлѣ, и первые, кажется, впустили Генуэзцевъ въ южную часть Таврриды[194]. По крайней мѣрѣ сіи корыстолюбивые, хитрые Италіянцы еще за нѣсколько лѣтъ до нашествія Татаръ имѣли торговыя заведенія въ Арменіи, слѣдственно уже господствовали на Черномъ морѣ[195]. Въ самое то время, когда войско Россійское сражалось съ Половцами въ землѣ ихъ, купцы мирно тамъ путешествовали: ибо самые варвары, находя пользу въ торговлѣ, для ея безопасности наблюдаютъ законы просвѣщенныхъ народовъ[196]. Греки, Армяне, Евреи, Нѣмцы, Моравы, Венеціяне жили въ Кіевѣ, привлекаемые выгодною мѣною товаровъ и гостепріимствомъ Россіянъ, которые дозволяли Христіанамъ Латинской Церкви свободно и торжественно отправлять свое Богослуженіе, но запрещали имъ спорить о Вѣрѣ: такъ Владиміръ Рюриковичь Кіевскій выгналъ (въ 1233 году) какого-то Мартина, Пріора Латинскаго храма Св. Маріи въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ другими Монахами Католическими, *боясь* — какъ

говоритъ Польскій Историкъ — *чтобы сіи проповѣдники не доказали, сколь Вѣра Греческая далека отъ истины*[197]!

Подобно Черному морю и Днѣпру, Каспійское и Волга служили другимъ важнымъ путемъ для торговли. Болгары, въ случаѣ неурожая питая хлѣбомъ Суздальское Великое Княженіе, могли доставлять намъ и ремесленныя произведенія образованнаго Востока. Въ развалинахъ города Болгарскаго, въ 90 верстахъ отъ Казани и въ 9 отъ Волги, нашлися Армянскія надписи XII вѣка[198]: вѣроятно, что Армяне, издавна славные купечествомъ, вымѣнивали тамъ Русскіе мѣха и *кожи* на товары Персидскіе и другіе. Донынѣ подъ именемъ *Болгаръ* разумѣются въ Туреціи восточные сафьяны, а въ Бухаріи юфть[199]: изъ чего заключаютъ, что Азія получала нѣкогда сей товаръ отъ Болгаровъ. Достойно примѣчанія, что въ древнемъ ихъ отечествѣ, въ Казани, и нынѣ дѣлаются лучшіе изъ Русскихъ сафьяновъ. Въ упомянутыхъ развалинахъ найдены также Арабскія надписи отъ 1222 до 1341 года по Христіанскому лѣтосчисленію, вырѣзанныя отчасти надъ могилами *Ширванскихъ и Шамаханскихъ* уроженцевъ [200]. — Земледѣльцы находятъ иногда въ окрестностяхъ сего мѣста золотыя мелочи, женскія украшенія, серебряныя Арабскія монеты и другія безъ всякой надписи, ознаменованныя единственно произвольными изоб-

раженіями, почками, звѣздочками, и безъ сомнѣнія принадлежавшія народу безграмотному (можетъ быть, Чудскому). Такіе любопытные памятники свидѣтельствуютъ о древнемъ цвѣтущемъ состояніи Россійской Болгаріи.

Новгородъ, серебромъ и мѣхами собирая дань въ Югрѣ[201], посылалъ корабли въ Данію и въ Любекъ. Въ 1157 году, при осадѣ Шлезвига, Король Датскій, Свендъ IV, захватилъ многія суда Россійскія, и товары ихъ роздалъ, вмѣсто жалованья, воинамъ. Купцы Новогородскіе имѣли свою церковь на островѣ Гопландіи, гдѣ цвѣлъ богатый городъ Визби, заступивъ мѣсто Винеты[202], и гдѣ до XVII вѣка хранилось преданіе, что нѣкогда товары Индѣйскіе, Персидскіе, Арабскіе шли чрезъ Волгу и другія наши рѣки въ пристани Балтійскаго моря. Извѣстіе вѣроятное: оно изъясняетъ, какимъ образомъ могли зайти на берега сего моря древнія монеты Арабскія, находимыя тамъ въ большомъ количествѣ. — Гопландцы, Нѣмцы издавна живали въ Новѣгородѣ. Они раздѣлялись на два общества: *зимнихъ* и *лѣтнихъ гостей*[203]. Правительство обязывалось за уставленную плату высылать къ Ижерѣ, на встрѣчу имъ, лодошниковъ: ибо сіи купцы, боясь пороговъ Невскихъ и Волховскихъ, обыкновенно перегружали товары въ легкія лодки, внося въ Казну съ каждаго судна

гривну кунъ, а съ нагруженнаго хлѣбомъ полгривны. Въ Новѣгородѣ отведены были особенные дворы Нѣмецкимъ и Гопландскимъ купцамъ, гдѣ они пользовались совершенною независимостію и вѣдались собственнымъ судомъ, избирая для того Старѣйшинъ; одинъ Посолъ Княжескій могъ входить къ нимъ. Обиженный Россіяниномъ гость жаловался Князю и Тіуну Новогородскому; обиженный гостемъ Россіянинъ Старѣйшинѣ иноземцевъ. Сіи тяжбы рѣшились на дворѣ Св. Іоанна. Гопландцы имѣли въ Новѣгородѣ божницу Св. Олава, Нѣмцы храмъ Св. Петра, а въ Ладогѣ Св. Николая, съ кладбищами и лугами. — Когда же, въ теченіе XIII столѣтія, вольные города Германскіе, Любекъ, Бременъ и другіе, числомъ наконецъ до семидесяти, вступили въ общій, тѣсный союзъ, славный въ Исторіи подъ именемъ Ганзы, утвержденный на правилахъ взаимнаго дружества и вспомо- Ганза
женія, нужный для ихъ безопасности и свободы, для успѣховъ торговли и промышлености — союзъ столь счастливый, что онъ, господствуя на двухъ моряхъ, могъ давать законы народамъ и Вѣнценосцамъ — когда Рига и Гопландія присоединились къ сему братству: тогда Новгородъ сдѣлался еще важнѣе въ купеческой системѣ Европы Сѣверной: Ганза учредила въ немъ главную Контору, называла ее *матерію* всѣхъ иныхъ, старалась угождать Россіянамъ, пресѣкая

злоупотребленія, служившія поводомъ къ раздорамъ; строго подтверждала купцамъ своимъ, чтобы товары ихъ имѣли опредѣленную доброту, и чтобы купля въ Новѣгородѣ производилась всегда мѣною вещей безъ всякихъ долговыхъ обязательствъ, изъ коихъ выходили споры. Нѣмцы привозили тонкія сукна, въ особенности Фламанскія, соль, сельди и хлѣбъ въ случаѣ неурожая, покупая у насъ мѣха, воскъ, медъ, кожи, пеньку, ленъ. Ганза торжественно запрещала ввозить въ Россію серебро и золото; но купцы не слушались устава противнаго ихъ личнымъ выгодамъ, и доставляли Новугороду не мало драгоцѣнныхъ металловъ, привлекаемые туда славою его изобилія и разсказами, почти баснословными, о пышности Двора Княжескаго, Вельможъ, богатыхъ гражданъ. — Псковъ участвовалъ въ сей знаменитой торговлѣ, и Правительство обоихъ городовъ, способствуя успѣхамъ ея, довольствовалось столь умѣренною пошлиною, что Ганза не могла нахвалиться его мудрымъ безкорыстіемъ[204].

Древняя Біармія, уже давно область Новогородская, все еще славилась торговлею, и корабли Шведскіе, Норвежскіе не переставали до самаго XIII вѣка ходить къ устью Сѣверной Двины[205]. Лѣтописцы Скандинавскіе повѣствуютъ, что въ 1216 году знаменитый купецъ ихъ, Гелге Богрансонъ, имѣвъ несчастную ссору съ Біармскимъ на-

чальникомъ, былъ тамъ умерщвленъ вмѣстѣ со всѣми товарищами, кромѣ одного, именемъ Огмунда, ушедшаго въ Новгородъ. Сей Огмундъ ѣздилъ изъ Россіи въ Іерусалимъ, и возвратясь въ отечество, разсказалъ о жалостной кончинѣ Богрансона. Норвежцы хотѣли мстить за то Біармскимъ жителямъ, и въ 1222 году прибывъ къ нимъ на четырехъ корабляхъ, ограбили ихъ землю, взяли въ добычу множество *клейменаго* серебра, мѣховъ *бѣлыихъ*[206], и проч.

Смоленскъ имѣлъ также знатную торговлю съ Ригою, съ Гопландіею и съ Нѣмецкими городами: чему доказательствомъ служитъ договоръ, заключенный съ ними Смоленскимъ Княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ въ 1228 году[207]. — Предлагаемъ здѣсь главныя статьи онаго, любопытныя въ отношеніи къ самымъ нравамъ и законодательству древней Россіи. Договоръ съ Нѣмцами.

I. «Миръ и дружба да будутъ отнынѣ
«между Смоленскою областію, Ригою, *Гот-*
«*скимъ* берегомъ (Гопландіею) и всѣми Нѣм-
«цами, ходящими по *Восточному морю*, ко
«взаимному удовольствію той и другой сто-
«роны. А если — чего Боже избави — сдѣлает-
«ся въ ссорѣ убійство, то за жизнь воль-
«наго человѣка платитъ десять гривенъ
«серебра, *тѣнязями* (деньгами) или кунами,
«считая оныхъ (кунъ) 4 гривны на одну
«гривну серебра. Кто ударитъ холопа, пла-
«титъ гривну кунъ; за поврежденіе глаза,

«отсѣченіе руки, ноги и всякое увѣчье 5
«гривенъ серебра; за вышибенный зубъ 3
«гривны (серебра же); за окровавленіе чело-
«вѣка посредствомъ дерева 1½ гривны, за
«рану безъ увѣчья тоже; кто ударитъ па-
«лицею, батогомъ, или схватитъ человѣка
«за волосы, даетъ ¾ гривны. Если Россія-
«нинъ застанетъ Нѣмца или Нѣмецъ Россі-
«янина у своей жены; также если Нѣмецъ
«или Россіянинъ обезчеститъ дѣвицу или
«вдову хорошаго поведенія, то взыскать съ
«виновнаго 10 гривенъ серебра. Пеня за оби-
«ду Посла и Священника должна быть двой-
«ная. Если виновный найдетъ поруку, то
«не заключатъ его въ оковы и не сажать
«въ темницу; не приставлять къ нему и
«стражи, пока истецъ не далъ знать о
«своей жалобѣ старѣйшему изъ единозем-
«цевъ обидчика, предполагаемому миротвор-
«цу. — Съ воромъ, пойманнымъ въ домѣ или
«у товара, хозяинъ воленъ поступить, какъ
«ему угодно.»

2. «Заимодавецъ чужеспранный удовле-
«творяется прежде иныхъ; онъ береть
«свои деньги и въ такомъ случаѣ, когда
«должникъ осужденъ за уголовное преступле-
«ніе лишится собственности. Если холопъ
«Княжескій или Боярскій умретъ, занявъ
«деньги у Нѣмца, то наслѣдникъ перваго —
«или кто взялъ его имѣніе — платитъ долгъ.

3. «И Нѣмецъ и Россіянинъ обязаны въ
«тяжбахъ представлять болѣе двухъ сви-

«дѣпелей изъ своихъ единоземцевъ. Испы-
«паніе невинности посредствомъ раскален-
«наго желѣза дозволяется только въ слу-
«чаѣ обоюднаго на то согласія[208]; принужде-
«нія нѣтъ. Поединки не должны быть пер-
«пимы[209]; но всякое дѣло разбирается су-
«домъ по законамъ той земли, гдѣ случилось
«преступленіе. Одинъ Князь судитъ Нѣм-
«цевъ въ Смоленскѣ; когда же они сами за-
«хотятъ итти на *судъ общій*, то ихъ во-
«ля. Сею же выгодою пользуются и Россія-
«не въ землѣ Нѣмецкой. Тѣ и другіе уволь-
«няются отъ судныхъ пошлинъ: развѣ лю-
«ди добрые и нарочитые присовѣтуютъ
«имъ что нибудь заплатить судьѣ.

4. «Пограничный Тіунъ, свѣдавъ о при-
«бытіи гостей Нѣмецкихъ на Волокъ[210], не-
«медленно даетъ знать тамошнимъ жите-
«лямъ, чтобы они везли на возахъ товары
«сихъ гостей и пеклись о личной ихъ безо-
«пасности. Жители платятъ за товаръ
«Нѣмецкій или Смоленскій, ими упрачен-
«ный. Нѣмцы на пути изъ Риги въ Смо-
«ленскъ и на возвратномъ увольняются отъ
«пошлины: также и Россіяне въ землѣ Нѣ-
«мецкой. Нѣмцы должны бросить жеребей,
«кому ѣхать напередъ; если же будетъ съ
«ними купецъ Русской, то ему оспаться
«позади. — Въѣхавъ въ городъ, гость Нѣ-
«мецкій даритъ Княгинѣ кусокъ полотна, а
«Тіуну Волокскому перчатки Гостскія: мо-
«жетъ купить, продать товаръ или ѣхать

«съ онымъ изъ Смоленска въ иные города.
«Купцы Русскіе пользуются такою же сво-
«бодою на *Готскомъ берегѣ* и вольны ѣз-
«дить оттуда въ Любекъ и другіе города
«Нѣмецкіе. — Товаръ, купленный и вынесен-
«ный изъ дому, уже не возвращается хозя-
«ину, и купецъ не долженъ требовать на-
«задъ своихъ денегъ. — Нѣмецъ даетъ вѣ-
«совщику за двѣ *капи*[211], или 24 пуда, куну
«*Смоленскую*, за гривну *купленнаго* золота
«ногату, за гривну серебра 2 векши, за се-
«ребряный сосудъ опъ гривны куну; въ
«случаѣ *продажи металловъ* ничего не пла-
«титъ; когда же покупаетъ всщи на се-
«ребро, то съ гривны вноситъ куну Смо-
«ленскую. — Для повѣрки вѣсовъ хранится
«одна *капь* въ церкви Богоматери на горѣ,
«а другая въ Нѣмецкой божницѣ» (слѣд-
ственно и въ Смоленскѣ была Католиче-
ская церковь): «съ симъ вѣсомъ должны и
«Волочане свѣрять пудъ, данный имъ опъ
«Нѣмцевъ.

5. «Когда Смоленскій Князь идетъ на вой-
«ну, то ему не брать Нѣмцевъ съ собою:
«развѣ они сами захотятъ участвовать въ
«походѣ. И Россіянъ не принуждать къ воен-
«ной службѣ въ землѣ Нѣмецкой.

6. «Епископъ Рижскій, Масперъ Фолкунъ
«(Velquin) и всѣ другіе Рижскіе Власти-
«тели признаютъ Двину вольною, опъ устья
«до вершинъ ея, для судоходства Россіянъ
«и Нѣмцевъ. Если — чего Боже избави — ла-

«дія Русская или Нѣмецкая повредится, то «госпь можетъ вездѣ пристать къ берегу, «выгрузить товаръ и нанять людей для «вспоможенія; но имъ болѣе договорной цѣ- «ны съ него не требовать.

«Сія грамота имѣетъ для Полоцка и Ви- «тебска то же дѣйствіе, что и для Смо- «ленска. Она писана при Священникѣ Іоан- «нѣ, Мстиперѣ Фолькунѣ и многихъ купцахъ «Рижскаго *царства*, приложившихъ къ ней «свои печати; а свидѣтелями подписались»... Слѣдуютъ имена нѣкоторыхъ жителей Гот- ландіи, Любека, Минспера, Бремена, Ри- ги; а внизу сказано: «кто изъ Россіянъ или «Нѣмцевъ нарушитъ нашъ уставъ, будетъ «противенъ Богу.»

О семъ договорѣ упоминается и въ Нѣ- мецкой лѣтописи, гдѣ онъ названъ весьма благопріятнымъ для купцевъ Ливонскихъ[212]; но предки наши, давая имъ свободу и права въ Россіи, не забывали собственныхъ выгодъ: такимъ образомъ, увольняя чужеземныхъ гостей, *продавцевъ* серебра и золота, отъ всякой пошлины, хотѣли чрезъ то умно- жить количество ввозимыхъ къ намъ ме- шалловъ драгоцѣнныхъ. Въ разсужденіи цѣ- ны серебра замѣтимъ, что она со временъ Ярослава до XIII вѣка, кажется, не возвы- силась относительно къ *Смоленской* ходячей или кожаной монетѣ: Ярославъ назначаетъ въ *Правдѣ* 40 гривенъ пени кунами за убій- ство, а Мстиславъ Давидовичь въ уставѣ

Деньги.

своемъ 10 гривенъ серебромъ, полагая 4 гривны кунъ на одну гривну серебра, — слѣдственно ту же самую пеню[213]: напротивъ чего Новогородскія куны унизились.

Не только купцевъ, но и другихъ чужеземцевъ, полезныхъ знаніями и ремесломъ, Россіяне старались привлекать въ свою землю: строителей, живописцевъ, лекарей. Опъ Ярослава Великаго до временъ Андрея Боголюбскаго знаменитѣйшія церкви наши были созидаемы и расписываемы иностранцами[214]; но въ 1194 году Владимірскій Епископъ Іоаннъ, для возобновленія древняго Суздальскаго храма Богоматери, нашелъ между собственными церковниками искусныхъ масперовъ и литейщиковъ, которые весьма красиво отдѣлали сію церковь снаружи и покрыли оловомъ, не взявъ къ себѣ въ товарищи ни одного *Нѣмецкаго* художника. Тогда же славился въ Кіевѣ зодчій, именемъ Милонѣгъ-Петръ, строитель каменной стѣны на берегу Днѣпра подъ монастыремъ Выдубецкимъ, столь удивительной для современниковъ, что они говорили объ ней какъ о великомъ чудѣ[215]. Греческіе живописцы, украсивъ образами Кіевскую Лавру, выучили своему художеству добродѣтельнаго Монаха Печерскаго, Св. Алимпія, безкорыстнаго и трудолюбиваго: не требуя никакой мзды, онъ писалъ иконы для всѣхъ церквей, и занимая деньги на покупку краскъ, платилъ долги своею работою[216]. Сей

Художества.

Алимпій есть древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ живописцевъ Россійскихъ. Кромѣ иконъ церковныхъ, они изображали на харпіяхъ въ священныхъ книгахъ разныя лица, безъ особеннаго искусства въ рисункѣ, но красками столь хорошо составленными, что въ шесть или семь вѣковъ свѣжесть оныхъ и блескъ золота ни мало не помрачились[217]. — Замѣтимъ также, касательно рукодѣлій, что древніе Бояре Княжескіе обыкновенно носили у насъ *шитыя золотомъ оплечья*: и такъ искусство золотошивеевъ — сообщенное намъ, какъ вѣроятно, отъ Грековъ — было извѣстно въ Россіи прежде, нежели во многихъ другихъ земляхъ Европейскихъ[218].

Мы упомянули о лекаряхъ: ибо врачевaніе принадлежитъ къ самымъ первымъ и необходимѣйшимъ наукамъ людей. Во времена Мономаховы славились въ Кіевѣ Армянскіе врачи: одинъ изъ нихъ (какъ пишутъ), взглянувъ на больнаго, всегда угадывалъ, можно ли ему жить, и въ противномъ случаѣ обыкновенно предсказывалъ день его смерти. Врачь Николы Святоши былъ Сиріанинъ. Многія лекарства составлялись въ Россіи: лучшія и драгоцѣннѣйшія привозились чрезъ Константинополь изъ Александріи. Желая всѣми способами благодѣтельствовать человѣчеству, нѣкоторые изъ нашихъ добрыхъ Монаховъ спарались узнавать силу цѣлебныхъ травъ для облегченія недуж- Науки.

ныхъ, и часпо успѣхами своими возбуждали зависпь въ лекаряхъ чужеземныхъ. Печерскій Инокъ Агапитъ самымъ проспымъ зеліемъ и молитвою исцѣлилъ Владиміра II, осужденнаго на смерпь искуснымъ врачемъ Армянскимъ[219].

Такимъ образомъ художества и Науки, бывъ спутниками Христіанства на Сѣверѣ, водворялись у насъ въ мирныхъ обителяхъ уединенія и молитвы. Тѣ же благочестивые Иноки были въ Россіи первыми наблюдапелями пверди небесной, замѣчая съ великою почностію явленія Комепъ, солнечныя и лунныя запмѣнія; путешествовали, чпобы видѣпь въ опдаленныхъ спранахъ знаменитыя святостію мѣспа, и пріобрѣпая географическія свѣдѣнія, сообщали оныя любопытнымъ единоземцамъ; наконецъ, подражая Грекамъ, безсмертными своими лѣтописями спасли опъ забвенія памятъ нашихъ древнѣйшихъ Героевъ, ко славѣ опечества и вѣка. Митрополиты, Епископы, ревностные проповѣдники Христіанскихъ добродѣпелей, сочиняли наставленія для мірянъ и Духовныхъ. Суздальскій Святитель, блаженный Симонъ, и другъ его, Поликарпъ, Монахъ Лавры Кіевской, описали ея доспопамятности и житія первыхъ Угодниковъ, слогомъ уже весьма яснымъ и довольно чистымъ. Вообще Духовенство наше было гораздо просвѣщеннѣе мірянъ; однакожь и знапные свѣпскіе люди

учились. Ярославъ I, Конспантинъ оппмѣнно любили чтеніе книгъ. Мономахъ писалъ не только умно, но и краснорѣчиво. Дочь Князя Полоцкаго, Святая Евфросинія, день и ночь трудилась въ списываніи книгъ церковныхъ[220]. Верхуслава, невѣстка Рюрикова, ревностно покровительствовала ученыхъ мужей своего времени, Симона и Поликарпа. — *Слово о полку Игоревѣ* сочинено въ XII вѣкѣ[221], и безъ сомнѣнія мірянином: ибо Монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, и приписывать имъ дѣйствія естественныя. Вѣроятно, что оно въ разсужденіи слога, оборотовъ, сравненій, есть подражаніе древнѣйшимъ Русскимъ сказкамъ о дѣлахъ Князей и богатырей: такъ сочинитель хвалитъ *соловья* стараго времени, Стихотворца Бояна, котораго *вѣщіе персты*, летая по *живымъ струнамъ*, *рокотали* или гласили *славу* нашихъ Витязей. Къ несчастію, пѣсни Бояновы и конечно многихъ иныхъ Стихотворцевъ исчезли въ пространствѣ семи или осьми вѣковъ, большею часпію памятныхъ бѣдствіями Россіи: мечь истреблялъ людей, огонь зданія и харпіи. Тѣмъ доспойнѣе вниманія *Слово о полку Игоревѣ*, будучи въ своемъ родѣ единственнымъ для насъ твореніемъ: предложимъ содержаніе онаго и мѣста значительнѣйшія, которыя даютъ понятіе о вкусѣ и піитическомъ языкѣ нашихъ предковъ. Поэзія.

Игорь, Князь Сѣверскій, желая воинской славы, убѣждаетъ дружину ити на Половцевъ и говоритъ[222]: «Хочу преломить «копіе свое на ихъ дальнѣйшихъ степяхъ, «положить тамъ свою голову или *шлемомъ «испить Дону!*» Многочисленная рать собирается: «Кони ржутъ за Сулою, гремитъ «слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Но- «вѣгородѣ, знамена развѣваются въ Путив- «лѣ: Игорь ждетъ милаго брата, Всеволо- «да.» Всеволодъ изображаетъ своихъ мужественныхъ витязей: «Они подъ звукомъ «трубъ повиты, концемъ копья вскормле- «ны; пути имъ свѣдомы, овраги знаемы; «луки у нихъ напянуты, колчаны опворе- «ны, сабли напочены; носятся въ полѣ какъ «волки сѣрые; ищутъ чести самимъ себѣ, «а Князю славы.» Игорь, *вступивъ въ златое стремя*, видитъ глубокую тьму предъ собою; небо ужасаетъ его грозою, звѣри ревутъ въ пустыняхъ, хищныя птицы спаницами парятъ надъ воинствомъ, орлы *клектомъ* своимъ предвѣщаютъ ему гибель, и лисицы лаютъ на багряные щиты Россіянъ. Битва начинается; полки варваровъ сломлены; ихъ дѣвицы красныя взяты въ плѣнъ, злато и ткани въ добычу; одежды и наряды Половецкіе лежатъ на болотахъ, вмѣсто мостовъ для Россіянъ[223]. Князь Игорь береть себѣ одно багряное знамя непріятельское съ древкомъ сребрянымъ. Но идутъ съ Юга черныя тучи или новые полки вар-

варовъ: «Вѣпры, Сприбоговы внуки, вѣ-
«ютъ отъ моря спрѣлами на воиновъ Иго-
«ревыхъ.» Всеволодъ впереди съ своею дру
жиною: «сыплютъ на враговъ спрѣлы, гре-
«мятъ о шлемы ихъ мечами булатными.
«Гдѣ сверкнетъ златый шишакъ его, тамъ
«лежатъ головы Половецкія.» Игорь спѣ-
шитъ на помощь къ брату. Уже два дни
пылаетъ битва, неслыханная, спрашная:
«земля облита кровію, усѣяна костями. Въ
«третій день пали наши знамена: *кроваваго*
«*вина* не достало; кончили пиръ свой хра-
«брые Россіяне, напоили госпей и легли за
«отечество.» Кіевъ, Черниговъ въ ужасѣ:
Половцы, торжествуя, ведутъ Игоря въ
плѣнъ, и дѣвицы ихъ[224] «поютъ веселыя
«пѣсни на берегу синяго моря, звеня Рус-
«скимъ золотомъ.» Сочинитель молитъ всѣхъ
Князей соединиться для наказанія Половцевъ,
и говоритъ Всеволоду III: «ты можешь Вол-
«гу *раскропить* веслами, а Донъ вычерпать
«шлемами» — Рюрику и Давиду: «ваши шле-
«мы позлащенные издавна обагряются кро-
«вію; ваши мужественные внязи ряпятся
«какъ дикіе волы, уязвленные саблями кале-
«ными» — Роману и Мстиславу Волынскимъ[225]:
«Литва, Ятвяги и Половцы, бросая на зем-
«лю свои копья, склоняютъ головы подъ
«ваши мечи булатные» — сыновьямъ Яро-
слава Луцкаго, Ингварю, Всеволоду и препь-
ему ихъ брату: «о вы, славнаго гнѣзда *ше-*
«*стокрильцы!* заградите поле врагу спрѣ-

«лами оспрыми.» Онъ называетъ Ярослава Галицкаго *Осмомысломъ*[226], прибавляя: «си-«дя высоко на пресполѣ злапокованномъ, «ты *подпираешь* горы Карпатскія *желѣз-«ными* своими полками, запворяешь врата «Дуная, опверзаешь путь къ Кіеву, пуска-«ешь спрѣлы въ земли опдаленныя.» Въ пожь время Сочинитель оплакиваетъ гибель одного Кривскаго Князя, убитаго Литовцами: «дружину твою, Князь, птицы «хищныя прюдѣли крыльями, а звѣри кровь «ея полизали. Ты самъ выронилъ *жемчуж-«ную* душу свою изъ мощнаго тѣла чрезъ «злапое ожерелье.» Въ описаніи несчастнаго междоусобія Владѣпелей Россійскихъ и бипвы Изяслава I съ Княземъ Полоцкимъ сказано: «на берегахъ Нѣмена[227] спелюпъ «они снопы головами, молопятъ цѣпами бу-«лапными, вѣютъ душу опъ тѣла.... О «времена бѣдспвенныя! Для чего нельзя «было *пригвоздить* спараго Владиміра къ «горамъ Кіевскимъ» (или сдѣлать безсмертнымъ!)... Между тѣмъ супруга, плѣненнаго Игоря льетъ слезы въ Путивлѣ, съ городской спѣны смотря въ чистое поле: «Для чего, о вѣтеръ сильный! легкими «крылами своими навѣялъ ты спрѣлы Хан-«скія на воиновъ моего друга? Развѣ мало «тебѣ волновать синее море *и лелѣять* ко-«рабли на зыбяхъ его?... О Днѣпръ слав-«ный! ты пробилъ горы каменныя, спре-«мяся въ землю Половецкую; ты несъ на

«себѣ ладіи Святославовы до спана Кобяко-
«ва[228]: принеси же и ко мнѣ друга милаго, да
«не шлю къ нему упреннихъ слезъ моихъ въ
«синее море!... О солнце свѣтлое! ты для
«всѣхъ тепло и красно: почто же знойными
«лучами своими изнурило ты воиновъ моего
«друга въ пустынѣ безводной?...» Но Игорь
уже свободенъ: обманувъ стражу, онъ ле-
титъ на борзомъ конѣ къ предѣламъ оте-
чества, стрѣляя гусей и лебедей для своей
пищи. Упомивъ коня, садится на ладію и
плыветъ Донцемъ въ Россію. Сочинитель,
мысленно одушевляя сію рѣку, заставляетъ
оную привѣтствовать Князя: «Не мало те-
«бѣ, Игорь, величія, Хану Кончаку доса-
«ды[229], а Русской землѣ веселія.» Князь от-
вѣтствуетъ: «Не мало тебѣ, Донецъ, ве-
«личія, когда ты лелѣешь Игоря на вол-
«нахъ своихъ, стелешь мнѣ праву мягкую
«на берегахъ *сребряныхъ*, одѣваешь меня
«теплыми мглами подъ сѣнію древа зеле-
«наго, охраняешь гоголями на водѣ, чайка-
«ми на струяхъ, чернетьми на вѣтрахъ.»
Игорь, прибывъ въ Кіевъ, ѣдетъ благода-
ритъ Всевышняго во храмъ Пирогощей Бо-
гоматери[230], и Сочинитель, повторивъ сло-
ва Бояновы: «худо головѣ безъ плечъ, худо
«плечамъ безъ головы,» восклицаетъ: «сча-
«стлива земля и веселъ народъ, торжествуя
«спасеніе Игорево. Слава Князьямъ и дру-
«жинѣ!» Читатель видитъ, что сіе произ-
веденіе древности ознаменовано силою вы-

раженія, красотами языка живописнаго и смѣлыми уподобленіями, свойственными Спи-
хотворству юныхъ народовъ.

Нравы.

Со временъ Владиміра Святаго нравы долженствовали измѣниться въ древней Россіи, опъ дальнѣйшихъ успѣховъ Христіанства, гражданскаго общежитія и торговли. Набожность распространялась: Князья, Вельможи, купцы строили церкви, заводили монастыри, и не рѣдко сами укрывались въ нихъ опъ суетъ міра. Достойные Святители и Пастыри Церкви учили Государей спыдиться злодѣяній, внушаемыхъ дикими, необузданными страстями; были ходатаями человѣчества и вступались за упѣсненныхъ[231]. Россіяне, по старинному обыкновенію, любили веселья, игрища, музыку, пляску; любили также вино, но хвалили трезвость какъ добродѣтель; явно имѣли наложницъ, но оскорбитель цѣломудренной жены наказывался какъ убійца[232]... Торговля питала роскошь, а роскошь требовала богатства: народъ жаловался на корыстолюбіе Тіуновъ и Князей[233]. Лѣтописцы XIII вѣка съ опмѣннымъ жаромъ хвалятъ умѣренность древнихъ Владѣтелей Россійскихъ[234]: «Прошли «пѣ благословенныя времена (говорятъ они), «когда Государи наши не собирали имѣнія, «а только воевали за отечество, покоряя «чуждыя земли; не угнетали людей нало-«гами, и довольствовались однѣми справед-«ливыми Вирами, отдавая и пѣ своимъ вои-

«намъ на оружіе. Бояринъ не швердилъ Го-
«сударю: *мнѣ мало двухъ сотъ гривенъ;*
«а кормился жалованьемъ, и говорилъ по-
«варищамъ: «*станемъ за Князя, станемъ за*
«*Русскую землю!* Тогда жены Боярскія но-
«сили не злапыя, а просто *серебряныя* коль-
«цы. Нынѣ другія времена!» — Однакожъ ни миролюбивыя правила Христіанства, ни порговля, ни роскошь не усыпляли рапнаго духа нашихъ предковъ; даже самые успавы церковные пипали оный: шакъ воинъ наканунѣ похода освобождался опъ всякой Эпипиміи[235]. Сыновья Княжескіе возраспали въ полѣ и въ спанахъ воинскихъ; еще не доспигнувъ лѣпъ юношества, уже садились на коней и мечемъ грозили врагу[236]. Къ сожалѣнію, сей духъ воинспвенный не былъ управляемъ благоразуміемъ человѣколюбія въ междоусобіяхъ Князей: злобспвуя другъ на друга, они безъ спыда разоряли опечество, жгли селенія беззащипныя, плѣняли людей безоружныхъ.

Наконецъ скажемъ, чпо если бы Россія была единодержавнымъ Государспвомъ (опъ предѣловъ Днѣспра до Ливоніи, Бѣлаго моря, Камы, Дона, Сулы), по она не успупила бы въ могущеспвѣ никакой Державѣ сего времени; спаслась бы, какъ вѣрояпно, опъ ига Тапарскаго, и находясь въ пѣсныхъ связяхъ съ Греціею, заимспвуя художесшва ея, просвѣщеніе, не опспала бы опъ иныхъ земель Европейскихъ въ граждан-

скомъ образованіи. Торговля внѣшняя, сполъ обширная, дѣятельная, и брачные союзы Рюрикова потомства съ Домами многихъ знаменитѣйшихъ Государей Христіанскихъ — Императоровъ, Королей, Принцевъ Германіи — дѣлали наше отечество извѣстнымъ въ отдаленныхъ предѣлахъ Востока, Юга и Запада. Къ дошедшимъ до насъ чужестраннымъ извѣстіямъ о погдашней Россіи принадлежитъ сказаніе Испанскаго Еврея, Веніамина, сына Іоны, о многихъ Азіатскихъ и Европейскихъ земляхъ, имъ видѣнныхъ. Въ 1173 году выѣхавъ изъ Сарагоссы, онъ долго путешествовалъ, и записывалъ свои примѣчанія, иногда съ довольною подробностію; но упомянувъ о Россіи, говоритъ только, что она весьма пространна; что въ ней много лѣсовъ и горъ; что жители отъ чрезмѣрнаго холода зимою не выходятъ изъ домовъ, ловятъ соболей и торгуютъ людьми[237].

Древнѣйшее путешествіе въ Россію.

Такимъ образомъ предложивъ Читателю извѣстія и нѣкоторыя мысли, служащія къ объясненію нашихъ древностей, обратимся къ описанію важныхъ происшествій.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

Г. 1224 — 1238.

Происхожденіе Тапаръ. Чингисханъ. Его завоеванія. Половцы бѣгутъ въ Россію. Мнѣнія о Тапарахъ. Совѣтъ Князей. Избіеніе Пословъ Тапарскихъ. Бишва на Калкѣ. Правило Тапаръ. Побѣдители скрываются. Удивленіе Россіянъ. Ужасныя предзнаменованія. Новыя междоусобія. Набѣги Литовскіе. Походъ въ Финляндію. Христіанство въ землѣ Корельской. Новогородцы жгутъ волшебниковъ. Нелюбовь къ Ярославу. Сношенія съ Папою. Бѣдствія Новогородцевъ. Происшествія въ южной Россіи. Льготныя грамоты Вел. Ярослава. Землетрясеніе. Затмѣніе солнца. Мятежъ въ Новѣгородѣ. Голодъ и моръ. Услуга Нѣмцевъ. Криводушіе Михаила. Святая Евпраксія. Война съ Нѣмцами и съ Литвою. Бѣдствіе Смоленска. Подвиги Даніиловы. Война съ Мордвою. Миръ съ Болгарами. Мученикъ Аврамій. Смерть Чингисхана. Его завѣщаніе. Новое нашествіе Тапаръ или Моголовъ. Отвѣтъ Князей. Заразъ. Взятіе Рязани. Мужество Евпатія. Коломенская бишва. Сожженіе Москвы. Взятіе Владиміра. Опустошеніе многихъ городовъ. Бишва на Сити. Герой Василько. Спасеніе Новагорода. Осада Козельска. Отшествіе Батыево.

Г. 1224. Происхожденіе Тапаръ.

Въ нынѣшней Тапаріи Китайской на Югъ отъ Иркутской Губерніи, въ степяхъ неизвѣстныхъ ни Грекамъ, ни Римлянамъ, скитались Орды Моголовъ, единоплеменныхъ съ Восточными Турками[238]. Сей народъ дикій, разсѣянный, питаясь ловлею звѣрей, скотоводствомъ и грабежемъ, зависѣлъ отъ Тапаръ *Ніучей*, господствовавшихъ въ сѣ-

верной часпи Кипая; но около половины XII вѣка усилился, и началъ славиться побѣдами. Ханъ его, именемъ Езукай Багадуръ, завоевалъ нѣкопорыя области сосѣдспвенныя, и скончавъ дни свои въ цвѣтущихъ лѣпахъ, оспавилъ въ наслѣдіе принадцапилѣпнему сыну, Темучину, 40,000 подвласпныхъ ему семейспвъ или данниковъ. Сей опрокъ, воспипанный маперію въ проспопѣ жизни пастырской, долженспвовалъ удивипь міръ геройспвомъ и счастіемъ, покорипь милліоны людей и сокрупшпь Государспва знаменишыя сильными воинспвами, цвѣпущими Искусспвами, Науками и мудроспію своихъ древнихъ Законодапелей.

По кончинѣ Багадура многіе изъ данниковъ опложились опъ его сына. Темучинъ собралъ 30,000 воиновъ, разбилъ мяпежниковъ, и въ семидесяпи коплахъ, наполненныхъ кипящею водою, сварилъ главныхъ виновниковъ бунпа. Юный Ханъ все еще призналъ надъ собою власпь Монарха Тапарскаго и служилъ ему съ чеспію въ разныхъ воинскихъ предпріяпіяхъ; но скоро, надменный блеспящими успѣхами своего побѣдоноснаго оружія, захопѣлъ независимоспи и первенспва. Ужасапь враговъ меспію, пипапь усердіе друзей щедрыми наградами, казапься народу человѣкомъ сверхъесспесспвеннымъ, было его правиломъ. Всѣ особенные начальники Могольскихъ и Тапарскихъ Ордъ добровольно или опъ спраха

покорились ему: онъ собралъ ихъ на берегу одной быспрой рѣки, съ торжествевнымъ обрядомъ пилъ ея воду, и клялся дѣлить съ ними все *горькое* и *сладкое* въ жизни. Но Ханъ Кераитскій, дерзнувъ обнажить мечь на сего впораго Аптшилу, лишился головы, и черепъ его, окованный серебромъ, былъ въ Тапаріи памятникомъ *Темучинова гитва*[239]. Въ то время, какъ многочисленное войско Могольское, расположенное въ девяти спанахъ близъ источниковъ рѣки Амура, подъ шапрами разноцвѣтными, съ благоговѣніемъ взирало на своего юнаго Монарха, ожидая новыхъ его повелѣній, явился памъ какой-то святый пустынникъ, или мнимый пророкъ, и возвѣстилъ собранію, что Богъ отдаетъ Темучину всю землю, и что сей Владѣтель міра долженъ впредь именоваться *Чингисханомъ* или Великимъ Ханомъ. Воины, чиновники единодушно изъявили ревность быть орудіями воли Небесной: народы слѣдовали ихъ примѣру. Киргизы[240] южной Сибири и славные просвѣщеніемъ Игуры или Уйгуры, обитавшіе на границахъ Малой Бухаріи, назвалися подданными Чингисхана. Сіи Уйгуры, обожая идоловъ, терпѣли у себя Магометанъ и Христіанъ Несторіанскихъ; любили Науки, художества, и сообщили грамоту всѣмъ другимъ народамъ Тапарскимъ[241]. Царь Тибета также призналъ Чингисхана своимъ повелителемъ. Чингисханъ.

Достигнувъ сколь знаменитой степени величія, сей гордый Ханъ торжественно опрекся платить дань Монарху Ніучей и сѣверныхъ областей Кипая, велѣвъ сказать ему въ насмѣшку[242]: «Кипайцы издревле «называютъ своихъ Государей *сынами Неба*; «а ты *человѣкъ* — и смертный!» Большая каменная стѣна, служащая оградою для Кипая, не остановила храбрыхъ Моголовъ: они взяли тамъ 90 городовъ, разбили безчисленное войско непріятельское, умертвили множество плѣнныхъ старцевъ, какъ людей безполезныхъ. Монархъ Ніучей обезоружилъ своего жестокаго врага, давъ ему 500 юношей и столько же дѣвицъ прекрасныхъ, 3000 коней, великое количество шелка и золота; но Чингисханъ, вторично вступивъ въ Кипай, осадилъ столицу его, или нынѣшній Пекинъ. Отчаянное сопротивленіе жителей не могло спасти города: Моголы овладѣли имъ (въ 1215 году) и зажгли дворецъ, который горѣлъ около мѣсяца. Свирѣпые побѣдители нашли въ Пекинѣ богатую добычу и мудреца, именемъ Иличуцая, родственника послѣднихъ Императоровъ Кипайскихъ, славнаго въ Исторіи благодѣтеля людей: ибо онъ, заслуживъ любовь и довѣренность Чингисхана, спасъ милліоны несчастныхъ отъ погибели, умѣрялъ его жестокость и давалъ ему мудрые совѣты для образованія дикихъ Моголовъ.

Его завоеванія.

Еще Тапары-Ніучи противоборствовали

Чингисхану: оставивъ сильную рать въ Китаѣ, подъ начальствомъ мужественнаго предводителя, онъ устремился къ странамъ западнымъ, и сіе движеніе войска его сдѣлалось причиною бѣдствій для Россіи. Мы говорили о Туркахъ Альпайскихъ[243]: хотя они, утѣсненные съ одной стороны Китайцами, а съ другой Аравитянами (въ XII вѣкѣ завладѣвшими Персіею), утратили силу и независимость свою; но единоплеменники ихъ, служивъ долгое время Калифамъ, освободились наконецъ отъ ига и были основателями разныхъ Государствъ могущественныхъ. Такъ въ исходѣ XI вѣка Монархъ Турковъ-Сельчуковъ[244], именемъ Челаддинъ, господствовалъ отъ моря Каспійскаго и Малой Бухаріи до рѣки Гангеса, Іерусалима, Никеи, и давалъ повелѣнія Багдадскому Калифу, Папѣ Магометанъ. Сіе Государство исчезло, ослабленное распрями частныхъ его Владѣтелей и завоеваніями Кресоносцевъ въ Азіи: на развалинахъ его, въ концѣ XII столѣтія, возвеличилась новая Турецкая Династія Монарховъ Харазскихъ или Хивинскихъ[245], которые завладѣли большею частію Персіи и Бухаріею. Въ сіе время тамъ царствовалъ Магометъ II, гордо называясь вторымъ Александромъ Великимъ: Чингисханъ имѣлъ къ нему уваженіе, искалъ его дружбы, хотѣлъ заключить съ нимъ выгодный для обоихъ союзъ; но Магометъ велѣлъ умертвить Пословъ Могольскихъ...

Тогда Чингисханъ прибѣгнулъ къ суду Неба и меча своего; при ночи молился на горѣ и торжественно объявилъ, что Богъ во сновидѣніи обѣщалъ ему побѣду успами Епископа Христіанскаго, жившаго въ землѣ Игуровъ. Сіе обстоятельство, вымышленное для ободренія суевѣрныхъ, было весьма счастливо для Христіанъ: ибо они съ того времени пользовались особеннымъ благоволеніемъ Хана Могольскаго. Началась война, ужасная остервененіемъ варварства и гибельная для Магомета, который, имѣя рать безчисленную, но видя мужество непріятелей, боялся сразиться съ ними въ полѣ и думалъ единственно о защитѣ городовъ. Сія часть Верхней Азіи, именуемая Великою Бухаріею (а прежде Согдіаною и Бактріею), издревле славилась не только плодоносными своими долинами, богатыми рудами, красотою лѣсовъ и водъ[246], но и просвѣщеніемъ народнымъ, художествами, торговлею, многолюдными городами и цвѣтущею столицею, донынѣ извѣстною подъ именемъ Бохары, гдѣ находилось знаменитое училище для юношей Магометанской Вѣры. Бохара не могла сопротивляться: Чингисханъ, принявъ городскіе ключи изъ рукъ старѣйшинъ, въѣхалъ на конѣ въ главную мечеть, и видя тамъ лежащій Алкоранъ, съ презрѣніемъ бросилъ его на землю. Столица была обращена въ пепелъ. Самаркандъ, укрѣпленный искусствомъ, заключалъ

въ спѣнахъ своихъ около спа тысячь рапниковъ и множество слоновъ, главную опору древнихъ воинствъ Азіи: не смотря на то, граждане прибѣгнули къ великодушію Моголовъ, которые, взявъ съ нихъ 200,000 золотыхъ монетъ, еще не были довольны[247]: умертвили 30,000 плѣнниковъ и такое же число оковали цѣпями вѣчнаго рабства. Хива, Термегъ, Балхъ (гдѣ находилось 1200 мечетей и 200 бань для странниковъ) испытали подобную же участь, вмѣстѣ со многими иными городами, и свирѣпые воины Чингисхановы въ два или три года опустошили всю землю отъ моря Аральскаго до Инда, такъ, что она въ теченіе шести слѣдующихъ вѣковъ уже не могла вновь достигнуть до своего прежняго цвѣтущаго состоянія. Магометъ, гонимый изъ мѣста въ мѣсто жестокимъ, неумолимымъ врагомъ, уѣхалъ на одинъ островъ Каспійскаго моря, и тамъ въ отчаяніи кончилъ жизнь свою.

Въ сіе время — около 1223 года — желая овладѣть западными берегами моря Каспійскаго, Чингисханъ опрядилъ двухъ знаменитыхъ Военачальниковъ, Судая Баядура и Чепновіана, съ повелѣніемъ взять Шамаху и Дербентъ. Первый городъ сдался, и Моголы хотѣли итти самымъ кратчайшимъ путемъ къ Дербенту, построенному, вмѣстѣ съ Каспійскою стѣною, въ VI вѣкѣ славнымъ Царемъ Персидскимъ Хозроемъ I,

или Нуширваномъ, для защиты Государства его отъ Козаровъ[248]. Но обманутые путеводителями Моголы зашли въ тѣсныя ущелія, и были со всѣхъ сторонъ окружены Аланами — Ясами, жителями Дагестана[249] — и Половцами, готовыми къ жестокому бою съ ними. Видя опасность, Военачальникъ Чингисхановъ прибѣгнулъ къ хитрости, отправилъ дары къ Половцамъ и велѣлъ сказать имъ, что они, будучи *единоплеменниками* Моголовъ, не должны возставать на своихъ братьевъ и дружиться съ Аланами, которые совсѣмъ инаго рода. Половцы, обольщенные ласковымъ привѣтствіемъ или дарами, оставили союзниковъ; а Моголы, пользуясь симъ благопріятнымъ случаемъ, разбили Аланъ. Скоро главный Ханъ Половецкій, именемъ Юрій Кончаковичь[250], раскаялся въ своей оплошности: узнавъ, что мнимые братья намѣрены господствовать въ его землѣ, онъ хотѣлъ бѣжать въ степи; но Моголы умертвили его и другаго Князя, Данила Кобяковича; гнались за ихъ товарищами до Азовскаго моря, до вала Половецкаго, или до самыхъ нашихъ границъ; покорили Ясовъ, Абазинцевъ, Касоговъ или Черкесовъ и вообще семь народовъ въ окрестностяхъ Азовскихъ.

Многіе Половцы ушли въ Кіевскую область съ своими женами, скотомъ и богатствомъ. Въ числѣ бѣглецовъ находился знаменитый Котянъ, тесть Мстислава Галиц-

каго: сей Ханъ взволновалъ Россію вѣстію о нашествіи Моголовъ; дарилъ Князей вельблюдами, конями, буйволами, прекрасными невольницами, и говорилъ: «нынѣ они взяли «нашу землю; завтра возьмутъ вашу.» Россіяне ужаснулись, и въ изумленіи спрашивали другъ у друга, кто сіи пришельцы, до того времени неизвѣстные? Нѣкоторые называли ихъ Таурменами, другіе Печенѣгами, но вообще Татарами[251]. Суевѣрные разсказывали, что сей народъ, еще за 1200 лѣтъ до Рождества Христова побѣжденный Геономъ, и нѣкогда заключенный въ пустыняхъ Сѣверо-Востока, долженствовалъ предъ концемъ міра явиться въ Азіи, въ Европѣ, и завоевать всю землю. Храбрый Князь Галицкій, пылая ревностію опвѣдать счастія съ новымъ и столь уже славнымъ врагомъ, собралъ Князей на совѣтъ въ Кіевѣ, и представлялъ убѣдительно, что благоразуміе и государственная польза обязываютъ ихъ вооружиться; что утѣсненные Половцы, будучи оставлены ими, непремѣнно соединятся съ Татарами и наведутъ ихъ на Россію; что лучше сразиться съ опаснымъ непріятелемъ внѣ отечества, нежели впустить его въ свои границы. Мстиславъ Романовичь Кіевскій (называемый въ лѣтописяхъ Старымъ и Добрымъ), Князь Черниговскій[252] того же имени (братъ Всеволода Чермнаго) и Мстиславъ Галицкій предсѣдательствовали въ Совѣтѣ, гдѣ находились также пыл-

Половцы бѣгутъ въ Россію.

Мнѣнія о Татарахъ.

Совѣтъ Князей.

кіе юноши, Данiилъ Романовичь Волынскiй, — Михаилъ, сынъ Чермнаго, и бывшiй Князь Новогородскiй, Всеволодъ Мстиславичь. Они долго разсуждали: наконецъ единодушно положили искать непрiятеля. Половцы радовались, изъявляя благодарность, и Ханъ ихъ Баспый принялъ тогда же Вѣру Христiанскую.

Уже войско наше стояло на Днѣпрѣ у Заруба и *Варяжскаго* острова: тамъ явились десять Пословъ Татарскихъ. «Слы«шимъ» — говорили они Князьямъ Россiйскимъ — «что вы, обольщенные Половцами, «идете противъ насъ; но мы ничѣмъ не «оскорбили Россiянъ: не входили къ вамъ въ «землю; не брали ни городовъ, ни селъ ва«шихъ, а хотимъ единственно наказать «Половцевъ, своихъ рабовъ и *конюховъ*. Зна«емъ, что они издревле враги Россiи: будь«те же намъ друзьями; пользуясь случаемъ, «отмстите имъ нынѣ, истребите злодѣ«евъ, и возьмите ихъ богатство.» Сiе благоразумное миролюбiе показалось нашимъ Князьямъ или робостiю или коварствомъ: забывъ правила народной чести, они велѣли умертвить Пословъ; но Татары еще прислали новыхъ, которые, встрѣтивъ войско Россiйское, въ семнадцатый день его похода, на берегахъ Днѣпра, близъ Олешья, сказали Князьямъ: «И такъ вы, слушаясь По«ловцевъ, умертвили нашихъ Пословъ и «хотите битвы? да будетъ! Мы вамъ не

Избiенiе Пословъ Татарскихъ.

«сдѣлали зла. Богъ единъ для всѣхъ наро-«довъ: Онъ насъ разсудитъ.» Князья, какъ бы удивленные великодушіемъ Тапаръ, отпустили сихъ Пословъ, и ждали оспальнаго войска. Мспиславъ Романовичь, Владиміръ Рюриковичь и Князья Черниговскихъ Удѣловъ привели туда, подъ своими знаменами, жителей Кіева, Смоленска, Пупивля, Курска, Трубчевска. Съ ними соединились Волынцы и Галичане, которые на 1000 ладіяхъ плыли Днѣстромъ до моря, вошли въ Днѣпръ, и стали у рѣки Хорпицы[283]. Половцы также стекались къ Россіянамъ толпами. Войско наше расположилось станомъ на правомъ берегу Днѣпра. Услышавъ, что опрядъ Тапарскій приближается, юный Князь Даніилъ съ нѣкоторыми любопытными товарищами поскакалъ къ нему на встрѣчу. Осмотрѣвъ сіе новое для нихъ войско, они возвратились съ донесеніемъ ко Мспиславу Галицкому. Но вѣспи были не согласны: легкомысленные юноши сказывали, что Тапары суть худые рапники, и не доспойны уваженія; а Воевода, пришедшій изъ Галича съ ладіями, именемъ Юрій Домарѣчичь, увѣрялъ, что сіи враги кажутся опытными, знающими, и спрѣляютъ лучше Половцевъ. Молодые Князья неперпѣливо хотѣли вступить въ бой: Мспиславъ Галицкій, съ тысячею воиновъ ударивъ на опрядъ непріятельскій, разбилъ его совершенно. Спрѣлки наши оказали въ семъ дѣлѣ искус-

спво и мужество. Лѣтописцы говорятъ, что Татары, желая спасти начальника своего, Гемябека, скрыли его въ ямѣ, но что Россіяне нашли, а Половцы, съ дозволенія Мстислава, умертвили сего Могольскаго чиновника.

Надменные первымъ успѣхомъ, и взявъ въ добычу множество скота, всѣ Россіяне переправились за Днѣпръ и шли девять дней до рѣки Калки (нынѣ Калеца въ Екатеринославской Губерніи, близъ Маріуполя), гдѣ была легкая сшибка съ непріятелемъ. Мстиславъ Галицкій, поставивъ войско свое на лѣвомъ берегу Калки, велѣлъ Яруну, начальнику Половцевъ, и Даніилу съ Россійскою дружиною итти впередъ; а самъ ѣхалъ на конѣ за ними, и скоро увидѣлъ многочисленное войско Татаръ. Битва началася[254]. Пылкій Даніилъ изумилъ враговъ мужествомъ; вмѣстѣ съ Олегомъ Курскимъ тѣснилъ густыя толпы ихъ, и копіемъ въ грудь уязвленный, не думалъ о своей ранѣ. Мстиславъ *Нѣмый*, братъ Ингваря Луцкаго, спѣшилъ дать ему помощь, и крѣпкою мышцею разилъ непріятелей. Но малодушные Половцы не выдержали удара Моголовъ: смѣшались, обратили тылъ; въ безпамятствѣ ужаса устремились на Россіянъ, смяли ряды ихъ и даже отдаленный станъ, гдѣ два Мстислава, Кіевскій и Черниговскій, еще не успѣли изготовиться къ битвѣ: ибо Мстиславъ Галицкій, желая одинъ воспользо-

Маія 31. Битва на Калкѣ.

ваться честію побѣды, не далъ имъ никакой вѣсти о сраженіи. Сіе излишнее славолюбіе Героя сполъ знаменитаго погубило наше войско: Россіяне, приведенные въ безпорядокъ, не могли устоять. Юный Даніилъ вмѣстѣ съ другими искалъ спасенія въ бѣгствѣ; прискакавъ къ рѣкѣ, остановилъ коня, чтобы утолить жажду, и тогда единственно почувствовалъ свою рану. Татары гнали Россіянъ, убивъ ихъ множество, и въ томъ числѣ шесть Князей: Святослава Яновскаго, Изяслава Ингваровича, Святослава Шумскаго, Мстислава Черниговскаго съ сыномъ, Юрія Нѣсвижскаго; также опытнаго Витязя, именемъ Александра Поповича, и еще 70 славныхъ *богатырей*[255]. Земля Русская, по словамъ Лѣтописцевъ, отъ начала своего не видала подобнаго бѣдствія: войско прекрасное, бодрое, сильное, совершенно исчезло; едва десятая часть его спаслася; однихъ Кіевлянъ легло на мѣстѣ 10,000. Самые мнимые друзья наши, Половцы, виновники сей войны и сего несчастія, убивали Россіянъ, чтобы взять ихъ коней или одежду. Мстиславъ Галицкій, испытавъ въ первый разъ ужасное непостоянство судьбы, изумленный, горестный, бросился въ ладію, переѣхалъ за Днѣпръ и велѣлъ истребить всѣ суда, чтобы Татары не могли за нимъ гнаться. Онъ уѣхалъ въ Галичь; а Владиміръ Рюриковичь Смоленскій въ Кіевъ.

Между тѣмъ Мстиславъ Романовичь Кіевскій еще оставался на берегахъ Калки въ укрѣпленномъ станѣ, на горѣ каменистой; видѣлъ бѣгство Россіянъ и не хотѣлъ тронуться съ мѣста: достопамятный примѣръ великодушія и воинской гордости! Татары приступали къ сему укрѣпленію, три дни бились съ Россіянами, не могли одолѣть и предложили Мстиславу Романовичу выпустить его свободно, если онъ дастъ имъ окупъ за себя и за дружину. Князь согласился: Воевода *Бродниковъ*[256], именемъ Плоскиня, служа тогда Моголамъ, опъ имени ихъ клялся въ вѣрномъ исполненіи условій; но обманулъ Россіянъ, и связавъ несчастнаго Мстислава вмѣстѣ съ двумя его зятьями, Княземъ Андреемъ и Александромъ Дубровецкимъ, выдалъ ихъ Полководцамъ Чингисхановымъ. Оспервененные жестокимъ сопротивленіемъ великодушнаго Мстислава Кіевскаго, и вспомнивъ убіеніе своихъ Пословъ въ нашемъ станѣ, Моголы изрубили всѣхъ Россіянъ, трехъ Князей задушили подъ досками, и сѣли пировать на ихъ трупахъ! — Такимъ образомъ заключилась сія первая кровопролитная битва нашихъ предковъ съ Моголами, которые, по извѣстію Татарскаго Историка, умышленно заманили Россіянъ въ опасную степь и сражались съ ними цѣлые семь дней[257].

Полководцы Чингисхановы шли за бѣгущимъ остаткомъ Россійскаго войска до са-

маго Днѣпра. Жители городовъ и селъ, въ надеждѣ смягчить ихъ свирѣпость покорностію, выходили къ нимъ на встрѣчу со крестами; но Татары безжалостно убивали и гражданъ и земледѣльцевъ, слѣдуя правилу, что побѣжденные не могутъ быть друзьями побѣдителей, и что смерть первыхъ нужна для безопасности вторыхъ. Вся южная Россія трепетала: народъ, съ всплемъ и стенаніемъ ожидая гибели, молился въ храмахъ — и Богъ на сей разъ услышалъ его молитву. Татары, не находя ни малѣйшаго сопротивленія, вдругъ обратились къ Востоку, и спѣшили соединиться съ Чингисханомъ въ Великой Бухаріи, гдѣ сей дикій Герой, собравъ всѣхъ Полководцевъ и Князей, на общемъ сеймѣ давалъ законы странамъ завоеваннымъ. Онъ съ удовольствіемъ встрѣтилъ свое побѣдоносное войско, возвратившееся отъ Днѣпра: съ любопытствомъ слушалъ донесеніе Вождей, хвалилъ ихъ и щедро наградилъ за оказанное ими мужество. Оскорбленный тогда могущественнымъ Царемъ Тангутскимъ, Чингисханъ послалъ сокрушить его величіе[258].

Правило Татаръ.

Побѣдители скрываются.

Россія отдохнула: грозная туча какъ внезапно явилась надъ ея предѣлами, такъ внезапно и сокрылась. «Кого Богъ во гнѣвѣ «Своемъ насылалъ на землю Русскую?» говорилъ народъ въ удивленіи: «откуда при- «ходили сіи ужасные иноплеменники? куда «ушли? извѣстно одному Небу и людямъ

Удивленіе Россіянъ.

«искуснымъ въ книжномъ ученіи[259].» — Селенія, опустошенныя Татарами на восточныхъ берегахъ Днѣпра, еще дымились въ развалинахъ; отцы, матери, друзья, оплакивали убитыхъ: но легкомысленный народъ совершенно успокоился, ибо минувшее зло казалось ему послѣднимъ.

Князья южной Россіи, готовясь итти на Моголовъ, требовали помощи отъ Великаго Князя Георгія. Племянникъ его, Василько Константиновичь, шелъ къ нимъ съ дружиною Ростовскою, и спознлъ уже близъ Чернигова: тамъ свѣдалъ онъ о несчастіи ихъ и возвратился къ дядѣ, благодаря Небо за спасеніе жизни и воинской чести своей. Не предвидя будущаго, Владимірцы упѣшались мыслію, что Богъ избавилъ ихъ отъ бѣдствія, претерпѣннаго другими Россіянами. Георгій, нѣкогда уничиженный Мстиславомъ Галицкимъ, могъ даже съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть его въ злополучіи: долговременная слава и побѣда сего Героя возбуждали зависть. — Но скоро несчастныя для суевѣрныхъ знаменія произвели общій страхъ въ Россіи (и во всей Европѣ). Явилась Комета, звѣзда величины необыкновенной, и цѣлую недѣлю въ сумерки показывалась на Западѣ, озаряя небо лучемъ блестящимъ[260]. Въ сіе же лѣто сдѣлалась необыкновенная засуха: лѣса, болота воспламенялись; густыя облака дыма затмѣвали свѣтъ солнца; мгла тягостила воздухъ, и птицы,

Ужасныя предзнаменованія.

къ изумленію людей, падали мертвыя на землю. Вспомнили, что въ княженіе Всеволода I было такое же лѣто въ Россіи, и что отечество наше спенало тогда отъ враговъ иноплеменныхъ, голода и язвы.

Провидѣніе, дѣйствительно готовое искусить Россію всѣми возможными для Государства бѣдствіями, еще на нѣсколько лѣтъ отложило ихъ; а Россіяне какъ бы спѣшили воспользоваться симъ временемъ, чтобы свѣжую рану отечества растравить новыми междоусобіями. Юный сынъ Георгіевъ, исполняя тайное повелѣніе отца, вторично уѣхалъ изъ Новагорода со всѣмъ Дворомъ своимъ и занялъ Торжекъ, куда скоро прибылъ и самъ Георгій, братъ его Ярославъ, племянникъ Василько и шуринъ Михаилъ, Князь Черниговскій. Они привели войско съ собою, грозя Новугороду: ибо Великій Князь досадовалъ на многихъ тамошнихъ чиновниковъ за ихъ своевольство. Новогородцы отправили къ Георгію двухъ Поновыя междоусобія словъ и хотѣли, чтобы онъ выѣхалъ изъ Торжка, отпустивъ къ нимъ сына; а Великій Князь требовалъ, чтобы они выдали ему нѣкоторыхъ знаменитыхъ гражданъ, и сказалъ: «я поилъ коней своихъ Тверцею: «напою и Волховомъ.» Воспоминая съ гордостію, что самъ Андрей Боголюбскій не могъ ихъ смирить оружіемъ, Новогородцы укрѣпили стѣны свои, заняли войскомъ всѣ важныя мѣста на пути къ Торжку, и чрезъ

новыхъ Пословъ отвѣтствовали Георгію: «Князь! мы тебѣ кланяемся, но своихъ братьев ъ не выдадимъ. Дерзнешь ли на кровопролитіе? у тебя мечь, у насъ головы: умремъ за Святую Софію.» Георгій смягчился; вступили въ переговоры, и шуринъ его, Михаилъ Черниговскій, поѣхалъ княжить въ Новгородъ.

Г. 1225. Правленіе сего Князя было мирно и счастливо. «Вся область наша» — говоритъ Лѣтописецъ Новогородскій — «благословляла «свой жребій, не чувствуя никакой тяготы.» Георгій вышелъ изъ Торжка, захвативъ казну Новогородскую и достояніе многихъ частныхъ людей: Михаилъ, провождаемый знаменитыми чиновниками, ѣздилъ въ Владиміръ и согласилъ Георгія возвратить сію незаконную добычу. Народъ любилъ Князя; но Михаилъ считалъ себя пришельцемъ въ сѣверной Россіи. Выѣхавъ изъ Чернигова въ то время, когда Татары приближались къ Днѣпру, онъ стремился душею къ своей отчизнѣ, гдѣ снова царствовали тишина и безопасность. Напрасно усердные Новогородцы доказывали ему, что Князь, любимый народомъ, не можетъ съ покойною совѣстію оставить его: Михаилъ на *Дворѣ Ярослава* простился съ ними, сказавъ имъ, что Черниговъ и Новгородъ должны быть какъ бы единою землею, а жители братьями и друзьями; что свободная торговля и государственное сношеніе свяжутъ ихъ узами общихъ

выгодъ и благоденсшвія. Нерѣдко задерживая у себя Князей ненависшныхъ, Новогородцы давали волю добрымъ жишь съ ними, или, говоря погдашнимъ языкомъ, *покло-ниться Святой Софіи:* изъявили благодарносшь Михаилу, оппуспили его съ великою чесшію, и послали за Ярославомъ-Ѳеодоромъ.

Въ по время Липовцы, числомъ до 7000, ворвались въ наши предѣлы; грабили обласшь Торопецкую, Новогородскую, Смоленскую, Полоцкую; убивали кущевъ, и плѣняли земледѣльцевъ. Лѣшописцы говоряшъ, чшо сіи разбойники никогда еще не причиняли споль великаго зла Государсшву Россійскому[261]. Ярославъ, предводишельсшвуя своею дружиною Княжескою, соединился съ Давидомъ Мсшиславичемъ Торопецкимъ, съ брашомъ его, Владимірomъ Псковскимъ, и наспигъ непріяшеля близъ Усвяша; положилъ на мѣсшѣ 2000 Липовцевъ, взялъ въ плѣнъ ихъ Князей, освободилъ всѣхъ нашихъ плѣнниковъ. Князь Давидъ и любимый Меченосецъ Ярославовъ находились въ числѣ убишыхъ Россіянъ. Новогородцы не были въ сраженіи: доходили полько до Русы и возврашились. Однакожь Ярославъ, пріѣхавъ къ нимъ и выслушавъ ихъ оправданіе, не изъявилъ ни малѣйшаго гнѣва; а въ слѣдующій годъ ходилъ съ войскомъ въ сѣверную, опдаленную часшь Финляндіи, гдѣ никогда еще не бывали Россіяне; не обогашился въ сей

Набѣги Липовскіе. Г. 1226.

Г. 1227. Походъ въ Финляндію

бѣдной странѣ ни серебромъ, ни золотомъ, но отнялъ у многихъ жителей самое драгоцѣннѣйшее благо: отечество и вольность. Новогородцы взяли столько плѣнниковъ, что не могли всѣхъ увести съ собою: нѣкоторыхъ безчеловѣчно умертвили, другихъ отпустили домой[262]. — Ярославъ въ сей же годъ отличился дѣломъ гораздо полезнѣйшимъ для человѣчества: отправилъ Священниковъ въ Корельскую землю, и не употребивъ никакихъ мѣръ насильственныхъ, крестилъ большую часть жителей; уже давно подданныхъ Новагорода и расположенныхъ добровольно къ принятію Христіанства[263]. Представивъ дѣйствіе благоразумнаго усердія къ Вѣрѣ, не скроемъ и несчастныхъ заблужденій суевѣрія: въ то время, какъ наши церковные учители проповѣдывали Кореламъ Бога истиннаго и человѣколюбиваго, ослѣпленные Новогородцы сожгли четырехъ мнимыхъ волшебниковъ на *Дворѣ Ярослава*. Къ чести Духовенства и тогдашняго Новогородскаго Архіепископа Антонія — который въ 1225 году возвратился изъ Перемышля Галицкаго — замѣтимъ, что въ семъ жалостномъ безуміи дѣйствовалъ одинъ народъ, безъ всякаго внушенія со стороны Церковныхъ Пастырей.

Христіанство въ землѣ Корельской.

Новогородцы жгутъ волшебниковъ.

Россіяне думали, что грозно опустошивъ Финляндію, они уже на долгое время будутъ съ сей стороны покойны; но месть даетъ силы. Лишенные отцевъ, братьевъ,

дѣтей, и пылая справедливою злобою, Фин- г.
ляндцы разорили селенія вокругъ Олонца и 1228.
сразились съ Посадникомъ Ладожскимъ. Ихъ было около двухъ тысячь. Ночь прекратила битву. Напрасно предлагавъ миръ, они умертвили всѣхъ плѣнниковъ, бросили лодки свои и бѣжали въ густые лѣса, гдѣ Иженяне и Корелы истребили ихъ всѣхъ до одного человѣка. Между тѣмъ Ярославъ, не имѣвъ времени соединиться съ Ладожанами, праздно стоялъ на Невѣ и былъ свидѣтелемъ мятежа воиновъ Новогородскихъ, хотѣвшихъ убить какого-то чиновника, именемъ Судимира: Князь едва могъ спасти несчастнаго, скрывъ его въ собственной ладіи своей.

Вообще Ярославъ не пользовался любовію народною. Желая имѣть Псковъ въ своей зависимости, онъ поѣхалъ туда съ Новогородскими чиновниками; но Псковитяне не хотѣли принять его, думая, что сей Князь везетъ къ нимъ оковы и рабство. Огорченный Ярославъ, возвратясь въ Новгородъ, собралъ жителей на дворѣ Архіепископскомъ и торжественно принесъ имъ жалобу. «Небо свидѣтель» — говорилъ онъ — «что я не хотѣлъ сдѣлать малѣйшаго зла Псковитянамъ, и везъ для нихъ не оковы, а дары, «овощи и паволоки. Оскорбленная честь моя «требуетъ мести.» Недовольный холодностію гражданъ, Князь призвалъ войско изъ Переславля Залѣсскаго, и Новогородцы съ

Нелюбовь въ Ярославу.

изумленіемъ увидѣли шапры его полковъ вокругъ дворца. Славянскій Конецъ также наполнился толпами сихъ рапниковъ, съ головы до ногъ вооруженныхъ и спрашныхъ для народа своевольнаго. Ярославъ сказывалъ, что хочетъ ипии пропивъ Нѣмецкихъ Рыцарей; но граждане не вѣрили ему и боялись его шайныхъ замысловъ. Къ тому же бѣдные жаловались на дороговизну; опъ прибытія многочисленнаго войска цѣна на хлѣбъ и на мясо возвысилась: осмина ржи споила нынѣшними серебряными деньгами 53½ копейки, пшеницы 89½, а пшена рубль 25 копеекъ. Ярославъ пребовалъ опъ Псковитянъ, чпобы они выдали ему клевепниковъ его, а сами шли съ нимъ къ Ригѣ; но Псковипяне уже заключили особенный пѣсный союзъ съ Рижскимъ Орденомъ, и будучи обнадежены въ помощи Рыцарей, прислали въ Новгородъ одного Грека съ пакимъ опвѣпомъ: «Князь Ярославъ! кланяемся тебѣ «и друзьямъ Новогородцамъ; а брапьевъ сво- «ихъ не выдадимъ, и въ походъ нейдемъ, «ибо Нѣмцы намъ союзники. Вы осаждали «Колывань (Ревель), Кесь (Венденъ) и Ме- «двѣжью Голову, но брали вездѣ не города, «а деньги; раздраживъ непріяпелей, сами «ушли домой, а мы за васъ перпѣли: наши «сограждане положили свои головы на бере- «гахъ Чудскаго озера; другіе были опведе- «ны въ плѣнъ. Теперь возспаепе пропивъ «насъ: но мы гоповы ополчипься съ Свя-

«пою Богородицею. Идипе, лейпе кровь «нашу; берипе въ плѣнъ женъ и дѣпей: «вы не лучше поганыхъ.» Сіи укоризны опносились вообще къ Новогородцамъ; однакожь народъ взялъ сторону Псковипянъ: рѣшипельно объявилъ Князю, чпо не хочепъ воеваппь ни съ ними, ни безъ нихъ съ Орденомъ Нѣмецкимъ, и пребовалъ, чпобы рапь Переславская удалилась. Ярославъ велѣлъ полкамъ выспупипь, но въ досадѣ и гнѣвѣ самъ уѣхалъ изъ Новагорода, оспавивъ памъ юныхъ сыновей, Ѳеодора и Александра, подъ надзираніемъ двухъ Вельможъ. Псковипяне поржеспвовали; оппуспили Нѣмцевъ, Чудь, Лапышей, уже призванныхъ ими для защипы, и выгнали изъ города друзей Ярославовыхъ, сказавъ имъ: «подипе къ своему Князю; вы намъ не бра«пья.» Тогдашній союзъ Россіянъ съ Ливонскимъ Орденомъ и дружелюбныя ихъ сношенія съ Посломъ Гонорія III въ Ригѣ, Епископомъ Моденскимъ, споль обрадовали Папу, чпо онъ въ 1227 году написалъ весьма благосклонное письмо ко всѣмъ нашимъ Князьямъ, обѣщая имъ миръ и благоденспвіе въ объяпіяхъ Лапинской Церкви, и желая видѣпь ихъ Пословъ въ Римѣ. «Ваши заблу«жденія въ Вѣрѣ (говорилъ онъ) раздража«юпъ Небо и причиною всѣхъ золъ въ Рос«сіи: бойпесь еще ужаснѣйшихъ, если не «обрапипесь къ испинѣ. Увѣщаемъ и мо«лимъ, чпобы вы письменно изъявили на

Сношенія съ Папою.

«по добрую волю чрезъ надежныхъ Пословъ, «а между тѣмъ жили мирно съ Христіана- «ми Ливонскими» [264].

Бѣдствія Новогородцевъ.

Съ сего времени Новгородъ былъ нѣсколько лѣтъ жертвою естественныхъ и гражданскихъ бѣдствій. Отъ половины Августа до самаго Декабря мѣсяца густая тьма покрывала небо и шли дожди безпрестанные; сѣно, хлѣбъ гнили на лугахъ и въ полѣ: жилищы стояли пустыя. Народъ, желая кого нибудь обвинить въ семъ несчастіи, возсталъ противъ новаго Владыки Новогородскаго, Арсенія (ибо Антоній, слабый здоровьемъ, лишился языка и добровольно заключился въ монастырѣ Хутынскомъ). «Богъ наказываетъ насъ за ковар- «ство Арсенія,» говорили безразсудные: «онъ «выпроводилъ Антонія въ Хутынскую Оби- «тель, и несправедливо присвоилъ себѣ его «санъ, подкупивъ Князя.» Добрый, смиренный Пастырь молился денно и нощно о благѣ сограждан; но дожди не преставали, и народъ, послѣ шумнаго Вѣча, извлекъ Архіепископа изъ дому, гналъ, толкалъ, едва не умертвилъ его какъ преступника. Арсеній искалъ убѣжища въ Софійскомъ храмѣ, наконецъ въ монастырѣ Хутынскомъ, откуда нѣмый Антоній долженъ былъ возвратиться въ домъ Святителей. Новогородцы дали ему въ помощники двухъ свѣтскихъ чиновниковъ, и еще не могли успокоиться: вооружились, разграбили домъ Тысячскаго,

Стольниковъ Архіерейскаго и Софійскаго, хотѣли повѣсить одного Старосту, и кричали, что сіи люди наводятъ Князя на зло. Избравъ новаго Тысячскаго, Вѣче послало сказать Ярославу, чтобы онъ немедленно ѣхалъ въ Новгородъ, снялъ налогъ церковный, запретилъ Княжескимъ судьямъ ѣздить по области, и наблюдая въ точности льготныя грамоты Великаго Ярослава, дѣйствовалъ во всемъ сообразно съ уставомъ Новогородской вольности. Или» — говорили ему Послы Вѣча — «наши связи съ тобою на- «вѣки разрываются.» Еще Князь не далъ отвѣта, когда юные сыновья его, Ѳеодоръ и Александръ, устрашенные мятежемъ Новогородскимъ, тайно уѣхали къ отцу съ своими Вельможами. «Одни виновные мо- «гутъ быть робкими бѣглецами» (сказали Новогородцы): «не жалѣемъ объ нихъ. Мы «не сдѣлали зла ни дѣтямъ, ни отцу, ка- «знивъ своихъ братьевъ. Небо отмститъ «вѣроломнымъ; а мы найдемъ себѣ Князя. «Богъ по насъ: кого устрашимся?» Они клялися другъ другу быть единодушными, и звали къ себѣ Михаила Черниговскаго; но Послы ихъ были задержаны на дорогѣ Княземъ Смоленскимъ, другомъ Ярославовымъ[268]. Льготныя грамоты Вел. Ярослава.

Доселѣ, описавъ несчастную Калкскую битву, говорили мы только о происшествіяхъ сѣверной Россіи: обратимъ взоръ на полуденную. Михаилъ, возвратясь (въ 1225 году) изъ Новагорода въ Черниговъ, Происшествія въ южной Россіи.

нашелъ опаснаго непріятеля въ Олегѣ Курскомъ, и пребовалъ помощи опъ Георгія, своего зятя, копорый самъ привелъ къ нему войско. Къ счастію, тамъ былъ Кіевскій Митрополитъ Кириллъ, родомъ Грекъ, присланный Конспантинопольскимъ Патріархомъ изъ Никеи. Сей мужъ ученый, благонамѣренный, опвратилъ войну и примирилъ враговъ: послѣ чего Михаилъ княжилъ спокойно, бу́дучи союзникомъ Георгія, копорый, женивъ племянника, Василька, на его дочери, опдалъ южный Переяславль, какъ Удѣлъ Великаго Княженія Суздальскаго, другому племяннику, Всеволоду Конспантиновичу, а чрезъ годъ брапу Святославу[266]. Древняя вражда Ольговичей и Мономаховыхъ попомковъ казалась усыпленною. Тѣ и другіе равно уважали знаменитаго Мспислава Галицкаго, ихъ Главу и посредника. Сей Герой, долго называемый *Удатнымъ*[267] или счастливымъ, провелъ оспапокъ жизни въ безпокойспвахъ и въ раскаяніи. Обманупый злобными внушеніями Александра Бельзскаго, онъ возненавидѣлъ-было добраго зятя своего, мужественнаго Данпила, союзника Поляковъ, и хопѣлъ опняпь у него владѣніе; узнавъ же клевепу Александрову, спѣшилъ примиришься съ Данпиломъ, и, вопреки совѣпу другихъ Князей, оспавилъ клевепника безъ наказанія. Нечаянное бѣгспво всѣхъ знапнѣйшихъ Бояръ Галицкихъ и ссора съ Королемъ Венгерскимъ были для

него также весьма чувствительныхъ огорченіемъ. Одинъ изъ Вельможъ, именемъ Ярославъ, увѣрилъ первыхъ, что Князь намѣренъ ихъ, какъ враговъ, предать на избіеніе Хану Половецкому, Копяну: они ушли со всѣми домашними въ горы Карпатскія и едва могли быть возвращены Духовникомъ Княжескимъ, посланнымъ доказать имъ неизмѣнное правдушіе, милосердіе Государя, который велѣлъ обличенному во лжи, безстыдному Ярославу, только удалиться, не сдѣлавъ ему ни малѣйшаго зла. Столь же невиненъ былъ Мстиславъ и въ раздорѣ съ Венграми. Нареченный его зять, юный сынъ Короля Андрея, послушавъ коварныхъ наушниковъ, уѣхалъ изъ Перемышля къ отцу съ жалобою на какую-то мнимую несправедливость своего будущаго тестя. Андрей вооружился; завоевалъ Перемышль, Звенигородъ, Теребовль, Тихомль, и послалъ войско осадить Галичь, боясь самъ итти къ оному: ибо волхвы Венгерскіе, какъ говоритъ Лѣтописецъ, предсказали ему, что онъ не будетъ живъ, когда увидитъ сей городъ. Воевода Сендомирскій находился съ Королемъ: самъ Герцогъ Лешко хотѣлъ къ нимъ присоединиться; но Даніилъ, вѣрный тестю, убѣжденіями и хитростію удалилъ Поляковъ; а Мстиславъ разбилъ Венгровъ, и Король Андрей могъ бы совершенно погибнуть, если бы Вельможа Галицкій, Судиславъ, вопреки Даніилову мнѣнію не скло-

нилъ побѣдителя къ миру и къ исполненію прежнихъ заключенныхъ съ Андреемъ условій, такъ, что Мстиславъ не только прекратилъ военныя дѣйствія, не только выдалъ дочь свою за Королевича, но и возвелъ зятя на тронъ Галицкій, оставивъ себѣ одно *Понизье*, или юго-восточную область сего Княженія. Случай безпримѣрный въ нашей Исторіи, чтобы Князь Россійскій, имѣя наслѣдниковъ единокровныхъ, имѣя даже сыновей, добровольно уступалъ владѣніе иноплеменнику, согласно съ желаніемъ нѣкоторыхъ Бояръ, но въ противность желанію народа, не любившаго Венгровъ. Легкомысленный Мстиславъ скоро раскаялся, и внутреннее безпокойство сократило дни его. Онъ считалъ себя виновнымъ передъ Даніиломъ, тѣмъ болѣе, что сей юный Князь изъявлялъ отмѣнное къ нему уваженіе и вообще всѣ качества души благородной. «Льстецы обманули меня,» говорилъ Мстиславъ Боярамъ Даніиловымъ: «но если угодно Богу, то мы поправимъ сію ошибку. Я соберу Половцевъ, а сынъ мой, вашъ Князь, «свою дружину: изгоню Венгровъ, отдамъ «ему Галичь, а самъ останусь въ Понизьѣ». Онъ не успѣлъ сдѣлать того, занемогъ и нетерпѣливо желалъ видѣть Даніила, чтобы поручить ему свое семейство: но кознями Вельможъ лишенный и сего утѣшенія, преставился въ Торческѣ Схимникомъ, подобно отцу заслуживъ имя *Храбраго*[267],

даже Великаго, впрочемъ слабый характеромъ, во многихъ случаяхъ неблагоразумный, игралище хитрыхъ Бояръ и виновникъ перваго бѣдствія, претерпѣннаго Россіею отъ Моголовъ. Смертію его воспользовался Королевичь Венгерскій, Андрей, немедленно завладѣвъ Понизьемъ, какъ Удѣломъ Галицкимъ: Князья же юго-западной Россіи, лишенные уважаемаго ими посредника, возобновили междоусобіе. Мстиславъ Нѣмый, умирая, объявилъ Даніила наслѣдникомъ городовъ своихъ: Пересопницы, Черторижска и Луцка (гдѣ прежде княжилъ Ингварь, братъ Нѣмаго); но Ярославъ, сынъ Ингваревъ, насильственно занялъ Луцкъ, а Князь Пинскій Черторижскъ. Сіе случилось еще при жизни Мстислава Храбраго. Даніилъ съ согласія тестя доставилъ себѣ управу мечемъ, имѣвъ случай показать свое великодушіе: онъ встрѣтилъ Ярослава Луцкаго на богомольѣ, почти одного и безоружнаго; далъ ему свободный путь и сказалъ дружинѣ: «плѣнимъ его не здѣсь, а въ столицѣ.» Осажденный имъ въ Луцкѣ, Ярославъ искалъ милости въ Даніилѣ и получилъ отъ него въ Удѣлъ Перемиль съ Межибожьемъ. Взявъ Черторижскъ, Даніилъ плѣнилъ сыновей Князя Пинскаго, Ростислава, который, будучи союзникомъ Владиміра Кіевскаго и Михаила Черниговскаго, требовалъ отъ нихъ вспоможенія, опасаясь, чтобы мужественный, бодрый Даніилъ по кончинѣ Мстислава Хра-

браго не присвоилъ себѣ власти надъ другими Князьями. Владиміръ Рюриковичь вздумалъ мстить сыну за отца: извѣстно, что Романъ Галицкій силою постригъ нѣкогда Рюрика. Тщетно Митрополитъ старался прекратить сію вражду. «Такія дѣла не забываются,» говорилъ Владиміръ, и собралъ многочисленное войско. Ханъ Половецкій, Котянъ, Михаилъ Черниговскій, Князья Сѣверскіе, Пинскій, Туровскій, вступивъ въ дружественную связь съ Андреемъ, Королевичемъ Венгерскимъ, осадили Каменецъ, городъ Даніиловъ; но возвратились съ однимъ стыдомъ, и долженствовали сами просить мира: ибо Даніилъ склонилъ Котяна на свою сторону, призвалъ Ляховъ, и съ Воеводою Сендомирскимъ, Пакославомъ, готовился осадить Кіевъ.

Г. 1229. Михаилъ, по заключеніи сего общаго мира, свѣдалъ о задержаніи Пословъ Новгородскихъ въ Смоленскѣ: видя Черниговъ со всѣхъ сторонъ безопаснымъ, онъ немедленно поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ народъ принялъ его съ восклицаніями единодушной радости. Желая еще болѣе утвердить общую къ себѣ любовь, Михаилъ клялся ни въ чемъ не нарушать правъ вольности и грамотъ Великаго Ярослава; бѣдныхъ поселянъ, сбѣжавшихъ на чужую землю, освободилъ на пять лѣтъ отъ дани; а другимъ велѣлъ платить легкій оброкъ, уставленный древними Князьями. Народъ, какъ бы изъ ве-

ликодушія, оставилъ друзей ненавистнаго Ярослава въ покоѣ — но есть, не грабилъ ихъ домовъ, но хотѣлъ, чтобы они на свои деньги построили новый мостъ Волховскій, ибо старый былъ разрушенъ наводненіемъ минувшей осени. Сію пеню собрали въ особенности съ жителей Городища, гдѣ находился Княжескій дворецъ, и гдѣ многіе люди держали сторону Ярослава.

Михаилъ, возстановивъ тишину, предложилъ Новогородцамъ избрать инаго Святителя на мѣсто Антонія, неспособнаго, по его недугу, управлять Епархіею. Одни хотѣли имѣть Владыкою Епископа Волынскаго, Іоасафа; другіе Монаха и Діакона Спиридона, славнаго благочестіемъ; а нѣкоторые Грека. Судьба рѣшила выборъ: положили три жеребья на олтарь Св. Софіи; младенецъ, сынъ Михаиловъ, снялъ два: третій остался Спиридоновъ. Такимъ образомъ Діаконъ сдѣлался Главою Новогородскаго Духовенства и попечителемъ Республики; ибо Архіепископъ, какъ мы уже замѣтили, имѣлъ важное участіе въ дѣлахъ ея. — Михаилъ поѣхалъ въ Черниговъ, оставивъ въ Новѣгородѣ юнаго сына, Роспислава, и взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ людей нарочитыхъ, для совѣта или въ залогъ народной вѣрности. «Дай Богъ» — сказалъ онъ гражданамъ — «чтобы вы съ честію «возвратили мнѣ сына, и чтобы я могъ «быть для васъ посредникомъ истины и

правосудія.» Между пѣмъ Ярославъ овладѣлъ Волокомъ Ламскимъ, и задержалъ у себя Пословъ Михаиловыхъ, которые жаловались на сію несправедливость. Отвергнувъ всѣ ихъ мирныя предложенія, Ярославъ ждалъ случая еще болѣе упѣснить Новогородцевъ. Сей Князь въ то же время поссорился и съ братомъ своимъ, Георгіемъ; тайными внушеніями удалилъ отъ него племянниковъ, сыновей Константиновыхъ, и замышлялъ войну междоусобную; но Георгій старался всячески обезоружить его. Дяди и племянники съѣхались наконецъ въ Суздалѣ, гдѣ Великій Князь говорилъ столь благоразумно, столь убѣдительно, что Ярославъ склонился къ искреннему миру, обнялъ брата, и вмѣстѣ съ племянниками назвалъ его своимъ отцемъ и Государемъ[262].

Г. 1230. Маія 5. Землетрясеніе.

Новогородцы, озабоченные набѣгомъ Липовцевъ въ окрестностяхъ Селигерскаго озера, не могли отмстить Ярославу за обиду; разбили непріятелей въ полѣ, но скоро увидѣли гораздо ужаснѣйшее зло въ стѣнахъ своихъ. Предтечею его было землетрясеніе, общее во всей Россіи, и еще сильнѣйшее въ южной, такъ что каменныя церкви разсѣдались. Ударъ почувствовали въ самую обѣдню, когда Владиміръ Рюриковичь Кіевскій, Бояре и Митрополитъ праздновали въ Лаврѣ память Св. Ѳеодосія; трапезница, гдѣ уже стояло кушанье для Монаховъ и гостей, поколебалась на своемъ основаніи:

кирпичи падали сверху на сполъ. Чрезъ де- Маія
сять дней необыкновенное запмѣніе солнца 14.
и разноцвѣтныя облака на небѣ, гонимыя Зап-
мѣніе
сильнымъ вѣтромъ, также устрашили на- солн-
родъ, особенно въ Кіевѣ, гдѣ суевѣрные ца.
люди ждали конца своего, стенали на ули-
цахъ и прощались другъ съ другомъ[269].

Михаилъ, какъ бы желая ободрить Ново-
городцевъ, подобно другимъ изумленныхъ
сими явленіями, пріѣзжалъ къ нимъ на нѣ-
сколько дней, совершилъ обрядъ торже-
ственныхъ *постриг*ъ надъ юнымъ Рости-
славомъ, и возвратился въ Черниговъ[270].
Посадникомъ Новогородскимъ былъ погда
Водовикъ, человѣкъ свирѣпаго нрава, мсти-
тельный, злобный. Вражда его съ сыномъ
знаменитаго Твердислава, чиновника гордаго, Мя-
друга буйной вольности, а послѣ смирен- тежъ
наго инока Аркадьевской Обители, произвела въ Но-
междоусобіе въ городѣ. Народъ волновался, вѣго-
шумѣлъ на Вѣчахъ: то Посадникъ, то не- родѣ.
пріятели его одерживали верхъ; дрались,
жгли домы, грабили. Свирѣпый Водовикъ
собственною рукою убилъ наконецъ одного
изъ главныхъ его враговъ и бросилъ въ Вол-
ховъ; другіе скрылись или бѣжали къ Яро-
славу. «Небо» — говоритъ Лѣтописецъ —
«оскорбленное сими беззаконіями, отъ коихъ
«Ангелы съ печалію закрываютъ лица свои
«крылами, наказало мое отечество.» Же-
стокій морозъ 14 Сентября побилъ всѣ ози- Го-
ми; цѣна на хлѣбъ сдѣлалась неслыханная: лодъ и
моръ.

за чепверпь ржи платили въ Новѣгородѣ пяпь гривенъ или около семи нынѣшнихъ рублей (серебромъ), за пшеницу и крупу вдвое; за чепверпь овса 4 рубли 65 копеекъ. Хопя жипели славились богапспвомъ; но сія неумѣренная дороговизна испоцила всѣ средспва пропипанія для города. Опкрылись голодъ, болѣзни и моръ. Добрый Архіепископъ, какъ испинный другъ опечеспва, не имѣя способовъ прекрапипь зло, спарался по крайней мѣрѣ уменьшипь дѣйспвіе онаго. Трупы лежали на улицахъ: онъ поспроилъ скудельницу, или убогій домъ, и выбралъ человѣколюбиваго мужа, именемъ Спанила, для скораго погребенія мерпвыхъ, чпобы тлѣніе ихъ не заражало воздуха. Спанилъ съ упра до вечера вывозилъ прупы, и въ коропкое время схоронилъ ихъ 3,030. Съ неперпѣніемъ ожидали Князя: ибо онъ далъ слово возвращипься къ нимъ въ Сенпябрѣ мѣсяцѣ и выспупипь въ поле для защипы ихъ обласпей; но Михаилъ перемѣнилъ мысли и желалъ мира съ Ярославомъ, гоповымъ объявипь ему войну за Новгородъ. Мипирополипъ Кириллъ, Порфирій, Епископъ Черниговскій, и Посолъ Владиміра Рюриковича Кіевскаго пріѣхали къ Великому Князю Георгію, моля его, для общей пользы Государспва, быпь миропворцемъ. Ярославъ упрекалъ Черниговскаго Князя *вѣроломспвомъ*. «Коварныя его внушенія» — говорилъ онъ — «возбудили пропивъ меня Но-

«вогородцевъ.» Однакожь Митрополитъ и Георгій успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ, и Послы возвратились съ мирною грамотою[271].

Узнавъ о томъ, Новогородцы велѣли сказать юному Михаилову сыну, уѣхавшему въ Торжекъ съ Посадникомъ Водовикомъ, что отецъ его измѣнилъ имъ и не достоинъ уже быть ихъ Главою; что бы Роспиславъ удалился, и что они найдутъ себѣ инаго Князя. Народъ избралъ новаго Посадника и Тысячскаго, разграбилъ домы и села прежнихъ чиновниковъ, умертвилъ одного славнаго корыстолюбіемъ гражданина и взялъ себѣ найденное у нихъ богатство. Водовикъ ушелъ съ друзьями своими къ Михаилу въ Черниговъ, гдѣ скоро умеръ въ бѣдности; а Новогородцы призвали Ярослава, который далъ имъ на Вѣчѣ торжественную клятву дѣйствовать во всемъ согласно съ древними обыкновеніями ихъ вольности; но чрезъ двѣ недѣли уѣхалъ въ Переславль Залѣсскій, впорично оставивъ въ Новѣгородѣ двухъ сыновей, Ѳеодора и Александра[272].

Между тѣмъ голодъ и моръ свирѣпствовали. За четверть ржи платили уже гривну серебра или семь гривенъ кунами[273]. Бѣдные ѣли мохъ, желуди, сосну, ильмовый листъ, кору липовую, собакъ, кошекъ, и самые трупы человѣческіе; нѣкоторые даже убивали людей, чтобы питаться ихъ мясомъ: но сіи злодѣи были наказаны смертію. Другіе въ отчаяніи зажигали домы

граждань избыточныхъ, имѣвшихъ хлѣбъ въ жишницахъ, и грабили оные; а безпорядокъ и мяпежъ только увеличивали бѣдспвія. Скоро двѣ новыя скудельницы наполнились мерпвыми, которыхъ было сочпено до 42,000; на улицахъ, на площади, на мосту гладные псы терзали множество непогребенныхъ пѣлъ и самыхъ живыхъ оспавленныхъ младенцевъ; родипели, чпобы не слыхапь вопля дѣпей своихъ, опдавали ихъ въ рабы чужеземцамъ. «Не «было жалоспи въ людяхъ,» говорипъ Лѣпописецъ: «казалось, чпо ни опецъ сына, «ни мапь дочери не любипъ. Сосѣдъ со-«сѣду не хопѣлъ уломипь хлѣба!» Кпо могъ, бѣжалъ въ иныя обласпи; но зло было общее для всей Россіи, кромѣ Кіева: въ одномъ Смоленскѣ, погда весьма многолюдномъ, умерло болѣе придцапи пысячь людей.

Г. 1231. Новогородцы весною испытали еще иное бѣдспвіе: весь богапый Конецъ Славянскій обрапился въ пепелъ; спасаясь опъ пламени, многіе жипели упонули въ Волховѣ; самая рѣка не могла служипь преградою для огня. «Новгородъ уже кончался,» по словамъ лѣпописи[274]... Но великодушная дружба иноземныхъ купцевъ опврапила сію погибель.

Услуга Нѣмцевъ. Свѣдавъ о бѣдспвіи Новогородцевъ, Нѣмцы изъ за-моря спѣшили къ нимъ съ хлѣбомъ, и думая болѣе о человѣколюбіи, нежели о корыспи, осповили голодъ; скоро исчезли ужасные слѣды его, и народъ изъявилъ жи-

вѣйшую благодарность за такую услугу.

Криводушіе Михаила.

Михаилъ Черниговскій, не смотря на заключенный миръ въ Владимірѣ, дружелюбно принималъ Новогородскихъ бѣглецовъ, враговъ Ярославовыхъ, обѣщая имъ покровительство. Самъ Великій Князь Георгій оскорбился симъ криводушіемъ и выступилъ съ войскомъ къ сѣвернымъ предѣламъ Черниговскимъ: онъ возвратился съ дороги; но Ярославъ, предводительствуя Новогородцами, и сыновья Константиновы выжгли Серенскъ (въ нынѣшней Калужской Губерніи), осаждали Мосальскъ и сдѣлали много зла окреспнымъ жителямъ[275]. Такимъ образомъ древняя семейственная вражда возобновилась. Бѣглецы увѣряли, что Ярославъ ненавидимъ большею частію ихъ сограждан, готовыхъ взять сторону Ольговичей: для того Князь Трубчевскій Святослав, родственникъ Михаиловъ, отправился въ Новгородъ съ дружественными предложеніями; но свѣдалъ противное, и съ великимъ стыдомъ уѣхалъ назадъ. Послѣднею надеждою Новогородскихъ изгнанниковъ оставался Псковъ, гдѣ они дѣйствительно были приняты какъ братья. Тамъ находился сановникъ Ярославовъ: они заключили его въ цѣпи, и пылая злобою, желали кровопролитія. Граждане стояли за нихъ усильно, однакожъ не долго. Ярославъ, самъ прибывъ въ Новгородъ, не пускалъ къ нимъ купцевъ, ни товаровъ. Нуждаясь во мно-

Г. 1232.

гихъ вещахъ — плапя за берковецъ соли около 10 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ — Псковипяне смирились. Ярославъ не хопѣлъ дапь имъ въ Намѣспники сына, юнаго Князя Ѳеодора, а далъ шурина своего, Георгія[276], копораго они приняли съ радоспію, выгнавъ бѣглецовъ Новогородскихъ.

Сіи мяпежные изгнапники ушли въ Медвѣжью Голову или Оденпе, къ сыну бывшаго
Г. 1233. Князя Псковскаго Владиміра, именемъ Ярославу[277], и съ помощію Ливонскихъ Рыцарей взяли Изборскъ; но Псковипяне схвапили ихъ всѣхъ и выдали Князю Новогородскому. Въ числѣ плѣнниковъ находился и Ярославъ Владиміровичь: подобно опцу по врагъ, по союзникъ Нѣмцевъ, онъ счипалъ Псковъ своимъ наслѣдіемъ, и хопѣвъ завоевапь его съ бѣглецами Новогородскими, былъ вмѣспѣ съ ними започенъ въ Переславль Суздальскій. Чрезъ нѣсколько лѣпъ супруга его, жившая въ Оденпе, приняла
Свя- тая Ев- праксія. смерпь мученицы опъ руки злобнаго пасынка, и погребенная въ монаспырѣ Псковскомъ Св. Іоанна, славилась въ Россіи памяпію своихъ добродѣпелей и чудесами[278].

Присупспвіе Ярослава Всеволодовича было нужно для Новогородцевъ; но пораженный внезапною кончиною спаршаго сына, онъ уѣхалъ въ Переславль. Юный Ѳеодоръ, цвѣтущій красопою, готовился къ счаспливому браку; невѣспа пріѣхала; Князья и Вельможи были созваны, и вмѣспо ожидае-

маго пира, вмѣспо общаго веселія, положили жениха во гробъ[279]. Народъ изъявилъ искреннее участіе въ скорби нѣжнаго отца; а Князь, едва осушивъ слезы, извлекъ мечь для защиты Новогородцевъ, и привелъ къ нимъ свои полки многочисленные.

Г. 1234. Война съ Нѣмцами и съ Литвою.

Ливонскіе Рыцари, приставъ къ Россійскимъ мятежникамъ и захвативъ близъ Оденпе одного чиновника Новогородскаго, дали поводъ Ярославу разорить окрестности сего города и Дерпта. Нѣмцы, пребуя мира, заключили его на условіяхъ выгодныхъ для Россіянъ. Совершивъ сей походъ, Ярославъ спѣшилъ настигнуть Литовцевъ, которые едва было не взяли Русы, опустошивъ церкви и монастыри въ окрестности: онъ разбилъ ихъ въ Торопецкомъ Княженіи, загналъ въ густые лѣса; взялъ въ добычу присиа коней, множество оружія и щитовъ. Сей народъ безпрестанными набѣгами болѣе и болѣе ужасалъ сосѣдовъ; занимался единственно земледѣліемъ и войною; презиралъ мирныя искусства гражданскія, но жадно искалъ плодовъ ихъ въ странахъ образованныхъ, и хотѣлъ пріобрѣтать оные не мѣною, не торговлею, а своею кровію. Общая польза государственная предписывала нашимъ Князьямъ истребить гнѣздо разбойниковъ и покорить ихъ землю: вмѣсто чего они только гонялись за Литовцами, которые чрезъ нѣсколько времени одержали совершенную побѣду надъ сильною ра-

пію Ливонскихъ Рыцарей; самъ Великій Магиспръ, спарецъ Вольквинъ, положилъ голову въ битвѣ, вмѣстѣ со многими випязями Нѣмецкими и Псковитянами, бывшими въ ихъ войскѣ[280].

Бѣдствіе Смоленска.

Изобразивъ бѣдствія Новагорода, опишемъ несчастія и перемѣны, бывшія въ другихъ Княженіяхъ Россійскихъ. Смоленскъ, опустошенный моромъ, по кончинѣ Князя Мстислава Давидовича (въ 1230 году) не хотѣлъ покориться двоюродному его племяннику, Святославу Мстиславичу, внуку Романову[281]. Предводительствуя Полочанами, Святославъ взялъ Смоленскъ (въ 1232 году), и безъ жалости лилъ кровь гражданъ.

Подвиги Даніиловы.

Въ Россіи юго-западной война и мятежи не преставали. Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ былъ Даніилъ мужественный. Потерявъ союзника въ Лешкѣ Бѣломъ, злодѣйски убитомъ измѣнниками, онъ предложилъ услуги свои брату его, Конраду, и вмѣстѣ съ нимъ осаждалъ Калишъ, гдѣ господствовалъ одинъ изъ главныхъ убійцъ Лешка, Герцогъ Владиславъ, сынъ Оппоновъ[289]. Сей городъ, окруженный лѣсами и болотами, могъ долго обороняться, не смотря на усильные приступы, въ коихъ Россіяне оказывали гораздо болѣе воинской ревности, нежели Конрадовы Ляхи; но граждане хотѣли мира. Здѣсь Лѣтописецъ разсказываетъ случай довольно любопытный въ отношеніи къ характеру Даніилову. Кон-

радъ, увѣренный въ искренней дружбѣ сего Князя, желалъ, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ переговоровъ. Сендомирскій Воевода, Пакославъ, подъѣхалъ къ стѣнамъ крѣпости; а Даніилъ въ простой одеждѣ, и закрывъ шлемомъ лице свое, спалъ за нимъ. Городскіе чиновники надѣялись ласковыми словами смягчить Посла. «Въ «насъ течетъ одна кровь,» сказали они: «нынѣ служимъ брату Конрадову, а завтра «будемъ служить самому Конраду. Можетъ «ли онъ мстить намъ какъ измѣнникамъ «или врагамъ, и видѣть спокойно Ляховъ «невольниками Россіянъ? Какая будетъ «ему честь, если возметъ сей городъ? Же- «спокій иноплеменникъ, Даніилъ, присво- «итъ ее себѣ одному.« Пакославъ отвѣтствовалъ: «Мой и вашъ Государь располо- «женъ къ милости; но Князь Россійскій не «хочетъ о томъ слышать. Говорите съ «нимъ сами: вотъ онъ!» Даніилъ снялъ шлемъ, и видя изумленіе городскихъ чиновниковъ, которые столь неосторожно его злословили, засмѣялся отъ добраго сердца; успокоилъ ихъ, доставилъ имъ выгодный миръ и далъ клятву, что Россіяне, участвуя въ Польскихъ междоусобіяхъ, никогда не будутъ впредь тревожить безоружныхъ земледѣльцевъ, съ условіемъ, чтобы и Ляхи такимъ же образомъ поступали въ Россіи. При семъ случаѣ сказано въ лѣтописи, что никто изъ нашихъ древнихъ Кня-

зей, кромѣ Святаго Владиміра, такъ далеко не заходилъ въ землю Польскую, какъ Данiилъ.

Возвратясь въ отечество, онъ совершилъ еще важнѣйшій подвигъ: завоевалъ Галицкую область, плѣнилъ Королевича Андрея, и помня старую дружбу его отца, дозволилъ ему ѣхать въ Венгрію вмѣстѣ съ Бояриномъ Судиславомъ, который управлялъ Понизьемъ, имѣя въ Галичѣ великолѣпный домъ съ арсеналомъ. Народъ мепалъ камнями въ сего мятежнаго Боярина, восклицая: «удались, злодѣй, навѣки!» Но Судиславъ, нечувствительный къ великодушію Данiилову, думалъ только о мести, и Король Андрей, имъ возбужденный, послалъ старшаго сына, Белу, снова завоевать Галичь. Сей походъ имѣлъ весьма горестное слѣдствіе для Венгровъ. *Хлябы небесныя*, по словамъ лѣтописи, *отверзлись на нихъ* въ горахъ Карпатскихъ: отъ сильныхъ дождей ущелія наполнились водою; обозы и конница тонули. Гордый Бела, не теряя бодрости, достигъ наконецъ Галича, въ надеждѣ взять его одною угрозою: видя же твердую рѣшительность тамошняго начальника; слыша, что Ляхи и Половцы идутъ съ Данiиломъ защитить городъ; приступавъ къ оному нѣсколько разъ безъ успѣха, и спрашась быть жертвою собственнаго упрямства, онъ спѣшилъ удалиться, гонимый Судьбою и войскомъ Данiиловымъ. Множество Венгровъ погибло въ Днѣстрѣ, ко-

порый былъ опъ дождей въ разливѣ, такъ, что въ Галицкой землѣ оспалась пословица: *Днѣстръ сыгралъ злую игру Угралъ.* Множество ихъ пало опъ меча Россіянъ или опдалося въ плѣнъ; другіе умирали опъ изнуренія силъ или опъ болѣзней.

Но время спокойнаго или безспорнаго владычества надъ Княженіемъ Галицкимъ было еще далеко опъ Даніила. Начались заговоры между Боярами подъ тайнымъ руководствомъ Александра Бельзскаго: они хотѣли сжечь Даніила и Василька во дворцѣ или убить ихъ на пиру. Сей ковъ уничтожился страннымъ образомъ. Юный Василько, однажды играя съ придворными, въ шупку обнажилъ мечь: заговорщики въ ужасѣ, думая, что ихъ намѣреніе опкрылось, бѣжали изъ дворца и города. Самъ Александръ, не успѣвъ захватить казны съ собою, ушелъ изъ Бельза въ Венгрію, къ своимъ единомышленникамъ, коимъ удалось снова вооружить Короля Андрея противъ Даніила. На сей разъ Венгры были счастливѣе. Городъ Ярославъ сдался имъ опъ невѣрности тамошняго Воеводы. Они приступили ко Владиміру, гдѣ начальствовалъ Бояринъ, доволѣ извѣстный мужествомъ, имѣя дружину сильную. Видя крѣпкія башни и спѣны, блестящія оружіемъ многочисленныхъ воиновъ, Король, по словамъ Лѣтописца, сказалъ, что такихъ городовъ мало и въ землѣ Нѣмецкой. Венгры не могли бы взять

Владиміра; но Бояринъ Даніиловъ измѣнилъ правиламъ великодушія, оробѣлъ, и безъ воли Княжеской заключивъ миръ съ Королемъ, отдалъ Бельзъ и Червенъ союзнику его, Александру. Съ другой стороны Вельможи Галицкіе, нечувспвительные къ рѣдкому милосердію Даніила, проспившаго имъ два заговора, бѣжали изъ его спана къ непріятелю и довершили поржестно Венгровъ, копорые заняли Галичь, гдѣ сынъ Андреевъ, упвержденный опцемъ на пресполѣ, господспвовалъ уже до самой кончины своей, не смотря на покушенія Даніиловы и Васильковы изгнать его. Двѣ кровопролипныя бипвы ничего не рѣшили, оказавъ полько въ послѣдспвіи вѣроломспво двухъ недоспойныхъ Князей Россійскихъ. Изяславъ Владиміровичь, внукъ Игоря Сѣверскаго, бывъ другомъ, сдѣлался врагомъ Даніилу; союзникъ же Андреевъ, Александръ Бельзскій, оспавивъ Венгровъ, взялъ спорону своихъ брапьевъ, чпобы снова измѣнипь имъ. Наконецъ внезапная смерпь Королевича (въ 1234 году) и единодушное желаніе народа возвратили Галичь Даніилу. Бояре не дерзнули пропивиться: главный изъ нихъ, извѣспный мяпежникъ Судиславъ, спѣшилъ уѣхапь за Карпапскія горы, а Князь Бельзскій, злобный Александръ, въ Кіевскую область. Сей послѣдній не избавился опъ заслуженнаго имъ наказанія, и

схваченный на пути Даніиловыми воинами, умеръ, какъ вѣроятно, въ неволѣ.

Даніилъ могъ еще опасаться Венгровъ; но бѣдствіе встрѣтилось ему тамъ, гдѣ онъ не ожидалъ его. Вмѣстѣ съ братомъ Васильком смиривъ хищныхъ Ятвяговъ и Липовцевъ, которые въ особенности тревожили тогда область Пинскую, сей дѣятельный Князь вмѣшался въ ссору зятя своего, Михаила Черниговскаго, съ Владимі-ромъ Кіевскимъ. Послѣдній, желая быть его другомъ, уступилъ ему Торческъ: Даніилъ великодушно отдалъ сей городъ сыновьямъ Мстислава Храбраго, сказавъ: «за благодѣ-«янія вашего отца.» Тщетно желавъ при-мирить враждующихъ, онъ взялъ нѣсколько городовъ Черниговскихъ, и заключивъ миръ съ двоюроднымъ братомъ Михаиловымъ, Мсти-славомъ Глѣбовичемъ, думалъ возвратиться въ свое Княженіе; но Владиміръ, слыша о нашествіи Половцевъ, ведомыхъ къ Кіеву Изяславомъ, внукомъ Игоря Сѣверскаго, умо-лилъ Даніила итти къ нимъ на встрѣчу. Когда жь они сошлись съ непріятелемъ близъ Торческа, Владиміръ, испуганный мно-гочисленностію варваровъ, хотѣлъ удалить-ся отъ битвы. «Нѣтъ!» сказалъ Даніилъ: «ты заставилъ меня противъ воли съ дру-«жиною утомленною искать враговъ въ по-«лѣ; теперь, видя ихъ передъ собою, мо-«гу единственно или побѣдить или уме-«реть.» Хотя Даніилъ долго сражался какъ

Герой, однакожь принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ; а Половцы, усиленные Черниговцами, взявъ Кіевъ, плѣнили самого Князя Владиміра съ его супругою. Бѣдные граждане опкупились деньгами опъ свирѣпости варваровъ. Князья же, Изяславъ и Михаилъ, обложили данію всѣхъ иноземцевъ, памъ обипавшихъ[283]. Первый взялъ себѣ Кіевъ; впорый спѣшилъ вступить въ область Галицкую, и занялъ ея сполицу, опкуда горестный Данiилъ, свѣдавъ новые опасные умыслы пашошнихъ Бояръ, долженспвовалъ выѣхать.

Въ сіе время не спало Андрея, Короля Венгерскаго: Бела IV восшелъ на престолъ, и Данiилъ, поручивъ брату Василька оберегать Владиміръ, рѣшился лично искать покровипеля въ бывшемъ врагѣ своемъ. Вѣроятно, чпо онъ погда, надѣясь съ помощію Андреева преемника удержать за собою Галичь, далъ ему слово быть данникомъ Венгріи: ибо, участвуя въ совершенiи торжеспвенныхъ обрядовъ Белина коронованiя[284], велъ его коня (что было погда знакомъ подданспва). Уничиженiе безполезное! Данiилъ возвратился къ брату съ одними льспивыми обѣщаніями. Политика Венгровъ не измѣнилась: Бела хопѣлъ, чпобы югозападная Россія принадлежала разнымъ, слѣдспвенно безсильнымъ Владѣпелямъ, и явно поддерживалъ Михаила вмѣспѣ съ Конрадомъ, неблагодарнымъ Герцогомъ Поль-

скимъ, забывшимъ услуги сыновей Романовыхъ. Напрасно Даніилъ зимою и лѣтомъ не сходилъ съ коня, добывая Галича: хотя иногда одолѣвалъ непріятелей и плѣнялъ тамъ называемыхъ Князей Болоховскихъ, подручниковъ Галицкаго (имѣвшихъ свой Удѣлъ на Бугѣ, не далеко отъ Бреста): однакожь не могъ изгнать Михаила, и наконецъ согласился на миръ, взявъ отъ него область Перемышльскую. — Кромѣ сей войны междоусобной, кромѣ непрестанныхъ сшибокъ съ Ятвягами, бодрый Даніилъ поборствовалъ еще съ Нѣмецкимъ Орденомъ, занявшимъ какія-то изъ нашихъ древнихъ владѣній: отнялъ ихъ, и плѣнилъ Нѣмецкаго чиновника Бруно; хотѣлъ даже вести полки свои въ Германію, чтобы защитить Герцога Австрійскаго, его союзника, утѣсненнаго Императоромъ Фридерикомъ: но возвратился изъ Венгріи, уваживъ совѣтъ Короля Белы не мѣшаться въ дѣла Имперіи.

Такимъ образомъ, не будучи всегда счастливымъ, Даніилъ превосходными достоинствами сердца и неутомимыми подвигами затмѣвалъ другихъ современныхъ Князей Россійскихъ. Одинъ Ярославъ Всеволодовичь Новогородскій могъ спорить съ нимъ въ способностяхъ ума и въ душевной твердости, которая скоро обнаружится въ бѣдствіяхъ нашего отечества. Сіи два Князя, связанные дружбою и новымъ свойствомъ (ибо Василько Романовичь женился на Вели-

кой Княжнѣ, дочери Георгія Всеволодовича) сблизились погда въ своихъ владѣніяхъ. Союзникъ и родственникъ Михаиловъ, Изяславъ, недолго величался на тронѣ Кіевскомъ: Владиміръ Рюриковичь изгналъ его, выкупивъ себя изъ плѣна; но въ слѣдствіе переговоровъ Даніиловыхъ съ Великимъ Княземъ Георгіемъ долженствовалъ уступить Кіевъ Ярославу Всеволодовичу, который, оставивъ въ Новѣгородѣ сына своего, юнаго Александра, поѣхалъ княжить въ древней столицѣ Россійской; а Владиміръ кончилъ жизнь въ Смоленскѣ.

Г. 1236.

Великое Княженіе Суздальское или Владимірское наслаждалось внутреннимъ спокойствіемъ. Георгій опъ времени до времени посылалъ войско и самъ ходилъ на Мордву, жечь села и хлѣбъ, плѣнять людей и брать скопъ въ добычу. Жители обыкновенно искали убѣжища въ густыхъ лѣсахъ: но и тамъ рѣдко спасались опъ Россіянъ; иногда же заманивали нашихъ въ сѣти и не давали имъ пощады: такъ Отроки или молодые воины Ростовской и Переславской дружины были однажды жертвою ихъ мести и своей неосторожности[285]. Князь Мордовскій, именемъ Пургасъ, осмѣлился даже приступать къ Нижнему Новугороду, хотя и не имѣлъ порядочнаго войска: другіе Князья Мордовскіе были *ротниками* или присяжными данниками Георгія, и многіе Россіяне селились въ ихъ землѣ, не смотря на по,

Война съ Мордвою

что Болгары и Половцы превожили оную.— Болгары искали дружбы Георгіевой послѣ шеспилѣтняго несогласія[286]: размѣнялись плѣнниками, съ обѣихъ сторонъ дали аманатовъ, и клятвенно утвердили миръ. Лѣтописецъ сказываетъ, что ихъ *Труны*, или знатные люди, и чернь присягнули въ вѣрномъ исполненіи условій. Впрочемъ миръ не препятствовалъ симъ ревностнымъ Магометанцамъ изъявлять ненависть къ нашей Вѣрѣ: они тогда же безчеловѣчно умертвили одного Христіанина, богатаго купца, пріѣхавшаго для торговли въ ихъ такъ называемый Великій Градъ, и не хотѣвшаго поклониться Магомету. Купцы Россійскіе, бывъ свидѣтелями убійства, взяли тѣло сего Мученика, именемъ Аврамія, и съ честію отвезли въ Владиміръ, гдѣ Великій Князь, супруга его, дѣти, Епископъ, Духовенство, народъ встрѣтили оное со свѣщами и погребли въ монастырѣ Богоматери[287].

Миръ съ Болгарами.

Мученикъ Авраміи.

Послѣ несчастной Калкской битвы Россіяне лѣтъ шесть не слыхали о Татарахъ, думая, что сей страшный народъ, подобно древнимъ Обрамъ, какъ бы исчезъ въ свѣтѣ. Чингисханъ, совершенно покоривъ Тангутъ, возвратился въ отчизну и скончалъ жизнь — славную для Исторіи, ужасную и ненавистную для человѣчества — въ 1227 году, объявивъ наслѣдникомъ своимъ Окпая или Угадая, старшаго сына, и предписавъ

Смер. Чингисхана.

Его завѣщаніе.

ему давать миръ однимъ побѣжденнымъ народамъ[288]: важное правило, коему слѣдовали Римляне, желая повелѣвать вселенною! Довершивъ завоеваніе сѣверныхъ областей Китайскихъ и разрушивъ Имперію Ніучей, Окпай жилъ во глубинѣ Тапаріи, въ великолѣпномъ дворцѣ, украшенномъ Китайскими художниками[289]; но пылая славолюбіемъ и ревностію исполнить волю отца — коего прахъ, не далеко отъ сего мѣста, лежалъ подъ сѣнію высочайшаго дерева — новый Ханъ далъ 300,000 воиновъ Батыю, своему племяннику, и велѣлъ ему покорить сѣверные берега моря Каспійскаго съ дальнѣйшими странами. Сіе предпріятіе рѣшило судьбу нашего отечества.

Новое нашествіе Тапаръ или Моголовъ.

Уже въ 1229 году какіе-то *Саксины* — вѣроятно, единоплеменные съ Киргизами — Половцы и страна Болгарская, отъ береговъ Яика гонимые Тапарами или Моголами, прибѣжали въ Болгарію съ извѣстіемъ о нашествіи сихъ грозныхъ завоевателей[290]. Еще Батый медлилъ; наконецъ, чрезъ три года, пришелъ зимовать въ окрестностяхъ Волги, не далеко отъ Великаго Города; въ 1237 году, осенью, обратилъ въ пепелъ сію Болгарскую столицу, и велѣлъ умертвить жителей. Россіяне едва имѣли время узнать о томъ, когда Моголы, сквозь густые лѣса, вступили въ южную часть Рязанской области, послав къ нашимъ Князьям какую-то *жену чародѣйку* и двухъ чи-

Г. 1237.

новниковъ[291]. Владѣтели Рязанскіе — Юрій брапъ Ингворовъ, Олегъ и Романъ Ингворовичи, также Пронскій и Муромскій — сами вспрѣтили ихъ на берегу Воронежа и хотѣли знать намѣреніе Батыево. Тапары уже искали въ Россіи не друзей, какъ прежде, но данниковъ и рабовъ. «Если желаете мира» — говорили Послы — «то десятая часть всего вашего «достоянія да будетъ наша.» Князья отвѣтствовали великодушно: «когда изъ насъ «никого въ живыхъ не останется, тогда «все возмите,» и велѣли Посламъ удалиться. Они съ такимъ же требованіемъ поѣхали къ Георгію въ Владиміръ; а Князья Рязанскіе, давъ ему знать, что пришло время крѣпко стать за отечество и Вѣру, просили отъ него помощи. Но Великій Князь, надменный своимъ могуществомъ, хотѣлъ одинъ управиться съ Тапарами, и съ благородною гордостію отвергнувъ ихъ требованіе, предалъ имъ Рязань въ жертву. Провидѣніе, готовое наказать людей, ослѣпляетъ ихъ разумъ. Отвѣтъ Князей.

Нѣкоторые Лѣтописцы новѣйшіе разсказываютъ слѣдующія обстоятельства: «Юрій «Рязанскій, оставленный Великимъ Княземъ, «послалъ сына своего, Ѳеодора, съ дарами «къ Батыю, который, узнавъ о красотѣ «жены Ѳеодоровой, Евпраксіи, хотѣлъ ви«дѣть ее; но сей юный Князь отвѣтствовалъ ему, что Христіане не показываютъ

«женъ злочестивымъ язычникамъ. Батый «велѣлъ умертвить его; а несчастная Ев-
«праксія, свѣдавъ о погибели любимаго су-
«пруга, вмѣстѣ съ младенцемъ своимъ, Іоан-
«номъ, бросилась изъ высокаго терема на
«землю и лишилась жизни. Съ того време-
«ни сіе мѣсто, въ память ея, называлось
За-разъ. «*заразомъ* или убоемъ. Отецъ Ѳеодоровъ,
«Юрій, имѣя войско малочисленное, опва-
«жился на битву въ полѣ, гдѣ легли всѣ
«витязи Рязанскіе, вмѣстѣ съ Князьями Прон-
«скимъ, Коломенскимъ, Муромскимъ. Только
«одного Князя, Олега Ингворовича *Краснаго*,
«привели живаго къ Батыю, который, бу-
«дучи удивленъ его красотою, предлагалъ
«ему свою дружбу и Вѣру: Олегъ съ пре-
«зрѣніемъ отвергнулъ ту и другую; исхо-
«дилъ кровію отъ многихъ ранъ, и не бо-
«ялся угрозъ, ибо не страшился смерти
«[292].» — Въ лѣтописяхъ современныхъ нѣтъ
о томъ ни слова: послѣдуемъ ихъ достo-
вѣрнѣйшимъ извѣстіямъ.

Батый двинулъ ужасную рать свою къ столицѣ Юріевой, гдѣ сей Князь затворился. Татары на пути разорили до основанія Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, убивая всѣхъ людей безъ милосердія, и приступивъ къ Рязани, оградили ее тыномъ или острогомъ, чтобы тѣмъ удобнѣе биться съ осажденными. Кровь лилася пять дней: воины Батыевы перемѣнялись, а граждане, не выпуская оружія изъ рукъ, едва могли спо-

ять на стѣнахъ отъ усталости. Въ шестый день, Декабря 21, по упру, изготовивъ лѣсницы, Татары начали дѣйствовать стѣнобитными орудіями и зажгли крѣпость; сквозь дымъ и пламя вломились въ улицы, испребляя все огнемъ и мечемъ. Князь, супруга, мать его[293], Бояре, народъ, были жертвою ихъ свирѣпости. Веселяся отчаяніемъ и муками людей, варвары Батыевы распинали плѣнниковъ, или связавъ имъ руки, спрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль для забавы; осквернили святыню храмовъ насиліемъ юныхъ Монахинь, знаменитыхъ женъ и дѣвицъ въ присутствіи издыхающихъ супруговъ и матерей; жгли Іереевъ или кровію ихъ обагряли олтари. Весь городъ съ окрестными монастырями обратился въ пепелъ. Нѣсколько дней продолжались убійства. Наконецъ исчезъ вопль отчаянія: ибо уже некому было стенать и плакать[294]. На семъ ужасномъ театрѣ опустошенія и смерти ликовали побѣдители, снося со всѣхъ сторонъ богатую добычу. — «Одинъ изъ Князей Рязанскихъ, Ингорь, по сказанію новѣйшихъ Лѣтописцевъ, находился тогда въ Черниговѣ съ Бояриномъ Евпатіемъ Коловратомъ. Сей Бояринъ, свѣдавъ о нашествіи иноплеменниковъ, спѣшилъ въ свою отчизну; но Батый уже выступилъ изъ ея предѣловъ. Пылая ревностію отмстить врагамъ, Евпатій съ 1700 воиновъ устремился въ слѣдъ за ними, настигъ и бы-

Взятіе Рязани.

Мужество Евпатія.

спрымъ ударомъ смялъ ихъ полки задніе. Изумленные Тапары думали, что мертвецы Рязанскіе возспали, и Батый спросилъ у пяти взятыхъ его войскомъ плѣнниковъ, кто они? *Слуги Князя Рязанскаго, полку Евпатіева*, отвѣтствовали сіи люди: *намъ велѣно съ честію проводить тебя, какъ Государя знаменитаго, и какъ Россіяне обыкновенно провождаютъ отъ себя иноплеменниковъ: стрѣлами и копьями.* Горсть великодушныхъ не могла одолѣть рати безчисленной: Евпатій и смѣлая дружина его имѣли только славу умереть за отечество; не многіе отдалися въ плѣнъ живые, и Батый, уважая столь рѣдкое мужество, велѣлъ освободить ихъ. Между тѣмъ Ингорь возвратился въ область Рязанскую, которая представилась глазамъ его въ видѣ страшной пустыни или неизмѣримаго кладбища: тамъ, гдѣ цвѣли города и селенія, оставались единственно кучи пепла и труповъ, терзаемыхъ хищными звѣрями и птицами. Убитые Князья, Воеводы, тысячи доспойныхъ витязей лежали рядомъ на мерзломъ ковылѣ, занесенные снѣгомъ. Только изрѣдка показывались люди, которые успѣли скрыться въ лѣсахъ и выходили оплакивать гибель отечества. Ингорь, собравъ Іереевъ съ горестными священными пѣснями предалъ землѣ мертвыхъ. Онъ едва могъ найти тѣло Князя Юрія, и привезъ его въ Рязань а надъ гробами Ѳеодора Юрьевича, нѣжной

его супруги Евпраксіи и сына поставилъ каменные кресты, на берегу рѣки Осетра, гдѣ стоитъ нынѣ славная церковь Николая Заразскаго[295]. »

Коломенская битва.

Батый близъ Коломны встрѣтилъ сына Георгіева, Всеволода. Сей юный Князь соединился съ Романомъ Ингоровичемъ, илемянникомъ Юрія Рязанскаго, и неустрашимо вступилъ въ битву, весьма неравную. Знаменитый Воевода его, Еремей Глѣбовичь, Князь Романъ и большая часть ихъ дружины погибли отъ мечей Татарскихъ; а Всеволодъ бѣжалъ къ отцу въ Владиміръ. Батый въ то же время сжегъ Москву[296], плѣнилъ Владиміра, втораго сына Георгіева, умертвилъ тамошняго Воеводу, Филипа Няньку, и всѣхъ жителей. Великій Князь содрогнулся: увидѣлъ, сколь опасны сіи непріятели, и выѣхалъ изъ столицы, поручивъ ея защиту двумъ сыновьямъ, Всеволоду и Мстиславу. Георгій удалился въ область Ярославскую съ тремя племянниками, дѣтьми Константина, и съ малою дружиною; расположился станомъ на берегахъ Сити, впадающей въ Мологу; началъ собирать войско, и съ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія своихъ братьевъ, особенно бодраго, умнаго Ярослава.

Сожженіе Москвы.

2 Февраля Татары явились подъ стѣнами Владиміра: народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ многочисленность и быстрыя движенія. Всеволодъ, Мстиславъ и Воевода, Г. 1238.

Взятіе Владиміра

Петръ Ослядюковичь, ободряли граждань. Чиновники Батыевы, съ коннымъ опрядомъ подъѣхавъ къ Златымъ врапамъ, спрашивали, гдѣ Великій Князь, въ сполицѣ или въ опсупспвіи? Владимірцы, вмѣспо оппвѣпа, пуспили нѣсколько спрѣлъ; непріяпели пакже, но кричали нашимъ: *не спрѣляйте!* и Россіяне съ гореспію увидѣли предъ спѣною юнаго Владиміра Георгіевича, плѣненнаго въ Москвѣ Батыемъ. «Узнаепе ли ваше-«го Князя?» говорили Тапары. Владиміра дѣйспвипельно прудно было узнапь: споль онъ перемѣнился въ несчаспіи, перзаемый бѣдспвіемъ Россіи и собспвеннымъ. Брапья его и граждане не могли удержапься опъ слезъ; однакожь не хопѣли показывапь слабоспи и слушапь предложеній врага надменнаго. Тапары удалились; объѣхали весь городъ и поспавили шапры свои пропивъ Златыхъ врапъ въ виду. Пылая мужеспвомъ, Всеволодъ и Мспиславъ желали бипвы. «Умремъ» — говорили они дружинѣ — «но умремъ съ честію и въ полѣ.» Опытный Воевода Петръ удержалъ ихъ, надѣясь, что Георгій, собравъ войско, успѣепъ спасши опечеспво и сполицу[297].

Батый немедленно опрядилъ часпь войска къ Суздалю. Сей городъ не могъ сопропивляпься: взявъ его, Тапары по своему обыкновенію испребили жипелей, но кромѣ молодыхъ Иноковъ, Инокинь и церковниковъ, взяпыхъ ими въ плѣнъ[298]. Фе-

врaля 6 Владимірцы увидѣли, что непріятель готовитъ для приступа орудія стѣнобитныя и лѣсницы; а въ слѣдующую ночь огородилъ всю крѣпость тыномъ. Князья и Бояре ожидали гибели: еще могли бы просить мира; но зная, что Батый милуетъ только рабовъ или данниковъ, и любя честь болѣе жизни, рѣшились умереть великодушно. Опкрылось зрѣлище достопамятное, незабвенное: Всеволодъ, супруга его, Вельможи и многіе чиновники собрались въ храмѣ Богоматери, и требовали, чтобы Епископъ Митрофанъ облекъ ихъ въ Схиму или въ Великій Образъ Ангельскій. Священный обрядъ совершился въ тишинѣ торжественной: знаменитые Россіяне простились съ міромъ, съ жизнію, но стоя на прагѣ смерти, еще молили Небо о спасеніи Россіи, да не погибнетъ навѣки ея любезное имя и слава! Февраля 7, въ Воскресенье Мясопустное, скоро по заутренѣ, начался приступъ: Татары вломились въ Новый Городъ у Златыхъ вратъ, Мѣдныхъ и Святыя Ирины, отъ рѣчки Лыбеди; также отъ Клязмы у вратъ Волжскихъ. Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною бѣжали въ Старый или такъ называемый Печерный городъ; а супруга Георгіева, Агаѳія, дочь его, снохи, внучата, множество Бояръ и народа затворились въ Соборной церкви. Непріятель зажегъ оную: тогда Епископъ, сказавъ громогласно: «Господи! проспри не-

«видимую руку Свою и пріими въ миръ ду-
«ши рабовъ Твоихъ,» благословилъ всѣхъ людей на смерть неизбѣжную. Одни зады-хались отъ дыма; иные погибали въ пла-мени или отъ мечей непріятеля: ибо Та-тары отбили наконецъ двери и ворвались въ святый храмъ, слышавъ о великихъ его сокровищахъ. Серебро, золото, драгоцѣнные каменья, всѣ украшенія иконъ и книгъ, вмѣ-стѣ съ древними одеждами Княжескими, хра-нимыми въ сей и въ другихъ церквахъ, сдѣ-лались добычею иноплеменниковъ, которые, плавая въ крови жителей, немногихъ брали въ плѣнъ, и сіи немногіе, будучи нагіе вле-комы въ станъ непріятельскій, умирали отъ жестокаго мороза. Князья Всеволодъ и Мстиславъ, не видя уже никакой возможно-сти отразить непріятелей, хотѣли про-биться сквозь ихъ толпы, и положили свои головы внѣ города.

Завоевавъ Владиміръ, Татары раздѣли-лись: одни пошли къ Волжскому Городцу и Костромскому Галичу, другіе къ Ростову и Ярославлю, уже нигдѣ не встрѣчая важна-го сопротивленія. Въ Февралѣ мѣсяцѣ они взяли, кромѣ слободъ и погостовъ, четыр-надцать городовъ Великаго Княженія — Пе-реславль, Юрьевъ, Дмитровъ — то есть, опустошили ихъ, убивая или плѣняя жите-лей. Еще Георгій стоялъ на Сити: узнавъ о гибели своего народа и семейства, супру-ги и дѣтей, онъ проливалъ горькія слезы,

Опу-
сто-
шеніе
мно-
гихъ
горо-
довъ.

и будучи усерднымъ Христіаниномъ, молилъ Бога даровать ему терпѣніе Іова. Чрезвычайныя бѣдствія возвеличиваютъ душу благородную: Георгій изъявилъ доспохвальную твердость въ несчастіи; забылъ свою печаль, когда надлежало дѣйствовать; поручилъ Воеводство Дружины Боярину Ярославу Михалковичу, и готовился къ рѣшительной битвѣ. Передовый опрядъ его, составленный изъ 3000 воиновъ подъ начальствомъ Дорожа, возвратился съ извѣстіемъ, что полки Батыевы уже обходятъ ихъ[299]. Георгій, братъ его Святославъ и племянники сѣли на коней, устроили войско и вступили непріятеля. Россіяне бились мужествено и долго; наконецъ обратили тылъ. Георгій палъ на берегу Сити. Князь Василько остался плѣнникомъ въ рукахъ побѣдителя. Марта 4. Битва на Сити.

Сей доспойный сынъ Константиновъ гнушался постыдною жизнію невольника. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбію и голодомъ, онъ не хотѣлъ принять пищи отъ руки враговъ. «Будь нашимъ дру-
«гомъ и воюй подъ знаменами великаго Ба-
«тыя!» говорили ему Татары. «Люпые
«кровопійцы, враги моего отечества и Хри-
«ста, не могутъ быть мнѣ друзьями,» отвѣтствовалъ Василько: «о темное царство!
«есть Богъ, и ты погибнешь, когда испол-
«нится мѣра твоихъ злодѣяній[300].» Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами отъ Герой Василько.

ярослпи: великодушный Князь молилъ Бога о спасеніи Россіи, Церкви православной и двухъ юныхъ сыновей его, Бориса и Глѣба. — Татары умерпвили Василька и бросили въ Шеренскомъ лѣсу. — Между пѣмъ Росповскій Епископъ Кириллъ, возвращаясь изъ Бѣлаозера, и желая видѣпь мѣспо несчаспной для Россіянъ бипвы на берегахъ Сипи, въ кучѣ мерпвыхъ пѣлъ искалъ Георгіева. Онъ узналъ его по Княжескому одѣянію; но пуловище лежало безъ головы. Кириллъ взялъ съ благоговѣніемъ сіи печальные оспапки знаменипаго Князя и положилъ въ Росповскомъ храмѣ Богомапери. Туда же привезли и пѣло Василька, найденное въ лѣсу сыномъ одного сельскаго Священника: вдовспвующая Княгиня, дочь Михаила Черниговскаго, Епископъ и народъ вспрѣпили оное со слезами. Сей Князь былъ искренно любимъ гражданами. Лѣтописцы хваляпъ его красопу цвѣпущую, взоръ свѣтлый и величеспвенный, опважноспь на звѣриной ловлѣ, благодѣпельноспь, умъ, знанія, добродушіе и кропоспь въ обхожденіи съ Боярами. «Кпо служилъ ему,» говоряпъ они: «кпо ѣлъ хлѣбъ его и пилъ съ «нимъ чашу, попъ уже не могъ быпь слу- «гою инаго Князя.» Тѣло Василька заключили въ одной ракѣ съ Георгіевымъ, вложивъ въ нее опысканную послѣ голову Великаго Князя.

Многочисленныя полпы Баптыевы спре-

мились къ Новугороду, и взявъ Волокъ Ламскій, Тверь (гдѣ погибъ сынъ Ярославовъ), осадили Торжекъ. Жипели двѣ недѣли оборонялись мужественно, въ надеждѣ, что Новогородцы усердною помощію спасутъ ихъ. Но въ сіе несчастное время всякой думалъ только о себѣ; ужасъ, недоумѣніе царствовали въ Россіи; народъ, Бояре говорили, что отечество гибнетъ, и не употребляли никакихъ общихъ способовъ для его спасенія. Татары взяли наконецъ Торжекъ и не дали никому пощады; ибо граждане дерзнули противиться[301]. Войско Батыя шло далѣе путемъ Селигерскимъ; села исчезали; головы жителей, по словамъ Лѣтописцевъ, падали на землю какъ трава скошенная. Уже Батый находился во 100 верстахъ отъ Новагорода, гдѣ плоды цвѣтущей, долговременной торговли могли обѣщать ему богатую добычу; но вдругъ — испуганный, какъ вѣроятно, лѣсами и болотами сего края — къ радостному изумленію тамошнихъ жителей, обратился назадъ къ Козельску (въ Губерніи Калужской). Сей городъ, весьма незнаменитый, имѣлъ тогда особеннаго Князя еще въ дѣтскомъ возрастѣ, именемъ Василія, отъ племени Князей Черниговскихъ[302]. Дружина его и народъ совѣтовались между собою, что дѣлать. «Нашъ «Князь младенецъ,» говорили они: «но мы, «какъ вѣрные Россіяне, должны за него умереть, чтобы въ мірѣ оставить по себѣ

5 Марта. Спасеніе Новагорода.

Осада Козельска.

«добрую славу, а за гробомъ приняпть вѣ-«нецъ безсмертія.» Сказали и сдѣлали. Та-тары семь недѣль спояли подъ крѣпостію и не могли поколебапть пвердоспи жипе-лей никакими угрозами; разбили спѣны и взошли на валъ: граждане рѣзались съ ними ножами, и въ единодушномъ порывѣ герой-спва успремились на всю рапь Бапыеву; изрубили многія спѣнобипныя орудія Та-парскія, и положивъ 4000 непріяпелей, са-ми легли на ихъ прупахъ. Ханъ велѣлъ умерпвипь въ городѣ всѣхъ людей безоруж-ныхъ, женъ, младенцевъ, и назвалъ Ко-зельскъ *Злымъ* городомъ: имя славное въ пакомъ смыслѣ! Юный Князь Василій про-палъ безъ вѣспи: говорили, чпо онъ *уто-нулъ въ крови.*

Опшествіе Бапыево.

Бапый, какъ бы упомленный убійспва-ми и разруіненіемъ, опошелъ на время въ землю Половецкую, къ Дону, и брапъ Геор-гіевъ, Ярославъ — въ надеждѣ, чпо буря миновалась — спѣшилъ изъ Кіева[503] въ Вла-диміръ принятъ доспоинспво Великаго Кня-зя.

Конецъ III Тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ III ТОМУ

ИСТОРІИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) См. *Кіев. Лът.* — Область Суздальская граничила съ Новогородскою близъ Торжка, съ Княженіемъ Смоленскимъ въ Калуж. Губерніи, въ Тульской съ Вятичами и съ Рязанью, въ Нижегород. и Владимір. Губерніяхъ съ Муромскою областію.

(2) См. *Кіев. Лът.*

(3) См. *Новогородск. Лът.* стр. 37. Со Мстиславомъ Андреевичемъ ходили къ Новугороду Романъ Смоленскій, братъ его Мстиславъ, сынъ Рязанскаго, сынъ Муромскаго и проч. Въ *Лът. Новогород.* прибавлено: «вся земля *Просторуськая*,» вмѣсто *Русская*. Въ *Степен.* и въ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано: «единыхъ бо Князей бяше погда 72.» Татищевъ замѣчаетъ, что и во всей Россіи не было погда 72 Князей; но всѣхъ ли ихъ знаемъ по лѣтописямъ? Сей же Историкъ говоритъ, что въ Новѣгородѣ былъ тогда Архіепископомъ не Іоаннъ, а Илья: его называютъ тѣмъ и другимъ именемъ; одно мірское, а другое Монашеское (см. Т. II, пр. 353).

(4) Сіе разсужденіе находится въ харат. лѣтописяхъ, въ *Степен.* (I, 300) и въ другихъ. Въ первыхъ сказано: «Не глаголемъ, прави суть Новгород-«ци, яко издавна суть свобожени Новогородци пра-«дѣды Князь нашихъ. Не велѣли имъ предніи Князи «крестъ преступати, или внуки или правнуки со-«ромляти (посрамлять). То доколѣ Богови терпѣ-«ти?» и проч.

(5) Въ *Степен.* и въ *Никонов.* сей храбрый Якунъ названъ Андреевичемъ.

(6) См. о чудѣ въ *Степен.* I, 502, въ Архив. *Псков.* и въ *Кіев. Лът.* Новогородцы установили тогда праздникъ *Знаменія Богоматери*: см. *Прологъ* 27 Ноября.

(7) Т. II, пр. 78 и 224; также Т. I, пр. 475. — Рюрикъ, выѣхавъ въ Новгородъ изъ Овруча Авг. 8 (*Кіев. Лът.*) пріѣхалъ въ Новгородъ Окт. 4.

(8) Глѣбъ умеръ 20 Генв. въ 1170 или 1171 г.; его погребли тамъ, гдѣ лежалъ отецъ его Георгій: у Св. Спаса въ Берестовѣ. О характерѣ Глѣба говорить *Кіев. Лѣт.*

(9) См. *Кіев. Лѣт.*

(10) См. тамъ же.

(11) См. тамъ же.

(12) Сей Ярополкъ, сынъ Ростислава Юрьевича, былъ прежде высланъ Андреемъ изъ Суздальской области, какъ мы упоминали. Изъ Греціи не возвратился одинъ Василько Георгіевичь.

(13) См. *Кіев. Лѣт.*

(14) См. тамъ же.

(15) См. тамъ же. Слово *подручникъ* въ древнемъ Русскомъ языкѣ знаменовало тоже, что Латинское Vassus, Vassallus, или Польское Holdownik, внесенное въ *Словарь Академіи Россійской* единственно въ угожденіе Болтину, если не ошибаюсь: ибо онъ думалъ, что мы не имѣемъ въ языкѣ нашемъ слова для выраженія сего смысла. Въ Олеговомъ договорѣ съ Греками упоминается о Князьяхъ, *иже суть подъ рукою* Великаго Князя: то есть, о *подручникахъ* его или *голдовникахъ*, если Польское, совсѣмъ неизвѣстное у насъ слово предпочтемъ коренному Русскому.

(16) Сіи Католики были, думаю, купцы иностранные: Поляки, Венгры, Богемцы и проч.

(17) См. Т. II, стран. 216.

(18) Такъ въ *Воскресен.*, *Ростов.*, *Кіев.* и другихъ; но въ харатейныхъ нѣтъ ни слова о причинѣ злодѣйства. — Городокъ Боголюбовъ нынѣ село на берегу Клязмы. Тамъ находится монастырь, гдѣ есть церковь и кельи весьма древнія.

(19) Въ Москов. Оружейной Палатѣ есть древній мечь Греческой работы, съ вырѣзанною *Греческою* надписью: «Пресв. Богородица! помоги рабу «твоему.. Въ лѣто по Христѣ..» Не сей ли мечь принадлежалъ Св. Борису и Андрею? Онъ издревле

хранился какъ святыня вмѣстѣ съ Мономаховою шапкою.

(20) Здѣсь въ первый разъ употреблено имя *Дворянъ* въ смыслѣ *Придворныхъ*. См. *Кіев. Лът.*

(21) Андрей едва ли дожилъ до 60 лѣтъ. Отецъ его женился въ 1107 г., но имѣлъ старшихъ дѣтей. — Въ *Синонсисѣ* сказано, что сей Князь, названный Боголюбскимъ за его любовь къ Богу, *до крещенія* своего именовался *Китаемъ*. Въ древнихъ лѣтописяхъ нѣтъ того — и развѣ Андрей былъ крещенъ уже въ нѣкоторыхъ лѣтахъ? Имя *Боголюбскаго* дано ему, думаю, отъ города Боголюбова, имъ построеннаго.

(22) См. *Кіев. Лът.* — Въ томъ же 1160 г. сгорѣла въ Росповѣ Соборн. церковь Богоматери, *дивная и великая, яко же не было и не будетъ*. О сей *дубовой* церкви см. въ *Воскр. Лът.* I, 153.

Въ 1164 году освятили въ Владимірѣ церковь на Златыхъ вратахъ и заложили храмъ Спаса.

(23) Въ харатейныхъ и въ *Кіев. Лът.* Въ числѣ противниковъ Леоновыхъ находился и Св. Кириллъ, Еписк. Туровскій, мужъ знаменитый ученостію по тогдашнему времени, который имѣлъ переписку съ Андреемъ Боголюбскимъ (*Прологъ* Апр. 28) и сочинилъ нѣсколько разсужденій богословскихъ. Мнѣ извѣстно одно изъ его твореній, *Кюрила Епископа Туровъскаго сказаніе о Черноризьчьстьмъ чину*, найденное мною въ харатейной Кормчей Книгѣ (Синод. библ. No 82). Въ примѣръ слога и мыслей выписываю слѣдующее: «Прьвое речемъ о исходящихъ изъ «міра въ манастырь и възимающихъ искусныѣ ри- «зы Мнишьскаго образа; по уставу отъ обою закону «исправлено бысть то, и лѣпо есть пьрвѣе въ иску- «сѣ быти. Внимай своему образу и житью, Мнише; «и смотри своихъ ризъ обълченія, и познай собе. . . «Да небудеши короставъ и хромъ, и слѣпъ, и раньнъ; «си бо вси повержени бываютъ, порока дѣля, псомъ «и птицамъ на снѣдь. . . Блюди опасно, да не бѣ- «сомъ покопище» (покоемъ или храминою) «здѣ бывъ

«и душю свою геєньскими повьржеши птицамъ, ко-
«роспавъ бывъ твореніемъ грѣховъ, хромъ же при-
«лѣжаніенъ житійскихъ вещій, слѣпъ же неплодь-
«ствомъ жива (живя), о чревѣ токмо пекася. . . .»

(24) См. *Воскресен.* II, 81.

(25) Извлеченіе изъ сей лѣтописи напечатано въ Казанской Исторіи Рычкова и въ журналѣ его путешествія, II, 30. Подлинная рукописная находится въ Архивѣ Иностр. Коллегіи, въ собранныхъ Миллеромъ историческихъ бумагахъ, подъ No 73.

(26) Сіе было уже въ 1181 г. — Никулицынъ есть нынѣ село Никулицкое.

(27) Сей обрядъ и нынѣ исполняется: только стрѣлы отмѣнены. Изъ села Никулицкаго приносятъ также въ Вятку образъ Св. Бориса и Глѣба, въ воспоминаніе счастливаго приступа къ городку Болванскому.

Маловажные случаи послѣднихъ лѣтъ Андреева княженія суть слѣдующіе: Въ 1171 г. родился сынъ Василій у Мстислава Андреевича. Въ 1174, Генв. 11, скончался братъ Андреевъ, Святославъ Юрьевичь. — Въ томъ же году, Генв. 19, умеръ Кн. Муромскій, Юрій Ярославичь, сынъ Ярослава Святославича, внука Великаго Ярослава.

(28) См. *Рос. Библ.* стр. 261. Въ подлинникѣ сказано: *пригородовъ.*

(29) Кн. Глѣбъ былъ сынъ Ростиславовъ и внукъ Ярослава Святославича, Рязанскаго и Муромскаго (см. Т. II, пр. 216).

(30) Отецъ сихъ послѣднихъ, сынъ Георгіевъ, былъ Князь Переяславскій (см. Т. II, стран. 255). Ростиславъ могъ княжить въ одномъ изъ городовъ Суздальской области прежде, нежели отправился въ южную Россію. — Мстиславъ и Ярополкъ были въ 1162 г. изгнаны Андреемъ.

(31) Съ Владиміромъ Святославичемъ (*Кіев. Лът.*).

(32) См. *Новогород. Лът.* стр. 41.

(33) См. въ *Рос. Библ.* стр. 261, 262, и въ ха-

рап. спискахъ. — Михаила погребли въ Соборной Владим. церкви.

(34) См. *Степен. Книгу*, I, 283.

(35) См. *Кіев. Лът.* Маловажныя происшествія сего времени: Въ 1175 г., въ исходѣ *Генваря* мѣсяца (число показано разно) во Вторникъ Мясопуст. недѣли, Ярополкъ Ростиславичь, тогда Кн. Владимірскій, сочетался бракомъ въ Соборной церкви съ дочерью Всеслава (Васильковича), Кн. *Витебскаго* (и Полоцкаго), привезенною въ нему изъ Смоленска. Витебскимъ Княземъ въ 1165 г былъ Давидъ Ростиславичь (см. Т. II, стр. 302). Вѣроятно, что онъ, переѣхавъ въ Вышегородъ, уступилъ Витебскъ Всеславу. — Въ 1176 родился у Игоря Сѣверскаго сынъ Олегъ Павелъ, а въ 1177 Святославъ-Андрянъ.

(36) См. *Росс. Библіот.* 255.

(37) Сынъ Мстислава, оставленный имъ въ Новѣгородѣ, назывался Святославомъ. — Чтобы отличить Боярскихъ Отроковъ или Дѣтскихъ отъ Княжескихъ чиновниковъ сего имени, назвали первыхъ *Пасынками*; ихъ же послѣ стали именовать *Дѣтьми Боярскими*.

(38) Сей Ярославъ, сынъ Мстислава Георгіевича, прозывался Краснымъ (*Новог. Лът.* въ *Вивліоѳ.* стр. 314).

(39) Олегъ и Владиміръ Святославичи.

(40) См. *Кіев. Лът.* — О *Воронежѣ* упоминается здѣсь въ первый разъ.

(41) См. *Новгород. Лът.* — Мстиславъ, прозваніемъ *Безокій* (*Новог. Лът.* въ *Продолж. Др. Вивліоѳики* стр. 314) умеръ въ 1178 г., Апр. 20, и положенъ въ притворѣ Софійскаго храма.

(42) Романъ Смоленскій послѣ *Чистой недѣли* (первой Вел. поста) пріѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ уже находился сынъ его, Борисъ или Мстиславъ (*Новог. Лът.* въ *Продолж. Древн. Вивліоѳ.*)

(43) См. *Кіев. Лът.* — О прозваніи *Храбраго* (см. *Лът. Новогород.* въ *Прод. Рос. Др. Вивл.* Въ *Нов.*

Лът.: «На зиму (1179) иде Мсциславъ на Чудь на «Очелу.» Такъ называлось одно мѣсто въ Ливоніи (Арнт. Liefländ. Chr. II).

(44) Въ то время Романъ былъ въ Кіевѣ.

(45) См. *Кіев. Лът.*

(46) *Никонов. Лът.* — Здѣсь говорится о Старой Рязани, на Окѣ, противъ Спаска. — Городъ Борисовъ или *Борисовъ-Глѣбовъ* уже не существуетъ.

(47) См. *Кіев. Лът.*

(48) См. тамъ же.

(49) См. тамъ же.

(50) Названный Иваномъ въ *Никон.* лѣтописи. Онъ и Вел. Кн. Всеволодъ были женаты на двухъ сестрахъ Ясыняхъ (*Рос. Библ.* 271, 272). По другому же извѣстію, первая супруга Всеволода, Марія, была дочь Кн. *Чешскаго* или Богемскаго, Шварна (см. лѣтопись въ Син. Библ. No 349, л. 225 на об.). Тѣло ея лежитъ въ Владимірѣ, въ Успенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, въ придѣлѣ Благовѣщенія, въ олтарѣ, и въ надписи сія Княгиня именована Маѳою *Шварновною*. Имя Маѳы ей дано въ монашествѣ.

(51) См. *Кіев. Лът.* — Со Всеволодомъ ходили Глѣбовичи Романъ, Игорь, Всеволодъ, Владиміръ, Князья Рязанскіе и Муромскій Владиміръ *Юрьевичь* (у коего былъ еще братъ Давидъ).

(52) См. *Кіев. Лът.* — Можетъ быть, нынѣшній Цывильскъ основанъ на развалинахъ сего города Болгарскаго.

(53) Владиміра Глѣбовича, внука Юрьева. — Въ *Кіев. Лът.* упоминается здѣсь о Болгарахъ *Тимтюзяхъ*, и сказано, что ихъ всѣхъ собралось до пяти тысячь, а осталось живыхъ половина. Городъ *Торцкій* или *Торкъ* существовалъ по взятіи Казани, и былъ отданъ Государемъ Андрею Ильичу Квашнину (см. *челобитную Квашнина на Лобанова* въ Арх. Иностр. Колл. въ Миллер. собраніи бумагъ No 84).

(54) См. Хронику Стриковскаго кн. VIII, гл. 6; также Грубер. Liefländ. Chronik, I, 67, 64. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (стр. 55) упоминается о

смерти Кн. Изяслава Васильковича, убитаго Липовою около сего времени. Слова: «Двина болотомъ «течетъ оными грозными Полочаномъ (а не Полов- «чанамъ) подъ кликомъ поганыхъ,» изображаютъ ужасъ тогдашнихъ Липовскихъ набѣговъ на Кривскую землю.

(55) Съ Мстиславомъ Романовичемъ и Изяславомъ Давидовичемъ. См. *Кіев. Лът.* — Еще въ 1183 г. были дѣла съ Половцами. — Князь Глѣбъ, о коемъ упоминаемъ здѣсь въ Исторіи, былъ сынъ Юрія Ярославича, внука Святополкова, а Мстиславъ Всеволодковичь внукъ Мономаховъ. — Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* сказано, что иноспранцы, бывшіе въ Кіевѣ, славили побѣду Святославову: «Нѣмци и Вене- «дици, Греци и Морава.»

(56) См. *Кіев. Лът.*

(57) Святославъ Ольговичь Рыльскій. Всеволодъ Святославичь господствовалъ и въ Курскѣ. Съ Игоремъ былъ сынъ Владиміръ, княжившій въ Путивлѣ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ упоминается здѣсь о *двухъ* сыновьяхъ Игоревыхъ.

(58) Въ 1111 г. См. *Кіев. Лът.* и харапейныя. Обстоятельство, что Половцы 3 дни пускали только стрѣлы въ Россіянъ, находится въ харапейныхъ лѣтописяхъ. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* также сказано, что Игорь *три дни* сражался: «бишася день, би- «шася другый; третьяго дни къ полудню падоша «стязи Игоревы .... на брезѣ быстрой *Каялы* ... «Се бо *Готскія* красныя дѣвы всплѣша на брезѣ синяго «моря, звоня Рускымъ златомъ.» Въ Тавридѣ, завоеванной Половцами, жили *Готѳы* (см. сей *Исторіи* Т. I, пр. 86). *Каяла* называется нынѣ *Кагальникъ*, впадающій въ Донъ. Россіяне отступали къ Донцу, не далеко оттуда соединяющемуся съ Дономъ.

(59) См. *Кіев. Лът.* — Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* такъ описывается горесть Святославова: «Вели- «кій Святославъ изрони злато слово, слезами смѣшено, «и рече: о моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано (не «во время) еста начала Половецкую землю мечи (ме-

«чами) *цвѣлити*, а себѣ славы искати,» и проч. *Цвѣлить* то же, что *квелить*, приводить въ слезы, огорчать. На Польскомъ Kwilić sie, а на Богемскомъ Kwjljm значитъ *выть* и *плакать*. Въ *Волынск. Лът.* (въ рукописн. стр. 727) сказано: аще инаа дѣтій не «*цвѣлитъ*,» вмѣсто: «не оскорбляетъ.»

(60) См. *Кіев. Лът.*

(61) См. тамъ же. — Древній городъ Донецъ былъ не далеко отъ впаденія рѣки Харькова въ Уды (см. *Больш. Чертежъ*), и принадлежалъ или къ Курской или къ Переяславской области.

(62) См. *Кіев. Лът.*

(63) До сего времени нигдѣ не упоминалось о Пронскѣ, который названъ здѣсь въ харат. *Прынскъ*.

(64) «Брань славна луче есть міра студна.» Мы сократили описаніе войны. Всеволодъ и Святославъ Глѣбовичи, осажденные въ Пронскѣ, требовали помощи отъ Вел. Князя, который и прислалъ къ нимъ 300 человѣкъ Владимірской дружины, велѣвъ имъ, въ слѣдъ за симъ отрядомъ, свояку своему Ярославу Владиміровичу и Князьямъ Муромскимъ, Владиміру и Давиду Юрьевичамъ. Узнавъ о томъ, старшіе Глѣбовичи сняли осаду. Рать Вел. Князя возвратилась отъ Коломны, и Всеволодъ Глѣбовичь, оставивъ Святослава въ Пронскѣ, самъ уѣхалъ въ Владиміръ: чѣмъ воспользовались большіе братья; снова осадивъ Пронскъ, отняли у жителей воду, и велѣли сказать Святославу: Не мори людей голодомъ; ты намъ братъ: сдай городъ, а мы *тебя не съѣдимъ*: только не приставай ко Всеволоду. Малодушный Святославъ, исполняя волю Бояръ, примирился съ братьями, и чтобы не утратить Княженія, выдалъ имъ связанную дружину Всеволодову, жену его и Владимірцевъ. Всеволодъ Глѣбовичь, пріѣхавъ въ Коломну, мстилъ Святославу разореніемъ области Пронской; а Вел. Князь требовалъ отъ измѣнника, чтобы онъ возвратилъ ему Владимірцевъ, говоря: *Ты у мене выбилъ я челомъ. Аще ты ратенъ, си ратни же; аще ты миренъ, а си мирни же.* Глѣбовичи,

слыша, что Всеволодъ Юрьевичь собираетъ войско, объявили себя покорными. Вел. Князь не хотѣлъ съ ними миришься. Въ 1187 г. пріѣхалъ въ Владиміръ Еписк. Порфирій.

(65) См *Кіев. Лът.* — Сочинитель *Слова о полку Игоревѣ*, обращаясь къ Ярославу, говоритъ: «Га-«личкы *Осмомысле* Ярославе! высоко сѣдиши на сво-«емъ златоковапнѣмъ столѣ; подперъ горы Угорскыи «(Карпатскія) своими желѣзными плъкы, заступивъ «Королеви (Венгерскому) пути, затвори къ Дунаю «ворота, меча (кидая) бремены чрезъ облаки, *суды «рядя до Дуная*. Грозы твоя по землямъ текуть; «отворяеши Кыеву врата, стрѣляеши съ отня зла-«та стола Салтани за землями.»

(66) О семъ происшествіи говорятъ Польскіе Историки Кадлубскъ и Богуфалъ, но отчасти несправедливо и вообще неясно. Сіи Историки (или ихъ новѣйшіе дополнители, какъ мыслилъ Нарушевичь: см. его Hist. Nar. Polsk. IV, 57) перемѣшали людей и случаи. — Длугошъ пишетъ, что Казимиръ Справедливый женился въ 1168 г. на Еленѣ, дочери Всеволода Мстиславича, Князя Бельзскаго. Супруга Казимирова и въ нашихъ лѣтописяхъ называется родною племянни ею Романа Мстиславича (*братаничною:* см. *Рос. Библ.* стр. 300). Всеволодъ Мстиславичь скончался Монахомъ въ Апрѣлѣ 1195 г. (см. *Кіев. Лът.*) и погребенъ въ Владимірѣ Волынскомъ въ церкви Богоматери.

(67) См. Нарушев. Hist. Nar. Polsk. IV, 68, и Прая Ann. Reg. Hung. кн. III, стр. 179.

(68) Константинъ Всеволодовичь родился, какъ означено въ харатейныхъ, въ 1186 г., Маія 18, въ Субботу (но сіе число Субботою было въ 1185). Бракъ Константиновъ совершился за годъ до войны Черниговской; а какъ она была, по лѣтописи Новогородской, въ 119 г.: то вѣроятно, что сей Князь женился въ 1195.—Всеволодъ въ 1187 г. выдалъ дочь свою Всеславу за Роспислава, сына Ярослава Всеволодовича Черниговскаго. Другая Всеволодова дочь,

Верхуславѣ или Антонія (см. ниже, примѣч. 137) сочеталась бракомъ съ Ростиславомъ Рюриковичемъ, 1189 г., Іюня или Іюля 30: такъ въ харатейныхъ и другихъ; а въ *Кіев. Лѣт.*: «того же лѣта» (будто бы еще въ 1187).

(69) Въ Каталогахъ сказано, что Митрополитъ Константинъ преставился въ 1174 или въ 1177 г. Лука поставленъ Марта 11 (1185 г.), скончался въ 1189 г., Ноября 10, и погребенъ на другой день у Соборной Владимірской церкви. Всеволодъ въ 1190 году отправилъ къ Святославу и Митрополиту духовнаго отца своего, Іоанна, который и былъ поставленъ Епископомъ Генв. 23.

(70) О разрушеніи Городца или Остера см. Т. II, стр. 256.

(71) Сына Романова, Ярополка, въ 1175 г.: о чемъ мы выше упомянали.

(72) См. *Новогород.* год. 1185, а харатейныя подъ г. 1186. — Полоцкимъ Княземъ въ 1181 г. былъ Всеславъ Васильковичь, Логожскимъ Всеславъ Микуличь, а Друцкимъ Глѣбъ Рогволодовичь. — Новогородцы погибли въ Заволочьѣ въ 1187 г. — Мстиславъ изгнанъ въ томъ же 1187 г., а Ярославъ Владиміровичь пріѣхалъ въ Новгородъ Нояб. 20. — «Оже купляху по «двѣ ногатѣ хлѣбъ, а кадь ржи по 6 гривнъ.» Въ кади было 8 осминъ.

(73) См. Далина Gesch. des R. Schw. II, 119, 120. Далинъ говоритъ, что сіи врата церковныя назывались въ Новѣгородѣ *Сартунскими*: вѣроятно, что онъ слышалъ о *Корсунскихъ* (См. *Исторію* нашей Т. I, пр. 413); но въ Софійской церкви есть дѣйствительно такъ называемыя *Шведскія* врата, не серебряныя, а мѣдныя. — По Финляндскимъ извѣстіямъ Россіяне около сего времени сожгли Або (Iust. Chron. Episc. Finl. стр. 12).

(74) См. Грубер. Liefländ. Chronik. I, 69, и Далина Gesch. des Schw. II, 97, 98.

(75) См. Грубер. Liefl., Chr. 146. Кто послѣ Всеслава Васильковича (выше, стр. 55) или 1181 г. кня-

жилъ въ Полоцкѣ, не знаемъ. У Володаря Минскаго былъ сынъ Василько: не онъ ли назывался и Владиміромъ? Татищевъ, ссылаясь на Хрущевскую лѣтопись, разсказываетъ, что въ 1182 г. Василько Ярополковичь Дрогичинскій воевалъ съ *Владиміромъ Володаревичемъ* Минскимъ; что первый, соединясь съ Поляками и Мазовшанами, у рѣки Буга разбилъ Владиміра, и взявъ *Брестъ*, оставилъ тамъ *брата жены своей, Князя Мазовецкаго;* что Владиміръ съ дружиною Полоцкихъ Князей опять завладѣлъ Брестомъ, плѣнилъ Мазовшанъ, побѣдилъ за Бугомъ Василька и Ляховъ; что Василько ушелъ къ тестю *Лешку*, который прогналъ Владиміра изъ Подляшья въ Брестъ; что Василько, не имѣя чѣмъ заплатить тестю за его труды и будучи бездѣтенъ, уступилъ ему свое владѣніе, отнятое послѣ Ляхами у *дѣтей Лешковыхъ*; что Романъ Мстиславичь Владимірскій, узнавъ о томъ, завоевалъ Дрогичинскую область. Сіе извѣстіе могло бы служить доказательствомъ, что сынъ *Володаревъ* назывался *Владиміромъ*, если бы оно не смѣшено было съ явною ложью. *Брестъ* принадлежалъ не *Минскимъ*, а Волынскимъ Князьямъ, и *Лешко* Мазовецкій *не имѣлъ дѣтей* (Наруш. Hist. Nar. Polsk. IV, 69).

(76) Въ горахъ, по Енисею, находятся изгарины и плавильни древнихъ тамошнихъ рудокоповъ, доказывающія, что Сибирскіе народы издавна плавили серебро и золото, дѣлая всѣ нужныя для того орудія не изъ желѣза, а изъ мѣди (см. *Путеш. Палласа*, III, 572 въ Русск. переводѣ). Сіи старыя рудокопни обыкновенно называются въ Сибири *Чудскими копями* (*Сочиненія о Сибирск. рудникахъ*, I, 134).

(77) См. *Кіев. Лѣт.* — Святославъ умеръ въ 1194.

(78) См. тамъ же и въ *Синопсисѣ*.

(79) И Кадлубекъ упоминаетъ о томъ (H. P. 810).

(80) См. Кадлуб. Hist. Pol. 812.

(81) См. *Кіев. Лѣт.* Ярославъ Великій отдалъ сперва лѣвую сторону Днѣпра брату Мстиславу: области Святослава Ярославича (Черниговъ, Муромъ, Рязань) находились тамъ же.

(82) Въ *Новогород.* сказано, что Черниговцы плѣнили *Бориса* Романовича: слѣдственно Мстиславъ назывался Борисомъ (выше, прим. 42)? — См. *Кіев. Лът.*

(83) Въ Торжкѣ, въ 1181 году.

(84) См. *Кіев. Лът.*

(85) Ярополкъ Ярославичь.

(86) Ярославъ въ 1198 году послалъ сына, Изяслава, княжить на Лукахъ: «и бяше опъ Литвы *оплечье* «(защипа) Новугороду» . . .

(87) См. *Пушкин.* и *Троицк.*

(88) См. *Воскресенск.* II, 117. Племянникъ Всеволодовъ умеръ въ Переяславлѣ въ 1199 или 1200 году, а Ярославъ или Ѳеодоръ опправился пуда въ 1201.

(89) О смерши Владиміра Галицкаго не упоминается ни въ харатейныхъ, ни въ *Ростов.*, ни въ *Воскр.*, ни въ *Кіев. Лът.* — Длугошъ говоритъ о Владиміровой смерши подъ годомъ 1198, а Кадлубекъ передъ 1200, сказывая, что Владиміръ не оставилъ *законнаго* наслѣдника, и что Россійскіе Князья опчасти силою, опчасти хипростію, старались присвоить себѣ Галичь. Сей же Историкъ пишетъ, что Романъ выросъ въ Польшѣ.

(90) Кадлубекъ, стр. 814: quia non possumus ferre iram terrae, Principum seditiones, invidiam. Далѣе о тиранствѣ Романа, стр. 815: quosdam vivos terrae infodit, quosdam membratim discerpit, alios excoriat, multos quasi signum ad sagittam figit, nonnullos prius exenterat, quam interimit, и проч.

(91) Стр. 816: unde solenne illi erat quasi proverbium: *melle securius uti apum non posse, nisi penitus oppresso non rarefacto examine.* Сію пословицу, извѣстную и Римлянамъ во времена ихъ тирановъ, нашелъ я въ *Волынск. Лът.* (въ рукописи. стр. 657).

(92) Сей Ингварь Ярославичь былъ внукъ Изяслава II и правнукъ Мстислава Великаго. — О погдашнемъ счастливомъ походѣ Романа въ землю Половецкую говорятъ согласно наши и Византійскіе Лѣтописцы (Mem. Pop. II, 1023).

(93) См. *Рос. Библ.* стр. 300, 301.

(94) Письмо Епископа Матѳея находится въ выпискахъ, сдѣланныхъ Аббатомъ Альберпранди изъ Библіотеки Ватиканской въ 1790 г. для Историка Нарушевича, по волѣ Короля Станислава. Як. Ив. Булгаковъ получилъ сіи любопытныя выписки отъ самого Альберпранди и сообщилъ мнѣ. О Епископѣ Краковскомъ Матѳеѣ см. въ Длугош. Hist. Polon. I, 461, 509. Письмо начинается такъ: Matthaei Cracoviensis Episcopi epistola ad Abbatem Clarevallensem de suscipienda Ruthenorum conversione. Выписываемъ изъ онаго слѣдующее: Gens illa Ruthenica multitudine innumerabili ceu sideribus adaequata. . . . Christum solo quidem nomine confitetur, factis autem penitus abnegat .... Ruthenia, quae quasi est alter orbis, etc... Si enim gloria celeberrima et Thracius Orpheus et Thebanus Amphion coelo inseruntur et astris, et post mortem carmine vivunt, quod sylvestres et lapideos homines lyrae cantibus delinivit, quanto magis nos speramus, quod gentes exteras et immanes sacer Abbas Christo conciliet, etc. — Иннокентій III, уподобляя власть духовную солнцу, а мірскую лунѣ, спавилъ себя ниже одного Бога, и гораздо выше Царей. Онъ любилъ жаловать въ Короли: Армянскій, Болгарскій, Чешскій были ему обязаны симъ достоинствомъ.

(95) Въ Некрологѣ Эрфуртскаго Петрова монастыря (см. Traditiones veteres Coenobii S. Petri Erfordiae, стр. 19) записано: XIII Kal. Julii Romanus, Rex Ruthenorum: hic dedit nobis XXX marcas; т. е.: «19 «Іюня (умеръ) Король Русской Романъ, давшій намъ «30 марокъ.» Точно въ сей день Западная Церковь празднуетъ память Св. Гервасія, день, въ который убитъ Романъ, по сказанію Длугоша.

Отселѣ начинаетъ повѣствовать *Волынскій Лѣтописецъ*, но въ описаніи происшествій не означаетъ времени, сказавъ, что сдѣлаетъ то послѣ согласно съ Хронологіею Греческою и Латинскою. Хотя въ Ипатьевскомъ спискѣ и означены годы, но безъ сомнѣнія не Авторомъ, а переписчикомъ, и на угадъ,

ибо его лѣтосчисленіе во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ несправедливо.

(96) См. *Волынск. Лът.*, стр. 621. — О бѣдствіи, претерпѣнномъ Литвою отъ Романа см. Манв. Стриковскаго. Стриковскій ошибся, считая сего Князя Романомъ *Ростиславичемъ* Смоленскимъ (а за нимъ и Татищевъ). Романъ *Галицкій* и *Волынскій*, а не *Смоленскій*, былъ *тогда* сосѣдомъ Литовцевъ на Сѣверѣ: онъ смирялъ ихъ; объ немъ сказано и въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (стр. 31, 32): «а ты, буй Романе «и Мстиславе (братъ его)! суть бо у ваю желѣзныи «папорзи» (верхняя часть брони) «подъ шеломы Ла«тинскими. Тѣми пресну земля и многи страны. *Лит*«*ва*, Ятвязи, Деремела» (одинъ изъ Латышскихъ народовъ) «и Половци сулици своя повръгоша, а главы «своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи.» — Объ извѣстности Романа въ Византіи. Лѣтоп. см. выше, примѣч. 92.

(97) См. *Воскресен.* II, 141.

(98) См. *Троицк. л.* 188 на обор. — Игорь Святославичь Сѣверскій умеръ въ 1202 году. Олегъ Святославичь въ 1204, а братъ его, Владиміръ, въ 1201, осенью.

(99) См. *Волын. Лът.*

(100) «Совокупя Новгородци, Плесковичи, Ладожа«ны, Новоторжци, и пойде скоро, и дождася отца «на Москвѣ.» *Новогород. Лът.* относитъ сіе происшествіе къ 1209, а Суздальскій къ 1207: первый ошибся. Вел. Князь выступилъ *Авг.* 19 въ *Воскресенье* и взялъ Рязанскихъ Князей подъ стражу *Сент.* 22 въ Субботу: такъ было въ 1207 г. *Послѣ* того упоминается въ лѣтописяхъ о лунномъ затмѣніи Февр. 3: оно случилось въ 1208 г. (см. Астрономич. таблицы въ l'Art de vér. les Dates).

(101) См. *Новг.*, *Пушк.* и *Воскр.* — Клеветники, Олегъ и Глѣбъ Владиміровичи, были внуки Глѣба, а Романъ и Святославъ братья Игоря Глѣбовича, коего сыновья именуются въ Родослов. Книгѣ Ингварь-Козма и Юрій. Всеволодъ Глѣбовичь за нѣсколь-

ко времени до того умеръ въ Пронскѣ.—Вел. Князь послалъ заключенныхъ сперва въ Владиміръ, а послѣ въ Пепровъ или Пепровскъ (въ Яросл. Губ.): см. *Воскр. Лът.*

(102) Сей Михаилъ былъ сынъ Всеволода Глѣбовича. Въ харашейныхъ онъ называется *Чюрь-Михаилъ;* въ другихъ *Киръ* (господинъ) *Михаилъ;* въ нѣкоторымъ *Рюрикъ-Михаилъ.*

(103) Здѣсь въ первый разъ упоминается о *Рязанскомъ* Епископѣ: сія Епархія зависѣла до того времени отъ Черниговскаго Епископа.

(104) «Избытъкъ раздѣлиша по *зубу*, по три гри- «внѣ по всему городу и на щипъ; аще кто потай «похвапилъ, а того единъ Богъ вѣдаетъ.» Здѣсь *зубъ* не есть описка, вопреки мнѣнію Болтина: такъ и въ харашейномъ и въ другихъ спискахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сіе имя употреблялось въ Новогородскомъ денежномъ счетѣ. *Никон. Лът.* выпустилъ имя *зуба*, не разумѣвъ его. Великій Князь Ростиславъ въ 1159 г. дарилъ Святослава Ольговича *рыбьими зубами* (см. сей *Исторіи* Т. II, спр. 290). Въ спаринныхъ нашихъ сказкахъ часто говорится о рыбьихъ зубахъ драгоцѣнныхъ. Напримѣръ: «въ чердакѣ была «бесѣда (сѣдалище) дорогъ рыбей зубъ» (*Древн. Рус. Стихотворенія* спр. 2). Обыкновенная цѣна такого зуба могла быть принята въ денежный счетъ, подобно *кунѣ* и *векшѣ*. Въ 1641 г. Патріархъ Іоасафъ прислалъ въ Соловецкій монастырь пять зубовъ рыбьихъ, вѣсомъ въ 11 фунт., а цѣною въ 11 погдашнихъ рублей (*Лѣтоп. Солов. монаст.* спр. 48). Извѣстно, что зубы *морскихъ единороговъ*, причисляемыхъ къ роду китовъ (Бомара Dict. d'Hist. Nat. подъ словами Baleine, Narwhal, Licorne de mer) гораздо лучше слоновой кости для всякой работы. Въ Даніи, въ Розенбергскомъ дворцѣ, показываютъ престолъ, сдѣланный изъ сихъ зубовъ, и цѣнятъ его дороже золота. Новогородцы могли издревле получать оные отъ промышленниковъ Норвежскихъ. Такъ бы я думалъ, если бы Герберштейнъ не сказалъ намъ, что

въ древней Россіи назывались *рыбьими зубами* моржовые клыки, и нынѣ употребляемые на разныя подѣлки (см. его De R. M. Comment. стр. 85). Моржъ, какъ извѣстно, есть огромное морское животное (Trichecus Rosmarus): оно часто показывается на берегахъ Сѣвернаго Океана.

(105) О Князѣ Владимірѣ см. выше стр. 49. Братъ Владиміровъ, Давидъ, княжилъ около 1214 г. въ Торопцѣ (*Новог. Лът.* 79).

(106) См. *Лът. Воскресен.* — Бѣлгородъ находился близъ Старой Рязани.

(107) См. выше, стр. 116.

(108) См. *Волынск. Лът.*

(109) См. харатейныя, также *Воскр.* и *Ростовск.*

(110) См. *Воскресен.*

(111) Всеволодъ преставился въ 1212, Апр. 15, въ Воскресенье, по окончаніи Литургіи (см. *Воскр. Лът.*) — Онъ въ разныхъ мѣстахъ лѣтописей называется Великимъ, а въ Родослови. Книгахъ *Большимъ Гнѣздомъ*, отъ многочисленности своего потомства.

(112) См. *Книгу Степ.* I, 285. — Сіи мнимые коробы суть обросшіе мхомъ глыбы, носимые вѣтромъ по озеру: см. *Дневн. Записки Лепехина*, I, 20.

(113) См. *Рос. Библіот.* стр. 285, 286.

(114) См. *Воскр. Лът.* II, 150. Татищевъ назвалъ ее Любовію.

(115) См. *Никоновск. Лът.* Въ *Троицк.* харатейной тоже.

(116) Татищевъ пишетъ, что и въ его время нѣкоторые знатные люди еще держались сего древняго обыкновенія, и что младенцы переходили погда изъ рукъ женскихъ въ мужескія. Въ *Требникѣ* есть молитва на первое стриженіе волосовъ у младенца. Тамъ сказано: « Заповѣдавый намъ вся во славу Твою « створити, пришедшаго раба твоего начатокъ со- « створити стрищи власы главы своея, благослови вку- « пѣ съ его воспріемникомъ » и проч. Крестный отецъ приводилъ духовнаго сына въ церковь, гдѣ Священникъ читалъ надъ нимъ сію молитву.

(117) Слова Мартина Галлуса. Кадлубекъ также пишетъ о семъ обрядѣ, сказывая, что постриги раждали между людьми духовное свойство, и что мать постригаемаго считалась названною сестрою постригающаго. (Кадл. Hist. Polon. стр. 659).

(118) См. *Историческое Изображеніе Грузіи*, сочиненное въ Александро-Невской Академіи, стр. 15–17.

(119) Посланіе къ Рос. Духовенству находится въ выпискѣ Альбертрандіевой, о коей мы упоминали (выше, пр. 94). Оно такъ начинается: *Archiepiscopis, Episcopis etc. per Rutheniam constitutis.* Назначенаго посла въ Россію называетъ Папа filium nostrum G. tituli S. Vitalis Presbyterum Cardinalem, virum genere nobilem, litterarum scientia praeditum, и проч. Въ концѣ подписано: Datum Viterbii, Nonis Octobris (7 Окт.) anno X (то есть, въ 10 г. Иннокентіева правленія).

(120) Грубер. Liefländ. Chron. I, 14, 31, 45, 47, 51, 52, 63; Кельх. Liefl. Hist. 25 — 30, и Балтаз. Руссова Liefl. Chronica, л. 1 — 3, — Архіепископу Лунденскому, Андрею, о коемъ здѣсь упоминается, Саксонъ Граммапикъ приписалъ свою Исторію Датскую. Руссовъ говоритъ, что *Лифляндцы* обожали еще свѣтила небесныя и *змѣй*. Латыши называли Юммала Auxtheias Vissagistis. Женщины покланялись богинямъ Лаймѣ и Дяклѣ: первая благотворила родильницамъ, а вторая младенцамъ. Дѣвицы приносили жертву идолу Ваицганѳосу (Waitzganthos), моля его, чтобы онъ далъ имъ льну для одежды.

(121) Liefländ. Chr. I, 74, 75. — О Герсикѣ см. Бишинг. Erdbeschr. T. I, 1027.

(122) Случаи Всеволодова княженія, о коихъ мы не упоминали, суть слѣдующіе:

Въ 1180 у Вел. Князя родилась четвертая дочь Сбыслава-Пелагія въ день Св. Димитрія. Въ 1182 преставился Архимандритъ-Игуменъ Печерскій Поликарпъ (см. *Кіев. Лѣт*). и Епископъ Полоцкій Діонисій. Въ 1185 г. Маія 18, въ Субботу, родился у Вел. Князя сынъ Константинъ. Въ 1186, Сент. 7, преставился Новогор. Епископъ Илія, или Іоаннъ, и погре-

бенъ въ притворѣ Св. Софіи. Князь и народъ избрали на его мѣсто Гавріила, брата Іоаннова. Въ 1187 г. родился у Вел. Князя сынъ Борисъ, у Рюрика осенью сынъ Владиміръ-Димитрій. Въ 1188 г. скончался сынъ Всеволодовъ, Борисъ. Въ 1189 г. скончался сынъ Всеволодовъ, Глѣбъ, Сент. 29. У Ярослава Владиміровича, свояка Всеволодова, родилась въ Новѣгородѣ дочь на Рождество Богородицы. Родился у Вел. Князя Всеволода сынъ Георгій. Въ 1190 г. умеръ Еписк. Бѣлогородскій Максимъ, на мѣсто коего поставилъ Рюрикъ своего отца духовнаго, Андреяна, Игумена отъ Св. Михаила Выдубецкаго. Апр. 19 скончался Святополкъ Юрьевичь, шуринъ Рюриковъ. Внукъ Святослава Всеволодовича, Давидъ Ольговичь, женился на дочери Игоря. Родился въ Новѣгородѣ у Ярослава Владиміровича сынъ Михаилъ-Изяславъ; а въ 1191, Фев. 8, у Вел. Князя Ярославъ-Ѳеодоръ. Въ 1192 г. въ Русѣ на островѣ Игуменъ Мартирій соорудилъ церковь Преображенія и завелъ монастырь. Въ 1193, Маія 24, преставился Архіеписк. Гавріилъ (въ монашествѣ Григорій); на его мѣсто избрали Игумена Мартирія, бывшаго въ Русѣ. Въ Новѣгородѣ у Ярослава родился сынъ Роспиславъ. У Давида Роспиславича родился сынъ Мстиславъ Ѳеодоръ, зимою. Въ 1194, Окт. 25, родился у Всеволода сынъ Владиміръ-Димитрій. Въ 1195 умеръ Кн. Рязанскій, Игорь Глѣбовичь. Въ 1196, въ Февр., преставился Изяславъ, меньшій сынъ Ярослава Изяславича, правнукъ Мстислава Великаго. Въ Мартѣ привезли въ Кіевъ тѣло умершаго Глѣба Юрьевича Туровскаго, шурина Рюрикова. Марта 27 родился у Всеволода сынъ Святославъ-Гавріилъ. Въ 1198 г., по *Кіев. Лът.*: «на зиму ро«дися дъщи у Роспислава у Рюриковича, и нарека«ша имя ей Ефросинія, прозваніемъ *Измарагдъ*, до«рогый камень.» Рюрикъ отдалъ дочь свою Всеславу за Рязанск. Кн. Ярослава Глѣбовича. У Ярослава Владиміровича умерли два сына, Изяславъ въ Лукахъ, Роспиславъ въ Новѣгородѣ. Всеволодъ послалъ Павла

на Епископство въ Переяславль южный. Авг. 28 родился у Вел. Князя сынъ Іоаннъ.—Здѣсь конецъ древней *Кіев. Лѣтописи*, соединенной съ *Волынск. Лѣт.* Далѣе слѣдуютъ одни Волынскія и Галицкія извѣстія.—Въ 1201, Дек. 24, преставилась въ Владимірѣ супруга Ярослава Владимірович, *свесть* (своячина) Вел. Князя. Архіеписк. Митрофанъ поставленъ Іюля 3, а въ Новгородъ пріѣхалъ Сент. 14. Въ 1202, Авг. 5, преставилась Февронія, супруга Михаилова, бывшаго Вел. Князя. Зимою скончалась Евфросинія Борисовна, дочь Всеволодова брата, въ Кидекшѣ. Въ 1204 умеръ сынъ Олега, Кн. Черниговскаго (вмѣстѣ съ отцемъ). Дек. 18 преставился Муром. Кн. Владиміръ Юрьевичь и положенъ въ церкви *Христовѣ*. 30 Дек. скончалась дочь Всеволодова Елена. Въ 1206 Вел. Кн. женилъ своего сына, Ярослава-Ѳеодора, на дочери Юрья Кончаковича (Хана Половецкаго). Въ 1209, Дек. 7, родился у Константина сынъ Василій, а въ 1210, Іюля 18, Всеволодъ-Іоаннъ.- По *житію благовѣрн. Кн. Константина и сыновъ его, Михаила и Ѳеодора, Муромскихъ Чудотворцевъ*, напечатанному въ Прологѣ (Маія 21), до самыхъ временъ Всеволода III язычество царствовало въ Муромѣ. Тамъ сказано, что въ 1192 г. *Князь Великій* Константинъ *Святославичь*, потомокъ Св. Владиміра, собравъ войско въ Кіевѣ, съ сыновьями Михаиломъ и Ѳеодоромъ осадилъ Муромъ и взялъ его; что въ жаркой битвѣ подъ стѣнами города убитъ Михаилъ; что Константинъ основалъ тамъ первую церковь Благовѣщенія, просвѣтилъ весь народъ крещеніемъ; что сродникъ его, Георгій Ярославичь, (въ XIII вѣкѣ) возобновилъ сей храмъ, и съ того времени мощи Константиновы и сыновей его начали славиться чудесами. Мы должны замѣтить для Читателей, что о Князѣ Константинѣ Святославичѣ совсѣмъ не упоминается ни въ лѣтописяхъ, ни въ родословныхъ; что отъ временъ Андрея Боголюбскаго до нашествія Татаръ господствовали въ Муромѣ потомки Ярослава Святославича, правнука Св. Владиміра,

изъ коихъ ни одинъ не назывался Константиномъ; что отъ 1175 г. до 1204 княжилъ тамъ Владиміръ Юрьевичь, а отъ 1204 до 1228 братъ его, Давидъ Юрьевичь. — Въ рукописномъ Житіи сего Константина, Муромскаго Чудотворца (см. нашей *Исторіи* Т. I, пр. 209) прибавлено, что Муромъ имѣлъ прежде стѣны каменныя и *мраморныя*, отъ коихъ и названъ *Муромомъ;* что Константинъ ввелъ тамъ истинную Вѣру въ 1223 г. съ такими же обрядами, какъ Св. Владиміръ въ Кіевѣ. Мы знаемъ по современнымъ лѣтописямъ, что уже въ 1096 г. находились Христіанскія церкви въ Муромѣ.

(123) См. *Воскр. Лѣт.* II, 156. — Владиміръ поѣхалъ въ Переяславль въ 1213 г.; а женился въ 1215 на дочери Глѣба Святославича, который по кончинѣ Рюрика сдѣлался Черниг. Княземъ.

(124) Сей городъ былъ ниже Владиміра 60 верстъ: см. *Больш. Чертежъ*, стр. 201.

(125) Вѣроятно, что Рюрикъ умеръ не за-долго до изгнанія его наслѣдниковъ изъ Кіевской области въ 1214 г. (*Новог. Лѣт.*). — Старшій Рюриковъ сынъ, Ростиславъ, зять Всеволода Великаго, тогда же или скоро умеръ: объ немъ не упоминается болѣе.

(126) О причинѣ Владимірова изгнанія сказано въ Liefl. Chronik, I, 97. Напрасно искавъ защиты Полоцкаго Князя, онъ уѣхалъ въ Ригу. — См. о Всеволодѣ Борисовичѣ *Новог. Лѣт.* стр. 79. Сей Князь былъ сынъ Бориса Романовича (см. выше, пр. 82).

(127) См. Груб. Liefl. Chronik, I, 98, 121. Сіе было въ 1214 г.

(128) «Иде Князь (въ 1214 г.) на Чудь на Ереву» (Ервенъ, гдѣ нынѣ Вейсенштеинъ) «къ морю.» См. Liefl. Chr. I, 95, и *Новог. Лѣт.* 79. — Въ *Нов. Л.* Давидъ Торопецкій названъ только братомъ Владиміра Псковскаго: вѣроятно, что Мстиславъ родился отъ первой супруги Мстислава Храбраго, а Давидъ и Владиміръ отъ второй.

(129) См. *Новогород.* и *Воскресен.* — Ингварь, внукъ Изяслава II, княжилъ и прежде въ Кіевѣ, въ 1202 году.

(130) Сей Князь былъ прежде женатъ на Княжнѣ Половецкой (*Воскр.* II, 141). Въ харатейной *Пушкин.* и *Троиц.* лѣтописи сказано, что Новогородцы *выгнали* Мстислава въ 1216 г. Мы болѣе вѣримъ *Новогородской.*

(131) О Владимірѣ Псковскомъ см. Liefl. Chronik. I, 104 — 107. Тесть Владиміровъ, Диприхъ, братъ Епископа Альберта, отдалъ ему въ управленіе Идумейскую область (между Ригою и Венденомъ), но какъ его господство не нравилось Ордену, то Владиміръ уѣхалъ въ Россію. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ возвратился съ женою и съ сыновьями, принялъ опять начальство надъ Идумеею, жилъ въ замкѣ Мегимингѣ, судилъ народъ и старался всѣми способами умножать казну свою. Одинъ изъ тамошнихъ Священниковъ, именемъ Алобрандъ, недовольный его корыстолюбіемъ, сказалъ ему: «Государь! ты долженъ судить людей право, а не утѣснять ихъ. «Отнимая послѣднее у бѣдныхъ, можешь ли утвердить здѣшній народъ въ Христіанской Вѣрѣ?» Князь разсердился и съ гнѣвомъ ему отвѣтствовалъ: «Алобрандъ! я заставлю тебя подѣлиться со мною собственнымъ твоимъ богатствомъ.« Владиміръ опять уѣхалъ въ Россію, и сдержалъ слово, данное имъ Священнику, какъ увидимъ послѣ.

(132) Синод. библ. No 46.

(133) Библ. Синод. No 365 въ четв., и No 46 въ листъ.

(134) Святослава Всеволодовича. — О битвѣ см. *Воскресенск.* и другія. Въ *Новогор. Лът.* сказано, что Мстиславъ и Константинъ стояли на *рѣкѣ Липицѣ.* — Всеволодъ, сынъ Мстислава Романовича, находился также съ Новогородцами. — *Никон. Лът.* говоритъ, что Александръ Поповичъ, слуга его Торопъ, Добрыня Резаничъ *Златый Поясъ* и Неѣдій Дикунъ были внучати Константина Всеволодовича;

но въ другихъ досповѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ объ нихъ не упоминается. — Число убитыхъ означено мною по *Воскр. Лѣт.*

(135) См. рукописныя (Син. библ. No 365) и *Воскр.*

(136) См. *Новогор.* и *Воскресен. Лѣт.* II, 165.

(137) Іоаннъ, Епископъ Суздал., Ростов. и Владимірскій, въ 1214 г. отказался отъ Епархіи. Тогда Константинъ отправилъ духовнаго отца своего Пахомія, Игумена Петровскаго, въ Кіевъ, и Митрополитъ-Матѳей поставилъ его Епископомъ Ростову (Нояб. 1). Когда же Пахомій (въ 1215 г.) пріѣхалъ въ Ростовъ, Георгій захотѣлъ имѣть особеннаго Епископа и выбралъ Симона, бывшаго Игуменомъ въ обители Рождественской; а Кіевскій Митрополитъ посвятилъ его. Въ современной лѣтописи названъ Симонъ (умершій Схимникомъ въ 1226 г., Маія 22) *учительнымъ и милостивымъ*. Тѣло его было погребено въ Соборной Владимірской церкви: какимъ же образомъ очутилось въ Кіевской пещерѣ (гдѣ его показываютъ), не знаю. О сочиненіяхъ сего Епископа см. въ *Патерикѣ* (л. 196 и 201 на об.), гдѣ напечатано и посланіе его къ Поликарпу, но выпущены самыя любопытнѣйшія мѣста, или все историческое, касающееся до характера и жизни Поликарповой (Синодал. Библ. No 165): «разумѣхъ тя санолюбца, и славы ищеши отъ че«ловѣкъ. . . . Сущимъ отъ Бога не хощеши *повѣ«тися* (повиноваться), и мысляши высочайшая . . «Пишетъ же ми книги (письма) Княгиня Ростислав«ля» (супруга Ростислава Рюриковича, дочь В. Кн. Всеволода III), «Верхуслава, хотящи тебе поста«вити Епископу Новуграду на Онтоніево мѣсто, «или *Юрьеву* на *Олексіево* мѣсто: *аще ми и тыся«ща сребра* (слова Княгини) *расточити тебе ради «и Поликарпа ради*. И рѣхъ ей: дщи моя *Анаста«сіе!* дѣло не богоугодно хощеши сътворити. Абы «пребылъ въ монастыри неисходно съ чистою «съвѣстію . . . то не токмо бы въ Святительскую «одежду облечень, но и Вышняго Царьствия досто«инъ бы былъ. . . . Аще бы ты былъ достоинъ

«таковаго сана, не бых тя пустилъ отъ себе; но
«своима рукама Намѣстника тя поставилъ бых въ обѣ
«Епископьи, Володимерю и Суздалю, яко же Князь
«Георгій хошѣлъ, но азъ ему възбранилъ, видя твое
«вельдушіе (гордость) . . . . . Азъ бы радъ оста-
«вилъ Епископьство и работалъ Игумену, *но вьси,*
«*кая вещь держить ми;* и кто не вѣсть мене грѣш-
«наго Епископа Симона и сея Зборныя (Соборныя)
«церкви красоты Володимерскія и другія Суздальскія,
«юже самъ создалъ! Колико имѣпа градовъ и селъ!
«десятину збираютъ по всей земли той; а шѣмъ
«всѣмъ владѣеть наша худость. Предъ Богомъ ти
«молвлю: всю сію славу и власть яко калъ мнѣлъ
«бых, аще бы ми трескою (коломъ) торчати за
«врапы или смѣшіемъ (соромъ) валяпись въ Печер-
«скомъ манастыри и попираему быти человѣки,
«лучьши есть чести временныя. День единъ въ до-
«му Матере Божія паче 1000 лѣтъ, въ немъ же во-
«лилъ бых пребывати, паче неже жити ми въ се-
«лѣхъ грѣшничихъ.» Сей Поликарпъ, описатель жи-
тія Печерскихъ Угодниковъ, здравствовалъ, какъ
видимъ, и былъ простымъ Монахомъ Лавры во время
Епископства Симонова, отъ 1215 до 1226 г., слѣд-
ственно онъ не Архимандритъ Поликарпъ, умершій
въ 1182 г. (выше, прим. 122): чего не зналъ Авторъ
Поликарпова житія, писаннаго въ новѣйшія времена
(см. *Патерикъ*).

(138) См. *Воскресен. Лът.*

(139) Современный Ливонскій Лѣтописецъ (Liefl. Chr. I, 125) говоритъ, что Россіяне, соединясь съ Эзельцами и Чудью, имѣли около 20,000 воиновъ; что они бросали мертвыя тѣла въ рѣку, текущую у подошвы горы, на коей стоялъ Оденпскій замокъ, дабы осажденные не могли брать воды для утоленія своей жажды; что Нѣмцы терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и что голодныя лошади Рыцарей *отгрызали хвосты* одна у другой. Сіе происходило въ 1217 г.

(140) См. *Волынск. Лът.* — По хронологіи Ипатьевскаго списка (выше, прим. 95) Король Венгерскій приходилъ въ Галичь въ 1209 г., Даніилъ уѣхалъ къ брату въ Каменецъ въ 1210, а сѣлъ на Владимірскомъ престолѣ въ 1211.

(141) Райнальд. *Annal. Ecclesiastici.*, XIII, 236. — *Воскр. Лът.* II, 156. Бракосочетаніе и коронованіе Андреева сына совершилось, можетъ быть, года черезъ два. Въ рукописномъ харатейномъ житіи Св. Саломеи, которое находилось въ Залуской библіотекѣ, сказано, что сія Княжна не имѣла еще тогда и трехъ лѣтъ отъ рожденія (Наруш. Hist. Nar. Pol. IV, 185).

(142) Сіе злодѣяніе совершилось по *Новог. Лът.* въ 1218 г., а по харатейнымъ въ 1217, Іюня 20, когда Георгій Всеволодовичь уже княжилъ въ Суздалѣ.

(143) Константинъ преставился въ 7 часу дня. Васильку было тогда 9 лѣтъ, а Всеволоду 10 отъ рожденія. — Супруга Константинова скончалась въ 1221 г. Генв. 24, и положена въ Ростовѣ.

(144) Сынъ Мстислава Романовича Кіевскаго.

(145) «Пособи Богъ Новгородцемъ» См. Liefländ. Chr. I, 139. Кельхъ въ своей Исторіи (стр. 59) говоритъ, что Россіяне одержали побѣду.

(146) *Воскр. Лът.* I, 26.

(147) *Воскр. Лът.* II, 169. Сіе было въ 1219 г. — *Лътоп. о великомъ градѣ Устюгѣ* (наход. въ Вологодской Епископской библіотекѣ). Въ житіи Св. Іоанна Устюжскаго (*Пролог.* Маія 29) сказано, что сей городъ былъ нѣкогда тамъ, гдѣ село *Пухово* на берегу Сухоны. — *О Князьяхъ Устюжскихъ* см. *Новогор. Лът.* стр. 176. — Первобытные обитатели Волог. и Арханг. Губерній обыкновенно называются въ нашихъ лѣтописяхъ Заволоческою Чудью. Откуда же пришли Россіяне въ Устюгъ, изъ Новогородской или Суздальской области, и кто основалъ сей городъ, они или Чудь, не знаемъ. Здѣсь въ первый разъ объ немъ упоминается. Устюгъ зависѣлъ тогда отъ В. Кн. Суздальскаго: ибо жители его составляли часть Георгіева войска; а послѣ отъ

Ростовскаго (см. Т. IV, примѣч. 188). Древнѣйшій изъ Устюжскихъ Святыхъ, коихъ житіе описано въ Прологѣ, есть Прокопій Юродивый, умершій въ 1303 г., купецъ Нѣмецкій, принявшій въ Новѣгородѣ Вѣру Греческую (*Прол.* Іюля 8); но въ рукописныхъ святцахъ именуются еще Іоаннъ Праведникъ и супруга его Марія, *начальники* древняго Устюга (погребенные у церкви Вознесенія на посадѣ) также преподобный Кипріанъ, строитель Архангельскаго монастыря, которые жили гораздо прежде.

(148) (*Воскр.* II, 169) Мѣсто, нынѣ именуемое *посадъ Старая Унжа*, находится въ Костромской Губ. на берегу рѣки сего имени. — Святославъ ходилъ на Болгаровъ въ 1220 г. Въ харатейныхъ сей походъ описанъ кратко. — Городъ Ошелъ, находившійся не далеко отъ устья Камы, былъ взятъ и сожженъ Іюля 15.

(149) По харатейнымъ Новгородъ Нижній заложенъ въ 1221 г. Татищевъ пишетъ, что на семъ мѣстѣ находился прежде Болгарскій городъ, разоренный Россіянами.

(150) См. *Воскресен.* II, 174. — Въ *Волынск. Лът.* о Коломанѣ ни слова: вѣроятно, что онъ былъ въ Венгріи. Длугошъ пишетъ, что Коломанъ ушелъ погда изъ Галича вмѣстѣ съ Еписк. Краковскимъ, Викентіемъ Кадлубекомъ, и съ Канцлеромъ Лешка Бѣлаго Ивономъ; но именитые чиновники Польскіе не могли быть въ сіе время у сына Андреева, ибо Лешко находился въ ссорѣ съ Андреемъ. Нарушевичь справедливѣе говоритъ о бѣгствѣ Кадлубека уже по разбитіи Венгерскаго Воеводы Филѣя. — Первый походъ Мстислава въ Галичь былъ въ 1219 г.

(151) См. *Волынск. Лът.*

(152) «Въ тоже время прислаша Князи Литовскіе «къ Вел. Княгини Романовой, и къ Данилови, и къ «Василкови, миръ дающи. Бяху же имена Князей: «се старшій *Живиньбудъ*, *Довьялъ*, *Довьспрукъ*; «братъ его *Мидогъ*, братъ Довьяловъ Великаиль, «а Жемоитскыи Князь *Эрдивиль*, *Выкынть Аруско-*

«вичь, *Кинтибудъ*, *Вънибудъ*, *Бутовитъ*, *Виженивь* «и сынъ его *Вишли*, *Китений*, *Пликосовъ Асебуле-* «*вичь*, *Вишимутъ*, его же уби Миндогъ и жену его «поялъ и братью его побилъ, *Эдивила*, *Съпрудъйка*; «а се Князи изъ Лотвы: *Юдыкы*, *Пукыйкъ*, *Бикши*, «*Ликпйкъ*. Вси миръ даша Князю Дан. и Вас. и бѣ «земля покойна. Ляхомъ же не преспающимъ пако- «спящимъ и приведе на ня Липву и много убійства «съпворишась въ нихъ» (*Вол. Лът.*).

(153) Полагаемъ, что Мстиславъ въ первый разъ запялъ Галичь въ 1219 г., изгнанъ Венграми уже въ слѣдующемъ, а побѣдилъ ихъ и плѣнилъ Коломана или въ 1220 или въ 1221 г.

(154) См. Длугоша и Стриковскаго. Такую же хитрость употребилъ Изяславъ II (см. выше). Длугошъ I, 607: O magne lux et victor Mscislae Mscislavice! o fortis accipiter (соколъ) и проч.

(155) Нѣкоторыя изъ описанныхъ здѣсь обстоятельствъ взяты изъ Длугоша, коего повѣствованіе кажется на сей разъ достовѣрнымъ, будучи согласно въ главныхъ обстоятельствахъ съ *Волынск. Лът.* Онъ безъ сомнѣнія пользовался какими нибудь Галицкими извѣстіями.

(156) См. Наруш. Hist. Nar. Polsk. IV, 190.

(157) Стрик. Лит. Хроника и Мѣхов. Hist. Pol.

(158) Сіи мирныя условія извѣстны намъ по грамотѣ Папы Гонорія III, писанной въ 1222 г. къ Андрею Венгерскому (Райнальд. Annal. Eccles XIII. 324, 325). Папа, отвѣтствуя сему Королю, говоритъ: Casu sinistro accidit, Regem ipsum (Коломана) cum sponsa sua et pluribus aliis viris nobilibus à tuis hostibus capturari, et tamdiu extra regnum ipsum mancipatos custodiae detineri, donec, necessitate compulsus, cum ipsos aliter liberare non posses, iuramento praestito promisisti, quod filio tuo, tertio genito, concesseris ipsi regnum (Галицію) praefatum... filiam nobilis viri Mizoslai (Мстислава) matriamonialiter copulares, super quo utique Apostolicae provisionis suffragium postulasti. *Волынск. Лът.*, не сказавъ ничего о мирѣ, говоритъ

о бракѣ Мстиславовой дочери.... «Галичаномъ бо «хотящимъ Данила... Мьстиславъ же дастъ Галичь «Королевичю.» Сіе было уже послѣ Калкской битвы съ Татарами въ 1224 г.; но Мстиславъ единственно *исполнилъ тогда* договоръ прежній (какъ видно изъ письма Гопоріева), заключенный въ 1221 г. Длугошъ пишетъ, что Венгерскій Королевичь, по условію *черезъ три года* получилъ Галицкое Княженіе. Сей Историкъ не зналъ третьяго сына Королевскаго, Андрея, и думалъ, что Мстиславова дочь, которую онъ называетъ *Маріею* (а другіе *Еленою*: см. Гебгарди Gesch. des R. Hung. II, 91) вышла за Белу, и что Мстиславъ возвратилъ Галичь Коломану.

(159) Въ письмѣ Гонорія (см. выше): Regi, nato suo secundo genito (Коломану) ad Regnum Gallitiae sibi datum per venerabilem fratrem nostrum, Strigoniensem Archi-Episcopum, auctoritate Sedis Apostolicae coronato in Regem. О первой невѣстѣ Андреевой, Царевнѣ Арменской, см. Прая Ann. Reg. Hung. III, 216. Далѣе говоритъ Папа: Cum enim, sicut accepimus, praefatus filius tuus et filia supra dicti Mizoslai in minori existant constituti aetate, antequam ad nubiles annos perveniant, tibi cautius et consultius provideri poterit in hoc casu, и проч.

(160) *Волынск. Лът.* — Въ Червенскѣ княжилъ братъ Александровъ, Всеволодъ Всеволодовичь.

(161) См. Liefl. Chr. I, 140, 148, 158, 170, 176, 177. Владиміръ Псковскій ограбилъ тогда домъ Священника Алобранда (см. выше). Ярославъ, сынъ Владиміра Псковскаго, названъ въ Liefl. Chr. *Герцеславомъ*. — Латыши и нынѣ именуютъ Вендень Кесисъ и Цесисъ, Zehsis. — Ливон. Лѣтописецъ и здѣсь въ означеніи времени отстаетъ отъ нашего 4 годами.

(162) См. Маллета Hist. de Dan. III, 395 — 401. Ревель основанъ въ 1218 или 1219 г. Тамъ былъ прежде замокъ Линданиссе: Датчане разрушили его. Прежде вся сія область называлась Ревелемъ. Отъ чего произошло Русское имя Колываня, не знаю: оно должно быть Чудскаго языка.

(163) Lifl. Chr. I, 160, 189, 189. Шведскій Король Іоаннъ около 1220 г. присталъ къ берегамъ Эстоніи — той части ея, которая называлась Роталіею, противъ острова Эзеля, и гдѣ донынѣ одинъ погостъ называется Rötel. Оставивъ войско въ замкѣ Леалѣ, Король возвратился въ Швецію. — Походъ Россіянъ къ Колыванію или Ревелю былъ по нашей лѣтописи въ 1223, а по Ливонской въ 1222 г.

(164) Liefl. Chr. I, 64, 189, 191, 193, 196. Сей Лѣтописецъ разсказываетъ, что Вячко (Viesceka), начальствуя въ Кукенойсѣ, былъ плѣненъ Рыцарями, но освобожденъ Епископомъ въ 1206 г.; а послѣ ограбилъ, умертвилъ многихъ Нѣмцевъ, и боясь мести, ушелъ въ Россію. Въ Новогор. лѣтописи (стр. 36) еще подъ 1167 г. упоминается о Князѣ Вячкѣ, томъ или другомъ (сей *Исторіи* Т. II. примѣч. 356). — Сами Нѣмцы укрѣпили замокъ Юрьевскій.

(165) Въ *Новогородск. Лет.* сказано: «убиша Князя Вячка Нѣмци въ Гюргевѣ, а городъ взяша» (въ 1224 г., а по *Ливонск.* лѣтописи въ 1223).

(166) Liefl. Chr. I, 201.

(167) Маловажныя происшествія описаннаго нами времени суть слѣдующія:

Въ 1213, Окт. 23 род. у Георгія сынъ Всеволодъ-Димитрій. Въ 1214 у Константина родился сынъ Владиміръ-Димитрій. Въ 1216 преставился Ростов. Еписк. Пахомій и погребенъ въ церви Богоматери: мужъ добродѣтельный, исполненный книжнаго ученія. Поставленъ Епископомъ Ростову Кириллъ, Черноризецъ Суздальской обители Св. Димитрія. Новогородцы смѣнили Посадника Юрія Ивановича и выбрали Твердислава Михалковича. — Въ 1219 родился у Ярослава Всеволодовича сынъ Ѳеодоръ. — Въ 1220 преставился въ Кіевѣ Россійскій Митроп. Матѳей, Авг. 19. — Въ 1223 скончался Новогор. Архіепископъ Митрофанъ Іюля 3. Граждане въ тотъ же день ввели въ домъ Святительскій Хутынскаго Монаха, Арсенія, человѣка добродѣтельнаго.

(168) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 35 и г. 1133. Изяславъ Мстиславичь ѣздилъ въ Смоленскъ, чтобы взять съ тамошняго Владѣтеля *дары* для Великаго Князя: сіи дары были обыкновенною данію.

(169) См. Т. II, стр. 121.

(170) Въ семъ смыслѣ Рязанскіе, Тверскіе, иногда Смоленскіе и Черниговскіе именовались *Великими*, а не *Мѣстными*, какъ сказалъ Болтинъ. Послѣднее названіе принадлежитъ новѣйшимъ временамъ. Князь Мѣстный значилъ тоже, что Помѣстный; онъ былъ ниже Удѣльнаго или Владѣтельнаго.

(171) Города Слуцкъ, Мозырь и другіе на берегахъ Припети были отданы Георгіемъ Долгорукимъ роду Князей Черниговскихъ: см. сію *Исторію* въ описаніи годовъ 1149 и 1155; также *Воскр. Лът.* II, 67, и *Новог.* 20, 79.

(172) См. Т. II, стр. 118, и выше стр. 166.

(173) Такъ по смерти Изяслава I вступилъ на Кіевскій престолъ не сынъ его, а братъ Всеволодъ I, послѣ Всеволода старшій его племянникъ Святополкъ, послѣ Мстислава Великаго братъ Ярополкъ, и проч.

(174) То есть, Ярославъ Святополковичь, сынъ его Юрій, внукъ Глѣбъ, и проч.

(175) *Рос. Библ.* стр. 210, и *Воскр. Лът.* I, 290. Монахъ Рубруквисъ въ 1253 г. встрѣтился съ Половчаниномъ, который даже говорилъ Латинскимъ языкомъ (Бержер. Voyages, I, 45.)

(176) Memor. Popul. II, 672–722.

(177) См. *Ярославову Правду* и *Новогор. Лът* стр. 81, 89 и 112, гдѣ сказано, что Князь на пять лѣтъ освободилъ простой народъ отъ дани.

(178) Мы уже видѣли множество примѣровъ сего народнаго своевольства. Не говоря о славныхъ Вѣчахъ Новогородскихъ, вспомнимъ мятежъ Кіевлянъ при Изяславѣ I и требованія предложенныя ими на Вѣчѣ Игорю II (см. Т. II, стр. 72 и 203.) — На Вѣчѣ, бывшемъ въ Владимірѣ по смерти Андрея Боголюбскаго, присутствовала вся *Дружина, отъ мала до велика:* см. *Рос. Библ.* стр. 255.

(179) См. выше, спр. 13, *Рос. Библ.* спр. 202, 203, и *Новогород. Лът.* спр. 40.

(180) См. *Новогород. Лът.* спр. 75, гдѣ сказано, что у Дмитра, Посадника и богатаго купца, были села; см. также выше, спр. 29.

(181) Она напечатана при Царѣ Алексіи Михайловичѣ, по *благословенію Іосифа Патріарха* (слѣдственно прежде Никона), но была извѣстна въ Россіи вѣка за четыре до временъ его: что доказывается харатейною Кормчею Книгою, писанною для Софійской Новогородской церкви около 1280 г. (см. нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 65). — Кормчая Книга содержитъ въ себѣ и нѣкоторые гражданскіе законы, коими въ случаяхъ, неопредѣленныхъ Россійскимъ Правомъ, руководствовались наши судьи въ государствованіе Іоанна III (см. Т. VI). Царь Алексій Михайловичь, уже издавъ *Уложеніе*, счелъ за нужное въ 1654 г. разослать ко всѣмъ Воеводамъ выписки изъ Греческихъ законовъ Номоканона, и велѣлъ судить по онымъ дѣла уголовныя: о чемъ будемъ говорить въ Исторіи XVII вѣка, и тогда представимъ достопамятный указъ Царскій въ подлинникѣ.

(182) *Воскр. Лът.* I, 284, 301; II, 57, и *Новогор. Лът.* 83. Ростовцы изгнали Епископа Леона, Кн. Черниговскій Антонія, и проч. — О Епископѣ Кириллѣ сказано въ Пушкинской лѣтописи.

(183) См. *Воскр. Лът.* II, 39 и 140, Новогород. 62, и сію *Исторію* въ описаніи 1150 года.

(184) См. *Воскр. Лът.* I, 205. Далѣе см. *Рос. Библ.* сп. 94 и 204, *Воскр. Лът.* II, 33. О Конюшихъ упоминается въ Ярославовой *Правдѣ*. *Сѣдельники* и *Кощеи* также были въ числѣ придворныхъ.

(185) См. выше, примѣч. 20.

(186) См. выше, примѣч. 37. Имя *Пасынковъ* въ смыслѣ Боярскихъ Опроковъ есть весьма древнее. Въ Несторово время одно мѣсто въ Кіевѣ называлось *Пасынча бесѣда*, то есть, сборное мѣсто сихъ военныхъ людей.

(187) Такъ вооружались Переяславскіе *граждане* для спасенія Владиміра Глѣбовича (выше, стр. 64) и поселяне Суздальскіе для отраженія Новогородцевъ и Смолянъ въ 1216 г.: см. выше.

(188) См. Т. II, стр. 71.

(189) См. *Воскр. Лѣт.* II, 84, 111, *Рос. Библ.* 136 и *Новогород. Лѣт.* 93.

(190) Войско Андрея Боголюбскаго, осаждавшее Вышегородъ въ 1173 г.; но кромѣ дружинъ его союзниковъ.

(191) См. *Рос. Библ.* 223, 224, *Новогород. Лѣт.* 58, и Liefl. Chr. I, 193, 195.

(192) См. *Воскр. Лѣт.* II, 76.

(193) См. въ Бержерон. Voyages путешествіе Рубруквиса (въ 1253 году) стр. 1 и 5. Россіяне давали за возъ соли по двѣ ткани бумажныя, которыя споили $^1/_2$ *гиперпера* или Константинопольскаго червонца (см. Дюканж. de infer. aevi numism. Dissert. стр. 71.)

(194) См. Sammlung Russ. Gesch. Т. II, стр. 10, 83. Половцы не владѣли Херсонскою областію.

(195) См. Фоліет. Hist. Genuens. стр. 297.

(196) См. выше стр. 63, и *Рос. Библ.* 278.

(197) См. выше, прим. 16, *Патерикъ* въ житіи Св. Агапипа, и *Слово о полку Игоревѣ* стр. 22. Венеціане узнали Россіянъ чрезъ Константинополь со времени Крестовыхъ походовъ. — Объ изгнаніи Мартина Сандомирскаго пишетъ Длугошъ, Hist. Polon. Кн. VI, стр. 649: Wladimirus Kioviensis Dux veritus ritum suum Graecum per fratres Praedicatores, videlicet Martinum de Sandomiria, Priorem Kioviensem, et alios fratres ejus, utpote viros Religiosos et exemplares, pessundari et confundi, praefatos Fratres de Ecclesia S. Mariae in Kiow, ordini praefato consignata, et circa quam habebant suum conventum, expellit, redeundi facultatem eis interminans. Энгель въ своей Gesch. von Halitsch стр. 556, ссылаясь на Окольскаго, сочинителя книги Russia Florida, разсказываетъ, что Владиміръ выгналъ тогда Доминиканскаго Монаха Іакин-

ѳа; что сей Монахъ, вылечивъ прежде его дочь и возвративъ ей зрѣніе, пользовался отмѣнною милостію Княжескою, съ дозволенія Владимірова проповѣдывалъ Лапинскую вѣру въ Черниговѣ, Смоленскѣ, Москвѣ и проч. Это сказка. Владиміръ не могъ дозволить Іакинѳу проповѣдывать въ Черниговѣ и Москвѣ, ибо сіи города не зависѣли отъ него. Къ тому же Іакинѳъ находился въ Кіевѣ послѣ 1240 г. (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 9).

(198) См. *Путешествіе* Палласа I, 192 — Лепехина *Записки*, I, 272 — Миллер. Samml. Rus. Gesch. V, 214, 428. Сіи надписи переведены для Государя Петра I въ 1122 г. Казанскимъ Армяниномъ Иваномъ Васильевымъ. Одна изъ нихъ 557 года; но должно знать, что Армянское лѣтосчисленіе начинается съ нашего 552 года, Іюля 9 (см. l'Art de vérif. les dates). — Нынѣшнее село Болгары (не далеко отъ Тетюшъ) основано на самыхъ развалинахъ древняго Болгарскаго города. Тамъ видны ровъ, валъ и даже каменныя зданія, еще не совсѣмъ разрушенныя временемъ; семь палатъ, четыре башни, два столба. Бывшая тамъ мечеть Татарская обращена въ церковь Св. Николая. Жители называютъ остатки другаго зданія *Греческою палатою* и *судейскимъ домомъ*. — Арабскій Географъ X вѣка, Ибнъ Гаукаль (Geographie Orientale d'Ebn-Haukal par Silvestre de Sacy) пишетъ о городѣ Болгарѣ и другомъ сосѣдственномъ, сказывая, что въ нихъ около десяти тысячь жителей.

(199) Эрбелот. Biblioth. Orient. подъ словомъ Bulgar, и Миллер. Samml. R. G. VII, 428.

(200) То есть, отъ 619 до 742 г. Эгиры (см. Палласа I, 193). Всѣхъ Арабскихъ надписей 47, изъ коихъ 22 одного 623 или 1226 г.: Палласъ заключаетъ, что въ семъ году было тамъ моровое повѣтріе. Приведемъ здѣсь одну надпись: «Господь есть «Богъ живый и безсмертный. . . Гробъ Владѣтеля «Шахима, Мамякова сына. Мамякъ Мартуловъ сынъ, «Мартулъ Суваровъ. Всевышній да успокоитъ его

«Своимъ милосердіемъ. Умеръ въ году отъ Магоме-
«та 623» (см. Лепех. *Записки* I. 274).

(201) См. выше, стр. 84.

(202) См. Т. II, стр. 175, Саксон. Граммат. стр. 271, и въ Сартор. Gesch.des Hanseat. Bund. I, 191, гдѣ приведено слѣдующее мѣсто изъ грамоты Императора Фридриха, писанной въ 1187 г.: Ruteni, Goti, Normanni, et ceterae gentes orientales ad civitatem sepius dictam (Любекъ) veniant et recedant. Тоже сказано въ договорѣ Смоленскаго Князя съ Нѣмцами: см. ниже. Адам. Бременскій (въ Линденбр. стр. 58) около 1070 г. пишетъ, что въ его время Датчане доплывали иногда до Новагорода въ 4 недѣли. О церкви Русской въ Готландіи см. Nov. Act. Societ. Upsal. II, 101, и ниже. — Королевскіе Шведскіе чиновники, посыланные въ XVII вѣкѣ на островъ Готландскій, привезли оттуда слѣдующее извѣстіе: Ex India, Persia, Arabia, Graecia devehebantur merces Derbendam, Caspii portum maris, hinc per mare istud et Wolgae fluvium ad urbem Moscuae, tum porro terrestri primum itinere non longo, et aquis dein variorum fluminum mariumque Wisbyam usque, utpote in centro sitam Balthici oceani, et in qua, sicut gentes aliae, ita Russi quoque templum habuere publicum domumque convehendis ac permutandis mercibus propriam. См. Сарт. Gesch. des Hans. B. I, 381.

(203) Въ Любекскомъ Архивѣ нашелся Латинскій списокъ договора Готландцевъ и Нѣмцевъ съ Новымгородомъ, напечатанный Дреромъ въ книгѣ *Specimen juris publici Lubecensis*, стр. 177, съ нѣкоторыми выпусками и даже грубыми ошибками: что доказано вѣрнымъ, новымъ спискомъ сей грамоты, недавно присланнымъ изъ Любека къ Е. С. Канцлеру, Гр. Н. П. Румянцову. Напримѣръ, Дрееръ выпустилъ важныя слова въ концѣ тракта: Via a curia Gotensium trans curiam Regis usque ad forum libera erit et edificiis inoccupata, libertate, quam Rex edidit *Constantinus*; а въ началѣ вмѣсто *Rex*, *Borchravius* (то есть, Посадникъ) Dux (Тысячскій) et Nogardienses

discretiores, поставилъ: *Rex Borchramus*. Еще не видавъ сего новаго списка (который будетъ скоро изданъ), Лербергъ угадалъ истину (см. его Untersuchungen, стр. 239–272).—Предложимъ содержаніе грамоты.

«Во имя Бога Всемогущаго .... Аминь, и проч. «Купцы Нѣмецкіе и Гопландскіе да торгуютъ сво- «бодно въ областяхъ Новогородскихъ, какъ издревле «бывало; могутъ, входя въ Неву, рубить лѣсъ для «своей надобности, и въ случаѣ кораблекрушенія жи- «тели должны не грабить ихъ, но оказывать имъ «всякую помощь: въ удостовѣреніе чего Князь и Бо- «ре Новогородскіе цѣлуютъ святый крестъ.» (Въ подлинникѣ: Cum mercatores Theutonici vel Gotenses veniunt in *Berko*, in regno regis Nogardiensium, и проч. Сей *Берко* есть *Біорко*, на Юго-Западъ отъ Выборга. Ежели сей островъ принадлежалъ тогда къ Новогородскимъ владѣніямъ, то предлагаемый договоръ былъ писанъ прежде 1293 г., когда Шведы овладѣли сею частію Кореліи. См. Лерберга Untersuchungen, стр. 258).

«За всякую обиду, сдѣланную гостю, отвѣт- «ствуетъ Правительство. Если въ пути украдутъ «у Нѣмца вещь цѣною ниже полугривны кунъ, то «воръ можетъ откупиться отъ наказанія двумя «гривнами кунъ; а если она дороже, то стоитъ ме- «нѣе полугривны серебра, то виновный долженъ «быть *наказанъ розгами и заклейменъ на щекѣ*, или «заплатитъ десять гривенъ серебра. За важнѣйшее «воровство казнятъ смертію. Преступленіе, учи- «ненное въ Ижерской области, судится ея Тіуномъ; «а если онъ чрезъ два дни не явится, то *старши- «ны гостей могутъ сами наказать вора* по означен- «нымъ правиламъ.

«Когда *гости зимніе*, или желающіе зимовать въ «Новѣгородѣ, будутъ на Ижерѣ, Тіунъ высылаетъ «лодошниковъ, кои немедленно отправляются съ го- «стями, дающими каждому изъ нихъ 8 кунъ или мор- «докъ и двѣ салфетки, или вмѣсто оныхъ 3 мордки, «а *гости лѣтніе* сверхъ того четыре хлѣба и со-

«судъ масла или 2 куны за хлѣбы, а за масло три «мордки.» (Въ подлинникѣ названы лодошники vectores и ductores или Vorschkerle, рѣка Ижора, Vorsch, Тіунъ Oldermannus. Ижерскій приставъ долженъ былъ извѣстить Тіуна о прибытіи гостей. Собравшимся лодошникамъ позволялось только однажды сварить себѣ кушанье (decoquetur eis unum caldarium, et non plus), чтобы не задерживать купцевъ. *Куны мордки*, capita Martatorum, вообще то же, что куны: см. Т. I, примѣч. 472; но куны были различныя. Въ договорахъ Князя Тверскаго Михаила съ Новымгородомъ упоминается о кунахъ долгихъ (см. ниже). Собственно такъ называемая *кунья мордка* превосходила, кажется, въ цѣнѣ обыкновенную куну: ибо въ трактатѣ сказано, что за печеный хлѣбъ гости платили 2 куны, а за сосудъ масла 3 мордки куньи, то же за пару салфетокъ. Лодошники получали сію плату дошедши съ гостями до рыбачьихъ хижинъ). «Пошлина въ Новѣгородѣ» — платимая въ какомъ-то мѣстѣ Gestevelt — «уставлена равная для *зимнихъ* «*и лѣтнихъ гостей*: съ каждаго изъ судовъ купече- «скихъ гривна кунъ; съ нагруженнаго мясомъ (соле- «нымъ), мукою и пшеницею $^1/_2$ гривны, а съ другихъ «съѣстныхъ припасовъ нѣтъ никакого сбора. Гости, «взявъ Русскую ладію съ Невы, въ Новѣгородѣ даютъ «лодошнику установленную цѣну и окорокъ ветчи- «ны или 5 гривенъ кунъ; если же ладія встрѣти- «лась имъ на Волховѣ или на Ладожскомъ озерѣ (Al- «dagen), то платятъ единственно половинную цѣну. «Буде ладія отстанетъ въ пути отъ другихъ или «разобьется, то лодошникъ хотя и не отвѣт- «ствуетъ за сіе несчастіе, однакожь не можетъ тре- «бовать платы; но за товаръ, испорченный имъ отъ «небреженія, платитъ купцу. Если гости и лодош- «ники, имѣвъ въ пути ссору, примирятся, то уже «не надобно поминать объ ней въ Новѣгородѣ. — Го- «сти, по древнему обыкновенію, могутъ свободно, вхо- «дя въ Неву, торговать съ Корелою и съ Ижерца- «ми. — Въ Новѣгородѣ за перевозъ товаровъ на го-

«стиной дворъ Нѣмцы платятъ съ ладіи 15 кунъ,
«а Готланцы 10. Тамъ Новогородцы не могутъ
«предписывать никакихъ законовъ въ куплѣ. Сіи го-
«стиные дворы пользуются неограниченною свобо-
«дою. Ежели укроется въ оныхъ преступникъ, то
«иноземцы не обязаны выдавать его: онъ судится
«единственно тамошнимъ судомъ. Герольды и Би-
«рючи не входятъ ни въ Нѣмецкій, ни въ Готланд-
«скій дворъ: одинъ Посолъ Княжескій имѣетъ сіе
«право. Обиженный Россіяниномъ гость жалуется
«Князю и Тіуну Новогородскому, обиженный гостемъ
«Россіянинъ Старѣйшинѣ (Oldermanno) иноземцевъ,
«который одинъ можетъ взять его подъ стражу.
«Ссоры между Россіянами и гостями судятся на дво-
«рѣ Св. Іоанна Княземъ, Старѣйшиною (иноземцевъ)
«и Новогородцами. Неистовая забава, въ коей люди
«бьются дрекольемъ, не должна быть терпима на
«улицѣ между дворами Нѣмецкими, чтобы Россіяне
«и гости не имѣли повода къ ссорамъ. Кто силою
«вломится въ гостиный дворъ и сдѣлаетъ Нѣмцамъ
«обиду, тотъ подвергается ихъ произвольной мести,
«а начальство за него не вступается; если же уйдетъ
«и будетъ обиченъ семью свидѣтелями, долженъ
«заплатить двойную виру или двадцать гривенъ се-
«ребра, а каждый его сообщникъ 2 гривны серебра,
«сверхъ особеннаго убытка, причиненнаго симъ нас-
«ліемъ. Когда же виновный бѣденъ, за него платятъ
«Новогородцы. Если преступникъ будетъ задержанъ
«на дворѣ Нѣмецкомъ, то его должно наказать все-
«народно. Кто дерзнетъ ломать ворота или заборъ
«сего двора, или пуститъ въ оный *стрѣлу*, или
«броситъ камень, тотъ платитъ десять гривенъ
«серебра. — Всѣ приходящіе на гостиный дворъ тор-
«гуютъ въ ономъ свободно; нѣтъ розницы между
«Россіяниномъ и Нѣмцемъ (modica vel nulla est diffe-
«rentia). Гости пользуются такою же свободою внѣ
«сего двора. — Нѣмцы могутъ невозбранно учить
«своихъ отроковъ языку Русскому. Отъ церкви
«Св. Николая до гостинаго двора и самой улицы

«не должно заспроивать никакого мѣста. — Клад-
«бище Св. Петра, торговые дворы Нѣмцевъ и Гол-
«ландцевъ могутъ быть обносимы заборомъ, какъ и
«прежде. Церкви (Нѣмецкія) Св. *Петра* и Св.
«*Николая* въ Ладогѣ пользуются, какъ и въ ста-
«рину, особенными, отведенными имъ лугами. —
«Если будетъ ссора между *зимними гостями* и Рос-
«сіянами, то *лѣтнимъ гостямъ* нѣтъ до оной ни-
«какого дѣла, и вообще каждый иноземный купецъ,
«не смотря на сію распрю, имѣетъ свободный вы-
«ѣздъ изъ Новагорода. Ежели она небудетъ прекра-
«щена ни въ годъ, ни въ два, то на третій годъ
«Новогородцы уже могутъ поступить съ гостями
«какъ съ непріятелями: описать ихъ имѣніе, запо-
«чнть, и проч.» fiet *Pandatio* admittetur. Глаголъ
pandare означалъ apposer ban sur quelque chose. см.
Дюканж. Glossar. Такъ Новогородцы поступили съ
Нѣмцами въ 1188 году). «Россіянинъ не имѣетъ так-
«же права задержать въ домѣ у себя иноспранца;
«но долженъ объявить его вину Старѣйшинѣ, ко-
«торый предосперегаетъ своего единоземца. — Въ
«случаѣ войны между Новымгородомъ и спранами
«окрестными гость Нѣмецкій или Гопландскій, ни
«мало не участвуя въ оной, воленъ ѣхать, куда ему
«угодно. Нельзя также принудить его, чтобы онъ
«вооружился и шелъ въ походъ съ Новогородцами. —
«Гость Нѣмецкій, желая изъ Новагорода отпра-
«виться въ Гопландію, даетъ гривну серебра въ
«церковь Св. Пятницы» (Sti Vridach, т. е. Freitag). —
«Во всякой тяжбѣ гостя съ Россіяниномъ должны
«быть свидѣтелями два гостя и два Россіянина.
«Если Россіянинъ и гости несогласны въ свидѣ-
«тельствѣ, то жребій рѣшитъ, на чьей сторонѣ
«истина. Новогородецъ, будучи должникомъ гостя
«и другаго Новогородца, обязанъ заплатить прежде
«гостю; а если не можетъ, то лишается свободы,
«вмѣстѣ съ женою и съ домочадцами. Заимодавецъ
«выводитъ его на торгъ, и воленъ увезти изъ Но-
«вагорода, буде никто не искупитъ сего должника. —

«Ежели — чего Боже сохрани — убіенъ кто Священ-
«ника, Старѣйшину и Посла, то убійца платитъ
«двойную виру или 20 гривенъ серебра; въ другихъ
«случаяхъ 10 гривенъ; за убіеніе холопа 2 гривны
«серебра; столько же и за рану свободнаго человѣка,
«а за рану холопа ½ гривны; за пощечину столько
«же. — Вѣсы гостинаго двора могутъ быть два ра-
«за въ годъ повѣряемы: на нихъ должно вѣсить всѣ
«товары Нѣмецкіе и Россійскіе. Гость платитъ вѣ-
«совщику 9 векшей съ капи или съ двѣнадцати пудъ»
(9 Schin de Cap.) См. о *капи* ниже. Векша названа здѣсь
Schin. По Смоленскому, ниже предлагаемому договору
надлежало платить вѣсовщику съ двухъ капей одну
куну: изъ чего можно заключить, что Смоленская куна
равнялась цѣною съ 18 Новогородскими векшами; а какъ
въ гривнѣ серебра было въ 1228 г. Смоленскими куна-
ми 4 гривны, а Новогородскими въ 1230 г. семь гривенъ,
то вѣроятно, что куна вообще содержала въ себѣ
десять векшей (см. сей *Ист.* Т. I, примѣч. 475).
«Избранный Новогородцами вѣсовщикъ цѣлуетъ крестъ
«во увѣреніе, что не будетъ никого обманывать,
«и за вѣшаніе металловъ драгоцѣнныхъ не беретъ
«платы. Узаконенный пробирщикъ, взявъ отъ гостей
«серебро для плавки, долженъ, возвращая имъ оное,
«исключить примѣсъ. Иноземецъ можетъ требо-
«вать вторичной повѣрки въ вѣсѣ своего металла.
«За пробирщика, буде онъ не возвратитъ гостю
«серебра его, отвѣтствуютъ Новогородцы. Вѣсъ,
«называемый *капь*, содержитъ въ себѣ 8 Ливонскихъ
«талантовъ» (въ талантѣ было 60 фунт.). «Законная
«мѣра для продажи и купли есть та, которая хра-
«нится въ (Нѣмецкой) церкви Св. Петра. — Гости
«зимніе и лѣтніе, отправляясь изъ Новагорода, мо-
«гутъ взять въ Ижерѣ проводника, коему даютъ
«8 мордокъ и 1 хлѣбъ. Они вольны ѣхать съ то-
«варами и на собственныхъ лошадяхъ. — Дворъ Гот-
«ландскій съ церковію, съ кладбищемъ Св. Олава и
«съ окрестными лугами по древнему уставу должны
«быть отъ всего свободны. Мѣсто вокругъ сего

«двора на 8 шаговъ принадлежитъ Готландцамъ: «тутъ не строить никакого зданія, и не склады- «вать лѣсу. Они уже не обязаны мостить и чи- «стить мостовыхъ за прежній, проданный ими «дворъ. — Какими правами и выгодами пользуются «гости въ землѣ Новогородской, такими же поль- «зуются и Новогородцы въ Готландіи. — Аминь.»

Вѣроятно, что сей любопытный трактатъ писанъ скоро послѣ временъ Конспантиновыхъ или около 1250 г.; но дѣйствительно ли былъ принятъ и утвержденъ Новогородцами? не думаю: ибо не находимъ въ немъ ни года, ни именъ Князя, Посадника и Тысячскаго, которыя обыкновенно означались въ Новогородскихъ грамотахъ. Вѣроятно ли также, чтобы Новгородъ далъ иноземцамъ право судить Россійскихъ преступниковъ, буде не явится Тіунъ въ уставленный срокъ, и чтобы за воровство маловажное (пынѣшними деньгами отъ одного до пяти или шести рублей) клеймили, а за важнѣйшее казнили воровъ смертію, въ землѣ, гдѣ самый убійца откупался серебромъ? Иноземные купцы, опасаясь частаго воровства болѣе, нежели рѣдкихъ убійствъ, могли предложить сей законъ; но могло ли Новогородское Правительство согласиться на оный? Александръ Невскій казнилъ развратителей своего сына, и народъ свергалъ мятежниковъ съ мосту; но такія преступленія были уже государственныя, а не частныя или не гражданскія, обыкновенно наказываемыя у насъ денежными пенями отъ временъ Ярослава до XIV вѣка. — Однакожь во всякомъ случаѣ памятникъ нашихъ купеческихъ связей съ Германіею, ознаменованный печатію древности, стоитъ замѣчанія, изображая путь и средства Нѣмецкой торговли въ сѣверозападныхъ областяхъ Россіи. Мы не усомнились внести нѣкоторыя обстоятельства сего договора въ нашу Исторію.

(204) Сіи краткія, но достовѣрныя извѣстія собраны г. Сарторіемъ въ его Gesch. des Hanseat. Bundes, I, 189 – 198 и II, 428 – 454. Тамъ упоминает-

ся, опъ XIV до XV вѣка, о частыхъ жалобахъ Новогородцевъ на обманы Ганзейскихъ купцевъ въ добротѣ и мѣрѣ Фламанскихъ суконъ, и проч. — Справедливо сомнѣваясь о мнимыхъ *несмѣтныхъ* богатствахъ тогдашняго Новагорода, Сарторій прибавляетъ, что тамъ до 1585 г. не было даже и моста черезъ Волховъ! Сей ученый Историкъ не сказалъ бы того, если бы зналъ Новогородскую лѣтопись.

(205) См. Т. II, примѣч. 64.

(206) См. Торфея Hist. Norveg. IV, 154, и Далина Gesch. des Schwed R. II, 144.

(207) Древній харатейный списокъ сего важнаго договора находится въ библіотекѣ Гр. А. И. Мусина-Пушкина. Мы обязаны сообщить оный любопытнымъ читателямъ опъ слова до слова:

«Князь Мстиславъ Давыдовичь послалъ свои мужи, Еремѣя Попа, Павпелѣя Сотьского, опъ Смольнянъ въ Ригу, а изъ Риги на Готьскый берегъ, «упверживаши миръ, а розлюбье на сторону отверечи, которое было межи Нѣмци и Смольняны; а «за тотъ миръ страдалъ (старался) Рулфъ изъ Кашля (Касселя?) и Тумашь Михайловичь, абы добросердье межь ихъ было, абы Рускымъ купцемъ «въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, а Нѣмечкымъ купцемъ въ Смоленьской волости любо было, какъ «миръ упвержень, и добросердье абы въ вѣкы стояло и Князю любо бы и всимъ Смольняномъ и Рижаномъ и всимъ Нѣмчемъ, по Восточному морю «ходящимъ, оже такую правду въпсали, которою «правдою быти Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ «березѣ, абыша тоя правды держали и въ вѣкы. — «Богъ того не дай, оже розбой по грѣхомъ приго«дипьсь межи Нѣмци и Руси, что за что платити, «абы миръ не раздрушенъ, абы Нѣмцичю любо бы«ло. — А се починокъ правдѣ: — I. Оже убьютъ воль«наго человѣка, платити за голову 10 гривенъ се«ребра по 4 гривны кунами или пѣнязи, а за холопа «гривна серебра; аже кто холопа ударитъ, гривна кунъ.

«Та же правда буди и въ Смоленскѣ, и въ Ризѣ, и «на Гопьскомъ березѣ. — 2. Аще око выбьютъ или «руку отъпщутъ, или ногу, или иная которая «храмота на тѣлѣ явиться, 5 гривенъ серебра, а «за зубъ 3 гривны серебра. Таже правда буди въ «Смоленскѣ и на Готьскомъ берегу. — 3. А кто де- «ревомъ ударитъ человѣка до крови, полторы гривны «серебра; аже ударитъ по лицю или за волосы имѣть, «или батогомъ пибетъ, платитъ безъ четверти «гривна серебра; аже послови (послу) пригодится «пакостъ или Попови, въ всякой обидѣ за два чело- «вѣка платити дань. — 4. Аще кто друга ранитъ, «а хромоты на тѣлѣ не будетъ, полторы гривны «серебра платити. — 5. Аще Рускый гость или въ «Ризѣ, или на Готьскомъ березѣ извинится (бу- «детъ виноватъ), никакоже его всадити въ дыбу «(колодку), оже будетъ порука понь; не будетъ ли «порукы понь, то лзѣ всадити въ желѣза. Или Нѣ- «мецкый гостъ извинится, не лзѣ его вереди въ «погребъ; оже не будетъ понь порукы, лзѣ его вса- «диши въ желѣза. — 6. Оже Нѣмечкый гостъ дастъ «свой товаръ въ долгъ въ Смоленьскѣ, а Русинъ бу- «детъ долженъ Руси, ино Нѣмцичю напереди взя- «ти. Таже правда буди Русину въ Ризѣ и на Гопь- «скомъ березѣ. — 7. Аще Князь взверьжетъ (гнѣвъ) «на Русина, и повелитъ его розграбити съ женою «и съ дѣтьми, а Русинъ будетъ долженъ Нѣмци- «чю, (по Нѣмцичю) напередъ взяти, а потомъ ка- «ко Богови любо и Князю. Таже правда буди Ру- «сину въ Ригѣ и на Готьскомъ берегу. — 8. Или «Нѣмечкый гостъ дастъ холопу Княжю или Боярь- «ску, а кто задницю (наслѣдіе) его возметъ, то у «того Нѣмцичю товаръ взяти. Таже правда буди «Русину въ Ригѣ и на Готьскомъ берегѣ. — 9. Ру- «сину же не лзѣ вести одинаго Русина въ послушь- «ство, ни двою. Таже правда буди Нѣмцемъ въ Смо- «ленскѣ. — 10. Русину же не лзѣ имати Нѣмчина на «желѣзо» (испытаніе посредствомъ раскаленнаго же- лѣза) «такоже и Нѣмцичю Русина; аже возлюбитъ самъ

«своею волею, то его воля. — 11. Русину же не «лзъ позвати Нѣмцича на поле (поединокъ) въ Смо«ленскѣ, ни Нѣмцичю въ Ригѣ и на Готьскомъ бе«резѣ, или Нѣмечкый гостьбитися въ Руси межи «собою мечи или сулицами, Князю по непадобѣ и «никакому Русину, а правятся сами по своему суду. — «12. А иметь Русинъ Нѣмчица у своей жены, ино «за соромъ 10 гривенъ серебра; такоже Русину въ «Ригѣ и на Готьскомъ берегу. — 13. Аще которой «Нѣмцичь учинить насилье надъ вольною женою въ «Смоленскѣ, о доволѣ было не слышати блядиѣ «ей, 10 гривенъ серебра за соромъ; также правда «буди Русину въ Ригѣ и на Готьскомъ березѣ. — 14. «А како услышить Волоскый Тіунъ, еже гость Нѣ«мечкый пріѣхалъ въ Смоляны на Волокъ, послати «ему своего человѣка вборзѣ къ Волочаномъ, ать «перевезуть Нѣмечкый гостьсъ товаромъ; а ни«ктожь иметь имъ пакостити, занеже въ той па«кости велика пагуба бываетъ Смоляномъ опть по«ганыхъ. И Нѣмцемъ метати жеребьи, кому пойти «напередъ. Аще иный гостьбудеть Рускый, по«му пойти позади. — 15. А како будеть гость Нѣ«мечкый въ городѣ, дати имъ Княгини поспавъ ча«стины, а Тивуну Волочному рукавичь перьста«тый Готьскый» (рукавицы съ перстами или пер«чатки). — 16. «А который Волочанинъ вкладываетъ «товаръ Нѣмечкый или Смоленскый на кола своя «чересъ Волокъ везти, а что погынеть того «товара, всимъ Волочаномъ платити. Таже прав«да буди Русину и на Готьскомъ березѣ. — 17. «А како будеть Нѣмечкый гость въ Смоленьскѣ «городѣ, тако ему продати свой товаръ безо вся«кія борони (препятствія); а какъ будеть Рускый «гость въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, вольножь «ему продати безо всякой борони. — 18. Аще копо«рый Нѣмчичь хочеть пойти съ своимъ товаромъ въ «иный городъ, Князю не бороними, ни Смоляномъ; «или который Русинъ всхочеть съ Готьскаго бере«га въ Нѣмечкую землю въ Любокъ (Любекъ), Нѣм-

«цемъ не боронити пути того. — 19. Аще кото-
«рый Русинъ возметъ товаръ у Нѣмчица, а понесетъ
«товаръ изъ двора, тый товаръ не ворочается; или
«который товаръ купилъ у Русина и понесетъ изъ
«двора, тый товаръ не ворочается. — 20. Русину
«же не лзѣ позвати на опцій (общій) судъ, развѣе
«на Смоленскаго Князя; аже возлюбитъ Нѣмцичь на
«опьчій судъ, то его воля. А Нѣмцичю не лзѣ по-
«звати Русина въ Ригѣ или на Готьскомъ берегѣ на
«опчій судъ; всхочетъ ли Русинъ на обчій судъ,
«то его воля. — 21. Русину же не лзѣ приставити
«Дѣчкаго» (Дѣтскаго, Отрока, воиннаго пристава)»
«къ Нѣмцичю въ Смоленьскѣ, но преже обвѣстить
«старѣйшему ихъ: оже старѣйшина его не умолвитъ,
«то лзѣ ему приставити. Такоже и Нѣмчичю въ
«Ригѣ и на Готьскомъ березѣ, ое лзѣ ему присга-
«вити Дѣпьского. — 22. Оже будетъ Русину товаръ
«имати на Нѣмчичи или въ Ригѣ, или на Готьскомъ
«березѣ, въ которомъ городѣ въ иномъ Нѣмечкомъ:
«пойти истьцю къ истьчю, и взяти ему тая прав-
«да, которая въ томъ городѣ; а *рубежа* имъ не дѣя-
«ти; а Нѣмчицю таже правда взяти въ Руси.» Сло-
во *рубежъ* употреблено здѣсь въ смыслѣ насиль-
ственнаго захваченія. — 23. «Нѣмчичю платити вѣс-
«цю отъ двою капью (съ 24 пудъ) куна Смоленьская.—
«24. Оже купити Нѣмцичю гривну золота, дати
«ему ногата вѣсцю, или продастъ, не дати ему ни
«векши.» — 25. «Или который Нѣмцичь купитъ судъ
«(сосудъ) серебряный, дати ему отъ гривнѣ куна
«вѣсцю, или продастъ, ни дати ему ни векши.—26.
«Аще купитъ Нѣмцичь гривну серебра, дати вѣсцю
«2 векши, или продастъ, не дати ему.» — 27. «Оже
«Нѣмчинъ дастъ серебро платитъ, дати ему куна
«Смоленьская гривень (съ гривны).» —28. «Аще вощный
«пудъ (вощаной вѣсъ или 12 пудъ) исказится,
«лежитъ камь во святіи Богородици на горѣ, а дру-
«гая въ Нѣмечкой Богородици: то тымъ пудъ из-
«вѣряче, право учинити. Таже правда буди Руси-
«ну въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ. — 29. Нѣмчи-

«чю же всякой товаръ вольно купити безъ бороны
«въ Смоленьскѣ, такоже и Русину вольно купити
«всякый товаръ безъ бороны въ Ризѣ и на Гоп-
«скомъ березѣ. — 30. Нѣмчичю же не надобѣ никое
«мыто изъ Смоленьска до Ригѣ, а изъ Ригы до Смо-
«леньска; такоже и Русину не надобѣ мыто съ Гоп-
«скаго берега и до Ригѣ, а изъ Риги до Смоленьска.
«— 31. Аще Смоленьскый Князь пойдетъ на войну,
«не надобѣ ему (Нѣмцу) ѣхати; оже всхощетъ съ
«Княземъ, то своя ему воля; такоже буди и Ру-
«сину воля въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ. — 32.
«Аже Русинъ или Нѣмчичь имѣетъ тягя у своего
«повара, въ томъ его воля, что хочетъ учинити.
«— 33. Русину же не дати пересуда (судной пошли-
«ны) ни въ Ригѣ, ни на Готьскомъ берегѣ, ни Нѣмчи-
«чю же платити пересуда въ Смоленьскѣ или у
«Князя, или Тіуна, или урядили будутъ добріи му-
«жи; болѣ же того не поимати ни въ Ригѣ, ни на
«Готьскомъ березѣ. Таже правда буди Нѣмечкому
«гостю въ Смоленьскѣ. — 34. А пудъ (вѣсъ) дали Нѣм-
«чи Волочаномъ, иже имъ товаръ возити всякому
«гостю, и коли исказится, а подругъ (такой же)
«его лежитъ въ Нѣмечькой божницѣ, а другой кова-
«ти извѣрившѣ тими. — 35. Епископъ же Рижьскый,
«Фолкунъ Масперъ *Божіихъ Дворянъ* (Рыцарей Хри-
«стовыхъ), и вси волостели по Рижеской земли дали
«Двину волену опъ устья до верху по водѣ, и по
«берегу всякому гостю Рижьскому и Нѣмечькому хо-
«дящимъ внизъ и верхъ. Богъ того не дай, аще кого
«притца притметъ, или ладья уразится Руская, или
«Нѣмечькая, вольно ему свой товаръ привезти къ
«берегу безъ всякой бороны. Аще будетъ въ посо-
«бленіе людій мало будетъ, а къ тому приняти
«людій въ помочь; то, что будетъ сулилъ найма,
«черезъ то болѣ не взяти. Таже правда буди Ру-
«сину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, и Нѣмчичю
«въ Смоленьской волости и въ Полпьской и въ Ви-
«тебьской. А си грамота написана бысть при По-
«пѣ Иванѣ и при Маспере Фулкинѣ и при Рижь-

«скихъ мужехъ, и при многыхъ купчехъ Рижьскаго «Царства, еже есть пѣхъ печать на сей грамотѣ. «А се суть сему послуси (свидѣпели) Регембодь, «Тепартъ, Адамъ, горожане на Готьскомъ березѣ; «Мемеберъ, Вередрикъ Домомъ изъ Люпка (Любека); «Индрикъ, Тонліеръ: паже суть изъ *Южата* (Дан- «цига?) — Кондратъ кривый, Еганъ Киногъ: ти «суть изъ Мунстера (Минстера) — Берникъ и Фол- «кирь, тиже суть изъ *Глуглы* (Гренингена?) — Яремъ, «Брахтъ: тиже суть изъ *Дропмины* (Дортмунда) «— Индрикъ, Чижикъ: тиже изъ *Дрямь* (Бремена?) «— Альбряхъ Слукъ, Бернярь Велеперь, Алеберь «судья Рижскій: тоже суть Рижане. Аще который «Русинъ или Нѣмчицъ противитися всхочетъ сей «правдѣ, да тотъ противенъ Богу и сей правдѣ.«

(208) См. Т. II, спр. 57.

(209) Вотъ древнѣйшее извѣстіе о судебныхъ поединкахъ въ Россіи, о конхъ столь много говорится въ законахъ Царя Іоанна Васильевича.

(210) Здѣсь называется *волокомъ* пространство между Двиною и Днѣпромъ, чрезъ которое надлежало сухимъ путемъ везти товары.

(211) Во всѣхъ нашихъ старинныхъ Ариѳметикахъ сказано о вѣсахъ такъ: «берковецъ 10 пудъ, *че*- «*тверть вощаная* (или *кадь*) 12 пудъ, ансырь 2½ «гривенки и 8 золотниковъ (или 128 золотн.), а ны- «нѣшній ансырь фунтъ или 96 золотн., а въ лип- «рѣ 1½ гривенки, а золотн. 72,» и пр. Нашъ древній вѣсъ *Кадь* содержалъ въ себѣ 8 Ливонскихъ пялантовъ, какъ сказано въ заключенномъ между Нѣмцами и Новогородцами практатѣ, (выше, прим. 202): Statera, quae dicitur *Cap*, debet in gravitate continere VIII Livonica talenta. Здѣсь именно означаются куны *Смоленскія*: слѣдственно между сими, Новогородскими и другими кунами была розница.

(212) См. Liefländ. Chron. II, 25. Тамъ сказано, что онъ заключенъ въ 1128 г., на Латин. и Русск. языкѣ, и что Мстиславъ Смоленскій подписался за Князей Полоцкихъ и Россіянъ Витебскихъ.

(213) Если бы при Ярославѣ гривна серебра содержала въ себѣ, на примѣръ, не болѣе двухъ гривенъ кунами, то вѣроятно ли, чтобы Князь Смоленскій вдвое умешшлъ пеню за убійство цѣною серебра, опредѣляя взыскивать съ убійцы тѣ же сорокъ гривенъ кунами? Количество драгоцѣнныхъ металловъ безъ сомнѣнія увеличилось въ Россіи съ XI до XIII вѣка. — О Новогор. гривнѣ 1230 г. см. Т. I, пр. 475.

(214) Церковь Софіи, Кіевская и Новогородская, также Соборная въ Владимірѣ, построенная Андреемъ; безъ сомнѣнія и другія: ибо Лѣтописецъ сказываетъ за рѣдкость, что Суздальская была отдѣлана одними Русскими художниками.

(215) См. *Воскр. Лѣт.* II, 118. О Милонѣгѣ см. въ *Кіев. Лѣт.* подъ год. 1198. Сей же Милонѣгъ, думаю, въ 1185 г. построилъ Новогородскую церковь Св. Вознесенія (см. *Новог. Лѣт.* г. 6695).

(216) Кіевск. *Патерикъ*, 120, 125.

(217) Я видѣлъ нѣсколько такихъ расписанныхъ листовъ въ древнихъ Евангеліяхъ и другихъ церковныхъ книгахъ. Именую изъ нихъ двѣ: Псалтирь XII вѣка въ библіотекѣ Московск. Профессора, Г. Баузе, и весьма же древнее Евангеліе въ библіотекѣ Гр. А. И. Мусина-Пушкина. — Считаю за нужное упомянуть здѣсь о славныхъ, такъ называемыхъ *Капповыхъ доскахъ* (Tabulae Capponianae), о коихъ столь многіе Ученые писали и спорили (см. Ассеман. Kalend. Eccles. Univ. I, 1 и слѣд.). Священникъ Герасимъ Фока, уроженецъ Кефалонскій, будучи въ Москвѣ Духовникомъ (какъ увѣряютъ) Государя Петра Великаго, въ даръ отъ него получилъ живописное изображеніе всѣхъ Россійскихъ Святыхъ (въ маломъ видѣ) на пяти доскахъ, съ означеніемъ мѣсяцевъ и дней, когда торжествуется ихъ память. Герасимъ скоро умеръ отъ язвы въ Константинополѣ; а братъ и наслѣдникъ его за 500 червонныхъ уступилъ сіи картины Маркизу Александру Капponію, отдавшему ихъ, какъ безцѣнное произведеніе *древняго* Русскаго искусства, въ библіотеку Ва-

тиканскую. Необыкновенный блескъ, нѣжность или тонкость красокъ, и даже правильность рисунка удивили Италіянскихъ художниковъ. Самъ Каппоній написалъ о томъ цѣлую книгу въ 1731 г., и думалъ, что такія краски могли быть составлены единственно изъ соку неизвѣстныхъ травъ или какого нибудь химическаго смѣшенія. Игн. Кульчинскій, Авторъ книги Specimen Ecclesiae Ruthenicae, угадывалъ, что сіи картины писаны во время Владиміра Святаго. Ассемани считалъ оныя памятникомъ XIII вѣка: ибо на нихъ изображены нѣкоторые Святые, признанные Греческою Церковію послѣ Владиміра, но нѣтъ ни одного, жившаго въ XIV столѣтіи: заключеніе вѣроятное для однихъ иностранцевъ! И нынѣ пишутъ у насъ на доскахъ такія Святцы съ изображеніемъ единственно древнихъ Святыхъ Греческихъ. Гладкость и тонкость красокъ, столь удивительныя для Каппонія, происходятъ отъ того, что наши иконописцы, разводя оныя яичнымъ бѣлкомъ, послѣ обыкновенно лощатъ одежду и лица на образахъ зубомъ или другимъ подобнымъ веществомъ. Однимъ словомъ, Каппоніевы Святцы могли быть произведеніемъ XVII вѣка. Внизу на доскахъ (сдѣланныхъ, по мнѣнію Каппонія, изъ Ливанскаго кедра!) живописцы означили имена свои; на одной: *писалъ Андрей Ильинъ;* на другой: *писалъ Никита Ивановъ;* на третьей: *писалъ Сергій Васильевъ.* Ассемани хотѣлъ насъ даже увѣрить, что сіи живописцы были Аѳонскіе Монахи, и Греки!

(218) См. выше, стран. 153. Увидѣвъ шелковыя, золотомъ шитыя перчатки въ гробѣ Папы Иннокентія IV, погребеннаго въ 1254 г., Италіянцы хвалятся изобрѣтеніемъ въ Европѣ сего искусства, неизвѣстнаго во Франціи до XV вѣка. Впрочемъ еще въ Библіи упоминается о виссонѣ *швенномъ*, и пр.

(219) См. *Патерикъ* л. 125, 126, 127, 178.

(220) См. Т. II, стр. 24, примѣч. 142, 328, и выше, примѣч. 23, 137; см. также *Патерикъ* Кіевскій и *Степен. Кн.* I, 270, 272.

(221) Сочинитель именуетъ Князей *своего* времени, Ярослава Галицкаго и другихъ, живших въ концѣ XII вѣка. А. С. Шишковъ въ примѣчаніяхъ на *Слово о полку Игоревѣ* утверждаетъ, что сочинитель не отъ себя величаетъ сихъ Князей, но именемъ Святослава: гордый Владѣтель Кіевскій не могъ называть ихъ своими *Господами*, или *Государями*, какъ тамъ сказано (стр. 29, 30): «вступи-«ша, Господина, въ златый стремень... стрѣляй, «Господине, Кончака,» и проч.

(222) О семъ происшествіи 1185 года см. выше, стр. 61. — Всеволодъ, хваля свою Курскую дружину, говоритъ (*Слово о полку Игоревѣ*, стр. 8): «а мои Куряни свѣдоми *къмети:*» *кметями* назывались слуги и дружина: см. ниже, примѣч. 230. Въ пиитулѣ слово *полкъ* употреблено въ смыслѣ *битвы*.

(223) Сочинитель хочетъ сказать, что Россіяне, обогатившись золотомъ и Греческими тканями, бросили остальное, менѣе драгоцѣнное.

(224) «Се бо *Готскія* красныя дѣвы... звоня Ру-«скымъ златомъ,» и проч. Со временъ славнаго Германариха жили Готѳы (см. Т. I, примѣч. 86) въ Тавридѣ, гдѣ властвовали тогда Половцы.

(225) *Слово о полку Игоревѣ*, стр. 31. Здѣсь рѣчь о Романѣ Мстиславичѣ Волынскомъ или Владимірскомъ (который сдѣлался послѣ Галицкимъ) и двоюродномъ братѣ его, Мстиславѣ, сынѣ Ярослава Луцкаго. Авторъ говоритъ ниже: «Ингварь, «Всеволодъ» (братья Мстислава Ярославича) «и вси «три Мстиславича, не худа гнѣзда шестокрилци.» Сравнивая сихъ *трехъ* братьевъ съ пернатыми, онъ называетъ ихъ *шестокрылыми* для того, что у трехъ птицъ *шесть* крыльевъ; а Мстиславичами именуетъ по ихъ прадѣду, Мстиславу Великому.

(226) Въ томъ смыслѣ, кажется, что его одинъ умъ замѣнялъ *восемь* умовъ. «Отверзаешь путь къ «Кіеву:» т. е. кого хочешь, пускаешь въ Кіевъ.

(227) См. Т. II, стр. 70. О смерти Изяслава I, убитаго въ 1078 г. вмѣстѣ съ Борисомъ Вячесла-

вичемъ (Т. II, стр. 83), Сочинитель говоритъ (стр. 16): «съ тоя же Каялы Святоплкъ (или Ми-«хаилъ, сынъ Изяславовъ) по *съчи* я отца своего ме-«ждю Угорьскими иноходьцы ко Св. Софіи къ Кые-«ву.» Издатели не угадали истиннаго смысла сей рѣчи, гдѣ есть описка: «по *вели я*,» вмѣсто: «по «*съчи я*» то есть, *взялъ*. Сочинитель хочетъ сказать, что Святополкъ взялъ на мѣстѣ битвы и повезъ въ Кіевъ *тѣло* отца своего на Венгерскихъ иноходцахъ; но современный Несторъ пишетъ, что Изяславъ убитъ не далеко отъ Чернигова.

(228) О семъ счастливомъ походѣ Святослава см. выше, стр. 60.

(229) То есть, Хану, у коего Игорь былъ плѣнникомъ.

(230) Сія церковь была построена Мстиславомъ Великимъ (см. Т. II, примѣч. 225). Въ той же книгѣ, въ коей находится *Слово о полку Игоревѣ* (въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина) вписаны еще двѣ повѣсти: *Синагрипъ*, *Царь Адоровъ*, и *Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ*. Онѣ безъ сомнѣнія не Русское сочиненіе, но достойны замѣчанія по древности слога. Первая сказка начинается такъ:

«Въ то время азъ Акырь *книгчій* (*книжникъ*) бѣ, «и речено ми есть отъ Бога: *отъ тебе чядо не «родится*. Имѣніе же имѣя паче всѣхъ человѣкъ; «поихъ жену и устроихъ домъ, и жихъ 60 лѣтъ, «и не бысть ми чяда, и създахъ пребникы (жер-«венники) и възгнѣтихъ огнь, и рѣхъ: Господи Бо-«же мой! аще умру, и не будетъ ми наслѣдника, «и ркутъ человѣци: *Акыръ праведенъ бѣ, и Богу «истинно служаше; аще умреть и не обрящется «мужескъ пль* (полъ), *иже постоитъ на гробѣ его*, «*ни дѣвическъ пль*, *иже бы его оплакала*; *ни иже по «немъ задницу* (наслѣдство) *възметъ*... И нынѣ про-«шу у тебе, Господи Боже мой! даждь ми мужескъ «полъ: гда преспавлюся, да всыплетъ ми пръсть «(персть) на очи мои.» Сія самая повѣсть переведена

съ Арабскаго на Французскій языкъ и напечатана въ Продолженіи *Тысячи одной ночи*. Какимъ образомъ она сдѣлалась извѣстною въ древней Россіи? — Вторая повѣсть изображаетъ богатырспво трехъ сыновей одной набожной вдовы, и племянника ихъ, Девгенія. Дѣйспвіе происходитъ въ землѣ Греческой. Сочиненіе не богато спихотворными вымыслами: храбрецы бьютъ людей какъ мухъ и сѣкутъ головы тысячами. Однакожь сообщимъ нѣкоторыя описанія. «Ста Амера на сумежіи Грецкой земли и рече: «Боярство мое великое, сынове Аравитьспіи! имѣ«те ли дръзость на Гречкую землю, противу пъ «(той) силѣ плки поставиши? И единъ Аравитянинъ «велегласно рче... устны у него пяди; на конецъ «устенъ висяху многы жуковины, и по конецъ носа «12 замка замчена.» О Девгеніи сказано: «двѣнадца«ти лѣтъ мечемъ играетъ, а на 13 лѣто копіемъ, «а на 14 лѣто похупаетсл (покупается) всякый звѣрь «побѣдити.» Онъ ѣдетъ къ славной красавицѣ Спратиговнѣ, бренчитъ подъ окномъ ея на гусляхъ серебряныхъ съ золотыми струнами, и говоритъ: «Кажи ми отца своего и братію, каковы суть? И «начя дѣва ему глаголати: на отцѣ моемъ брони «злапы и шеломъ златъ съ каменіемъ драгымъ и «жемчюгомъ саженъ, а конь у него покрытъ пово«локою зеленою; а братіа моя суть въ сребреныхъ «бронехъ, только шеломы злапы, а кони у нихъ «чрьвленою паволокою покрыты.» Побѣдивъ отца и братьевъ, Девгепій говоритъ имъ: «азъ спаро«спи твоея дѣля, пожалую дамъ ти свободу, и сы«номь твоимь; толико (только) знаменіе свое хощу «възложити на васъ... И бѣ на Спратигѣ златъ «крестъ прадѣда его многоцѣнень, и у сыновь его «*жуковины* многоцѣнны съ драгымь каменіемь; то «взя у нихъ за знаменіа мѣспо.» Онъ женится на Спратиговнѣ, и тесть предлагаетъ ему дары: «По«да Спратигъ своему зятю 30 фаревь (коней), а по«крыпы драгыми паволоками, а сѣдла и узды зла«помъ кованы; пода ему конюхъ 20, пардусовъ и

«соколовъ 50 съ кръмилици своими, и дасть ему ко-
«жуховь 50, сухымь злапомь шипы, и паволокъ ве-
«ликыхъ 100; шаперъ великъ единъ шитъ весь зла-
«шомь: вмѣщахуся вонь многы писуща (тысящи)
«вой, и ужица бяху шапра шого шолъкова, а колца
«сребрена; и подасть ему икону злапу Св. Ѳеодоръ,
«и копіа 4 Аравитьская, и мечь дасть прадѣда сво-
«его. А теща подасть ему драгыхъ паволокъ зеле-
«ныхъ 30, кожуховь 20, сухымъ злапомъ шитыхъ
«съ драгымъ каменьемъ и съ жемьчюгомъ; пръвый
«шуринъ уноша подасть ему 50 поясовь злапокован-
«ныхъ, и ина шурья дапа ему многы дары, имъ же
«нѣсть числа.» — Замѣтимъ нѣкоторыя древтія сло-
ва въ сихъ двухъ повѣстяхъ: хорекъ называется
дѣхорь (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 63), рога-
тина *рогвица*, толще *вѣтпье*, куфшинъ *кнея*, слу-
ги *кмети* (у Славянъ Иллирическихъ cmetiti значитъ
быть въ подданствѣ). *Жуковина* или *жиковина* есть
перстень: сіе слово часто употребляется въ гра-
мотахъ XV и XVI вѣка, особенно въ Крымскихъ.

Въ той же книгѣ находится еще *Сказаніе о Ин-
діи богатой* или мнимое письмо *Священника Іоанна*
къ Мануилу, Греческому Императору. О семъ Царѣ
Священникѣ см. ниже, примѣч. 259. Іоаннъ сказы-
ваетъ Мануилу, что ему повинуется въ Индіи 72
Царя; что въ его земляхъ родятся *потамы* (полче-
ловѣка и полпса), *урши* или медвѣди, Фениксы, ры-
бы съ золотою кровью, звѣри о пяти ногахъ, и
Сапиры; что люди тамъ не лгутъ, ибо отъ вся-
кой лжи блѣднѣютъ какъ мертвецы; что улицы на-
мощены драгоцѣнными камнями, и проч.

(231) Такъ Епископы убѣждали Святополка II не
мучить Василька, а Долгорукаго освободить Бер-
ладника: такъ Митрополитъ удерживалъ Новогород-
цевъ отъ войны междоусобной; такъ Архіепископъ
Митрофанъ примирилъ народъ съ Княземъ (см. выше,
стр. 171), и проч.

(232) См. Т. II, стран. 68. Въ самыхъ монасты-
ряхъ бывали иногда пиры, осуждаемые Митрополи-

томъ Іоанномъ въ его *Церковномъ правилѣ* (см. Т. II, примѣч. 142).—О Всеволодѣ I говоритъ Несторъ (въ печат. спр. 133): «бѣ же вздержаясь отъ пьян- «ства.» — О дѣтяхъ побочныхъ см. *Русскую Правду* (сей *Ист.* Т. II) отдѣленіе XXXVII; см. также въ договорѣ Князя Смоленскаго съ Нѣмецкими городами спашью I.

(233) При Всеволодѣ I (Т. II, стр. 98), Ярополкѣ II, (Т. II, спран. 185), при Игорѣ II (Т. II, спран. 205), послѣ Андрея Боголюбскаго (выше, стр. 26), и проч.

(234) См. *Воскресен. Лѣт.* I, 69.

(235) См. Т. II, примѣч. 328, въ отвѣтахъ Нифонта на вопросы Кириковы.

(236) Не говоря о Святославѣ, который, будучи слабымъ отрокомъ, уже металъ копья въ Древлянъ, замѣтимъ, что Всеволодъ III, осаждая Пронскъ, имѣлъ съ собою двухъ сыновей, Георгія десятилѣтняго и Владиміра пятилѣтняго.

(237) См. въ Бержерон. собраніи, Томъ I, Voyage de Benjamin, стр. 65. Веніаминъ именуетъ городъ *Пинъ* или *Финъ*: думаютъ, что надобно читать *Хиве*, т. е. Кіевъ (смотри Шпренгеля Gesch. der Entdeck. 278).

Достойно замѣчанія, что Персидскій Стихотворецъ XII вѣка, Низами, въ своей Поэмѣ Александра Великаго, упоминаетъ о Россіянахъ какъ о союзникахъ сего Героя: озлобясь на нихъ за опустошеніе столицы Королевы Арменской, онъ плѣнилъ Россійскаго Царя именемъ Кайпала (см. въ Гаммер. Fundgruben des Orients, о твореніяхъ Низами, стр. 119). Это сказка; но свидѣтельствуетъ, что Россіяне въ XII вѣкѣ уже славились могуществомъ въ Персіи.

(238) Дегина Hist. génér. des Huns, Т. III, кн. XV, стр. 2 и слѣд.; также Абульгази-Баядуръ-Хана Hist. généal. des Tatars, Гобилев. Hist. des Mongous, Петиде-ла-Круа His. du grand Genghiskhan, и въ Эрбелот. Bibl. Orient. статьи Genghiskhan, Mohammed, и проч. Все, что говорю здѣсь о Моголахъ или Татарахъ, взято изъ сихъ источниковъ.

(239) Дегинъ пишетъ (H. des Huns кн. XV, спр. 20), что сей Тапарскій Ханъ, обращенный въ Христіанство Несторіанскими Миссіонаріями, былъ тотъ *Священникъ* и Царь Іоаннъ, который велъ переписку съ Папами и Государями Европейскими. Онъ славился въ Европѣ во время путешествѣнниковъ Карпина и Рубруквиса (см. Бержеронъ. Voyages etc. Т. I). Фишеръ думалъ, что *Священникомъ Іоанномъ* назывался Патріархъ Несторіанскій (Сибирск. Исторія, спр. 43 и слѣд.). Другіе искали сего романическаго Царя-Пресвитера въ Абиссиніи. Между бумагами, полученными мною изъ Кенигсбергскаго Архива, находятся два письма Великаго Магистра Нѣмецкаго, Конрада фонъ Юнгингена, отъ 20 Генв. 1407 г. къ Королямъ Арменіи и *Абассійскому или Священнику Іоанну* (Regi Abassiae sive, Presbitero Iohanni). Здѣсь Abassia означаетъ не Абиссинію, но Кавказскую Абазу или Авхазію. Вотъ новое открытіе для объясненія темной сказки о Священникѣ Іоаннѣ!

(240) Они прислали въ даръ Чингисхану птицу кречета, называемую по-Турецки *Шунгаръ* (см. Абульгази Hist. des Tatars, спр. 205). Сибирскіе Моголы или Мунгалы разсказываютъ, что Чингисханъ имѣлъ главное свое жилище при рѣкахъ Онопѣ и Курюлюмѣ, изъ коихъ первая впадаетъ въ Шилку, а другая въ озеро Далай (см. Миллер. *Истор. Сибирскую*, спр. 3); что вельможи, избравъ сего бывшаго Царевича въ Ханы, совѣтовались, какое дать ему новое имя; что въ то минуту какая-то птица закричала, *Чингисъ*! и Вельможи назвали его симъ именемъ.

(241) См. Дегин. H. des Huns, кн. XV, спр. 24, и нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 42.

(242) Тапары, Турки и Россіяне называютъ Имперію Хинскую Китаемъ отъ имени народа Тапарскаго, Китаевъ или Китановъ, владѣвшихъ ея сѣверною частію въ X вѣкѣ, но истребленныхъ во XII столѣтіи Тапарами Ніучами, покорившими сію же часть Китая. Ушедши въ Малую Бухарію, Китаны основали тамъ особенную Державу, названную Кара-

Китай или Черный Китай, для отличія отъ ихъ прежней восточной страны. Сіи Китаны, спасаясь бѣгствомъ отъ Ніучей, жили нѣсколько времени на берегахъ Ирпыша и Оби, какъ до-нынѣ разсказываютъ Сибирскіе Татары, прибавляя, что тамошніе дремучіе лѣса казались имъ *рогами* и привели ихъ въ ужасъ (см. Фишер. *Сибирск. Исторію*, стр. 9).

(243) Т. I, стр. 21.

(244) См. ихъ Исторію въ Дегин. Hist. des Huns, I, 241, и III, 174 — 251. Сельчуки разрушили владычество Турковъ-Газневидовъ, которыхъ Государь въ XI вѣкѣ первый именовался Султаномъ. Прежде Цари Магометанскіе назывались Малеками (Дегин. III, 162).

(245) На картахъ пишется сія земля Харазмъ, Kharasm; называется также Ховаразмомъ, у насъ же Хивою (см. Рычкова *Топографію Оренбургск.* стр. 19).

(246) См. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 257.

(247) См. Дегин. H. des Huns, кн. XV, стр. 51.

(248) См. Баеров. Opuscula, de muro Caucaseo, стр. 122 и слѣд. Когда Петръ Великій взялъ Дербентъ, то начальникъ сего города вручилъ ему любопытное Арабское сочиненіе о древностяхъ Дагестана. Между бумагами Миллера нашелъ я также рукопись подъ заглавіемъ: *Извѣстіе о городѣ Дербентѣ, переведенное съ Арабскаго языка въ Кизлярѣ 1758 году, стараніемъ Генералъ-Маіора и Кизлярскаго Оберъ-Коменданта фонъ Фрауендорфа.* Та и другая рукопись согласны въ главныхъ обстоятельствахъ; сообщаю извлеченіе изъ Миллеровой: «Кубатъ Шахъ «царствовалъ въ Персіи около временъ Магометовыхъ (еще въ VI вѣкѣ) и безпрестанно воевалъ съ «Царемъ Каганомъ Туркомъ (Козарскимъ). Каганъ «владѣлъ нагорною стороною рѣки Волги, имѣя «тамъ богатую столицу, близъ моря Каспійскаго, и «до 400,000 воиновъ. Наконецъ они помирились. Ка«ганъ выдалъ дочь свою за Кубатова сына Нушірвана «(или Хозроя I), и дозволилъ Персидскому Шаху

«построить на границѣ каменную стѣну, чтобы «ихъ подданные могли жить спокойно. Шахъ возобно- «вилъ древнюю Каспійскую стѣну Александра Вели- «каго (см. нашей Исторіи Т. I, стр. 40), сдѣлалъ «въ ней многія желѣзныя ворота и такъ укрѣпилъ, «что 100 воиновъ могли защищать оную противъ «100,000 непріятелей (Баеров. Opuscula, стр. 123). «Сынъ его, Нушировань, еще при жизни отца осно- «валъ Дербентъ съ другими городами и провелъ отъ «него стѣну до Аграхани, гдѣ жилъ Царь Изфенді- «яръ, данникъ Кагановъ, въ богатомъ мраморномъ «дворцѣ, наполненномъ драгоцѣнными металлами. — «Аравитяне, завладѣвъ Персіею, побѣдили Кагана, «и начальникъ ихъ (будто бы самъ Магометъ) совѣ- «товалъ Персіянамъ еще болѣе укрѣпить Дербентъ, «ключь ихъ Государства. Чрезъ нѣкоторое время сей «городъ отложился отъ Персіянъ и поддался Кага- «ну: Аравитяне при Калифѣ Велитѣ (или Валидѣ, «царствовавшемъ отъ 705 до 714 года) взяли его и «разорили до основанія, но снова построили, устра- «шенные набѣгами Каспійскихъ народовъ. Абу-Абентъ- «Джерра, Визирь Персидскій, завоевалъ весь Даге- «станъ, укрѣпилъ Дербентъ, построилъ тамъ семь «мечетей и семь желѣзныхъ воротъ. Преемникъ сего «Визиря освободилъ гражданъ Дербентскихъ отъ дани «и велѣлъ, чтобы *невѣрные*, пріѣзжая туда для ку- «печества, жили за городомъ въ особенномъ Караванъ- «Сараѣ, и чтобы пословъ чужеземныхъ вводили въ «крѣпость всегда съ завязанными глазами. Визирь «Мерванъ снова наложилъ дань на Дербентцевъ и на «всѣхъ окрестныхъ жителей. Кумыки давали ему 50 «работниковъ, 50 женщинъ и 20,000 горстей пше- «ницы; Кубичинцы 50 работниковъ, Хайданъ 500 «работниковъ и 20,000 горстей пшеницы, мѣстечко «Кура, Ахты, Мискинь по 20,000 горстей пшеницы «и по 400 *рублей* деньгами, а Ханъ Шамаханскій «12,000 башмановъ пшеницы. Хлѣбъ изъ всѣхъ мѣстъ «привозили въ Дербентъ, и клали въ большомъ ка- «менномъ анбарѣ. Сей городъ прославился въ самыхъ

«дальнѣйшихъ Государствахъ; но злодѣй, именемъ «Джіулъ, тайный другъ Кагановъ, овладѣлъ Дербен- «томъ, упѣснилъ народъ и довелъ до нищеты: жи- «тели разбѣжались въ Берды и въ Шамаху. Знаме- «нитый Калифъ, Гарунъ Алъ-Рашидъ (современникъ «Карла Великаго) самъ былъ въ Дербентѣ и старал- «ся снова привести его въ цвѣтущее состояніе. На- «конецъ окрестные народы перестали свозить дань «въ сей городъ, который упалъ совершенно; жите- «ли обѣдняли, не захотѣли уже заниматься воинскимъ «искусствомъ и начали торговать въ чужихъ зем- «ляхъ. — — Замѣтимъ, что Моисей Хоренскій (см. его Geograph. стр. 356) упоминаетъ о *стѣнѣ Дер- бентской* (murus Darbandius).

(249) См. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 310; также нашей *Исторіи*, Т. I, примѣч. 40. Лѣтописцы Русскіе говорятъ, что Татары побѣдили Ясовъ: Абулгази же именуетъ Аланъ.

(250) *Воскр. Лѣт.* II, 176, *Новог. Лѣт.* 99 и слѣд.

(251) См. *Волын.* и *Новогород. Лѣт.* — Чингисханъ былъ, какъ мы сказали, роду Могольскаго; но какъ большая часть его войска состояла изъ Ордъ Татарскихъ, имъ покоренныхъ, то имя Татаръ сдѣлалось общимъ. Между нынѣшними Моголами, или Мунгалами, и нашими Татарами есть великая разница въ языкѣ и въ самой наружности: первые сходствуютъ съ Калмыками, вторые съ Турками. Абулгази производитъ тѣхъ и другихъ въ седьмомъ колѣнѣ отъ сына Іафеѳова, Турка, сказывая, что Аланца-Ханъ имѣлъ двухъ сыновей, Татара и Могола (Hist. des Tatars, гл. II и III), и что пращуръ ихъ, Таунакъ, началъ первый употреблять соль (уронивъ нечаянно кусокъ мяса на соляную землю). Въ самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ народовъ Татарскихъ не именуетъ себя Татарами, но каждый называется особеннымъ именемъ земли своей, увѣряя, что всѣ они происходятъ отъ Турка; но какъ Абулгази пишетъ, что Татары составляли многолюднѣйшее

племя между Турецкими народами, то можно заключить, что прежде какая нибудь сильная Орда дѣйствительно такъ называлась (Фишер. *Сибир. Ист.*, стр. 86 и далѣе). Сіе мнѣніе утверждается еще и тѣмъ, что Якуты въ числѣ боговъ своихъ поклоняются идолу *Татару*. Персидскіе и Арабскіе Историки не знаютъ сего имени, обыкновенно называя Чингисхана Царемъ народа Могольскаго. Нѣкоторые Ученые думали, что оно есть Китайское: ибо Китайцы называютъ всѣ народы сосѣдственные Та-ша. По сказанію Карпина (его Voyage въ Бержерон. стр. 38), имя Татаръ произошло отъ рѣки Татара.

(252) Сей Мстиславъ Святославичь названъ здѣсь *Козельскимъ*. — Юный братъ Даніиловъ, Василько, оставался тогда въ Владимірѣ Волынскомъ. Въ *Воскресенск.* и *Волынск. Лът.* сказано, что Даніилу Романовичу было тогда около 18 лѣтъ; но Романъ убитъ въ 1205 г., а Даніилъ остался послѣ него четырехъ лѣтъ. О Всеволодѣ Мстиславичѣ см. выше, стр. 169.

(253) См. древн. лѣтописи, и *Волынск. Лът.*

(254) Въ *Воскр.* и другихъ лѣтописяхъ поставлено здѣсь 16 Іюня; но въ харат. *Новог.* 31 Маія; и въ *Троицкой* то же число. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено: «Въ Пятокъ·» такъ и было въ 1224 г., какъ означено въ *Новог.* и *Волын.*

(255) Въ наименованіи Князей, (коихъ родъ не означенъ въ лѣтописяхъ), слѣдую харат. *Новогородской.* Яновка и Шумскъ суть города Волынскіе, а Нѣсвижъ въ Минской Губ.—Изяславъ былъ сынъ Ипгваря Луцкаго (выше, прим. 129).— А въ *Никон. Лът.* прибавлено: «Убиша Александра Поповича и слугу его Торопа и Добрыню Рязанича, *Златаго пояса*» — и вмѣсто десяти тысячь убитыхъ Кіевлянъ поставлено 60,000.

(256) См. Т. II, примѣч. 269. Дубровина есть мѣстечко въ Могил. Губ. въ Орш. Округѣ. Вѣроятно, что Князь Дубровецкій былъ изъ роду Кривскихъ или Полоцкихъ. — На рѣкѣ Нижней Горыни есть

также мѣсто Дубровицы: оно у Поляковъ долго называлось Княжествомъ.

(257) Абулгази Hist. des Tatars, стр. 313, 314. — Въ лѣтописи: «Тапаромъ же не дошедшимъ до Но«вагорода *Святополъческаго*, Русь же не вѣдяху зло«бы и лести Татарскые, исхождаху пропиву имъ «со кресты; они же избиваху всѣхъ.» Здѣсь говорится о Святополчѣ, бывшемъ на Днѣпрѣ ниже Кіева близъ Вишичевъ (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 155).

(258) См. Абулгази Hist. des Tatars, стр. 314.

(259) См. *Новогород.* стр. 99.

(260) Сія комета была примѣчена и въ другихъ земляхъ Европейскихъ (Cométographie I, 400).

(261) См. *Нов.* и *Пушк. Лът.*

(262) См. *Пушкин.*

(263) См. *Пушкин.* въ описаніи 1227 года.

(264) См. Райнальд. Annales Ecceles. XIII, 371. Письмо начинается такъ: *Universis Regibus Russiae.* Gaudemus in Domino, quod sicut audivimus nuntii vestri ad venerabilem fratrem nostrum Mutinensem Episcopum A. S. L. a latere nostro transmissi, eum humiliter rogaverunt, ut partes vestras personaliter visitaret, quia cupientes sana doctrina salubriter instrui, parati estis omnes errores penitus abnegare. Можетъ быть, чиновники Псковскіе дѣйствительно изъявляли готовность къ соединенію Вѣръ Греческой и Латинской, чтобы Римскій посолъ и Ливонскіе Рыцари тѣмъ усерднѣе защищали ихъ. Въ Ливон. Хроникѣ (I, 205) сказано, что послы Новогородскіе и другіе въ 1224 г. пріѣзжали къ Епископу Моденскому въ Ригу, но единственно для того, чтобы онъ именемъ Папы утвердилъ заключенный ими миръ съ Орденомъ.

(265) Въ Смоленскѣ княжилъ тогда Мстиславъ Давидовичь.

(266) См. *Пушкин.*

(267) Въ древнемъ Богемскомъ нарѣчіи слово *удатный* означало и *храбраго.* — Далѣе см. *Волынск. Лът.* Въ Длугош. Hist. Polon. кн. IV, стр. 604: Mscislaus, ob praestantiam *Chrobri* appellatus.

(268) См. *Пушкин.*

(269) См. *Пушкин.* Солнечное запмѣніе 14 Маія означено въ астрономическихъ таблицахъ.

(270) О *постригахъ* см. выше, стр. 133; о Твердиславѣ стр. 168. Посадникъ Водовикъ былъ въ 1229 г. избранъ на мѣсто Іоанна.

(271) См. *Пушкин.*

(272) Водовикъ умеръ въ 1231 г. Ярославъ пріѣхалъ въ Новгородъ Дек. 30, а черезъ двѣ недѣли опять уѣхалъ.

(273) «Купляхомъ» — въ харатейной *Новгородской* — «по гривнѣ хлѣбъ;» но во всѣхъ другихъ спискахъ: *полугривнь хлѣбецъ* — «и поболши; а ржи «четвертую часть кади по *гривнь серебра*» — а во всѣхъ другихъ спискахъ: *по семи гривенъ*, то есть, кунами: слѣдственно семь гривенъ Новогородскими кунами составляли тогда гривну серебра, или нынѣшними деньгами 10 рублей серебряныхъ, если оцѣнимъ фунтъ серебра въ 20 рублей. См. *Троицк.*, *Арх.* и *Воскр.*

(274) Вѣроятно, что хлѣбъ привезли Гопландцы изъ Визби; а можетъ быть и дѣйствительные Нѣмцы изъ Любека и другихъ городовъ. Татищевъ пишетъ, что Болгары возили тогда хлѣбъ по Окѣ и Волгѣ во всѣ города Россійскіе, и прислали Вел. Князю Георгію 30 судовъ съ житомъ: за что Георгій отдарилъ ихъ золотомъ, серебромъ и костями рыбьими.

(275) См. *Пушкин.* и *Новогород.*

(276) Ярославъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на дочери Мстислава Мстиславича Галицкаго; но, можетъ быть, онъ женился послѣ въ третій разъ.

(277) Сей Владиміръ Мстиславичь умеръ, кажется, во Псковѣ; а сынъ его, Ярославъ, долженъ былъ оттуда выѣхать.

(278) *Новогород. Лът.* стр. 137. Гробница сей Княгини *Евпраксіи* и нынѣ стоитъ въ Псковскомъ монастырѣ Св. Іоанна, гдѣ показываютъ древній мѣдный подсвѣчникъ, на коемъ вырѣзано описаніе упомя-

нупаго чуда; то же сказано и въ надгробной надписи. — Сочинитель *Степен. Кн.* ошибся, назвавъ Ярослава Владиміровича Псковскаго внукомъ Рюрика Кіевскаго (Т. I, стр. 353). Объ немъ еще упоминается въ описаніи дѣйствій 1245 года. Къ нему, думаю, писано письмо Григорія IX, Папы Римскаго, напечатанное въ Райнальд. Annal. Eccl. подъ годомъ 1231. Узнавъ отъ Епископа Прусскаго, что онъ желаетъ присоединиться къ Латинской церкви, Григорій старался утвердить его въ семъ намѣреніи. Ярославъ Владиміровичь, по сказанію Ливонской Хроники, въ 1245 году отказалъ Дерптской церкви половину своего законнаго наслѣдства, то есть, Псковской земли (см. Арнт. Liefländ. Chr. II, 47).

(279) См. *Новогород. Лът.* стр. 122.

(280) По сказанію Альберта Стадскаго сіе сраженіе было въ 1236 г. (Арндт. Liefl. Chr. II, 37), а по нашимъ лѣтописямъ въ 1237 или 1238. См. *Новогород. Лът.* стр. 127. Въ Псков. Архив. лѣтописи, л. 159: «Избиша Литва (въ 1237) на *Камнѣ* Пско-«вичь засадою Сент. 25;» а въ Псковской Синодальн. No 349, л. 169, поставлены годъ 1238 и 25 Октября. — Не говорю о невѣрномъ лѣтосчисленіи Руссова и Кельха. — Мѣсто *Камень* было въ области Псковской за рѣкою Великою (см. *Псков. Лът.*).

(281) См. *Воскр. Лът.* II, 191. Въ сіе время уже всѣ главные Удѣльные Князья — то есть, Кіевскіе, Черниговскіе, Смоленскіе — назывались *Великими* (см. *Новогород. Лът.* стр. 45 и 122).

(282) Въ *Волын. Лът.* (по *Ипатьев.* списку въ 1229 г., а по Длугош. въ 1227): «Времени минувшу, «ѣха Василько *Суждьлю* на свадбу *шурина* своего ко «Вел. Князю Юрью» (въ 1230 г. женился старшій сынъ Вел. Князя, Всеволодъ).

(283) *Новогород. Лът.* стр. 115. Хотя въ *Ростов.*, *Воскр.* и *Никон. Лът.* Изяславъ, союзникъ Михайловъ, названъ *Мстиславичемъ*, (*внукомъ Романа* Ростиславича Смоленскаго); но онъ, по всѣмъ обстоятельствамъ, долженъ быть сынъ того Владиміра

Игоревича, котораго съ братьями господствовалъ въ Галичѣ и спасся бѣгствомъ отъ ихъ жалкой участи вмѣстѣ съ сыномъ *Изяславомъ*. О немъ упоминается нѣсколько разъ въ *Волынск. Лът.* — Въ *Пушкин.*, *Троицк.* и *Новогород. Лът.* сей Михаиловъ сподвижникъ, княжившій послѣ въ Каменцѣ, именуется просто *Изяславъ* безъ отчества. — Въ Родосл. Книгахъ сказано, что Владиміръ Рюриковичь умеръ въ Смоленскѣ; а *Псков. Лът.* упоминаетъ о кончинѣ его подъ 1239 годомъ.

(284) См. Туроц. Chron. Hung. гл. 74. — Длугошъ пишетъ (Hist. Pol. кн. VI, стр. 633), что по смерти Венгерскаго Королевича, Коломана, Даніилъ овладѣлъ Галичемъ, а Изяславъ, союзникъ Половцевъ, скоро завоевавъ сію область, уступилъ оную Михаилу.

(285) См. *Пушкин. Лът.*

(286) См. *Троицк. Лът.*

(287) См. *Пушкин. Лът.*

(288) Дегин. Hist. des Huns, кн. XV, стр. 72, и Карпин. Voyage, стр. 44. Карпинъ пишетъ, что Чингисханъ убитъ громомъ; а Сибирскіе Мунгалы разсказываютъ, что онъ, силою отнявъ у Тангутскаго Хана молодую жену, былъ ночью зарѣзанъ ею, и что она, боясь казни, утопилась въ рѣкѣ, названной по тому Хапунъ-Голь, или *женскою* (см. Миллер. *Сибирск. Ист.* стр. 6).

(289) Абульгази Hist. des Tatars, стр. 367. Близъ дворца Угадаева находился прекрасный колодезь: вода лилася изъ челюстей серебрянаго шигра. Знатнѣйшіе чиновники жили въ особенныхъ домахъ, и сіе мѣстечко, называемое Каракарумъ, было окружено большимъ звѣринцемъ. Сіе описаніе Каракарума въ Voyage de Rubruquis, стр. 106.

(290) См. *Пушкин. Лът.*

(291) См. *Новог. Лът.* 127. — Въ другихъ нов. лѣтописяхъ (*Рус. Времен.*, I, 93) названы здѣсь Давидъ Ингоревичь Муромскій, Глѣбъ Ингоревичь Коломенскій, Всеволодъ Пронскій; но Давидъ Муромскій (и не Ингоревичь, а Юрьевичь) умеръ еще въ

1228 г., какъ означено въ *Пушкин.*; наслѣдникомъ же его былъ сынъ Юрій. Кн. Всеволодъ Глѣбовичь Пронскій умеръ за долго до нашествія Тапаръ. Въ Родосл. Книгахъ сполъ же несправедливо означено, что сынъ его, Киръ Михаилъ, княжилъ при Батыѣ въ Пронскѣ: сей Михаилъ убитъ еще въ 1218 г. (выше, стр. 166).

(292) См. *Русск. Временникъ*, I, 93 и слѣд. Тутъ и Кн. Юрій Рязанскій наименованъ въ числѣ убитыхъ; но другіе лѣтописцы говорятъ, что онъ погибъ въ городѣ Рязани. Олегъ Ингворовичь, бывъ долго плѣнникомъ, умеръ въ 1258 г. (см. ниже). Лѣтописи современныя суть Новогородская, Волынская, Суздальская, или Пушкинская.

(293) См. *Русск. Временникъ* и *Волын. Лът.*

(294) Въ *Русск. Временникѣ:* «и не бѣ стонющаго, ни плачущагося.... но вси вкупѣ мертви лежаще.» *Никонов. Лът.* прибавляетъ о жестокости Тапаръ слѣдующее: «груди возрѣзываху и желчь выимаху, и съ иныхъ кожи одираху, а инымъ иглы и щепы за ногти біяху,» и проч.

(295) См. *Русск. Времен.* 101–103. Вообще повѣсть сія основана, кажется, на одномъ преданіи: хотя не досповѣрна, однакожь доспойна замѣчанія. Я имѣю подлинникъ *Русскаго Временника* или Костромской лѣтописи: онъ писанъ (кромѣ новѣйшихъ прибавленій) въ XVII вѣкѣ, и принадлежитъ Графу А. И. Мусину-Пушкину.

Въ Зарайскѣ при Соборной церкви Св. Николая, поспроенной во время Царя Ѳеодора Алексѣевича въ 1681 г., есть другая церковь Іоанна Предтечи, основанная, какъ сказываютъ, на гробахъ Князя Ѳеодора, Княгини Евпраксіи и сына ихъ Іоанна. Въ семъ Соборѣ стоитъ образъ Николая Чудотворца, окованный золотомъ и серебромъ въ царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго, въ 1608 году, и привезенный изъ древняго Херсона. Въ упомянутой Костромской лѣтописи или *Временникѣ* (I, 77) находятся слѣдующія обстоятельства: «Въ 1224 г. Св. Николай явил-

ся во снѣ Херсонскому Іерею Евспафію и сказалъ ему: возьми мой Чудопворный образъ, жену свою Ѳеодосію, сына пвоего, Евспафія, и гряди въ землю Рязанскую. Іерей не зналъ, гдѣ сія земля. Св. Николай вторично ему явился, толкалъ его въ ребра и велѣлъ ему ипти на Востокъ (развѣ на Сѣверъ). Евспафій еще медлилъ, и въ наказаніе ослѣпъ; но снова прозрѣлъ, когда рѣшился исполнить волю Угодника. Св. Николай не велѣлъ ему ипти чрезъ землю Половецкую, а сѣсть на ладію въ устьѣ Днѣпра, плыть до Варяжскаго моря, въ область Нѣмецкую, или Ригу; оттуда же ѣхать сухимъ путемъ въ Новгородъ и Рязань. Евспафій такъ и сдѣлалъ. Жена его хотѣла остаться въ Новѣгородѣ, и за то едва не умерла отъ жестокой болѣзни. Увѣдомленный во сновидѣніи о шествіи образа, Кн. Рязанскій Ѳеодоръ выѣхалъ къ нему на встрѣчу и съ изумленіемъ увидѣлъ его лучезарное сіяніе. Отецъ Ѳеодоровъ, Георгій, или Юрій, взявъ съ собою Рязанскаго Епископа, *Ефросина Святогорца*, пріѣхалъ также поклониться святой иконѣ, для коей они заложили особенную церковь. Св. Николай чудеснымъ образомъ предвѣстилъ тогда Ѳеодору славную его кончину,» и проч. Упомянемъ еще о другой достопамятности Рязанской. Въ 56 верстахъ отъ нынѣшней Рязани есть древній такъ называемый Богословскій монастырь. Въ немъ хранилась какая-то золотая печать Батыева, которую Архіепископъ Михаилъ около 1653 г. взялъ въ Соборную церковь, боясь, чтобы Мордовскіе разбойники не похитили сей драгоцѣнности, чрезъ нѣсколько лѣтъ употребленной на позолоту водосвятной чаши и другихъ церковныхъ утварей. Разсказываютъ, что образъ Іоанна Богослова въ семъ монастырѣ писанъ Русаремъ, наученнымъ живописи отъ самого Апостола, и присланъ Іерусалимскимъ или Цареградскимъ Патріархомъ въ даръ Князю Рязанскому.

(296) Абульгази Hist. des Tatars, 479) разсказываетъ басню, что Россіяне вмѣстѣ съ друзьями своими, Нѣмцами, окопались близъ Москвы, и 3 мѣсяца про-

тивились Татарамъ; что Шейбани, братъ Батыевъ, подкрѣпленный шестью тысячами новыхъ воиновъ, напалъ на окопы съ одной стороны, а Батый съ другой, и что Россіяне наконецъ бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 70,000 человѣкъ.

(297) См. *Пушкин. Лът.*

(298) «Взяша (Татары) Суждаль и Св. Богородицю «разграбиша, и дворъ Княжь огнемъ пожгоша, и мо- «настырь Св. Дмитрія пожгоша, а прочіи разграби- «ша, а Черници и Черници старыя и Попы, слѣпыя «и хромыя, и глухыя, и прудоватыя, и люди всѣ «изсѣкоша; а что Чернецъ уныхъ, и Черниць, и «Поповъ, и Попадій, и Дьяконы, и жены ихъ, и дчери, «и сыны ихъ, то все ведоша въ станы.» Въ *Русскомъ Временникѣ*: «церкви и монастыри пожгоша; «точію сохрани Господь Дѣвичь монастырь Положе- «нія Ризы Богоматери, въ немъ же иноческое боре- «ніе прохожаше страдально блаженная Ѳеодулія со «своими съ постницами, дщи Вел. Кн. Михаила Чер- «ниговскаго и Мученика, нареченная въ иноческомъ «чину Евфросинія.» Вѣримъ, что дочь Михаилова и супруга Василька Ростовскаго, по смерти его, скончала дни свои Инокинею въ семъ монастырѣ; но тогда Василько былъ еще живъ.—Далѣе въ *Новог. Лът.*: «и спригошася вси (Владимір. Вельможи) въ образъ, «также въ Скиму отъ *Владыки Митрофана*, Князь «(Всеволодъ) и Княгыни, дчи и сноха (Георгіевы) и «добріи мужи.» Въ *Церк. Ист. Россійской* несправедливо сказано, что одни Новогородскіе Епископы назывались тогда *Владыками*. – Въ *Волын. Лът.*: «Уви- «дѣвъ Кн. Всеволодъ, яко крѣпчае брань належитъ, «убояся — бѣ бо младъ — и изыде изъ града съ ма- «ломъ дружины, несый дары многы, надѣяше бо ся «отъ него животъ пріяти. Онъ же (Батый) яко «звѣрь свирѣпый повелѣ предъ собою зарѣзати и.» — Въ *Пушкин.*: «Въ Субботу Мясопустную почаша «наряжати лѣсы, и порокы ставиша до вечера, а «на ночь огородиша тыномъ около всего города. Въ «*Недѣлю* мясопустную по заутрени приступиша къ

«городу *Февраля* въ *седьмый*, *на память Θеодора* «*Стратилата*, и бысть плачь великъ въ градѣ.» Мясопустъ былъ Февр. 7 въ 1238 г.; а выше сказано, что Татары обступили Владиміръ Февр. 5, во *Вторникъ*: развѣ Февр. 2? — Супруга Георгіева, Агаѳія, погребена въ Успен. Соборѣ Владимірскомъ. Въ старыхъ рукописныхъ Святцахъ названы снохи ея Маріею и Христиною (см. Главу *о Святыхъ града Владиміра*). Далѣе: «Всѣ иконы одраша; а иныя изсѣкоша, а иныя поимаша, и кресты и ссуды (сосуды), и книгы одраша, и порты блаженныхъ первыхъ Князій, еже бяху повѣшали въ церквахъ на память собѣ . . . И ту убьенъ бысть Пахомій, Архим. монастыря Рождества С. Богородицы, и Данило, Игуменъ Успенскый, Ѳеодосій Спаскый и прочіи.... Всеволода съ братомъ *внѣ града* убиша» и проч.

(299) См. *Новогород. Лѣт.*

(300) См. *Пушкин.* —О супругѣ Василька см. выше, примѣч. 298. *Никон. Лет.* называетъ ее Маріею.

(301) Въ *Новогород. Лѣт.* — Далѣе: «гоняшася отъ Торжку оли до Игнача креста, за 100 верстъ до Новагорода.» Надобно вспомнить, что старыя версты были вдвое болѣе нынѣшнихъ.

(302) Въ Родосл. Книгахъ сказано, что у Михаила Черниговскаго былъ сынъ Мстиславъ Карачевскій, у Мстислава сынъ Типъ, у Типа Иванъ, у Ивана *Василій*, убитый Батыемъ въ Козельскѣ: возможно ли, чтобы Михаилъ въ сіе время имѣлъ уже праправнука, когда большой сынъ его, Ростиславъ, въ 1229 или 1230 г. былъ еще младенцемъ или отрокомъ? Подобныхъ нелѣпостей довольно въ нашихъ Родосл. Книгахъ. Татищевъ сказываетъ, что Кн. *Василій* прозывался *Козля*.

(303) А не изъ Новагорода (*Воскресен.*).

Предлагаемъ маловажныя извѣстія Лѣтописцевъ сего времени. — Въ 1227 г., Март. 14, Митроп. Кириллъ, находясь тогда въ Владимірѣ съ 4 Епископами, поставилъ Митрофана Игумена Богородицкаго въ санъ Святительскій, при В. Князѣ и дѣтяхъ его, братьи-

ахъ Святославѣ, Іоаннѣ, Боярахъ и народномъ множествѣ; въ числѣ зрителей былъ и самъ Лѣтописецъ Суздальскій. Маія 1 (въ другихъ спискахъ: Маія 11 и 13) сгорѣлъ городъ Владиміръ, 27 церкъей и дворецъ Конспантиновъ съ бывшею въ немъ церковію Св Михаила. Въ 1228, Генв. 6, преставился Схимникомъ Кн. Владиміръ-Димитрій Всеволодовичь и положенъ въ Соборной церкви Владимірской Богомапери. На Св. недѣлѣ умеръ сынъ Давида Муромскаго и самъ Давидъ, принявъ Схиму (не сынъ ли сего Давида признанъ Святымъ подъ именемъ Петра, коего память бываетъ 15 Іюня? см. *Прологъ*. Мощи сего Князя и супруги его Февроніи лежатъ въ Муромскомъ Соборѣ). Кн. Святославъ Всеволодовичь отпустилъ отъ себя жену съ великимъ награжденіемъ, ибо она захотѣла быть Монахинею; сія дочь Муромскаго Князя уѣхала въ Муромъ до Борисова дня и тамъ постриглась. Племянникъ В. К. Георгія, Всеволодъ Констаптиновичь, женился въ Переяславлѣ на дочери Олега Святославича Курскаго. Сентп. 21 родилась у В. Кн. Георгія дочь Ѳеодора. — Въ 1229, Генв. 5, сгорѣлъ въ Владиміръ Княжескій дворецъ и 2 церкви. Еписк. Ростов. Кириллъ оставилъ Епископію. — Въ 1230 г. «Василько, Всеволодъ и Во-
«лодимеръ (Констаптиновичи) послаша къ отцю свое-
«му Гюргю и къ Епископу Митрофану по Кирила
«*Игумена* и *Архимандрита* монастыря Св. Богоро-
«дицы Рождества, дабы и пустилъ на Епископство
«Ростову, и отпусти. Изыдоша на срѣтенье Кири-
«лово Князи и Княгини, и Боляре, и вси мужи, и
«введоша и въ Св. Зборную церковь.» В. К. Георгій женилъ сына своего спарѣйшаго, Всеволода, на дочери Владиміра Рюриковича Кіевскаго. Въ *Новогород. Лът.*: «той же зимѣ введоша съ Хупина отъ Св.
«Спаса Арсенія Игумена, мужа кротка, Князь Яро-
«славъ, Владыко Спиридонъ и вьсь Новгородъ, и даша
«ему Игуменство у Св. Георгія, а Саву лишиша,
«посадиша въ келіи, и разболѣся, лежавъ 6 недѣль,
«и преставися Марта 15, въ Суббопу предъ обѣд-

«нею . . . . А дай Богъ молитва его святая всѣмъ «Крестьяномъ и мнѣ грѣшному *Тимовею Пономарю*» (а въ другомъ спискѣ, напечатанномъ въ *Продолженіи древ. Вивліоѳики*: «Іоанну Попови»). — Въ 1231 г. Февр. 2, по лѣтописи Кирилловской (Син. библ. No 351), перенесены мощи Св. Леонтія Ростовскаго изъ церкви Іоанна въ Собор. Св. Богоматери. Князь Василько послалъ избраннаго имъ Епископа Кирилла въ Кіевъ. Митрополитъ и Епископы окрестные, Порфирій Черниговскій, Олекса (Алексій) Полоцкій, Бѣлогородскій и Юрьевскій, съ Архимандр. Печерскимъ Акиндиномъ и съ Игуменами Михаиломъ Выдубецкимъ, Пепромъ Спасскимъ, Симеономъ Андреевскимъ, Корниліемъ Ѳеодоровскимъ, Афанасіемъ Васильевскимъ, Симеономъ Воскресенскимъ, Климентомъ Кириловскимъ, Іоанномъ Мученическимъ изъ Чернигова, посвятили Кирилла Апрѣля 6, при Князѣ Владимірѣ Рюриковичѣ и тогдашнемъ Воеводѣ Кіевскомъ Іоаннѣ Славновичѣ. «Бяхуть же иніи Князи Русціи на сон«мѣ въ Кыевѣ: Михаилъ Черниговскый, сынъ его «Ростиславъ, Мстиславичь Мстиславъ, *Ярославъ*, «*Изяславъ*,» (см. выше, примѣч. 283.) «Ростиславъ «Борисовичь» (племянникъ Владиміра Рюриковича) «и «иніи мнози Князи.... И бысть Намѣстникъ прежъ «бывшихъ въ Ростовѣ Леонтья Святаго, священнаго «Епископа Исаіи и Нестера и всѣхъ, яже почиша. Не «оспа ихъ ничѣмъ, вслѣдуя нравомъ ихъ и ученью; «не токмо бо словомъ уча, но и дѣломъ кажа....вся при«ходящая изъ окрестныхъ градъ въ Св. Зборную цер«ковь, ово послушающе ученья его, ово же хотяще «видѣти украшенья церкви Владычицы нашей Бого«родицы; бысть бо украшенье ея чюдно, акоже не «бысть у прежбывшихъ Епископъ... Ученью же и «пщанью дивлься (самъ Лѣтописецъ) сего Кирила, съ «страхомъ и покореньемъ, послушая въ узцѣ мѣстѣ «нѣкоемъ»..... Іюл. 24 род. у Кн. Василька сынъ Борисъ. — Въ 1232 г. женился Кн. Владиміръ Константиновичь (а Татищевъ прибавляетъ: «взялъ дочь «Игоря Рязанскаго, Надежду»). Въ 1233 скончался

Митроп. Кириллъ. — Въ 1236 г. род. у Василька сынъ Глѣбъ. Въ ту зиму В. К. Георгій женилъ сыновей своихъ Владиміра и Мстислава. Въ 1257 г. прибылъ лѣтомъ изъ Никеи въ Кіевъ Митроп. Іосифъ, родомъ Грекъ.

Конецъ Примѣчаній III Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ

III ТОМА.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Стран.

Области Андрея. Набѣги Половцевъ. Возвращеніе Мстислава въ Кіевъ. Кончина сего Князя. Война Андреева съ Новымгородомъ. Миръ. Набѣгъ Половцевъ. Кончина Глѣба. Смерть вѣроломнаго Владиміра. Кіевъ отданъ Смоленскому Князю. Сайгатъ или трофеи Половецкіе. Сынъ Андреевъ въ Новѣгородѣ. Война съ Болгарами. Ссора Андрея съ Ростиславичами. Происшествія въ Галичѣ. Свойство Мстислава Храбраго. Осада Вышегорода. Коварство Черниговскаго Князя. Убіеніе Андрея. Мятежъ въ землѣ Суздальской. Ненависть къ Андрею. Свойства его. Первая ересь. Злодѣй Епископъ. Населеніе Вятки . . . . . 1.

Г. 1169 — 1174.

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ II.

Вѣче въ Владимірѣ. Добродушіе Михаила. Гордость Ростовцевъ. Корыстолюбіе Бояръ. Торжество Михаила. Кончина и свойства сего Князя. Междоусобіе въ южной Россіи . . . 32.

Г. 1174 — 1176.

Стран.

ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ III ГЕОРГІЕВИЧЬ.

Вѣроломство Ростовцевъ. Война съ Княземъ Рязянскимъ. Ослѣпленіе двухъ Князей. Славолюбіе Мстислава и кончина его. Раздоръ Вел. Князя съ Черниговскимъ. Вѣроломство Святослава. Упреки Всеволоду. Великодушіе Мономахова потомства. Осада Торжка. Политика Новогородцевъ. Браки. Война съ Болгарами. Народъ Литовскій. Война съ Половцами. Огнеспрѣльное оружіе. Бѣдствіе Игоря. Мужество Владиміра. Герой Всеволодъ. Торки и Берендѣи. Междоусобіе въ Рязани. Добродѣтели Ярослава Галицкаго. Слабости и бѣдствіе Кн. Владиміра. Властолюбіе Романа. Вѣроломство Короля Венгерскаго. Благородство сына Берладникова. Князь Владиміръ въ Германіи. Изгнаніе Венгровъ изъ Галича. Браки. Временная независимость Кіева. Добродѣтели Владиміра Глѣбовича. Безпокойства въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ. Ссора съ Варягами. Воинскіе подвиги. Бѣдствія Чуди. Нѣмцы въ Ливоніи. Серебро Сибирское. Кончина и характеръ Святослава. Княжна Евфимія за Греческимъ Царевичемъ. Пиры въ Кіевѣ. Миролюбіе Духовенства. Гнѣвъ Романа. Битва въ Польшѣ. Мятежный духъ Ольговичей. Неблагодарность Романова. Политика Всеволодова. Строгость и веледушіе Давида. Война съ Половцами. Всеволодъ подчиняетъ себѣ Новгородъ. Слава и тиранство Романа. Опустошеніе Кіева. Постриженіе Рюрика. Посольство Папы къ Роману. Отвѣтъ Романа. Характеръ сего Князя. Рюрикъ снова на престолѣ. Происшествія въ Галичѣ. Кон-

Стран.

станпинъ въ Новѣгородѣ. Сѣверскіе Князья господспвуютъ въ Галичѣ. Бѣгспво Романова семейспва. Коварспво Всеволода Чермнаго. Бѣдспвіе Рязанскихъ Князей. Хипроспь Всеволода. Жеспокоспь Вел. Князя. Смѣлоспь Мспислава. Миръ съ Ольговичами. Мяпежи въ Галичѣ. Неповиновеніе Констапшина. Кончина и характеръ Всеволода Великаго. Мудроспь Великой Княгини. Постриги. Князь Россійскій въ Грузіи. Разныя бѣдспвія. Взяпіе Царяграда. Нѣмцы въ Ливоніи. Основаніе Риги. Орденъ Меченосцевъ. Духовная власпь въ Новѣгородѣ. . . . . 41.

Г. 1176 — 1212.

ГЛАВА IV.

ГЕОРГІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ, КОНСТАНТИНЪ РОСТОВСКІЙ.

Междоусобіе. Изгнаніе Мономахова Дому изъ южной Россіи. Благоразуміе Россіянъ въ дѣлахъ Вѣры. Подвиги Мспислава. Спрогоспь Ярославова. Голодъ въ Новѣгородѣ. Славная бипва Липецкая. Великодушіе Мспислава. Епископъ Симонъ . . . . . 142.

Г. 1212 — 1216.

ГЛАВА V.

КОНСТАНТИНЪ, В. К. ВЛАДИМІРСКІЙ и СУЗДАЛЬСКІЙ.

Добросердечіе Констапшина. Дѣла Ливонскія. Важное предпріяпіе Мспислава. Пылкоспь

Стран.
юнаго Даніила. Тиранство Венгровъ въ Галичѣ. Убійства въ Рязани. Смерть Константина . 159.

Г. 1216 — 1219.

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ II ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

Безпокойства въ Новѣгородѣ. Великодушіе Посадника. Дѣла церковныя. Войны. Устюгъ. Новгородъ Нижній. Освобожденіе Галича. Неблагоразуміе Мстислава. Происшествія въ Ливоніи. Мужественный Вячко. Набѣгъ Литвы. Слухъ о Тапарахъ . . . . . 168.

Г. 1219 — 1224.

ГЛАВА VII.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ съ XI до XIII ВѢКА.

Права Великихъ Князей. Удѣлы. Княжескіе съѣзды. Право наслѣдственное. Враги внѣшніе. Правленіе. Обряды и чины двора. Войско. Торговля. Ганза. Договоръ съ Нѣмцами. Деньги. Художества. Науки. Поэзія. Нравы. Древнѣйшее путешествіе въ Россію . . . . . 192.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

Происхожденіе Тапаръ. Чингисханъ. Его завоеванія. Половцы бѣгутъ въ Россію. Мнѣнія о

Стран.

Тапарахъ. Совѣтъ Князей. Пзбіеніе пословъ Тапарскихъ. Битва на Калкѣ. Правило Татаръ. Побѣдители скрываются. Удивленіе Россіянъ. Ужасныя предзнаменованія. Новыя междоусобія. Набѣги Липовскіе. Походъ въ Финляндію. Христіанство въ землѣ Корельской. Новогородцы жгутъ волшебниковъ. Нелюбовь къ Ярославу. Сношенія съ Папою. Бѣдствія Новогородцевъ. Происшествія въ Южной Россіи. Льготныя грамоты Вел. Ярослава. Землетрясеніе. Затмѣніе солнца. Мятежъ въ Новѣгородѣ. Голодъ и моръ. Услуга Нѣмцевъ. Криводушіе Михаила. Святая Евпраксія. Война съ Нѣмцами и съ Литвою. Бѣдствіе Смоленска. Подвиги Даніиловы. Война съ Мордвою. Миръ съ Болгарами. Мученикъ Авраамій. Смерть Чингисхана. Его завѣщаніе. Новое нашествіе Тапаръ или Моголовъ. Отвѣтъ Князей. Заразъ. Взятіе Рязани. Мужество Евпатія. Коломенская битва. Сожженіе Москвы. Взятіе Владиміра. Опустошеніе многихъ городовъ. Битва на Сити. Герой Василько. Спасеніе Новагорода. Осада Козельска. Отшествіе Батыево . . . . . 223.

Г. 1224 — 1238.